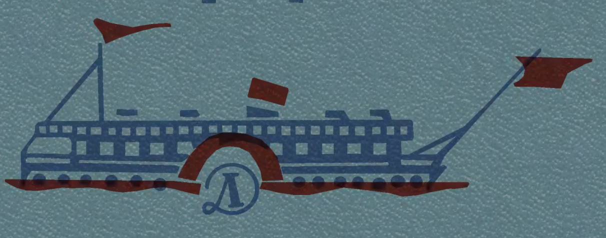

Борис Житков

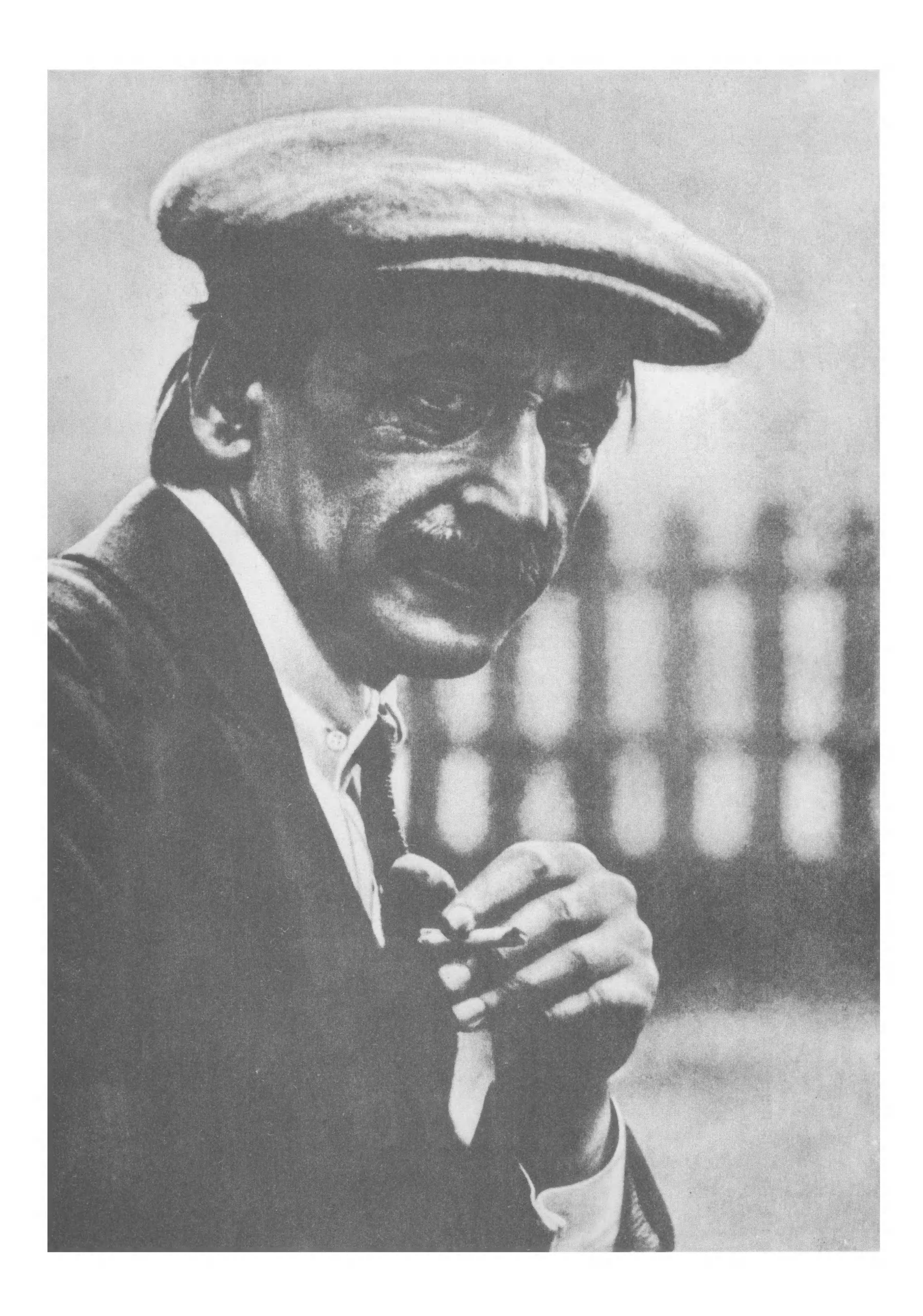
Борис Житков

Что я видел

Борис Житков

ЧТО

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1979

Р 2
Ж 74

Составитель Г. Черненко

Рисунки
А. Брея, В. Курдова, Н. Лапшина,
Н. Петровой, Е. Сафоновой, Н. Тырсы

Оформление Г. Фильчакова

70802—180
Ж————————Без объявл.
М101(03)—79

МАСТЕР

Очень лёгкий, маленький человек, с быстрыми поворотами головы и всего ловкого, крепкого тела. В подстриженных его усах белеет сединка, а он, как подросток, без ощущения веса, подпрыгнул и сел на высокий подоконник в ленинградском Доме книги. Там я и познакомился с ним много лет назад, когда начала создаваться советская литература для детей.

Однажды для одного рассказа мне понадобилось получше узнать, как делаются бочки. На лестнице Дома книги мне встретился Борис Степанович. Он спросил, что я делаю, и я сказал ему насчёт бочек.

— Не помню сейчас книжек о бондарном деле, но когда-то сам был знаком с ним, — сказал он. — Вот послушай.

Мы отошли в сторонку, и тут же, на площадке лестницы, я узнал подробности о заготовке клёпки, обручей, обо всех трудностях, опасностях, болезнях и обо всём восторге бочоночного производства. Житков говорил с таким увлечением и так наглядно объяснял набивку обручей на клёпку, что я почувствовал себя перенесённым в бондарную мастерскую, слышал стук и гул работы, вдыхал аромат дубовой стружки и готов был взяться за горбатик, чтобы немножко построгать вместе с замечательным бондарем — Житковым.

Так он знал десятки ремёсел.

Принцип его письма исходил из этого знания вещей и людей. Житков в своих книгах раскрывал вещи и людей. В делании и в устройстве мира, окружающего нас, он находил увлекающую поэзию. И его рассказы увлекательно-поэтичны.

Когда он задумал писать большой роман, он очень волновался. Не потому, что взрослый читатель требовательнее детей, нет — ведь «детские» книги Житкова взрослый читает с таким же интересом, как и дети, — а потому, что это была новая, ещё не знакомая Житкову работа.

Мы сидели за маленьким мраморным столиком, у окна, выходившего на Невский проспект. Перебирая в памяти романы, мы говорили о том, как делаются книги. Житков нервничал. Ему хотелось раскрыть все эти вещи, чтобы посмотреть их устройство: они плохо поддавались.

Тогда он начал отрывочно рассказывать зимние сцены из задуманного романа, и я увидел снег, пейзаж, открывающийся за окном, — чёткий, ясный рисунок, в который, словно пером, был вписан неожиданный и совершенно живой человек — герой книги.

Он написал роман «Виктор Вавич», в котором множество находок, открытий и таких деталей, что кажется, будто автор обладал абсолютным, каким-то математическим зрением.

Мы очень часто в писательской среде применяем слово «мастер». Но мастеров среди нас не очень много. Житков был истинным мастером, потому что у него можно учиться письму: он писал, как никто другой, и в его книгу входишь, как ученик — в мастерскую.

Константин Федин

Что
я
видел

К ВЗРОСЛЫМ

Эта книга — о вещах. Писал я её, имея в виду возраст от трёх до шести лет.

Читать её ребёнку надо по одной-две главы на раз. Пусть ребёнок листает книгу, пусть рассматривает, изучает рисунки.

Книжки этой должно хватить на год. Пусть читатель живёт в ней и вырастает.

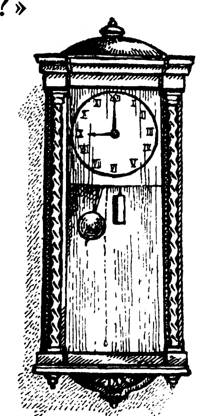
Ещё раз предупреждаю: не читайте помногу! Лучше снова прочесть сначала.

Автор

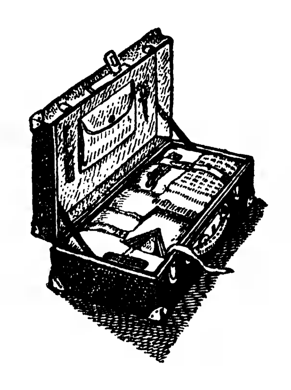
ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

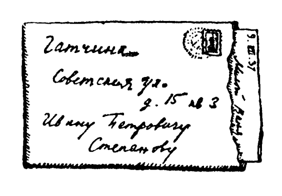
КАК МЕНЯ НАЗЫВАЛИ

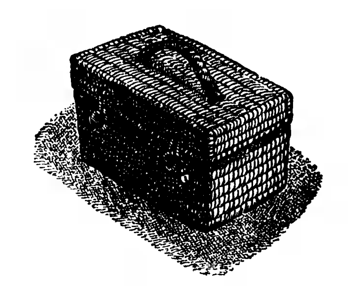
Я был маленький и всех спрашивал: «Почему?»
Мама скажет:
— Смотри, уже девять часов.
А я говорю:
— Почему?
Мне скажут:
— Иди спать.
А я опять говорю:
— Почему?
Мне говорят:
— Потому что поздно.
— А почему поздно?
— Потому что девять часов.
— А почему девять часов?

И меня за это называли Почемучкой. Меня все так называли, а по-настоящему меня зовут Алёшей.

ПРО ЧТО МАМА С ПАПОЙ ГОВОРИЛИ

Вот один раз приходит папа с работы и говорит маме:

— Пускай Почемучка уйдёт из комнаты. Мне нужно тебе что-то сказать.

Мама мне говорит:

— Почемучка, уйди в кухню, поиграй там с кошкой.

Я сказал:

— Почему с кошкой?

Но папа взял меня за руку и вывел за дверь. Я не стал плакать, потому что тогда не услышу, что папа говорит. А папа говорил вот что:

— Сегодня я получил от бабушки письмо. Она просит, чтобы ты с Алёшей приехала к ней в Москву. А оттуда он с бабушкой поедет в Киев. И там он пока будет жить. А когда мы устроимся на новом месте, ты возьмёшь его от бабушки и привезёшь.

Мама говорит:

— Я боюсь Почемучку везти — он кашляет. Вдруг по дороге совсем заболеет.

Папа говорит:

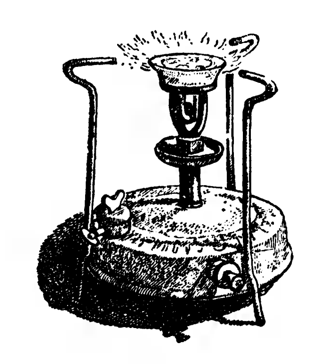
— Если он ни сегодня, ни завтра кашлять не будет, то, я думаю, можно взять.

— А если он хоть раз кашлянёт, — говорит мама, — с ним нельзя ехать.

Я всё слышал и боялся, что как-нибудь кашляну. Мне очень хотелось поехать далеко-далеко.

КАК МАМА НА МЕНЯ РАССЕРДИЛАСЬ

До самого вечера я не кашлял. И когда спать ложился, не кашлял. А утром, когда вставал, я вдруг закашлял. Мама слышала.

Я подбежал к маме и стал кричать:

— Я больше не буду! Я больше не буду!

Мама говорит:

— Чего ты орёшь? Чего ты не будешь?

Тогда я стал плакать и сказал, что я кашлять не буду.

Мама говорит:

— Почему это ты боишься кашлять? Даже плачешь?

Я сказал, что хочу ехать далеко-далеко. Мама сказала:

— Ага! Ты, значит, всё слышал, что мы с папой говорили. Фу, как нехорошо подслушивать! Такого гадкого мальчишку я всё равно не возьму.

— Почему? — сказал я.

— А потому, что гадкий. Вот и всё.

Мама ушла на кухню и стала разводить примус. И примус так шумел, что мама ничего не слыхала.

А я её всё просил:

— Возьми меня! Возьми меня!

А мама не отвечала. Теперь она рассердилась, и всё пропало!

БИЛЕТ

Когда утром папа уходил, он сказал маме:

— Так, значит, я сегодня еду в город брать билеты.

А мама говорит:

— Какие билеты? Один только билет нужен.

— Ах, да, — сказал папа, — совершенно верно: один билет. Для Почемучки не надо.

Когда я это услыхал, что для меня билета не берут, я заплакал и хотел побежать за папой, но папа быстро ушёл и захлопнул дверь. Я стал стучать кулаками в дверь. А из кухни вышла наша соседка — она толстая и сердитая — и говорит:

— Это ещё что за безобразие?

Я побежал к маме. Бежал и очень плакал.

А мама сказала:

— Уходи прочь, гадкий мальчишка! Не люблю, кто подслушивает.

А вечером папа приехал из города и сразу меня спросил:

— Ну, как ты? Кашлял сегодня?

Я сказал, что «нет, ни разу».

А мама сказала:

— Всё равно — он гадкий мальчишка. Я таких не люблю.

Потом папа вынул из кармана спичечную коробку, а из коробки достал не спичку, а твёрдую бумажечку. Она была коричневая, с зелёной полоской, и на ней буквы всякие.

— Вот, — сказал папа, — билет! Я на стол кладу. Спрячь, чтобы потом не искать.

Билет был всего один. Я понял, что меня не возьмут. И я сказал:

— Ну, так я буду кашлять. И всегда буду кашлять и никогда не перестану.

А мама сказала:

— Ну что же, отдадим тебя в больницу. Там на тебя наденут халатик и никуда пускать не будут. Там и будешь жить, пока не перестанешь кашлять.

КАК СОБИРАЛИСЬ В ДОРОГУ

А на другой день папа сказал мне:

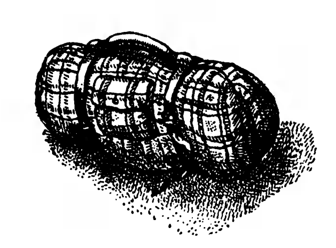
— Ты больше никогда не будешь подслушивать?

Я сказал:

— А почему?

— А потому, что коли не хотят, чтобы слышал, значит, тебе знать этого не надо. И нечего обманывать, подглядывать и подслушивать. Гадость какая!

Встал и ногой топнул. Со всей силы, наверное.

Мама прибежала, спрашивает:

— Что у вас тут?

А я к маме головой в юбку и закричал:

— Я не буду подслушивать!

Тут мама меня поцеловала и говорит:

— Ну, тогда мы сегодня едем. Можешь взять с собой игрушку. Выбери, какую.

Я сказал:

— А почему один билет?

— А потому, — сказал папа, — что маленьким билета не надо. Их так возят.

Я очень обрадовался и побежал в кухню всем сказать, что я еду в Москву.

А с собой я взял мишку. Из него немножко сыпались опилки, но мама быстро его зашила и положила в чемодан.

А потом накупила яиц, колбасы, яблок и ещё две булки.

Папа вещи перевязал ремнями, потом посмотрел на часы и сказал:

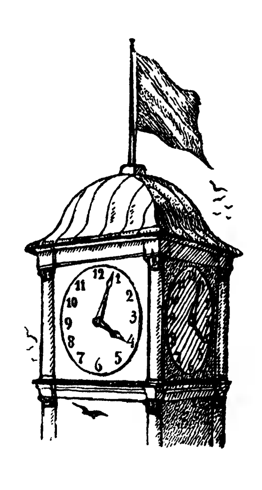
— Ну, что же, пора ехать. А то пока из нашего посёлка до города доедем, а там ещё до вокзала...

С нами все соседи прощались и приговаривали:

— Ну вот, поедешь по железной дороге в вагончике... Смотри, не вывались.

И мы поехали на лошади в город.

Мы очень долго ехали, потому что с вещами. И я заснул.

ВОКЗАЛ

Я думал, что железная дорога такая: она как улица, только внизу не земля и не камень, а такое железо, как на плите, гладкое-гладкое. И если упасть из вагона, то о железо очень больно убьёшься. Оттого и говорят, чтобы не вылетел. И вокзала я никогда не видал.

Вокзал — это просто большой дом. Наверху часы. Папа говорит, что это самые верные часы в городе. А стрелки такие большие, что — папа сказал — даже птицы на них иногда садятся. Часы стеклянные, а сзади зажигают свет. Мы приехали к вокзалу вечером, а на часах всё было видно.

У вокзала три двери, большие, как ворота. И много-много людей. Все входят и выходят. И несут туда сундуки, чемоданы, и тётеньки с узлами очень торопятся.

А как только мы подъехали, какой-то дяденька в белом фартуке подбежал да вдруг как схватит наши вещи. Я хотел закричать «ой», а папа просто говорит:

— Носильщик, нам на Москву, восьмой вагон.

Носильщик взял чемодан и очень скоро пошёл прямо к двери. Мама с корзиночкой за ним даже побежала. Там, в корзиночке, у нас колбаса, яблоки, и ещё, я видел, мама конфеты положила.

Папа схватил меня на руки и стал догонять маму. А народу так много, что я потерял, где мама, где носильщик. Из дверей наверх пошли по лесенке, и вдруг большая-большая комната. Пол каменный и очень гладкий, а до потолка так ни один мальчик камнем не добросит. И всюду круглые фонари. Очень светло и очень весело. Всё очень блестит, и

в зелёных бочках стоят деревья, почти до самого потолка. Они без веток, только наверху листья большие-большие и с зубчиками. А ещё там стояли красные блестящие шкафчики. Папа прямо со мной к ним пошёл, вынул из кармана деньги и в шкафчик в щёлочку запихнул деньгу, а внизу в окошечко выскочил беленький билетик.

Я только сказал:

— Почему?

А папа говорит:

— Это касса-автомат. Без такого билета меня к поезду не пустят вас провожать.

КАКАЯ ПЛАТФОРМА

Папа быстро пошёл со мной, куда все шли с чемоданами и узлами. Я смотрел, где мама и где носильщик, но их нигде не было. А мы прошли в дверь, и там у папы взяли билет и сказали:

— Проходите, гражданин.

Я думал, что мы вышли на улицу, а здесь сверху стеклянная крыша. Это самый-то вокзал и есть. Тут стоят вагоны гуськом, один за другим. Они друг с другом сцеплены — это и есть поезд. А впереди — паровоз. А рядом с вагонами шёл длинный пол.

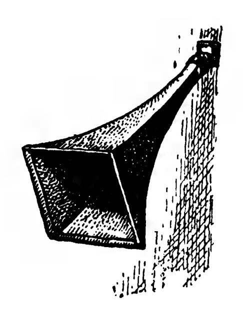
Папа говорит:

— Вон на платформе стоит мама с носильщиком.

Этот длинный пол и есть платформа. Мы пошли. Вдруг мы слышим — сзади кричат:

— Поберегись! Поберегись!

Мы оглянулись, и я увидел: едет тележка, низенькая, на маленьких колёсиках, на ней стоит человек, а тележка идёт сама, как заводная. Тележка подъехала к маме с носильщиком и остановилась. На ней уже лежали какие-то чемоданы. Носильщик быстро положил сверху наши вещи, а тут мы с папой подошли, и папа говорит:

— Вы не забыли? Восьмой вагон.

А сам всё меня на руках держит. Носильщик посмотрел на папу, засмеялся и говорит:

— А молодого человека тоже можно погрузить.

Взял меня под мышки и посадил на тележку, на какой-то узел. Папа крикнул:

— Ну, держись покрепче!

Тележка поехала, а мама закричала:

— Ах, что за глупости! Он может свалиться! — и побежала за нами.

Я боялся, что она догонит и меня снимет, а дяденька, что стоял на тележке, только покрикивал:

— Поберегись! Поберегись!

И тележка побежала так быстро, что куда там маме догнать!

Мы ехали мимо вагонов. Потом тележка стала. Тут подбежал наш носильщик, а за ним папа, и меня сняли.

У вагона в конце — маленькая дверка, и к ней ступеньки, будто крылечко. А около дверки стоял дядя с фонариком и в очках. На нём курточка с блестящими пуговками, вроде как у военных. Мама ему говорит:

— Кондуктор, вот мой билет.

Кондуктор стал светить фонариком и разглядывать мамин билет.

КАК Я ПОТЕРЯЛСЯ

Вдруг, смотрю, по платформе идёт тётя, и на цепочке у ней собака, вся чёрная, в завитушках, а на голове у собаки большой жёлтый бант, как у девочки. И собака только до половины кудрявая, а сзади гладкая, и на хвостике — кисточка из волосиков.

Я сказал:

— Почему бантик?

И пошёл за собакой. Только немножечко, самую капельку прошёл. Вдруг слышу сзади:

— А ну, поберегись!

Не наш носильщик, а другой прямо на меня везёт тачку с чемоданами. Я скорей побежал, чтобы он меня не раздавил.

Тут много всяких людей пошло, меня совсем затолкали. Я побежал искать маму. А вагоны все такие же, как наш. Я стал плакать, а тут вдруг на весь вокзал — страшный голос:

— Поезд отправляется... — и ещё что-то. Так громко, так страшно, будто великан говорит.

Я ещё больше заплакал: вот поезд сейчас уйдёт, и мама уедет! Вдруг подходит дядя-военный, в зелёной шапке, наклонился и говорит:

— Ты чего плачешь? Потерялся? Маму потерял?

А я сказал, что мама сейчас уедет. Он меня взял за руку и говорит:

— Пойдём, мы сейчас маму сыщем.

И повёл меня по платформе очень скоро. А потом взял на руки.

Я закричал:

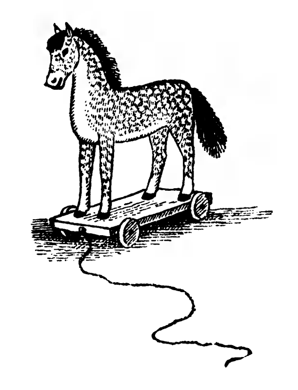
— Не надо меня забирать! Где мама? К маме хочу!

А он говорит:

— Ты не плачь. Сейчас мама придёт.

И принёс меня в комнату. А в комнате — тётеньки. У них мальчики, девочки и ещё совсем маленькие на руках. Другие игрушками играют, лошадками. А мамы там нет. Военный посадил меня на диванчик, и тут одна тётя ко мне подбегает и говорит:

— Что, что? Мальчик потерялся? Ты не реви. Ты скажи: как тебя зовут? Ну, кто ты такой?

Я сказал:

— Я Почемучка. Меня Алёшей зовут.

А военный сейчас же убежал бегом из комнаты.

Тётенька говорит:

— Ты не плачь. Сейчас мама придёт. Вон смотри, лошадка какая хорошенькая.

КАК Я НАШЁЛСЯ

Вдруг я услышал, как на весь вокзал закричал опять этот великанский голос:

— Мальчик в белой матросской шапочке и синей курточке, Алёша Почемучка, находится в комнате матери и ребёнка.

— Вот, слышишь? — говорит тётенька. — Мама узнает, где ты, и сейчас придёт.

Все девочки и мальчики вокруг меня стоят и смотрят, как я плачу. А я уже не плачу. Вдруг двери открылись: прибегает мама.

Я как закричу:

— Мама!

А мама уже схватила меня в охапку. Тётенька ей скорей дверь открыла и говорит:

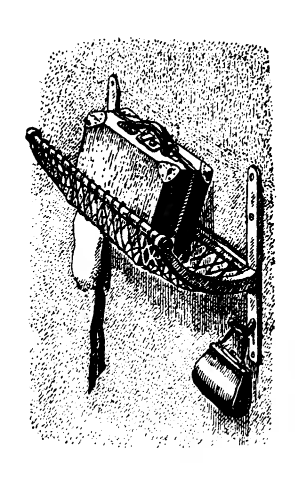
— Не спешите, ещё время есть.

Смотрю — и папа уже прибежал.

А мама говорит:

— Хорошо, что по радио сказали. А то бы совсем голову потеряла.

А папа говорит:

— С ума сойти с этим мальчишкой!

Мама прямо понесла меня в вагон и говорит дяденьке-кондуктору:

— Нашёлся, нашёлся...

ВАГОН

В вагоне — длинный коридор, только узенький. Потом мама отворила дверь, только не так, как в комнате, что надо тянуть к себе, а дверь как-то вбок уехала. И мы вошли в комнату. Мама посадила меня на диван. Напротив тоже диван, а под окошком столик, как полочка. Вдруг в окошко кто-то постучал. Я посмотрел, а там за окном папа. Смеётся и мне пальцем грозит.

Я встал ногами на диван, чтобы лучше видеть, а диван мягкий и поддаёт, как качели. Мама сказала, чтобы я не смел становиться ногами на диван, и посадила меня на столик.

СОБАЧКА ИНЗОЛ

Вдруг я услышал, что сзади кто-то входит. Оглянулся и вижу: это та самая собака с жёлтым бантом, и с ней тётя на цепочке. Я забоялся и поджал ноги, а тётя сказала:

— Не бойся, она не укусит.

А я спросил:

— Почему?

— Ах, — сказала тётя, — ты, наверное, и есть Почемучка, который потерялся. Ты — Алёша? Это про тебя радио говорило? Ну да, — говорит, — в белой шапочке и в синей курточке.

Тут вошёл к нам дядя, немножко старенький, тоже с чемоданом. А собака на него зарычала. А собакина хозяйка сказала:

— Инзол, тубо!

И собака начала дядю нюхать. А дядя свой чемоданчик положил наверх, на полочку. Полочка не дощаная, а из сетки, как будто от кроватки для детей. Дядя сел и спрашивает:

— Вы едете или провожаете?

Тётя говорит:

— Еду.

Дядя спрашивает:

— Собачка тоже с нами поедет? А этот мальчик ваш?

Тётя сказала, что собачка поедет и что собачку зовут Инзол, а моя мама сейчас придёт, а меня зовут Алёша Почемучка.

— Ах, — говорит дядя, — это ты от мамы убежал? А теперь, кажется, мама от тебя убежала. Ну что же, — говорит, — поедешь с этой тётей. И со мной. И с собачкой.

Я как крикну:

— Не хочу!

И прямо соскочил со столика и закричал со всей силы:

— Мама!

Собачка залаяла. Я побежал к двери, собачка тоже. Какие-то чужие там, в коридорчике, и, смотрю, мама всех толкает, бежит ко мне.

— Что такое? Ты что скандалишь? Я ведь здесь, дурашка ты этакий!

Взяла меня на руки и говорит:

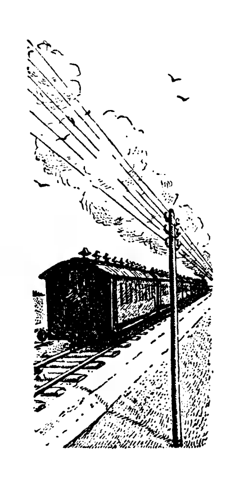
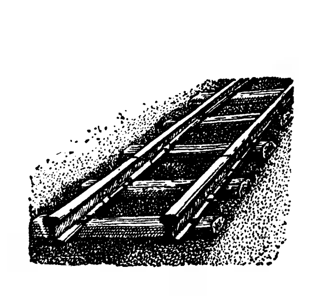
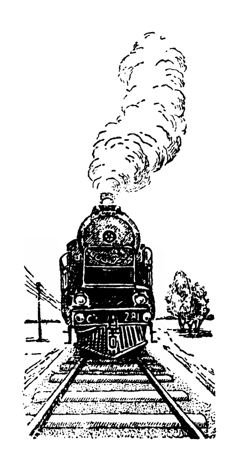
— Вон гляди — папа. Сейчас поедем.

КАК МЫ ПОЕХАЛИ

И вдруг громко-громко загудел гудок. Сзади дядя сказал:

— Ну вот, паровоз свистнул — значит, поехали.

А папа за окном что-то кричал, только ничего не слыш-

но. Рот раскрывает, а ничего не слышно. Потом под полом заурчало, и на платформе все поехали назад, а это мы поехали вперёд, и все замахали руками, шапками. А папа шёл рядом с нашим окном, махал шапкой и что-то ртом говорил. Ничего не было слышно. Мама мне сказала:

— Помахай папе ручкой.

Я стал махать; папа засмеялся. А мама всё говорила папе:

— Хорошо! Хорошо!..

А всё равно она ничего не слыхала, что папа говорил. Мы уже совсем скоро поехали. Папа немножко пробежал, махнул кепкой и остался.

КАКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Мы с мамой сели на диванчик, и я сказал:

— Это потому так гудит внизу, что наша дорога железная.

А дядя говорит:

— Ты думаешь, она как доска железная? Как железный пол? Нет, брат.

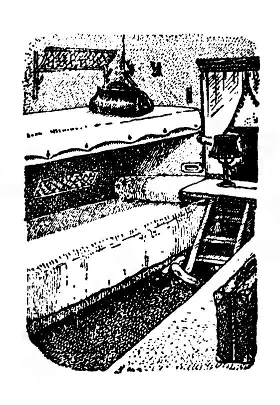
Я говорю:

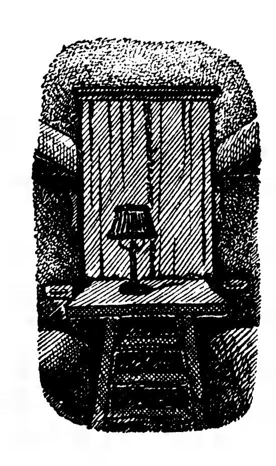
— Почему?

— А потому, что там лежат всего две железины — рельсы, гладкие и длинные-длинные. По ним наши колёса катятся и вагончики бегут шибко-шибко.

Я сказал:

— Почему?

Мама сказала:

— Не приставай к дяде.

А дядя говорит:

— А потому, что впереди паровоз тянет. У паровоза машина. Она крутит ему колёса.

Я сказал:

— Почему?

— А потому, что в паровозе пар. Там котёл с водой и огонь жгут. От воды пар идёт прямо в машину. Вот завтра, как станем на станции, пойдём с тобой паровоз смотреть.

А я сказал:

— А если колёсики соскочат?

— Куда? — говорит дяденька.

— С этих...

А дяденька говорит:

— С рельсов? Бывает, соскакивают. Ух, тогда что выходит!

И дяденька рассказал, что один раз он ехал и вдруг сам паровоз соскочил с рельсов и не по железу побежал, а прямо по земле. А машинист поезд остановил. Мама говорит:

— Не рассказывайте страшного: я спать не буду.

А дяденька говорит:

— А ничего страшного и не было. Машинист остановил, вот и всё. Да и я могу поезд остановить хоть сейчас!

КАК ПОЕЗД ОСТАНОВИЛИ

Мама и тётенька с собачкой стали говорить, что он не может поезд остановить. Пусть как угодно хочет — не остановит.

А дяденька говорит:

— Нет, могу!

Мама говорит:

— Фу, какие глупости! Как не стыдно!

А я у дяденьки на коленях сидел. Он меня снял, сразу вскочил и хватается за ручку. А ручка была на стенке, очень блестящая, а от неё — красная палка. Это не палка, а трубка. Дяденька как дёрнет за ручку, и вдруг всё как загудит... Мама чуть с дивана не полетела, собака тётеньке на колени вскочила, а я за дядины штаны ухватился — и не упал.

И поезд стал.

А потом паровоз начал свистеть, а в коридоре все начали кричать. А дяденька меня отцепил, вышел в коридор и громко крикнул:

— Не кричите, это ничего! Это я остановил, сейчас поедем дальше.

И мы, правда, поехали.

Потом к нам пришёл кондуктор и стал дяденьке говорить, как он смел поезд останавливать. А дяденька сказал, что он очень главный инженер и захотел узнать: можно остановить или нет. И ушёл куда-то с кондуктором.

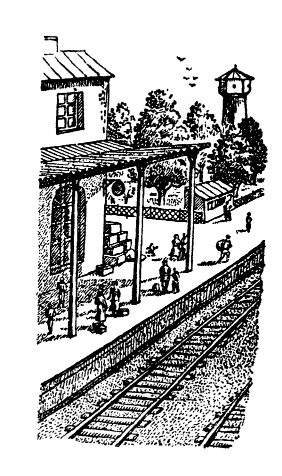
Мама очень испугалась, что его кондуктор увёл, а тётенька сказала, что хоть он и главный инженер, а глупый, и ему обязательно попадёт, и что останавливать можно, только если кто-нибудь свалится вон. Мальчик, например, какой-нибудь. Тогда всякий может дёргать за ручку, и за это ничего не будет.

Потом дяденька к нам опять пришёл, очень красный, и нарочно смеялся и сказал, что теперь спать надо, и всё говорил:

— Ну, ладно, ничего. Поехали! Поехали!

Наверное, его всё-таки ругали.

КАК МЫ СПАТЬ ЛЕГЛИ

Потом дяденька взял наш диван за спинку, за самый низ, и потянул. Я думал, что он ломает. А спинка загнулась вверх и стала как полочка над нашим диваном. А у нас внизу стало как домик: сверху крыша. И зацепками инженер прицепил её, чтобы она вниз не падала. Потом сам залез наверх и говорит:

— Вот как славно! Хочешь ко мне? Давай руки.

Он меня схватил за руки и поднял. Там, наверху, вышел тоже диван. Пришёл кондуктор и спросил билеты, и за собачку тоже спросил билет. Тётенька дала собачке билет в зубы и сказала:

— Инзол, подай кондуктору билет. Ну, скорее!

Инзол стал лапками на кондуктора и протянул мордочку с билетом. Кондуктор боялся, а всё-таки взял, а Инзол не укусил и билет отдал. Кондуктор сказал:

— Он в цирке работает?

А Инзола хозяйка сказала:

— Нет, он в кино показывается.

А потом мама постелила, и мы легли спать.

КАК НОЧЬЮ ПРИЕХАЛИ НА СТАНЦИЮ

Вдруг я проснулся, оттого что внизу у нас, под полом, заскрипело. Поезд остановился. Наш вагон тряхнулся. У нас темно, только синенькая лампочка чуть светит. А вагон ещё раз тряхнулся и совсем стал. Я испугался и закричал:

— Ой, колёса сошли! Мама, паровоз по земле пошёл!

Я так закричал, что все проснулись. Собачка рычит. А дядя сверху говорит:

— Что ты, дурашка? Это станция. Сейчас посмотрим.

Слез сверху и — к окну, а на окне тёмная занавеска, и ничего не видно. Дядя её снизу подёргал, и она убежала наверх. А за окном свет, фонари. Люди бегают, и у нас в коридоре тоже затопали.

Мама мне говорит:

— Фу, какой ты скандальный!

А дядя говорит:

— Это станция. Хорошая станция. Это Бологое.

Мама меня к окну не пустила, а собачка влезла и смотрела. Я стал дядю спрашивать, что там видно, а мама сунула мне яблоко и говорит:

— Ешь и молчи.

Яблоко было страшно кислое, и я заснул.

КАК МЫ В ВАГОНЕ УМЫВАЛИСЬ

Я утром проснулся, а все уже встали. Мама меня одела, взяла мыло и полотенце и говорит:

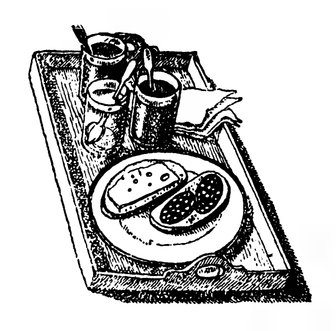
— Пойдём мыться!

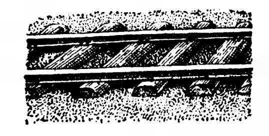
А поезд шёл со всей силы, и нас шатало так, что даже смешно. Как будто это нарочно. А это потому, что скоро идёт. Мы прошли в самый конец по коридорчику, а там дверка и маленькая комнатка — уборная. И умывальник там есть. Большой, фарфоровый, как корыто. А над ним кран, и никакой ручки нет. А как снизу поддашь в кнопочку, так из него вода сразу сильно-сильно. Только высоко. Мама меня держала, и я сам вымылся. А перед умывальником, на стенке, — зеркало, и видно, когда моешься. А в это время поезд стал останавливаться, и кто-то постучал к нам в дверь и сказал:

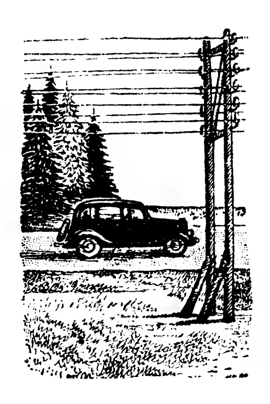
— Кончайте, граждане. На остановках нельзя.

Мама открыла дверь и говорит:

— А мы уже и кончили.

КАК НАМ КОФЕ ПРИНЕСЛИ

Когда мы пришли в нашу комнату, я стал смотреть в окно и увидел, что мы стоим против дома. А перед домом — платформа. А сверху платформы — крыша. И люди ходят с чемоданчиками, с узелками. А дядя мне показывает:

— Вон, видишь, дяденька стоит. Это начальник станции. Он в красной шапке.

Я сказал:

— Почему?

— А чтобы его видней было. Как надо начальника, сейчас смотри: где красная шапка? А это всё — станция.

И дядя показал мне на дом. А там двери открылись, и из них вышли всё тётеньки, тётеньки, и все с подносами. На подносах стаканы. И скорей — к поезду.

Я говорю:

— Почему?

А мама говорит:

— Вот сейчас увидишь. Слезай-ка со стола.

И постелила на столик салфетку. Я только слез, слышу — сзади говорят:

— Кофею, чаю кому угодно?

— Бутерброды, пирожки, яблоки! Кому угодно?

И мама взяла себе чаю, мне — кофе. Это тётенька нам в вагон принесла. И бутерброды мама купила: мне с колбасой, а себе — с сыром. Дяденька тоже взял чаю. И собаке тоже купили бутерброд.

А мама говорит:

— Не копайся, пей скорей. Сейчас поедем.

А я не мог скорей, потому что собачка ходила на ножках, как человек, и лапками просила, чтобы тётенька ей бутерброд дала. А потом она съела бутерброд и стала у меня просить. Я скорей откусил кусок. А что осталось, хотел собачке дать.

А тётенька как крикнет:

— Инзол, тубо! Как не стыдно!

И собачка совсем под стол залезла. Я всё успел допить и доесть. Потом стаканы у нас взяли назад.

Я спросил:

— А когда Москва?

Дяденька мне сказал, что скоро. И тут паровоз засвистел, и мы поехали.

Я стал смотреть в окно и ждать Москву.

А дяденька говорит:

— Вот ты вниз посмотри. Вон они, рельсы.

КАК АВТОМОБИЛЬ ХОТЕЛ ОБОГНАТЬ НАШ ПОЕЗД

А там, внизу, рядом с нами шли всё время два рельса. И дядя сказал, что по ним тоже поезда ходят. Я смотрел на рельсы, и вдруг что-то страшно зафырчало, загремело, и у нас темно стало. Я со страху не успел заплакать, а в окне что-то замелькало, и мне сразу показалось, что на нас налетела страшная машина.

Дяденька меня схватил и говорит:

— Не бойся. Это встречный поезд.

А пока я хотел забояться, опять стало светло, и поезд мимо прошёл. Это он по тем рельсам пробежал, что рядом с нами.

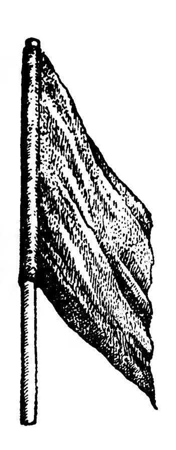
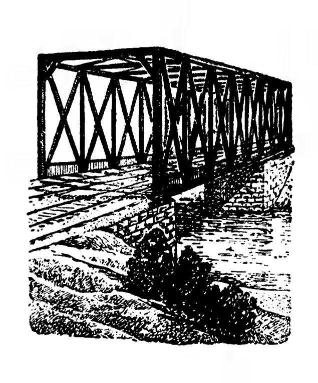
В окно видно было поле, а дальше — деревья. А совсем близко — дорога, а по дороге бежал автомобиль. Мы скорей, и он скорей. Поезд ещё скорей, а автомобиль тоже скорей. А потом даже стал обгонять. И мне уже в окно не стало видно, так он скорей убежал.

Я сказал:

— Почему?

А дяденька говорит:

— Он хочет нас обогнать и впереди нас через нашу дорогу переехать.

А потом дяденька кричит:

— Смотри, смотри!

И я увидал домик, а потом дорога — прямо на наш путь. И дорога палкой перегорожена, очень большой. А за ней стоит автомобиль и ждёт. А перед палкой стоит дяденька, руку вперёд вытянул и держит жёлтую палочку.

Я закричал: Почему? Почему?

ЧТО ЗНАЧИТ ЖЕЛТЫЙ ФЛАГ

А дяденька автомобилю рукой замахал и кричит:

— Не поспели, не поспели! Вот видишь: автомобиль хотел свернуть и переехать через наш путь. А сторож ему перегородил дорогу, а то автомобиль поедет через рельсы, а поезд на него наскочит и раздавит.

Я сказал:

— А почему сторож жёлтую палочку держит?

А тут мама говорит:

— Чего ты пристаёшь? Это не палочка, а флаг. Только он его смотал, чтобы не трепался.

А дяденька говорит:

— И вовсе не для того! А если флаг смотан — это значит, поезд может идти полным ходом. А если флаг распущен, болтается — значит, надо идти потихоньку.

А я всё смотрел вперёд и опять увидел будку, и там уже не сторож стоял, а тётенька, и тоже флаг держала, и опять замотанный. А потом я вдруг увидал: стоит какой-то человек, держит флаг, как дяденька сказал, что он болтается. И мы пошли очень тихо.

КАК ПЕРЕЕХАЛИ ЧЕРЕЗ РЕКУ

Потом я увидал: стоит красноармеец с ружьём.

Потом ещё один, тоже с ружьём. И вдруг перед окном — решётка из очень толстых рельсов. А за решёткой внизу я увидал: вода, и лодочки плавают.

Мама вскочила и говорит:

— Что, мост? Мост? Это мы через реку едем? Ах, как интересно!

А я сказал маме:

— А ты флаг не видала!

Внизу на лодочке ехали мальчики и махали нам руками. Я помахал, и дяденька тоже.

А я всё-таки сказал маме:

— Ты не видала, а флаг болтался. Оттого мы и поехали тихо.

А потом немного проехали, и мама говорит:

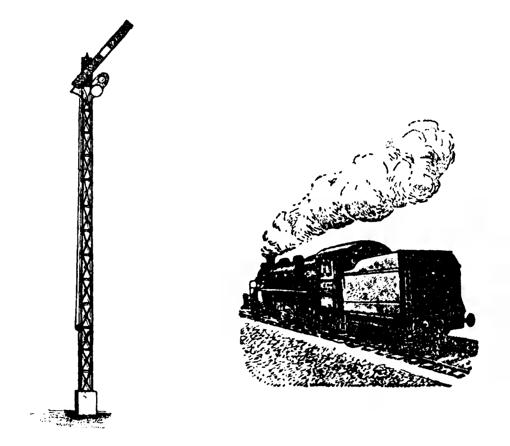
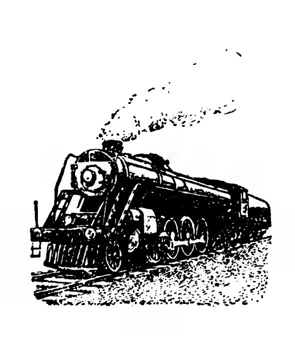
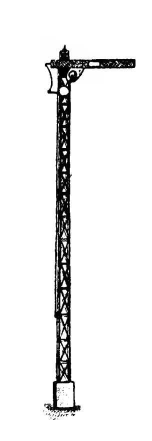
— А вон, гляди, речку-то как видно! А вон и мост.

А мост вот какой: он как ящик. Только весь из решёток и через речку лежит — с одного берега на другой. Только решётки железные, страшно толстые. И он с концов не закрыт. Поезд с одного боку вбегает, а с другого выбегает — и уж на другом берегу.

НАШ ПАРОВОЗ

Я смотрел в окно и вдруг увидел весь наш поезд. Дорога загибалась вбок, и мне стало видно наш паровоз. Он шёл впереди всех вагонов. Самый первый. Длинный, чёрный. Впереди — труба. Только очень маленькая. Из неё пар. А сзади — будочка. А сам паровоз на красных колёсах. На очень больших, и паровоз их быстро вертит.

Инженер мне сказал, что в будочке машинист. Он захочет — может паровоз пустить самым быстрым ходом, так что только держись! А захочет — совсем остановит. Захочет — засвистит. И у него в будочке тоже ручка такая есть, чтобы весь поезд остановить, как у нас в вагоне. И ещё там другой дядя есть. Он не машинист, а кочегар. Это значит, что он в паровозе огонь разжигает. Там печка, и кочегар туда уголь кидает.

А за паровозом — большой чёрный ящик на колёсиках. Он большой, как вагон, и дядя сказал, что это тендер. Там уголь для паровозной печки и вода для котла.

КАК НАС СЕМАФОР НЕ ПУСТИЛ

Тут вдруг паровоз засвистел. Поезд начал останавливаться. Потом совсем остановился. А паровоз всё свистит, свистит. А в вагоне все заходили, выскочили в коридор, и все говорят:

— Что случилось? Что такое?

И все пошли по коридору к дверям. Мама тоже вскочила и тоже говорит:

— Не знаете, что случилось?

Я посмотрел в окно: из вагона люди выскочили, все глядят вперёд и пальцами показывают куда-то туда. Дядя-инженер тоже вышел из вагона, стал у нас под самым окошком и папироску закурил. Мама стала стучать в окно и рукой махать, чтобы он к нам шёл. Он и подошёл.

Мама спрашивает:

— Что, что там?

— Не волнуйтесь. Просто семафор закрыт.

Мама говорит:

— Страшно всё-таки. Наверно, что-нибудь случилось.

А дядя-инженер вдруг как рассердится и стал кричать:

— Чего страшно? Семафор — это столб такой. А наверху дощечка. Если дощечка стоит вбок, — значит, ехать нельзя.

А я закричал:

— Почему?

— А потому, что на станции места нет. Там другой поезд стоит. Вот нам и показывают, чтобы мы подождали.

— Почему же паровоз свистит? — говорит мама. — Может быть, опасно?

— А он хочет, чтобы скорей пустили, вот и кричит. Свистком кричит.

КАК ОДИН ДЯДЕНЬКА ОСТАЛСЯ

Потом поезд двинулся. Тихонько-тихонько. И все стали влезать в вагоны. А один дяденька не успел. Бежит, кричит. А поезд всё шибче.

Мама говорит:

— Вот теперь бы остановить поезд. Ручкой, ручкой!

И показывает дяденьке на ручку. Пусть он дёрнет, как тогда, чтобы поезд остановился. А дяденька-инженер говорит:

— Нет, пусть теперь другой кто-нибудь. Я больше уже не хочу.

Вышел в коридор, а там уже кричат:

— Кондуктор, кондуктор! Человек остался!

Вдруг тоненьким свистком кто-то засвистел, как милиционер:

— Трю-у! Трю-трю!

Паровоз свистнул, и поезд остановился. Потом все глядели, как тот дяденька догоняет, и кричали:

— Скорей! Скорей!

А потом я видел: этот дяденька, красный весь, к нам пришёл. Очень бежал.

И говорит:

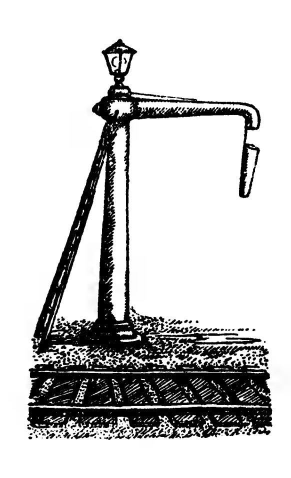
— Это главный кондуктор дал свисток, чтобы остановили, а то бы я остался.

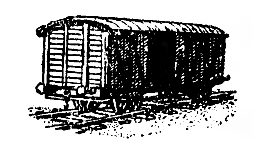
Мама мне говорит:

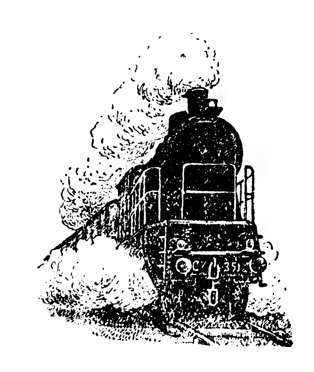
— Ага! Вот видишь! Вот видишь!

А я вовсе никогда не выходил.

Потом я семафор видел. Рядом с нашей дорогой он стоял. Очень высокий, а наверху дощечка, как флаг, только она уже вверх смотрела. Это значит — можно проезжать, и мы приехали на станцию.

КАК В ТЕНДЕР ВОДУ НАЛИВАЛИ

Я в окошко видел, как наш паровоз, с тендером вместе, по другим рельсам прибежал и стал против нас. А тут был толстый столб, а из него вбок труба, тоже очень толстая. И вдруг какой-то человек влез на тендер, потом поймал эту трубу, а она поворачивается, и он повернул её к себе, на тендер. И из трубы вода пошла. Это он воду в тендер наливает, чтобы потом её в котел напускать. Для пара. Паровоз паром возит, потому он и называется паровоз.

А тётенька взяла собачку и говорит:

— Инзол, пойдём! Гулять, гулять, Инзол!

Прицепила цепочку, поправила бантик на собачке и пошла.

— Вы смотрите, не останьтесь, — говорит мама, — а то уедем без вас.

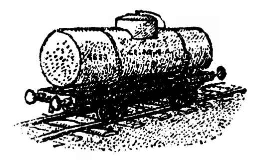
А тётенька говорит:

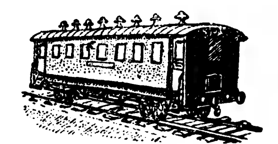
— Вон паровоз ещё воды набирает. Без паровоза не уедете.

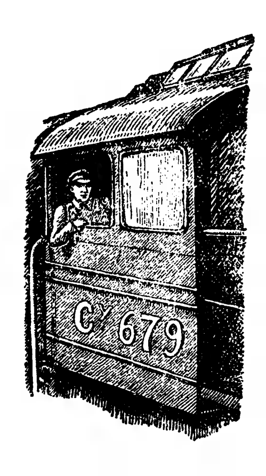
А мама достала колбасы и булки, а потом дала мне конфет и позволила, чтобы я одну конфетку собачке дал.

Я всё боялся, что собачка с тётенькой останутся, и всё боялся, что паровоз свистнет. Потому что он ушёл уже от воды. Но потом ударили в колокол: бум!

И тут тётенька с собачкой пришла, и мы поехали.

КАКИЕ ВАГОНЫ ВСЯКИЕ БЫВАЮТ

И мы проезжали мимо красных вагонов. Они без окон. Только два маленьких окошечка под крышей. А посредине вагона — большие двери, как ворота. Эти вагоны не для людей, а для ящиков и для всяких мешков. И это товарные вагоны. Так инженер сказал. А потом совсем смешные были. Колёса как у вагона, а наверху лежит боком большущий бидон, как длинная бочка. Туда керосин наливают и возят.

Я сказал, что это бочки, а дядя-инженер сказал, что это цистерны. Я спросил: почему? А дядя говорит: потому что так называются, вот и всё.

А я всё шёпотом говорил:

— Нет — бочки, нет — бочки!..

И вдруг тётя, которая с собачкой, закричала:

— Ой, надо собираться! Сейчас Москва.

МЫ ПРИЕХАЛИ

Мама стала наши подушки завязывать. Инженер стал чемодан доставать. Начали толкаться. Меня совсем в коридор вытолкнули. А в коридоре уже все стоят в пальто, в шапках, и чемоданчики в руках. Наш паровоз засвистел. И вдруг стало темно, как вечером. И поезд остановился.

Мама закричала:

— Алёшка! Какой несносный! Где ты? Опять потеряешься! — и схватила меня за руку.

Из коридора все пошли. А потом прибежали носильщи-

ки. Такие, как у нас там, на вокзале, в белых фартуках. И мы вышли на платформу.

Дядя-инженер говорит:

— Вот и Москва!

А я сказал:

— Это не Москва, а вокзал.

А дядя говорит:

— Ну да, вокзал. А сейчас Москву увидишь. Прощай, Алёшка!

И ушёл.

КАК Я ВИДЕЛ МАШИНИСТА

Мы с мамой очень тихо шли, потому что людей много. Это все из нашего поезда вышли. Мне ничего не было видно. А потом дошли до паровоза. Он стоял и шипел. А из паровозной будочки, из окна, смотрел машинист. Когда мы совсем подошли, я стал махать ему рукой, чтобы он увидел. А он не видел, потому что я маленький. Тут все стали, и нас с мамой совсем затолкали. К самому паровозу. Туда, где машинист. Паровоз очень шипел, а я всё равно со всей силы крикнул:

— Дядя машинист!

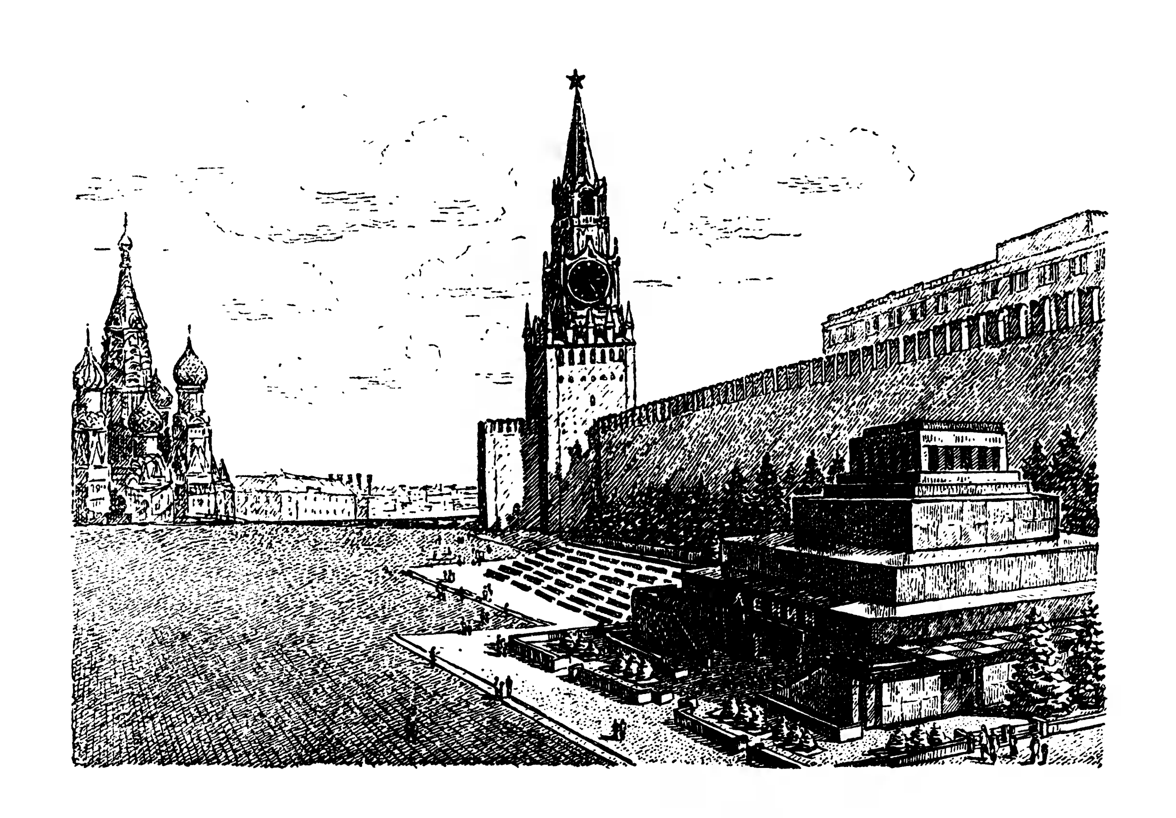
Он посмотрел вниз и увидел меня. Я стал махать рукой и закричал:

— Это я потерялся! Это про меня радио кричало!

А машинист засмеялся и тоже мне рукой помахал.

А паровоз — как бочка, чёрный, длинный. А труба совсем маленькая.

Я всё хотел, чтобы он свистнул, но он не свистнул.

МОСКВА

КАКОЕ ТАКСИ

Мы вышли из вокзала в Москву.

Люди все ходят, ходят, вещи несут из поезда.

А потом автомобильчики стоят, а дальше ещё большие автомобили, как вагоны. В них много людей насаживается. Автомобили гудят.

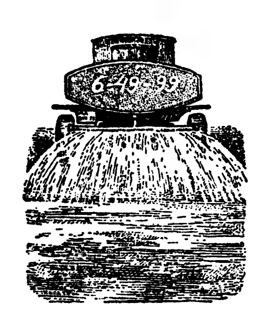
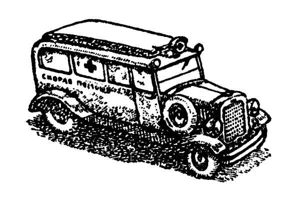
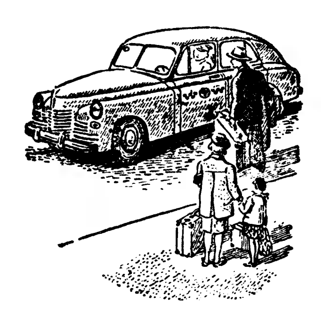
А потом рельсы идут прямо по улице, только совсем низенькие.

А по ним ходят вагоны, только без паровоза. Три штуки сразу, и они не гудят и не свистят, а звонят звонком. И тоже туда люди насаживаются с чемоданами и так просто, безо всего.

А там дальше дом стоит, очень большой, с башней. И от него ещё дома.

А наш носильщик говорит:

— Вам такси?

Мама говорит:

— Да, да! Такси.

Мы пошли за носильщиком.

А такси — это автомобиль. Можно сесть, и он повезёт, куда ты захочешь.

Мы с мамой сели. В автомобиле — маленькие диванчики. А впереди, тоже на диванчике, — дядя, который правит.

Мама ему говорит:

— Шофёр! Свезите нас — вот тут адрес.

И дала шофёру записочку.

И вдруг в автомобиле что-то загудело, затряслось — это шофёр пустил машину. Автомобиль поехал, а кругом всё люди, и я боялся, что мы наедем. А наш автомобиль всё гудел, всё кричал гудком на людей. И мы не наехали.

Вдруг на нас стал наезжать вагон, и он всё время звонил.

Мама закричала:

— Шофёр, смотрите — трамвай! Остановитесь!

А шофёр говорит:

— Не волнуйтесь, гражданка!

И не остановил. А трамвай повернул и побежал по другим рельсам. Совсем вбок и вовсе не на нас.

А мама во все стороны оборачивалась и меня за руку держала так, что больно.

КАК В МОСКВЕ НА УЛИЦАХ

Потом мы поехали там, где совсем узко.

Дома с двух сторон высокие: всё окошки, окошки. Кругом трамваи звенят, автомобили кричат гудками всякими.

И вдруг как сзади завоет!

Я думал — это ничего, а наш шофёр вдруг сразу вбок повернул, к самым домам, к тротуару, где люди ходят. И даже стал.

А это нас перегнал автомобиль, как маленький вагончик.

Он очень громко выл — на всю улицу.

Он белый, и на нём красный крестик.

Я закричал:

— Почему?

А шофёр обернулся ко мне и говорит:

— Скорая помощь. За больным поехали. Там, в автомобиле, и кровать есть. Вот ты себе голову разобьёшь, за тобой приедут и — в больницу.

И мы опять поехали.

Мы ехали, и нас нисколько не трясло. Потому что в Москве на улицах очень гладко. Будто пол, только чёрный.

Мама сказала, что это асфальт.

Потом я вдруг увидал: впереди нас едет бочка. Очень большая, как цистерна. И из неё сзади выливается вода и прямо назад и вбок брызгает. И поливает весь асфальт.

Я закричал:

— Ай-ай-ай! Как смешно! Вот и выбежит вся вода!

И стал смеяться. Нарочно громко. Вырвал у мамы руку и стал в ладоши бить.

А мама засмеялась и говорит:

— Фу, глупый какой! Это нарочно поливают водой. Чтоб пыли не было. И чтоб не было жарко.

Мы догнали бочку, и я увидел, что это автомобиль, а не бочка. А впереди тоже шофёр, как и у нас.

СВЕТОФОР

Потом мы остановились, и все другие автомобили остановились, и трамвай остановился. Я закричал:

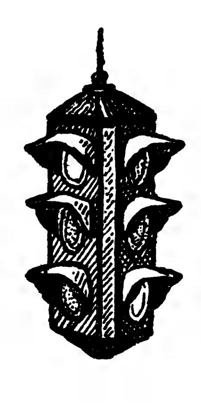
— Почему?

Мама тоже сказала:

— Почему все стали? Что случилось?

И встала в автомобиле. И глядит.

А шофёр говорит:

— Вон видите красный фонарик? Светофор?

Мама говорит:

— Где, где?

А шофёр пальцем показывает.

И наверху на проволоке, над улицей, мы с мамой увидали фонарик: он горел красным светом.

Мама говорит:

— И долго мы стоять будем?

А шофёр говорит:

— Нет. Сейчас вот проедут, кому через нашу улицу надо переезжать, и поедем.

И все смотрели на красный фонарик. И вдруг он загорелся жёлтым светом. А потом зелёным.

И шофёр сказал:

— Теперь можно: зелёный огонь.

Мы поехали. А сбоку через нашу улицу шла другая улица. И там все автомобили стояли, и никто на нас не наезжал. Они ждали, чтобы мы проехали.

А потом ещё раз на улице горел красный фонарик, а я уж знал и закричал:

— Дядя, стойте! Красный огонь!

Шофёр остановил, оглянулся и говорит:

— А ты — молодчина.

Потом мы опять остановились, а огонька вовсе никакого не было. А только я увидал: очень высокий милиционер в белой шапке и в белой курточке поднял руку вверх и так держит.

Потом он рукой махнул, чтобы мы ехали.

Он как руку поднимет, так все станут: автомобили,

трамваи и бочки всякие. И лошади тоже. Только люди могут ходить.

Милиционер — самый главный на улице.

А потом мы приехали к дому.

МЫ ПРИЕХАЛИ В ГОСТИНИЦУ «МОСКВА»

Дом очень большой. Высокий-высокий. Шофёр сказал:

— Вот, приехали! Гостиница «Москва».

И мы с мамой туда пошли, а там сразу большая комната, как на вокзале.

А потом пошли в самый угол, и там дверь. Вдруг дверь отворилась, и оттуда вышли люди. А потом мы с мамой туда вошли.

Там маленькая комнатка, совсем крохотная, как будочка. И там диванчик, и электричество горит. И туда вошёл с нами дядя. У него пуговки золотые. Он в коричневой куртке и штанах коричневых.

Он закрыл дверь, и мама сказала:

— Десятый этаж, пожалуйста.

А он говорит:

— Пожалуйста.

И ткнул пальцем в кнопку.

Там, на стенке, их много, как пуговки. Он только ткнул, комнатка тряхнулась. А в двери — окошечко, и видно, что мы поехали вверх.

Я испугался и схватился за маму.

А мама говорит:

— Не бойся — это лифт. Нас вверх поднимают.

А я всё равно боялся. Потом мы стали. Дядя открыл дверь и говорит:

— Пожалуйста.

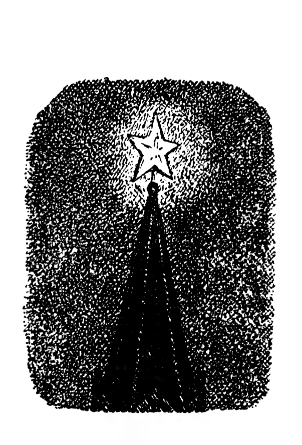
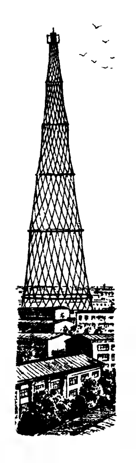
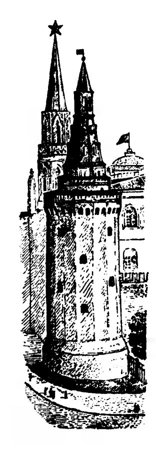
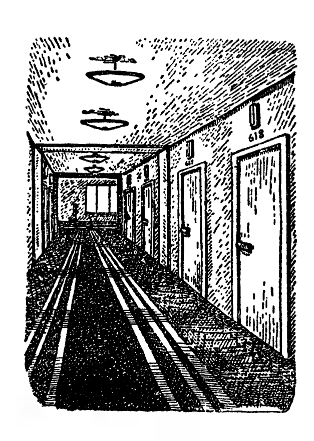
Мама говорит:

— Скажите, лифтёр, а где наши чемоданы?

Он говорит:

— Не беспокойтесь. Принесут.

И лифтёр опять ушёл в лифт и запер дверь. А мы с мамой остались.

КАК В ГОСТИНИЦЕ

Комната большая-большая. Пол блестит, как лёд. И очень скользкий. И коврики на полу, как дорожки в саду. И цветы стоят на полу в больших горшках. Диваны. Кресла. И столики очень блестящие.

Я сказал:

— Мама, мы здесь будем жить? А где же бабушка?

А мама говорит шёпотом:

— Бабушка на даче. И чего ты орёшь? Здесь нельзя кричать!

И вдруг к нам подошла тётя в белом фартуке и стала с мамой говорить.

БАШНИ

Мама сказала, чтоб я у окошка постоял, а она пойдёт с тётей. И они пошли к столику.

Там, за столиком, ещё тётя сидела, и она писала.

А я стал в окно смотреть.

И сверху видно, что очень много домов, потому что всё крыши, крыши.

А совсем далеко — башня. Только она как из тесёмочек сделана. Всё насквозь видно.

Я стал на башню смотреть, а мама пришла, и тётя в белом фартуке тоже пришла, и мама сказала, чтоб идти.

А я сказал:

— Почему башня? И почему она пустая?

Тётя сказала, что это радиобашня. Она из железных по-

лосок, и она не для того, чтоб жить, а от неё вниз идёт проволока для радио. И это самое главное радио там. Это такое радио в Москве, что на весь свет может говорить. Потому и такая башня большая.

Мама сказала, что в Москве всё — самое главное и самые главные люди в Москве живут.

Я сказал:

— Где они живут?

Мама сказала:

— Я же тебе говорю: здесь, в Москве.

А тётя меня повела к другому окну и стала показывать ещё башни.

Только они совсем близко и каменные. А наверху они острые, и на самом верху у них звезда.

И тётя сказала, что в этих звёздах свет зажигают и я вечером увижу. Они красным светом светят.

И там стена. Она не прямо идёт наверху, а с зубчиками.

Тётя сказала, что за стеной Кремль.

Я сказал, что я хочу сейчас пойти. И сказал, что мы с тётей пойдём. Мы немного пойдём и сейчас придём.

Тётя сказала, что она сейчас не может, и чтоб я не капризничал, и что мы теперь пойдём к себе в номер. А потом мама поведёт меня на Красную площадь, и там я всё увижу.

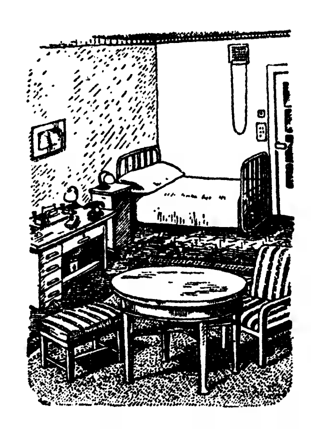
Мама обещала, что, правда, пойдём. И тоже сказала, что сейчас надо в номер. А я не знал, какой это номер.

КАКОЙ НОМЕР

И мы пошли в коридор. Там тоже коврик. По всему коридору. А по бокам всё двери, двери, и все они заперты. И я не знал, куда это тётя нас ведёт. Потом тётя остановилась около одной двери и ключиком открыла её.

— Вот ваш номер, — говорит.

Мы вошли, а там маленькая прихожая, а потом комната. И в комнате всё блестит. Стол очень блестит. Пол тоже блестит, только немного меньше. Там диванчик есть. И кресла есть. И стоит ящичек, и там радио. Потом на столе лампа, и на потолке лампа. А около кровати тоже лампа, на

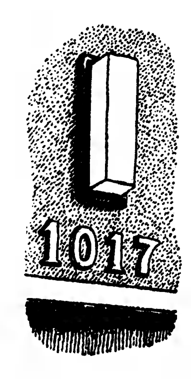

маминому столике стоит. И ещё стол с чернильницей. А на стене картинка. Нарисовано, как на парашюте летают. Мама заперла дверь и сказала:

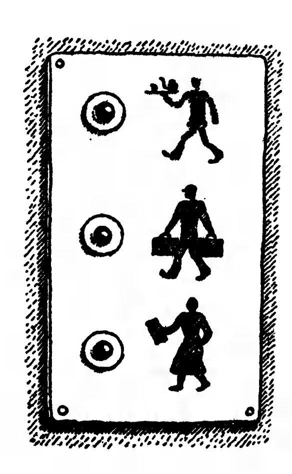
— Ну вот, тут мы будем жить.

КАК Я КУПАЛСЯ И ЧТО ПОТОМ СДЕЛАЛ

И я стал радоваться и залез на кресло. А мама не дала и сказала, что нужно мыться. Схватила меня за руку и повела в прихожую. А там двери, а потом комнатка. Там умывальник лучше, чем в вагоне. И ванна. Мама пустила в ванну воду, и сразу пошла тёплая вода. И брызгаться можно сколько угодно. Потому что пол каменный. И там висело ещё мохнатое полотенце. А наверху ещё горело электричество. Я долго купался в ванне и брызгался, как хотел. И начал петь. А потом мама меня одела в чистенькое и сама ушла в ванну купаться, а я стал нашу комнату смотреть. И вдруг вижу: на стене, у самой двери, беленькая дощечка, а на ней чёрненькие картиночки, одна под другой. На одной чёрный человечек несёт чайник, а на другой человечек несёт чемодан. А ещё на одной тётя. Она со щёткой. А против человечков — чёрные кнопочки, как пуговочки. Я попробовал верхнюю кнопочку, совсем немножко. Я самую чуточку пихнул её. А потом скорей на кресло сел. Вдруг что-нибудь будет? Потому что я кнопочку пихнул. Я посидел немножко и уже думал, что ничего не будет. А вдруг в дверь постучал кто-то. А мама в ванне плескается. В дверь ещё сильней постучали. Мама голову из ванной комнаты высунула и кричит:

— Кто там?

А оттуда дядя какой-то говорит:

— От вас звонили?

Я совсем к окну побежал и стал в окно глядеть.

Мама говорит:

— Это, должно быть, ошибка.

А дядя из-за двери говорит:

— Не может быть ошибки. Над вашей дверью свет горит.

Мама сказала:

— Ах! Ах! Это Алёша, наверное.

И закричала:

— Тогда принесите, пожалуйста, чаю на двоих!

А когда вышла из ванны, прямо ко мне:

— Ты что это распоряжаешься? Куда ты звонил?

Тогда я показал на человечков и сказал, что я нечаянно.

Мама говорит:

— Не вздумай здесь всё хватать: ты не дома. Какой ты несносный!

КАК МЫ ЧАЙ ПИЛИ И ПРО ЗВОНОК

Потом опять постучали, и входит дядя с подносом, и с чайником, и со стаканами. Только не чёрный, как на картинке, а на нём всё белое надето. Он постелил на стол скатерть и поставил чай. А потом говорит:

— У нас, гражданка, ошибки быть не может. Вот, пожалуйте.

И пошёл с мамой в коридор. Я тоже побежал смотреть.

У нас над дверью дядя показал фонарик. Он — как длинненькая коробочка.

Если кнопочку надавить, так фонарик зажигается.

Дядя и говорит:

— Вот вы кнопочку надавите, а мне сразу видно: фонарик загорится, и я знаю, куда меня зовут.

А потом мы опять пошли в нашу комнату, и дядя говорит:

— Если верхнюю кнопочку надавите, где вот человек с чайниками нарисован, так я приду. Я — номерной. Могу вам чай принести, завтрак, кофе или чего вам захочется. А вот если эту, где с чемоданами, так швейцар придёт вам вещи вынести. А где женщина со щёткой, если надавить кнопочку, так придёт девушка комнату прибрать.

И опять говорит:

— Ошибки, гражданка, быть не может.

Мама говорит:

— Это ребёнок позвонил. А я мылась. Такой шалун!

Потом номерной ушёл, а мы с мамой стали пить чай с нашей колбасой и с нашими конфетами.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Мы пили чай, а я всё говорил, что больше не хочу. А хочу, чтоб идти, где Красная площадь и где башни и звёзды наверху.

Мама сказала:

— Успокойся, пожалуйста. Успеешь.

А я не стал больше чаю пить и тихонько говорил:

—Пойдём! А я с той тётей пойду!

Мама рассердилась и сказала:

— Фу, несносный какой! Чаю нельзя напиться.

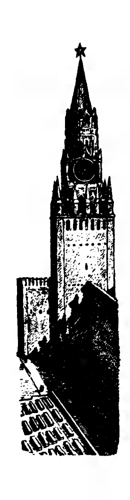
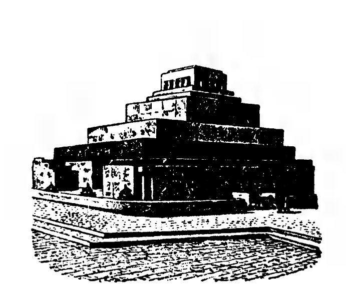
А мама вовсе чаю уже не пила, а только яблоко ела.

Мама встала и сказала:

— Ну, ищи свою шапку. Куда ты её дел?

И мы стали одеваться и пошли опять по коридору, а потом через большую комнату, где тётя за столиком сидит, и потом на лестницу.

И мы всё вниз шли, и там такие же большие комнаты. Только мы в них не заходили, а всё вниз по лестнице. И потом на улицу.

Мама спросила у одного военного, где Красная площадь. Он показал, как идти. И мы очень скоро пришли.

А Красная площадь большая-большая. И там эта стена с зубчиками и башни.

На одной башне часы высоко приделаны. У них стрелки золотые, и часы написаны тоже золотыми буквами.

Мама сказала, что это самые главные часы. Они звонят.

И часы вдруг как зазвонили: бам! бам! — на всю площадь.

Мама сказала:

— Вот слышишь? Это часы звонят. Сейчас двенадцать часов. Вон обе стрелки вместе и вверх глядят.

Я смотрел на часы, а они звонили.

А потом я увидал домик. Он очень блестел, потому что очень гладкий, такой гладкий, что я думал — он мокрый. А он не мокрый, он так заглажен. Он каменный, и я думал, что это как из кубиков построили.

Он очень красивый.

Мама сказала, что этот дом называется Мавзолей. И там никто не живёт. А что Ленин умер, и его туда положили, и можно посмотреть, как он лежит.

Я сказал:

— Почему положили?

Мама сказала, что если кто умрёт, так его похоронят, и больше не увидишь. А что Ленина любили и хотели, чтоб всегда его видеть. Его не стали хоронить, а положили в Мавзолей.

Я сказал, что хочу посмотреть на Ленина. Мама тоже сказала, что хочет.

Мы пошли к Мавзолею. Там дверь. И около двери стоят

два красноармейца. Они с ружьями. Только они ни в кого не целятся. Ружья у них на земле стоят, они только держат немного, чтоб не упали.

Мы с мамой не боялись и совсем близко подошли.

Там ходил дядя-милиционер. Мама его спросила, можно ли посмотреть Ленина. Милиционер сказал, что сегодня нельзя.

А я сказал:

— Почему нельзя?

Дядя-милиционер сказал, что сегодня выходной день и что в выходной нельзя. А завтра будет можно, и всегда можно. Только когда выходной — нельзя.

Мы с мамой дальше пошли, мимо стены, которая с зубчиками.

И я стал смотреть, где звёзды. Они высоко-высоко — на башнях, на самом верху. Я две видел. Они красные и блестят. Только они не горели, потому что там лампочки не зажгли. Там зажигают, когда темно.

А за стеной очень большой дом.

И ещё там дома всякие есть.

И это Кремль.

Потом мы пошли домой.

КАК ТУШИЛИ ПОЖАР

Мы пришли к нам в номер.

Мама села письмо писать, а мне дала очень большое яблоко, чтоб я сидел и ел.

И мама сказала, чтоб я ничего не говорил. Потому что она тогда писать не может.

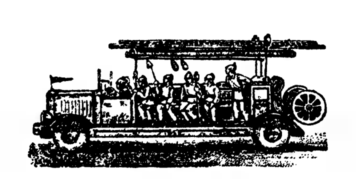
А окно у нас было открыто. И вдруг на улице как загудит! Как зазвонит!

И что-то завыло страшным голосом: ву-у-у-у!..

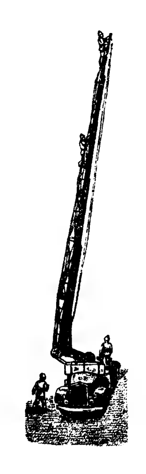
И потом: дилинь-дилинь, дилинь-дилинь!

И я вскочил, и мама вскочила.

И мы в окно увидали: на улице стоит милиционер, руку вверх держит. И на улице всё остановилось: и трамваи, и автомобили, и велосипеды. И ещё трамвайчики, которые без рельсов ходят, а прямо по асфальту. И ещё большие автомобили, которые — как вагоны. И ещё автомобили, на которых мешки возят и всякие ящики.

Все стоят, а милиционер не пропускает.

Все перед ним стоят, а сзади у него на улице пусто.

Мама говорит:

— Это что-то случилось.

А это не случилось, а это пожарные едут.

Они на красных автомобилях. В золотых касках. И едут со всей силы. И звонят в колокольчик.

А потом поехала та самая карета, которая больных подбирает.

Мама говорит:

— Смотри, смотри: «скорая помощь» поехала! Наверное, там несчастье и пожар.

А пожарные остановились около одного дома, и у них из автомобиля стала лесенка вырастать. Она высовывалась всё выше и выше. И по ней пожарный полез на дом.

И вдруг из этого дома, прямо из окошек, стал выходить дым. Очень чёрный. А потом — огонь.

Я стал бояться и стал кричать.

А мама говорит:

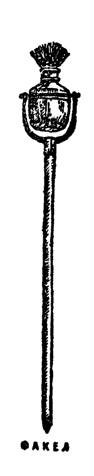
— Ничего, ничего. Сейчас потушат. Пожарные зальют водой. Вон смотри: уже заливают.

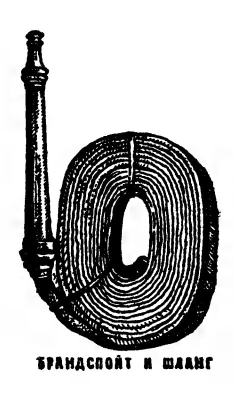
И вдруг снизу вода полетела из трубы вверх, прямо в окна.

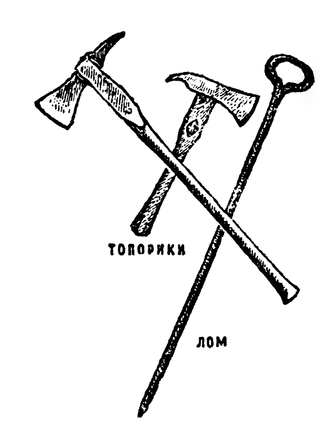
Мама говорит:

— Вот видишь, пожарные из трубы заливают.

А пожарные стали ещё из одной трубы воду лить. И ещё из одной. И ещё две лестницы поставили.

КАК ПОЖАР КОНЧИЛСЯ

Мы с мамой смотрели, как они тушат, и вдруг к нам кто-то в дверь стал стучать.

Мама говорит:

— Войдите!

И пошла отворять.

Пришёл какой-то дядя незнакомый и стал просить, чтобы мы ему пожар показали. А то от него не видно.

Дядя сказал, что очень большой дом горит и очень сильный пожар.

А пожарных приехало много-много, и они уже двух мальчиков вытащили из дома. И одну тётю. И по лестницам снесли вниз. А то бы они все сгорели. Один мальчик обжёгся, только не очень. И «скорая помощь» увезла его в больницу. Там его лечить будут. Он ручку обжёг.

А потом огонь перестал, а только один белый дым шёл из окон.

И милиционер пустил трамваи ехать. А их много стояло. Целый поезд. Длинный-длинный.

Дядя говорит:

— Ну, уже потушили.

И ещё говорит:

— Извините.

И ушёл.

А я всё не хотел с окна сходить и смотрел в окно, как дым идёт.

Мама говорит:

— Ты ещё в окно вылетишь. Сейчас же сойди.

А потом вот что было: мы с мамой пошли, и я не знал, куда.

Мы опять на лифте ехали, и мама сказала лифтёру:

— В самый низ, пожалуйста.

И мне опять было страшно на лифте, потому что когда вниз едешь, то кажется, как будто немножко падаешь.

А потом лифтёр открыл двери, и мы с мамой пошли на улицу.

Все пожарные уже домой ехали, и не очень скоро. Это на пожар они со всей силы едут, а то всё сгорит, пока доедут. А домой они понемножку едут.

МЕТРО

КАК ПОД ЗЕМЛЁЙ ЕЗДЯТ

Мы с мамой посмотрели на пожарных и на трамваи, которые без рельсов ходят, а прямо по асфальту.

Мама сказала, что такие трамваи называются троллейбусы. У них колёса, как у автомобилей, резиновые.

Я говорю:

— Почему без рельсов?

А мама говорит:

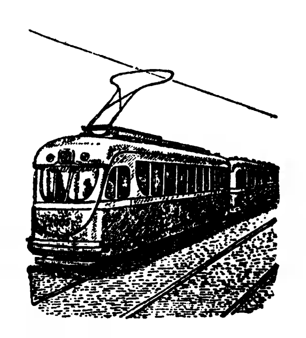
— Это что — без рельсов! Тут и под землёй трамваи ходят.

А я сказал:

— Под землёй нет, там земля.

А мама говорит:

— А ты в погреб ходил? А погреб тоже под землёй. А в Москве большой-большой погреб вырыли. Длинный длинный. И с одной стороны вход, и с другой стороны вход. А в этом погребе положили рельсы и пустили трамвай. Он

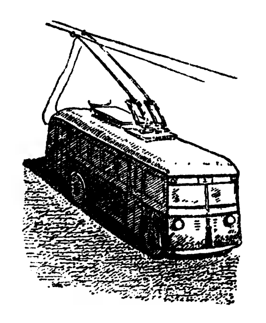
от одного входа до другого бегает. В один вход люди войдут, на трамвай сядут. Он побежит под землёй и добежит до другого входа. А там лестница. Люди из трамвая выйдут и пойдут по лестнице наверх и выйдут на улицу. Вот давай сейчас поедем.

А я говорю:

— Не хочу.

Мама говорит:

— Почему? Что за глупости!

А я говорю:

— Там темно и земля.

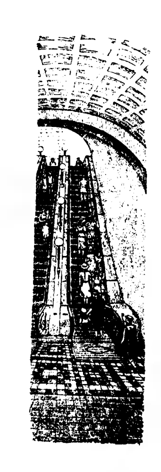
А мама не стала слушать и спрашивает у тёти:

— Скажите, где метро?

Тётя показала пальцем на наш дом, где наша с мамой комната.

А мама говорит:

— Да, да, вижу. Спасибо!

КАК Я ЕЗДИЛ В МЕТРО

Мы с мамой пошли и вошли в дверь. Там большая комната, и стоят будочки. А в будочках окошечки. И люди подходят и билеты покупают. Мама тоже купила билет, и мы пошли вниз по лестнице. И все люди тоже пошли по лестнице вниз.

Я думал — сейчас земля начнётся и будет погреб. Тогда я не пойду и начну плакать, и мама всё равно назад пойдёт. А там земли не было, а был коридор. Только очень широкий и очень белый.

Электричество горит, лампы большие, и много-много, и стенки блестят. А пол каменный, жёлтенький и тоже очень гладкий. А земли никакой нет.

А потом все пошли к лестницам. И когда мы с мамой подошли, мама стала и забоялась. Там пол бежит вперёд, прямо на

лестницу. Один дядя шагнул на этот пол; только стал, так и поехал.

А одна тётя подошла к маме и говорит:

— Вы не бойтесь! Сразу шагайте! Раз!

И дёрнула маму за руку. Мама шагнула и меня потянула. И мы поехали.

А пол, где мы с мамой стояли, опустился, и вышло, что мы стоим на ступеньке, а тётя, что нас дёрнула, — на другой ступеньке. И ступеньки едут вниз. И впереди тоже ступеньки, и на них стоят дяди, и тёти, и ещё мальчики. И все едут вниз на ступеньках. А один дядя не захотел просто так ехать, а ещё сам побежал по ступенькам.

А когда мы вниз приехали, ступеньки опять стали как пол. И мы на этом полу поехали вперёд.

Тут мама меня схватила на руки и прыгнула на настоящий пол. Он не ходит, а стоит. Это мы приехали на подземный вокзал. И всё равно земли там нету, а очень большой вокзал. Очень светло. Люди ходят. И мы вышли на платформу. Там тоже электричество горит. И очень много людей.

А трамвая не было: он ещё не пришёл.

На платформе к самому краю милиционер не пускает ходить, потому что можно упасть. Там, внизу, рельсы, и можно ушибиться. Вдруг загудело. Я посмотрел, что это гудит, а там — круглые ворота, а в воротах темно. Я думал — там, наверное, погреб. А оттуда трамвай выскочил — это он и шумел — и подбежал к самой платформе, очень длинный. Он стал.

Мы с мамой подошли, и вдруг двери сами разошлись, и стало можно войти. Там диваны, электричество горит, и всё блестит, как серебряное. Потом двери сами стянулись и закрылись. И мы поехали.

Я в окно смотрел, и всё равно земли никакой нет, а белая стена, и все лампочки горят. А потом мы остановились, двери опять открылись, и мы с мамой вышли. И там опять вокзал. А потом по лестнице пошли вверх и вышли на улицу.

ЗООСАД

КАК МЫ ЕЗДИЛИ В ЗООЛОГИЧЕСКИЙ САД

Мама говорит:

— Вот я и не знаю, где мы.

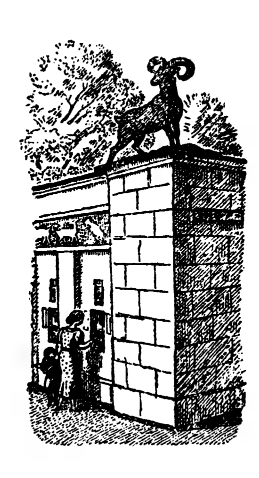
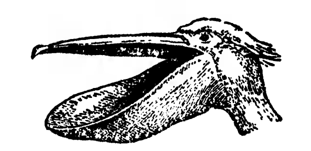
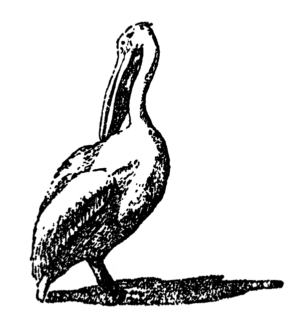
И стала спрашивать у одного дяди, как нам дальше ехать. Дядя маме рассказал. И мы с мамой сели в трамвай. И мама сказала, что мы сейчас поедем смотреть диких зверей.

А я спросил:

— А они нас не заедят?

Все кругом засмеялись, и одна тётя незнакомая сказала:

— Они в клетках сидят в железных. Они не могут выскочить. Там есть маленькие лошадки. Попроси маму, она тебя покатает.

КАК МЫ В ЗООСАД ПРИЕХАЛИ

Мы в трамвае не очень долго ехали. Нам сказали, что нам скоро выходить. Мы пошли вперёд, чтобы выходить. И все нас спрашивали:

— Вы у зоосада выходите?

Это потому, что они тоже хотели выходить. А если мы не выходим, так чтобы их вперёд пустить. Там, в трамвае, очень много народу было. И надо пропускать, кому выходить. Нам надо было выходить, и нас пропускали. Один дядя даже сказал:

— Давайте, гражданка, я вам мальчика вынесу.

И он меня вынес. Мама сказала «спасибо» и взяла меня за руку. И мы пошли в зоосад. Там стенка. И на стенке стоят звери. Только они не живые, а сделанные. И надо брать билет, как на поезд. Там в стенке окошечки, и в окошечки дают билеты.

А потом надо идти в ворота. А там дальше сад.

ПЕЛИКАН

Мама стала всех спрашивать:

— Где слоны? Где слоны?

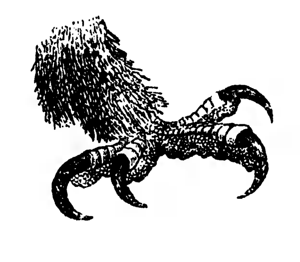
А я сказал маме:

— Почему слоны?

Мама сказала:

— А вот потому. Иди скорей.

А там была вода. Прямо целый пруд. И там плавали птицы. И по берегу ходила одна птица. На маленьких нож-

ках и очень толстая. У ней клюв очень большой. И под всем клювом кожа висит, как мешок.

Я закричал:

— Ой, кто это? Кто это?

Мама сказала:

— Не знаю, идём. Это птица.

А один мальчик проходил и сказал:

— Это пеликан. Он клювом рыбу ловит и в этот мешок под клювом складывает. А потом ест.

Я маму спросил:

— Правда, пеликан?

Мама сказала:

— Правда, правда! Идём.

ОРЁЛ

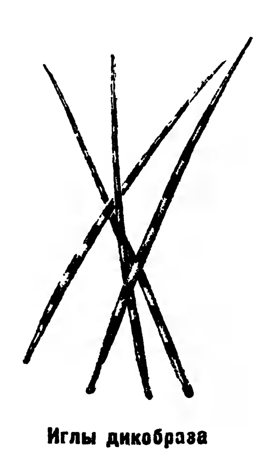
А потом я не захотел идти, потому что очень скоро и потому, что я за решёткой увидал очень большую птицу.

И я стал кричать:

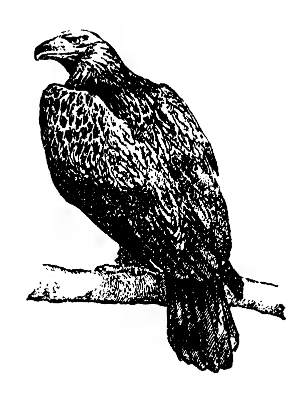
— Мама, вон какая птица!

И я стал показывать на эту птицу. У ней на клюве, на конце, — крючок. А на лапах — очень острые когти. Она коричневая и немного чёрная. И я тянул маму, чтоб к ней идти. Мы совсем близко подошли.

Эта птица сидела на большом камне и лапами держала сырое мясо. Она клювом отрывала кусочки и потом на всех глядела и ела мясо. Она очень сердито глядела. И все говорили, что это орёл. И что это самая главная птица. Потому что она всякую птицу может победить и заклевать. И что

Иглы дикобраза

она маленького барашка может унести и даже маленького мальчика унесёт. И две такие птицы могут даже большого человека забить. Они только сырое мясо и едят. Они хлеба не станут есть. Они очень высоко летают и сверху смотрят, кого им заклевать. И всяких птичек хватают, и зайчиков тоже. А этот мальчик, который раньше нам встретился, там тоже стоял, и он про орла много рассказывал.

Он сказал, что про всех зверей знает, потому что он в зоосаде учится. Их много, таких мальчиков и девочек. Они за зверями тоже смотрят. И они про зверей всё знают.

А мама ему сказала:

— Ты в школе учишься, а не в зоосаде.

А он сказал, что он в школе учится всему, а про зверей в зоосаде учится.

ДИКОБРАЗ

Вдруг я услыхал, как один дядя закричал:

— Вон он, дикобраз! Вон, вон, гляди!

Я сказал немножко громко:

— Мама, вон кричат «дикобраз». Хочу дикобраза!

А мама сказала:

— Это вот про тебя кричат. Ты скандалишь, ты и есть дикобраз-безобраз.

А я сказал:

— Мама, все туда смотрят, в клетку. Пойдём.

А потом стал говорить:

— Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста!

И мы пошли к этой клетке. И вовсе не про меня дядя го-

ворил, что дикобраз, а там, в клетке, сидел дикобраз. Из него растут, прямо как прутья, такие иголки. Они острые. Его ни за что нельзя погладить. А впереди у него мордочка. И носик кругленький. И на мордочке иголок нет, а волосики.

Мама на дощечке про него прочитала. Мама сказала, что он живёт в жарких странах.

В клетке у дикобраза был домик, и там, в домике, другой дикобраз лежал.

А потом дядя, который кричал про дикобраза, говорил, что эти колючки очень могут колоть. Он сказал, что сам видал дикобраза. Он хотел его поймать. А дикобраз побежал скорей к ямке и совсем голову в ямке спрятал. А колючки все на дядю выставил, и его никак взять дядя не мог, потому что колючки очень острые и они во все стороны торчат.

А когда мы с мамой дикобраза смотрели, он колючек не выставлял, а их все назад держал. Он совсем небольшой. Он как маленькая собачка. У него мордочка очень добрая.

Я маму спросил:

— Мама, дикобраз хороший?

Мама сказала:

— Ну, вот сам видишь, какой.

А я сказал:

— Хороший, хороший!

Мама сказала, что надо скорей к слонам, и мы пошли.

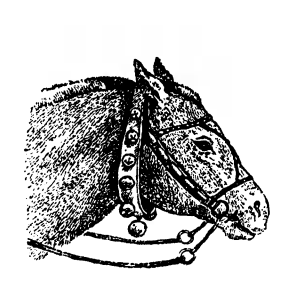
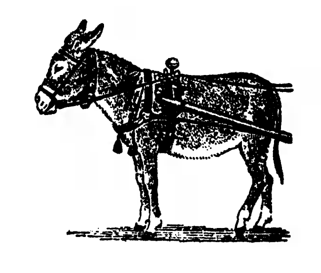
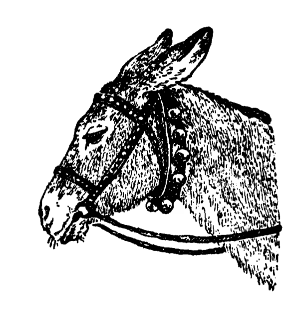
КАК Я КАТАЛСЯ НА МАЛЕНЬКОЙ ЛОШАДКЕ

Мама опять стала всех спрашивать:

— Где слоны?

Нам сказали, чтобы мы дальше шли. А дальше был заборчик, а за заборчиком бегала маленькая лошадка. Она совсем маленькая. Это детская лошадка. Эта лошадка возила повозочку. Повозочка очень маленькая. И в повозке сидели две девочки маленькие и ещё мальчик, немножко побольше. Мальчик вожжи держал и правил. Я стал радоваться и стал в ладоши хлопать и кричать:

— Ай, ай, какая лошадка!

И я кричал, что хочу на этой лошадке ехать. А потом ещё пробежала лошадка, тоже с повозочкой. Только у этой лошадки уши были очень длинные.

Я стал кричать:

— Какая смешная!

Мама сказала, что это я смешной. Потому что это не лошадка, а ослик. У них всегда уши длинные. И хвост у них не из волос, а как верёвка, только на конце кисточка из волос.

И эти ослик и лошадка бегали кругом за заборчиком. И возили мальчиков и девочек. А у лошадки и ослика ещё звоночки были прицеплены. Лошадка бежала и звонила. Я стал маму просить, чтоб покататься непременно на этой лошадке.

Мама сказала:

— Я не знаю. Может быть, не пустят.

А тут один дядя стоял. Он сказал:

— Это для всех детей. И надо купить билет.

И сказал:

— Идёмте, идёмте. Я вас провожу.

И даже взял меня за руку.

Мама сказала:

— Ах, я не знаю. Я очень спешу!

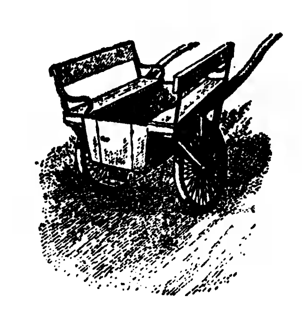
А мы уже пришли, где можно к лошадкам пройти. И там стоял дядя, и он билеты давал. И там этот ослик стоял. И дядя, который билеты давал, говорит:

— Ну, давай я тебя посажу.

А я сказал:

— Не надо меня сажать. Я на ослике не хочу. Я хочу на маленькой лошадке.

А он сказал:

— Ну, тогда жди.

А лошадка мимо нас проехала и опять поехала вокруг. Потому что это ещё те девочки катались. Я смотрел, как лошадка ножками бежит. Она прямо как игрушечная. И головка у ней тоже маленькая.

Пусть папа мне такую подарит, я её очень любить буду. Я бы с ней вместе спал, и она бы по комнате у меня ходила. Я бы её гладил. Я бы ей всё есть давал. Я бы её целовал. И я бы на неё верхом сел и поехал бы с саблей. Тогда бы все мальчики боялись меня.

Я всё смотрел на лошадку, как она к нам подбегала. А когда она до нас добежала, мальчик, который правил, сказал лошадке «тпру», и она стала. Девочки стали вылезать, и мне мама сказала, чтоб я садился. А я сказал, что хочу сначала погладить лошадку.

Она была как раз с меня ростом. И я её по спине погладил. А она головой стала трясти. И я ей немножко шею погладил.

А мальчик, который правил, мне крикнул:

— Не бойся, она не кусает!

И я лошадке мордочку погладил.

Мама сказала, что у ней была собака больше, чем эта лошадка. А дядя, который билеты давал, сказал, что это пони и что она, хоть и такая маленькая, всё равно очень сильная и ей уже много лет.

Потом этот дядя посадил меня в повозку на скамеечку. А напротив посадил одну девочку. И мама мне всё говорила, чтоб я держался.

Мы поехали, лошадка затопала, и звоночки зазвонили.

А эта девочка так обрадовалась, что закричала очень тоненько. И я тоже закричал, потому что это очень хорошо — как мы поехали. И все на нас из-за заборчика смотрели. И как девочка кричит, смотрели.

И мы проехали мимо мамы, и я ей рукой махал. Она мне кричала:

— Держись, Алёшка! Держись!

А мальчик, который правил, сказал:

— Она и большого человека везти может. Она очень сильная.

И что это ничего, что она, как собака, ростом.

И мы ещё раз мимо мамы проехали. А девочка не стала кричать, а взяла меня за руку, и мы стали руки качать и говорить:

— И! И! И!

И мы теперь приехали к моей маме, и к девочкиной маме, и где этот человек с билетами. И нас с повозки сняли. Я ещё хотел лошадку погладить, а мама сказала, что нужно скорей.

МИШКИ

И мы пошли. А я вдруг увидел опять решётку. Очень большую и очень высокую. Там стояло дерево, только без листьев, и на нём живые мишки.

И я закричал:

— Мама, мишки!

Мама сказала:

— Потом.

А я сказал:

— Не потом! Не потом!

И стал маму тянуть, где мишки, и стал кричать:

— Мама, пойдём! Мама, пойдём!

И все стали на нас глядеть. Мама сказала:

— Фу, какой скандальный!

И сказала, что так мы никогда до слонов не дойдём. А она всё-таки пошла со мной, где медведики. Они были маленькие, как собачки, потому что они ещё дети.

Они лазили по этому дереву, которое у них стояло. Они на дереве играли и кусались. Только не в самом деле, а немножко. И один хотел другого вниз стянуть. Он его лапой

хватал за ногу. А на лапах у них когти, чёрные и длинные. А сами мишки коричневые, совсем как мой мишка.

Они очень скоро лазят по дереву. Они когтями прямо как кошки цепляются.

А потом я увидал там ещё двух мишек. Они тоже хотели на дерево лезть, а те мишки их не пускали и очень смешно кусались. И все смеялись.

И мама тоже смеялась.

А один мишка побежал, и я стал смотреть, почему он побежал. А там были две серенькие обезьянки. Они совсем как человечки. Только на них серая шерсть, как на кошках. А на лице шерсти нету. И на ушках тоже. Только лица у них, как у старушек. Это мишка к ним бежал, чтоб их лапой достать. А они вскочили на решётку и полезли наверх.

Они ручками и ножками хватались за решётку — у них на ножках пальчики, как на руках. Они в кулак их могут зажать. И всё, что захотят, они ногой могут хватать. Потому им так ловко лазить: как на четырёх руках.

Мишка потянулся по решётке и не мог достать. А я испугался, что он за ними полезет и их закусает. Он по той решётке не мог полезть, потому что тоненькая. А он по толстой полез. Он очень хорошо полез. Он тоже и руками и ногами лез. И потом вбок лез. Только он так скоро не может, как обезьянки.

Я все думал, что обезьянки, может быть, человечки, и сказал маме:

— Они, может быть, немножечко человечки?

А мама сказала:

— Не говори глупостей! Это просто мартышки такие.

И потом вдруг туда пришёл тот самый мальчик, который нам про орла рассказывал. И все мишки к нему побежали.

Я хотел ещё на мишек смотреть, а мама сказала:

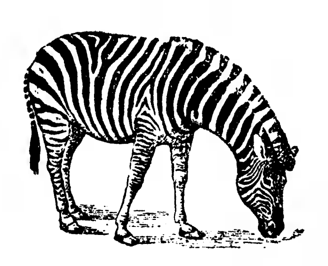
— Ну, идём к слонам. Так мы никогда не дойдём.

ЗЕБРА

Мама очень скоро пошла. И вдруг она сама сказала:

— Ах, какая!

И стала. А это была за решёткой лошадь. И я думал, что на ней одеяло нашито. Потому что на ней жёлтые и чёр-

ные полоски. А мама сказала, что никакое не одеяло, а это у ней шерсть сама так растёт. И сказала, что это зебра. Мама даже сказала:

— Ай, надо им дать поесть!

Их там две было. А они вовсе не хотели есть. Они даже на нас не смотрели. А я на них смотрел. И я потому смотрел, что они очень красивые. У них волосы стоят на шее, как щётка.

А мама вдруг сказала:

— Ах, да! Слоны!

КАК МЫ ЗАВТРАКАЛИ

Только мама забыла, куда идти.

Тут была скамейка. И мама вдруг села и сказала:

— Ты не устал?

Потом сказала:

— Что ж ты бледный какой? Ты, может, есть хочешь?

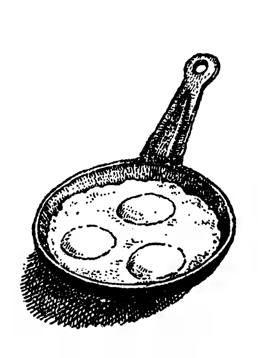
Я сказал, что хочу. Мама стала всех спрашивать, где буфет. И все стали показывать, куда идти. Мы очень немного шли и увидели веранду. И пошли на эту веранду. А там стояли столики и стулья. И там сидели, и ели, и пили чай.

Мы с мамой тоже сели у столика. И потом пришла тётя в белом фартуке, и мама сказала:

— Дайте ребёнку стакан молока и, если можно, яичницу.

А маме чтоб сосиски дали.

Я сказал, что я тоже лучше сосиски буду. А мама сказала, чтоб я не капризничал. И мне принесли молока и яични-

цу. И ещё мама спросила булочек. Я всё ел и слышал, как звонят звоночки, потому что это лошадка бегала и возила детей кататься. А я уже катался и знаю.

А потом около нас сели две тёти и сказали, чтоб им дали мороженого. А я стал маме говорить тихонько, что я тоже хочу мороженого. А мама сказала, что у меня живот будет болеть. А я сказал, что «не будет, не будет». И стал очень просить и хотел плакать.

Мама сказала:

— Фу, какой! Я с тобой больше никуда не пойду.

И сказала тёте в фартуке, чтоб дала мне мороженого. И мне дали. Маме тоже дали мороженого. Я всё своё съел. А мама всё мяла ложечкой, и у ней растаяло.

Мама скорей заплатила деньги и сказала:

— Ну, пойдём домой. С тобой прямо невозможно.

Я ВИДЕЛ ПИОНЕРОВ

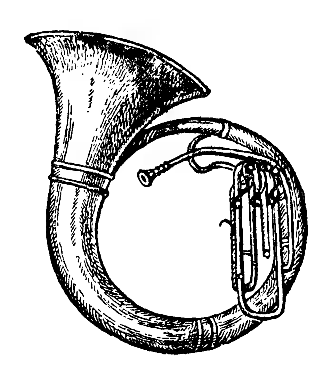
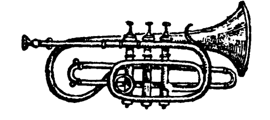
Мы опять на трамвае ехали.

И вдруг трамвай остановился, и все стали смотреть в окна. Я тоже стал смотреть. А мама меня держала и говорила, что я хочу упасть. Ну да, как раз упасть! Ничего не упасть, а там впереди, прямо по улице, шли мальчики и девочки. Они шли, как красноармейцы. Они в белых рубашках, и у них красные галстуки у всех на шее. И ещё в трубы трубили очень громко.

Все стали говорить:

— Пионеры идут! Пионеры идут!

А потом они флаг несли. Это мальчик один нёс, а около

него шли девочка и мальчик. И у них были ружья. А потом немножко никто не шёл, и вдруг пошла музыка.

Я закричал:

— Мальчики играют! Мальчики играют!

А они очень хорошо играли. Только они были не в белых рубашках, а в синих. А потом опять пошли мальчики и девочки в синем. Они тоже шли, как красноармейцы. И у них тоже были красные галстуки на шее. А мама взяла и потянула меня с окна, потому что сказала, что я выпаду. А какой-то дядя стал вместо меня смотреть и загородил всё окно.

А потом трамвай пошёл. И мы приехали в нашу гостиницу.

КАК МЫ ОПЯТЬ В ЗООСАД ПОШЛИ

А у меня немножко живот болел. Только я маме ничего не сказал, потому что я боялся, что мама не возьмёт меня в зоосад ещё раз.

Мама говорила:

— Вот видишь, как с тобой! Вот слонов и не видали.

А я сказал:

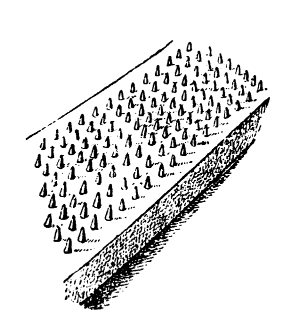
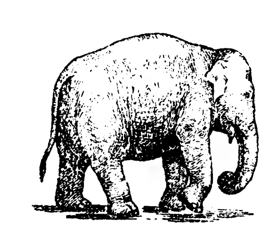
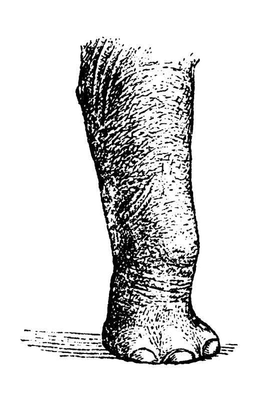
— А мы ещё пойдём.

Мама сказала:

— С таким скандальным мальчиком я не хочу ходить.

И пошла напускать в ванну воду.

А когда я ложился спать, я просил маму, чтоб она дала мне мишку спать со мной. И я стал мишкой ходить по постели, как те мишки в зоосаде. И тоже делал, чтоб он лазил.

А мама сказала:

— Теперь спать не будешь. Тебе нельзя в зоосад ходить.

Я мишку спрятал под одеяло и потихоньку с ним кусался. А потом заснул. А когда я встал и потом когда чай пил, вдруг мама говорит:

— Не копайся! Кончай скорей. Мы сейчас едем.

Мама стала надевать шляпу, и мы очень скоро пошли. Мама сказала, что мы прямо едем слонов смотреть. И мы поехали в зоосад.

А в зоосаде мама взяла меня за руку и сказала:

— Если ты будешь скандалить, я моментально вернусь назад. Так и знай.

И мы очень скоро пошли. Я даже бежал, потому что мама очень скоро шла. И мы пришли, где слоны.

СЛОНЫ

Я увидал, что там земля идёт немножко вверх. И там стоит очень большой слон.

Он как неживой. Он сначала ничего не делал, так что я думал, что, правда, неживой. А он живой. Он хоботом стал крутить. Это у него из головы идёт хобот. И хобот до самой земли доходит. И он хоботом как угодно может крутить. И крючком загибать. И как угодно. Он набирал в хобот с земли пыль, а потом всю пыль выдувал себе на спину. И живот тоже обдувал пылью.

Я всё говорил:

— Почему?

А мне сказали, что это он для того, чтоб его никакие блохи не кусали.

У него волос нет, а прямо толстая кожа. И вся кожа в складках. А на голове у него большие уши. Уши такие большие, прямо во всю голову. И он ими трясёт и хлопает. А глазки совсем маленькие.

И все говорили, что он очень сильный и может хоботом автомобиль перевернуть. А если очень рассердится, ему ничего не стоит человека убить. Он может хоботом человека за ногу схватить и о землю хлопнуть. Только он очень добрый.

А слон стоял, стоял да вдруг пошёл к нам. Он вниз к нам пошёл. А я немножко испугался. Вдруг он к нам придёт и начнёт нас всех хоботом убивать! А он тихонько шёл. Ноги у него очень толстые, прямо как столбы. И на ногах пальцы, а не видно, а только одни ногти очень коротенькие.

И я думал, что это у него копыта маленькие торчат из ноги. А это ногти. Он такой ногой может кого угодно стоптать.

И я стал бояться. И сказал маме тихонько:

— Я боюсь. Чего он сюда идёт?

А один дядя услыхал, как я говорю, и сказал громко:

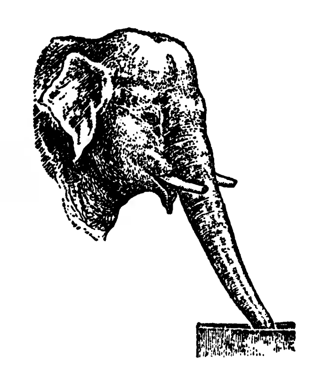
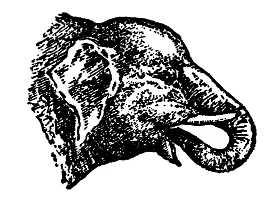
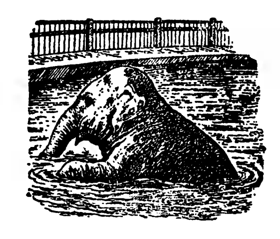
— Он боится, что слон на нас идёт! Ха-ха-ха!

И все стали показывать, что там кругом сделана дорожка. А она каменная. И она вся в гвоздях. Там гвозди острым кверху стоят. Слон через неё перейти не может, потому что он себе ногу поколет. И он до нас не дойдёт.

КАК СЛОН КУПАЛСЯ

Меня поставили на заборчик, чтоб я увидал, как сделана эта дорожка. И я тогда увидал, что там внизу, за этой дорожкой, есть вода. И слон пошёл прямо к этой воде. Я думал, что он пить хочет, а он не пить. Он купаться хотел. Он в эту воду совсем залез. Так что только голова одна наверху была. И спина немножко.

А потом он стал хоботом набирать воду и её выливать себе на спину. Прямо как пожарные пожар заливают. А потом я увидел, что ещё слон идёт. Только он меньше этого. И мне сказали, что он небольшой,

что он ещё мальчик. И у него рядом с хоботом два белых зуба вперёд торчат.

Я сказал:

— Ай, зубы какие!

А все стали смеяться и мне кричать:

— Это клыки! Это клыки!

А я сказал:

— А почему у большого нет?

Никто ничего не говорил, только один дядя сказал, что тот слон — мама. И что «вот у твоей мамы усов нет, так и у той слонихи клыков нет». У слоних клыков не бывает. А эта слониха взяла набрала воды в хобот да как дунет на нас водой! Так все и побежали.

Все очень смеялись, и я тоже.

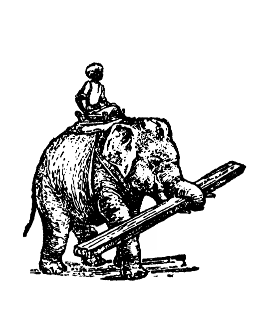
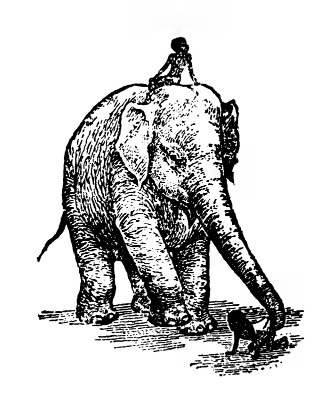
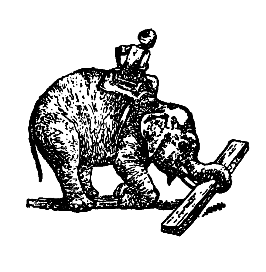
КАК СЛОН ПЬЁТ

Потом прибежал дядя, который за слонами смотрит. Слониха прямо в него водой пустила, а дядя на неё кричал:

— Не балуй!

А потом маленький слон пошёл наверх. А там было большое корыто. А в этом корыте была вода. Он стал набирать воду в хобот, а потом хобот в рот загибал и туда эту воду выдувал. Он так много раз сделал. И тогда напился.

Это его водой так поят. Ему в это корыто воду наливают. А я спросил, что ему есть дают. И все знали, что он ест. Все сказали, что он сено ест, что он ест картошку, и морковку ест, и сахар. А мяса он не ест. И он очень смирный.

А мама сказала:

— Смирный, смирный, а мне всё платье забрызгал!

Мама взяла меня за руку и повела. Мама говорила:

— Надо, чтобы платье просохло. Я не хочу ходить чучелой. Сядем тут, на солнце.

Мама села на скамейку и сказала, чтоб я тоже сел и не пылил, потому что к мокрому платью пыль прилипает.

КАКОЙ МАЛЬЧИК ПЕТЯ

И вдруг подошёл мальчик и сказал:

— Здравствуйте!

А это — тот мальчик, который про птицу орла рассказывал.

Я тоже сказал:

— Здравствуй!

А мама ничего не сказала.

Мальчик спросил:

— Что, устали?

А я сказал, что не устали, а что это мама платье сушит.

Мальчик спросил маму:

— Можно, я с ним пойду, ему обезьян покажу?

А мама говорит:

— Не могу я пускать ребёнка с неизвестным мальчишкой.

А мальчик говорит:

— Я известный. Меня все здесь знают. Я — Петя.

Я сказал:

— Мама, он — Петя.

Мама сказала:

— Хоть Петя, хоть рас-Петя, а никуда ты не пойдёшь. И сиди, пожалуйста, на месте.

КАКИЕ СЛОНЫ УМНЫЕ

А Петя взял и сел ко мне на скамейку. Он сказал, что мама, наверное, оттого такая сердитая, что её слоны вымочили. А это они не нарочно. Это они так играют: водой на всех брызгают. А слоны умные. Их научают, и они всякую работу делают: и брёвна таскают, и землю копают, и воду носят. Они даже гулять с детьми вместо няньки ходят. И смотрят, чтобы детей никто не обидел. На слонах даже на охоту ездят. Сядут охотники ему на спину с ружьями, слон их везёт. А они сверху в самых диких зверей стреляют. Даже тигров стреляют. А тигр очень страшный. И его здесь, в зоосаде, можно будет посмотреть.

ПРО ХИЩНИКОВ

Я сказал маме:

— Идём! Я хочу тигра смотреть.

А мама сказала, что она мокрая никуда не пойдёт.

Мама очень сердилась на слонов, что они её забрызгали.

Петя меня спросил, как меня зовут. Я сказал, что Алёшей и что ещё зовут Почемучкой — за то, что я всё спрашиваю: «Почему?» А я Пете не сказал «почему», а спросил про тигра — может ли он людей покусать.

Петя сказал, что не может, потому что тигр в клетке сидит железной. А то он не только людей, а лошадь может съесть. Даже быка может съесть. Медведь на что сильный, а и медведя тигр тоже заест.

А я сказал:

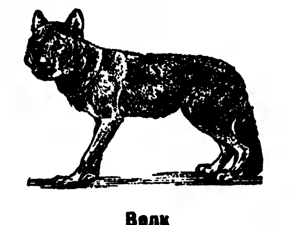
— Как же его в клетку загнали, если он всех может заесть?

А Петя засмеялся и говорит:

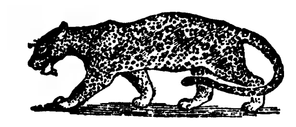
— Они не здесь, они далеко живут. Их звероловы ловят.

Черная пантера

Волк

Леопард

Они их в сети ловят. И очень боятся, когда их ловят. Тигр только и ест что сырое мясо.

А я сказал:

— Орёл тоже сырое мясо ест.

А Петя говорит:

— Все такие, кто без сырого мяса не может, — это всё хищники.

А я сказал:

— Хичники?

А Петя сказал:

— Не хичники, а хищники.

Я сказал:

— Ну да, которые сильные и кусачие. Они всех едят.

А Петя сказал:

— Это не то что сильный. Вот бык какой сильный, а он никого не ест. Он только траву ест.

А потом Петя закричал:

— Ну да! А слон? Он всех сильней. А он вот мяса ни крошки есть не станет.

Мама сказала:

— И что за глупости! Собака мясо ест, а совсем не хищник.

А Петя сказал:

— Нет хищник. И собака хищник, и волк хищник, и лиса хищник, и кошка тоже хищник.

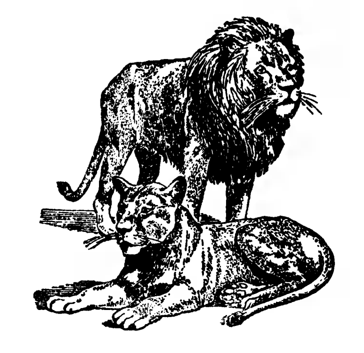
Мама сказала:

— Сам ты хищник!

А Петя сказал:

— Я не хищник, потому что у меня зубы не такие. У хищника все зубы острые, и он зубами траву не может

Лиса

Собака

тереть, а я могу. И корешки всякие могу тереть. И зёрна могу перетереть. А у хищника зубы, как пила.

Мама сказала Пете, что он сам пила. И потом сказала:

— Ну, пойдём. Где твои хищники?

ПРО ТИГРА И ПРО ЛЬВА

А я сказал, чтоб тигра идти смотреть.

И мы пошли с Петей. И я услыхал, как очень громко кричит какой-то зверь. И я Петю взял за руку, чтоб держаться. А Петя сказал:

— Не бойся, это лев. Он в клетке — и не выскочит.

И вдруг я увидел большую клетку, а в ней ходил зверь, и у него волосы были до половины, как у Инзола. А сзади коротенькая шерсть. Только он очень большой и жёлтый, а не чёрный. И он очень сердито смотрел.

А все кругом стояли и не боялись, потому что он в клетке.

Я тихонько Петю спросил:

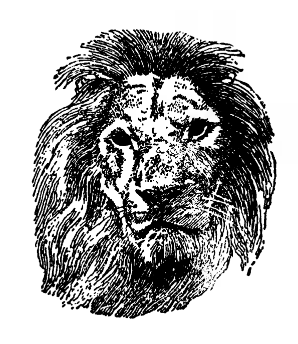
— Петя, это он?

А Петя сказал:

— Ты думаешь, тигр? Это лев. Он тоже хищник.

А у льва лапа на конце очень широкая, и там, на пальцах, когти.

Петя сказал, что лев как ударит быка лапой, так и убьёт. Он прыгает очень хорошо. Он так и наскакивает прыжком. Напрыгнет и заест. Его тоже сюда привезли. Он живёт там, где всегда жарко. Он жару любит. Его на зиму в дом переводят, а то он зимой совсем замёрзнет.

Мама сказала:

— Ну, посмотрел льва, и идём дальше.

И мы пошли к другой клетке.

А там, я думал, что ничего нет. А Петя меня поднял и посадил на забор. Там из толстого бревна загородка стоит. Это — чтоб не подходили к зверям, чтоб звери лапой не цапали. А когда меня Петя посадил наверх, я увидел, что в клетке есть зверь, только он лежал. И я думал, что это не зверь, а только кожа от него. Потому что прямо как ковёр.

И этот зверь весь в полосках. Жёлтых и чёрных. И зверь очень длинный. А голова у него, как у кошки. Только очень большая.

И Петя мне сказал:

— Вот это — он.

А это «он» и есть тигр.

А там около клетки ходил человек с метёлкой.

Он в клетку сунул метёлку и стал немножко мести. А тигр вдруг голову поднял и посмотрел. И на меня посмотрел. Он страшней, чем лев. А потом тигр встал на лапы. Я боялся, что он будет что-нибудь делать. А он стал тянуться, как кошка, потому что он спал. И потом зевнул.

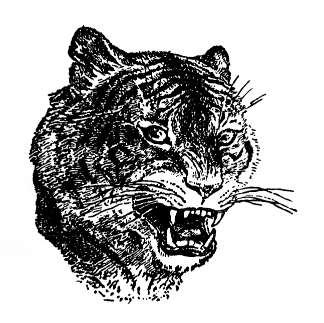
Петя мне крикнул:

— Гляди, гляди, зубы!

А у тигра очень большие зубы. Прямо громадные. Они — как у меня палец, и ещё больше. Они белые и на конце острые. А потом тигр стал ходить.

Он лапами не стучал, и я думал, что он кого-то ищет. А он никого не искал.

Петя сказал, что тигры всегда так ходят. Это — чтоб потихоньку подойти, чтоб не слыхали.

Он так вот подойдёт, а потом сразу прыгнет.

А потом тигр подошёл к самой решётке, открыл рот да как сделает «кха!», так даже дяди большие немного назад отошли.

Мама сказала:

— Фу, какой противный!

А он не противный, а очень страшный. Он, наверное, укусить хотел и сердился, что не может. Оттого и сделал «кха». Это он пугал.

А Петя говорит мне:

— Что, Алёшка, испугался?

Я сказал, что испугался, только немножко.

МЕДВЕДЬ

Мама сказала, что она хочет медведя посмотреть.

Мы пошли к медведю. Около него очень много людей стояло, и все говорили:

— Что, мишка? Жарко, мишка?

И кричали, чтоб он в воду лез.

Петя стал меня вперёд толкать, где видно. А мама боялась, что медведь может меня зацепить.

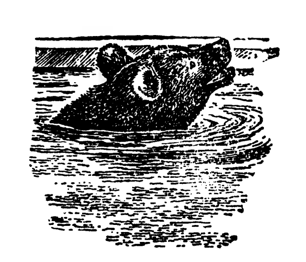
И мама говорила:

— Мальчик! Мальчик! Как тебя? Куда ты его пихаешь?

И один дядя, красноармеец, взял меня на руки, засмеялся и сказал:

— Гляди, вот он, мишка.

А там, в клетке, мишка ходил мимо решётки и на всех глядел. Он на собаку похож. Только он толстый. А глазки

совсем маленькие, чёрненькие. И когти большие, как у тех медвежат. Он совсем не страшный.

Я сказал дяде-красноармейцу:

— Его, может быть, погладить можно?

А дядя-красноармеец сказал:

— Что ты, что ты, дружок? А вдруг он лапой цапнет? Он шутя цапнет, а без руки останешься. Он корову лапой ударит — весь бок вырвет. Вот он какой! Он в лесу самый сильный зверь, дружок.

Этот дядя мне всё говорил: «Дружок, дружок».

А мама вдруг сказала:

— Ах, где это Алёшка?

А Петя сказал:

— Вот он где сидит.

Мама подошла и сказала красноармейцу:

— Что вы, что вы! Вам, может быть, тяжело?

А дядя-красноармеец сказал:

— Пустяки, гражданка. Пусть медведя посмотрит.

И крикнул:

— А ну, мишка, в воду!

И все стали кричать:

— В воду! В воду! Пошёл в воду!

А МИШКА ВОВСЕ НЕ КОСОЛАПЫЙ

Сзади мишки была вода. У него в полу как ванна, только большая. Он взял и влез туда. Только одна голова наверху была. И он глаза закрывал, потому что ему очень жарко было.

Мама сказала:

— Косолапый мишка.

А дядя-красноармеец сказал:

— Хороший косолапый! От него на лошади не ускачешь. И на всякое дерево залезет, как обезьяна.

И я сказал, что я видал, как маленькие мишки на решётку залезли, да ещё по решётке вбок ходили.

И я тоже сказал:

— Вовсе не косолапый.

А мама вдруг говорит:

— Ну, знаешь, довольно! Пойдем-ка.

Меня дядя спустил, и мы пошли. Мама всех спрашивала, где обезьяны. И нам рукой махали, куда идти.

БОЛЬШАЯ ОБЕЗЬЯНА ОРАНГУТАНГ

Мама меня спросила: может быть, я есть хочу. Я сказал, что не хочу, а она всё равно повела меня, где молоко пьют. Там домик стоит, можно молоко пить. И мама там мне пирожное купила. Я очень скоро съел, потому что хотел к обезьянам.

А когда мы пришли к обезьянам, то я думал, что там, в клетке, чёрный человек сидит. А это не человек, а такая большая обезьяна. Она называется орангутанг, и она не чёрная, а рыжая.

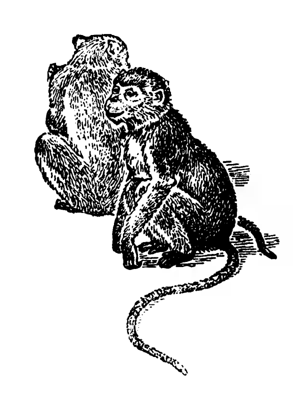
Она сидела на стуле, у ней был столик. И к ней пришла одна тётя и принесла ей чашку и ещё молочник.

Тётя налила ей из молочника в чашку, чтоб она выпила. А сама стала смотреть, как она будет пить.

Обезьяна взяла чашку и стала пить из чашки. А потом тётя отошла немножко и отвернулась. И все стали смеяться, потому что обезьяна взяла молочник и прямо из молочника всё выпила. Тётя увидала и бранила обезьяну за это.

А обезьяна полезла потом наверх по верёвке. Там верёвка очень толстая была. Висела с самого верха. Обезьяна на самый верх по верёвке залезла и стала там верёвку отвязывать. Она сначала рукой отвязывала. А потом стала ногой отвязывать, потому что у неё на ногах тоже руки. И она ими всё может делать. И всё равно не отвязала.

Она потом по верёвке вниз полезла, так я видел, как она ногами хваталась. Ногами в кулак верёвку зажимала. У неё лицо очень смешное, потому что у неё нос очень маленький, а рот шаром вперёд идет. А кругом лица волосы, как будто всё борода.

МАКАКИ

Мама сказала:

— Идём отсюда, там интересней.

А там была клетка, и в этой клетке были маленькие обезьянки. Они по всей клетке прыгали. Они так прыгали, что прямо через всю клетку. Я думал, что они летают. А это они не летают, а прыгают. Это они так играли, потому что одна обезьянка убегала, а другая её ловила. И другие тоже так играли. Их очень много было. И они кричали.

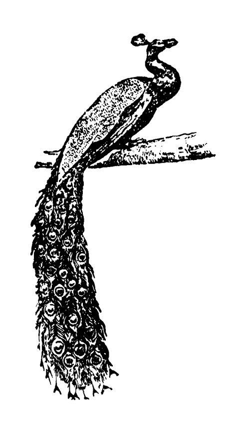
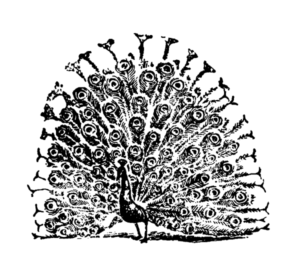
А я знал, какие это обезьянки: это макаки.

И все смеялись, потому что они весёлые и очень шалят. А потом я видел, как одна макака ручками всё волосики расправляла у другой макаки. А та ей давала голову, чтоб она скребла.

И все говорили: это она блох ищет.

А потом две макаки стали драться. Они ладошками дерутся. Только одна потом упрыгнула на решётку и ускакала.

Я хотел ещё смотреть, а мама сказала, что поздно и что надо сейчас ехать обедать, потому что нам далеко.

ПАВЛИН — САМЫЙ КРАСИВЫЙ

Мы пошли домой. И шли мимо загородки. Мама очень скоро шла и вдруг стала. Она посмотрела за загородку и сказала:

— Ах, какой!

А там, за загородкой, был вот какой. Я думал даже, что он не настоящий. Потому что он совсем как на ёлке. А это птица такая — павлин. Он хвост поставил кругом, и на хвосте — синие кружочки с золотым и с зелёненьким.

А сам павлин блестит. Он синий и блестит, как стеклянный. На голове у него торчком стоят тоненькие пёрышки, как иголочки с шишечками. И они все в ряд стоят. И он стоял, как очень важный.

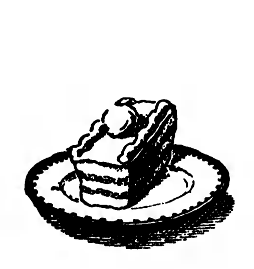
Я стал кричать:

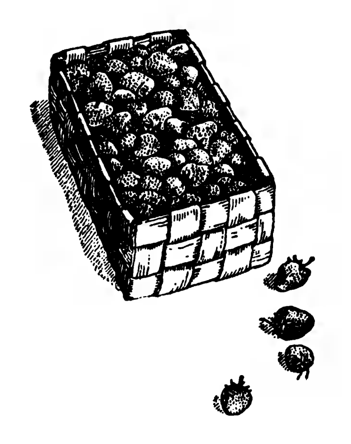
— Ой, какой! Смотрите, смотрите, какой!

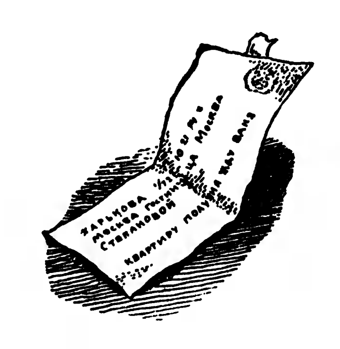
И пришёл один дядя с девочкой. И ещё пришли. И все смеялись и говорили, что это павлин. И дядя мне ещё павлинов там показал. Они высоко на каких-то брёвнах сидели. Только у них хвосты назад и как полотенце. А это они могут так сложить, а потом так поставить, как этот, кругом.

А потом один такой павлин совсем близко подошёл. И девочка ему в решётку палец сунула. А потом крикнула, потому что павлин клюнул. Он думал, она ему есть дает. Только он не очень клюнул. А девочкин папа сказал, что он ей павлинье перо достанет. Я маме сказал, что я тоже хочу такое перо, — я его на ёлку вешать буду.

Мама сказала, что довольно и что пойдём. А я всё маму просил, чтоб достала мне перо.

ПАПА ТЕЛЕГРАММУ ПРИСЛАЛ

Мы опять на трамвае в гостиницу приехали. Мы хотели в свой номер идти, а тётя, которая убирает, сказала маме:

— Вам телеграмма есть.

И потом дала маме бумажку.

А я сказал:

— Почему телеграмма?

Мама ничего не сказала и стала телеграмму читать.

А я всё равно спрашивал:

— Почему? Почему?

Мама сказала, что не «почему», а просто это папа прислал. Папа прислал телеграмму, что он в Харькове и что там у нас будет квартира. Это город такой — Харьков. И мы в Харькове будем жить.

И ещё мама сказала, что они с папой устроят там квартиру и меня туда возьмут. А сейчас я к бабушке поеду и буду у бабушки жить. А бабушка — это папина мама. И мы скоро к ней поедем.

Мама стала весёлая и всё говорила:

— Как я рада! Как я рада!

А потом я мыл руки у нас в номере, и мама меня всё спрашивала, что я хочу после обеда, пирожное, или, может быть, компот, или мороженое. И ещё воздушный пирог.

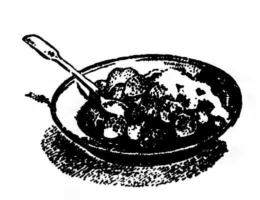
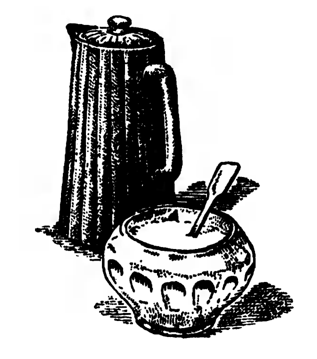
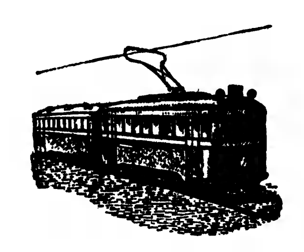
А я сказал:

— Мороженое и пирожное.

И нам с мамой принесли обед. И потом принесли мне мороженое и пирожное.

А мама всё говорила:

— Вот как хорошо!

А потом мы ещё чай пили. А вечером меня мама в ванне мыла.

А когда я спать ложился, мама сказала мне:

— А что ты хочешь, чтобы папе написать?

Я сказал, чтоб мама написала, чтоб папа купил мне маленькую лошадку — пони — и что я её очень любить буду и для неё домик сделаю.

А мама засмеялась и сказала:

— Ах ты, дурашка! Спи скорей.

ДЕВОЧКА ЛЮБА

А когда мы утром пили чай, вдруг к нам в дверь постучали. И пришла одна тётя с девочкой, немножко побольше меня. Мама стала эту тётю целовать и все говорила:

— Ах, Наташа! Ах, Наташа!

А потом сказала, чтоб я с ней познакомился. А девочку зовут Люба. И чтоб я с Любой тоже познакомился.

Любина мама сказала:

— Это твой Алёшка? Вон он какой!

А какой, не сказала.

Любина мама принесла деревянную корзиночку, и я думал, что там пирожные. А там были ягоды — клубника. Это она нам принесла. А мама позвонила и сказала, чтоб нам дали молока, блюдечки и ложечки. А потом достала сахар, и мы посыпали ягоды и ели с молоком.

Потом мама сказала мне:

— Ну, играйте с Любой. А нам надо поговорить.

И стала с Любиной мамой говорить.

КАК Я ЛЮБЕ ЗВЕРЕЙ ПОКАЗЫВАЛ

А я не знал, как с Любой играть. А потом ей сказал, что я тигр. Я немножко ноги подогнул и стал ходить около Любы. И я на неё очень сердито глядел. А потом сделал на неё «кха». А она вдруг заплакала и побежала к своей маме и закричала:

— Он меня дерёт!

А мама на меня крикнула:

— Что ты, не можешь играть, как все дети?

А я сказал, что я тигр. А мама сказала:

— Тигров в клетку сажают.

А я сказал, что я и в клетке буду делать «кха».

И я сделал, как тигр. Любина мама засмеялась, а мама сказала, что мы вчера в зоосаде были и что мы слонов видали. А я сделал рукой хобот и пошёл к Любе и хоботом мотал. А она говорила:

— Это не тигр? Это не тигр?

А я ей сказал толстым голосом:

— Это сло-он. Он не кусает. Он добрый.

Люба сказала:

— А погладить можно?

Я ей сказал, что это хобот. И показывал, как слон хоботом крутит.

А МЫ ОПЯТЬ В ЗООСАД ПОЕХАЛИ

Потом я ей сказал, что я на маленькой лошадке катался. Люба пошла к своей маме и стала ей на ухо говорить.

А Любина мама ей говорила:

— Хорошо, хорошо. Потом.

А Люба стала капризничать, говорила:

— Пойдём. Сейчас. Я хочу.

Любина мама сказала вдруг моей маме, что надо пойти в зоосад и чтоб вместе пойти. Люба стала прыгать и хлопать в ладоши. И стала петь:

— Вот пойдём! Вот пойдём!

А я сказал:

— На трамвае поедем, я знаю.

Мама стала шляпу надевать. И я кепку сам надел. И я всех повёл в лифт. А потом мы поехали на трамвае.

А Люба всё своей маме говорила, что она тоже хочет на маленькой лошадке кататься. У ней мама очень добрая, потому что говорила:

— Хорошо, хорошо.

А когда мы пришли в зоосад, мы прямо пошли к лошадке. И я с Любой опять катался. А Люба не кричала, а только ножками топала.

И говорила:

— Вот хорошо!

А потом не хотела уходить, и нам ещё билет взяли, чтоб ещё кататься.

КЕНГУРУ

Любина мама сказала, чтоб мы с Любой шли впереди. А Люба хотела, чтоб её за руку тянули. И опять пошла к своей маме.

А её мама ей сказала:

— Я не кенгуру. А то б я тебя в карман положила и понесла.

Я маму спросил:

— Почему кенгуру?

Любина мама сказала:

— А это зверь такой. У него на животе карман. Он туда своих детей кладёт и скачет с ними, куда хочет.

Люба сказала:

— Ну да! Это ты нарочно. Таких зверей не бывает.

А Любина мама говорит:

— А он тут есть. Хочешь, покажу?

Я сказал:

— Я тоже хочу.

И мы пришли, где кенгуру. Они за загородкой прыгали. Они не стоят на всех лапках. Кенгуру сидит на корточках, и хвост ей не даёт совсем на землю сесть. Она сзади на хвост опирается. А потом как прыгнет! У ней очень длинные задние ноги. Прямо как у зайчика. Только она не как зайчик, а очень большая. Больше собаки. А передние лапки, как ручки. Очень маленькие. А потом у ней очень большой хвост. Он сначала толстый, а к концу тоненький. И совсем без волосиков.

А кармашка на животе не видно было. А все тоже говорили, что есть и что она в этот кармашек может положить маленького кенгурёнка. Она вся серая, только на животе у ней шерсть немножко белая. Кенгуру не ходит. Она понемножку прыгает.

Она мне очень понравилась. Её, наверное, погладить можно. Она не хищная.

А Люба стала говорить:

— А вот и не носит детей в кармане!

Любина мама сказала:

— Ну, сейчас у неё детей нет. Наверное, выросли.

САМАЯ БОЛЬШАЯ ПТИЦА

А потом Любина мама сказала мне:

— А ты самую большую птицу видел?

Я сказал:

— Ну да. Пеликан.

А Любина мама засмеялась:

— Хо-хо-хо! Пеликан! Вот сейчас увидим такую птицу, что она выше всякого дяди.

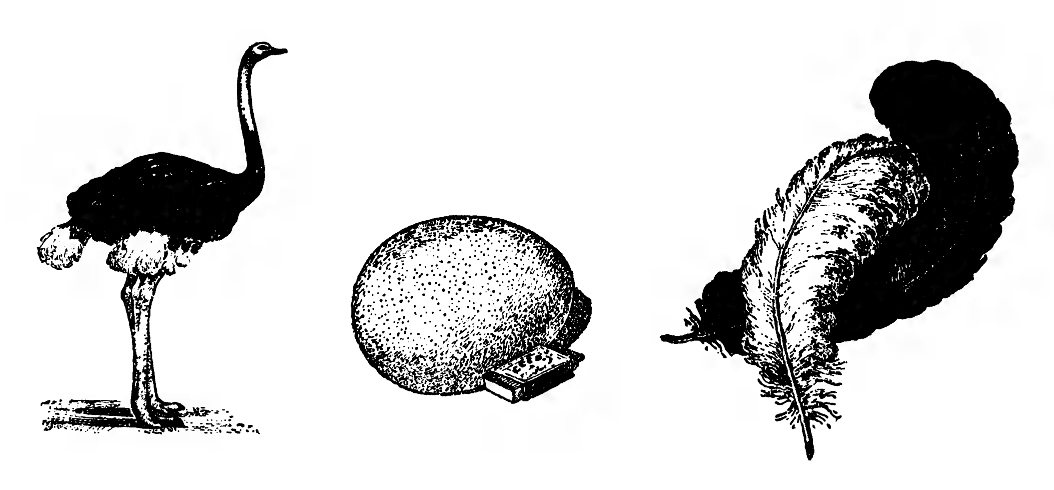
И потом маме сказала:

— Разве вы страуса не видели?

Мы пошли. А Люба увидала, что в домике пирожные едят, и стала говорить:

— Мама, хочу пирожного!

Любина мама сказала, что хорошо. И нам купили пирожного. Люба хотела трубочкой, а я — с ягодами сверху. А потом Люба сказала, чтоб молоком запить. А я не хотел молока. Я хотел, чтоб скорей к самой большой птице. Я го-

ворил Любе, чтоб она скорей. А она всё смеялась и молоком прыскалась.

Мы пошли и пришли к клетке. А там стоял на длинных ногах страус. У него снизу длинные ноги, а потом он сам, а потом наверх идёт шея. Длинная-предлинная. И на шее голова. Он такой высокий, что Любина мама подняла руку, сколько могла, и вышло как раз до его головы. Мне очень высоко было туда смотреть. Я больше ноги смотрел. У него там три пальца с когтями, и очень толстые. Он ступает и стучит прямо как лошадь. Я смотрел, смотрел, какие у него ноги, и вдруг страус в пол клюнул.

А я испугался, потому что он стукнул прямо как молотком. Он, наверное, есть хотел.

Любина мама сказала, что он такой сильный, что на нём даже ездить можно. И он скорей всех бегает. А летать он никак не может: у него крылья маленькие. И она сказала, что он злой. Он когда рассердится, так клювом по голове как начнёт стукать, и совсем убить может. И что он больше всего ногой дерётся. И ногой тоже убить может. У него нога прямо как железная.

Моя мама сказала, что она видела, какие яйца страусы несут.

И сказала, что прямо как моя голова.

И ещё моя мама сказала, что перья у страусов в хвосте очень дорогие. Их на шляпы сажают.

А я сказал, что у павлина лучше и что я лучше хочу от павлина перо, а от страуса не хочу.

А мама сказала, что я ничего не понимаю. И мы не хотели больше смотреть страуса, потому что он ничего не делал, а только топал.

Мы пошли с Любой вперёд, потому что Любина мама не хотела её за руку тянуть. Она хотела с моей мамой говорить. А я стал показывать, как страус топает. Я ногу прямо вперёд ставил. И все очень смеялись. И моя мама тоже очень смеялась. Я вертел головой и не видел, как на меня один дядя нашёл. И я его в живот головой. Потому что я его не видел.

А дядя сказал:

— Ты чего ж бодаешься, как козёл?

Дядя не рассердился, потому что ему не было больно.

Я сказал:

— Я страус.

И я пошёл, как страус. И этот дядя тоже смеялся. А мама сказала, что уже довольно страуса, а то я очень пыль поднимаю. А Люба не могла, как страус, ходить.

КАК ЛЮБА КРОКОДИЛА БОЯЛАСЬ

Любина мама сказала:

— А ты знаешь, как «крокодил наше солнце проглотил»?

Я сказал, что знаю, и знаю, как он потом выпустил. А Любина мама говорит:

— Хочешь, я тебе крокодила покажу?

Я сказал:

— А он страшный?

А она говорит:

— Не бойся, он нас не достанет.

Я сказал, что если страшный, так я убегу: я крокодила боюсь. А Люба стала скакать и в ладоши хлопать.

И стала петь:

— А я вовсе не боюсь! Не боюсь! Крокодила не боюсь!

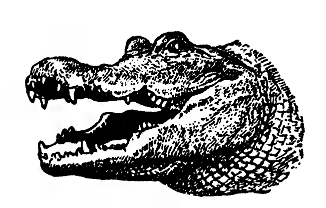
А Любина мама сказала:

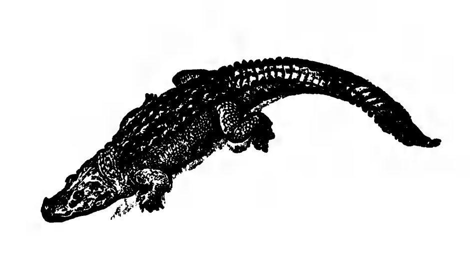
— Ну, так я тебя к нему пущу. Ты пойдёшь его погладишь. Хорошо?

Люба опять запрыгала и стала петь:

— И поглажу и пойду! Крокодила я поглажу, потому что не боюсь!

А моя мама сказала:

— Ну, смотри! Смотри, потом не плачь!

Мы пошли в ворота, и я думал, что мы совсем из зоосада уходим, потому что там улица и трамвай. А мы улицу перешли, а там опять ворота. И мы туда вошли. А там опять зоосад.

И Любина мама повела нас прямо к крокодилу. Там была маленькая загородка кругом. И там в воде лежал крокодил. Только воды там было немножко. Он как в ванне лежал. Его всего было видно, какой он. А нос он из воды высунул.

Любина мама сказала, что это он для того высунул, чтоб воздухом дышать. Он длинный, а на нём колючие шишки. И он лежал, как неживой.

А ещё один крокодил был. Он около воды лежал и тоже не шевелился. Это он на солнышке грелся. А потом он стал вдруг рот открывать: тихонько-тихонько. А у него там зубы. Они прямо как гвозди, и их там много-много. И они очень колючие. И большие. Он раскрыл рот немножко, а потом закрыл. И опять стал спать.

Любина мама взяла Любу под мышки и говорит:

— Ну, полезай. Пойди погладь крокодила.

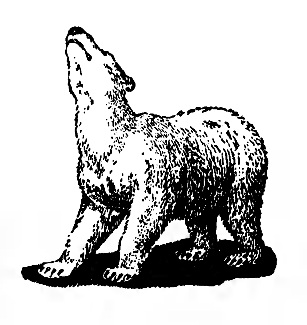
И стала Любу поднимать. А Люба закричала. Она так закричала, что все стали на неё глядеть.

А Любина мама говорит:

— Ты же сказала — не боишься!

А Люба так стала плакать, что мама её увела. А мы с мамой моей стояли и ещё смотрели крокодила. И он ещё рот раскрывал.

А потом Любина мама нам говорила, что крокодил в в жарких странах живёт. Он в реке живёт. И из-под воды

хватает, кто купается. Даже когда бык купается, он и быка может схватить. Утянет в воду; бык, бедный, потонет, а потом крокодил его съест.

А я сказал, что, значит, он хищник.

ПРО БЕЛЫХ МИШЕК

Люба не хотела плакать, а всё равно плакала. И ей мама мороженое купила. Там будочки такие есть. Там трубочки с кремом и мороженое. И мне мама тоже купила трубочку с кремом и мороженое. И все ели мороженое и трубочки. И мама говорила, что в Харькове тоже есть зоосад. И мы в Харькове будем туда ходить. Люба стала просить ещё мороженое. А её мама ей сказала:

— Разве тебе уж так жарко?

А Люба сказала:

— Мне очень жарко.

А Любина мама говорит:

— Тебе не жарко. А знаешь, кому жарко?

Любина мама сказала, что жарко тому, кто в холоде всегда живёт, а его потом вдруг в Москву привезут.

А я сказал:

— Почему в холоде?

Любина мама сказала:

— Потому что есть холодные страны. Там лёд даже летом не тает. И там всё время холодно. Там летом в шубах ходят. И там тоже есть медведи. Только они белые. И они

любят, чтоб было холодно. Здесь им летом очень жарко. Люба глупости говорит. Ей просто мороженого хочется. А вот мы сейчас пойдём и посмотрим на белых мишек, как им жарко.

И мы пришли и стали смотреть через каменный заборчик. А там внизу была вода. Около воды стоял один мишка. Он был белый. И он рот раскрыл, и у него язык висел. А потом он прыгнул в воду и стал в воде плавать. А там ещё было два мишки. Они тоже плавали. А один дядя кинул булку прямо в воду. Мишки скорей поплыли к булке. Один мишка скорей всех доплыл и схватил зубами булку.

Эти мишки мне больше того, чёрного, понравились. Потому что они не такие лохматые. И потом у них голова не такая большая. И ещё потому, что белые.

КАК МЫ МИШЕК КОРМИЛИ

Потом они из воды выходили и на нас смотрели, чтоб мы им кинули булку.

Люба стала просить, чтоб кинуть булку. Любина мама пошла с Любой покупать булку. Я смотрел, как мишкам жарко. А булки я не бросал, потому что мама мне не покупала.

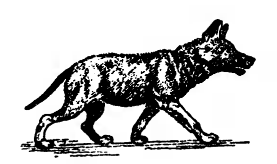
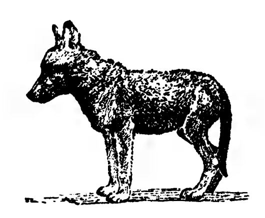
Потом пришла Любина мама, и у ней была булка. Люба всё булку хватала, чтоб скорей бросать.

А Любина мама взяла и разломала булку и мне дала кусок и Любе кусок. Люба схватила и бросила. И все медведи поплыли к булке. Я думал, что они не увидят, как я брошу, а я всё равно бросил.

А один медведь — он сзади всех плыл — поплыл к моему куску. Он его зубами схватил и полез из воды. А с него вода прямо так и текла. А он все равно булку ел. «Хам, хам!» — и съел.

А Любина мама сказала, что белые медведи там, у себя, на льду живут. Там всегда лёд.

Они морских зверей едят, и рыбу тоже. Достают и едят. Их тут тоже рыбой кормят. Зимой им здесь хорошо, потому что они холод любят.

А МЫ ОПЯТЬ ПЕТЮ ВИДЕЛИ

Потом мы пошли уходить. Потому что Любина мама хотела, чтоб мы все к ней шли обедать.

А я вдруг увидал в клетке маленьких собачек и закричал:

— Мама, мама, смотри! Собачки!

А мама сказала:

— Фу, глупости! Какие там собачки?

А Люба тоже прибежала к клетке и тоже сказала, что это собачки.

Они были серые, и у них уши очень торчали.

И мы с Любой кричали:

— Смотрите, собачки!

А эти собачки совсем к нам подошли. Только они не могли в решётку мордочку сунуть. И они на нас глядели.

А Любина мама сказала:

— Какие же это собачки? Это волчата. Вот и написано: «Волчата».

А Люба немножко отошла и закричала:

— А вот эти какие рыженькие!

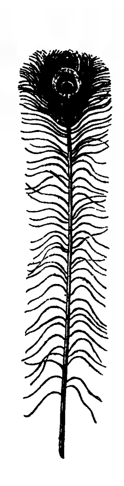
А там, в другой клетке, тоже были как собачки. И моя мама сказала, что это маленькие лисы.

У них хвостики пушистенькие и мордочки остренькие.

И вдруг с той стороны клетку отворил кто-то и вошёл. А это был какой-то мальчик. И все лисы не стали на нас смотреть, а побежали к нему. И он взял одного лисёнка на руки и хотел его уносить, а я увидал, что это Петя.

Я закричал:

— Петя! Петя!

Петя очень обрадовался, что это я, и сказал, чтоб я подождал, потому что он сейчас ко мне придёт.

А мама ему крикнула:

— Только скорей!

И он куда-то этого лисёнка понёс. А потом он скоро пришёл и сказал, что он лисёнка носил к доктору.

Эти лисята в зоосаде родились, и доктор их смотрит, чтоб не заболели.

КАК ПЕТЯ МНЕ ПЕРО ПОДАРИЛ

Петя сказал:

— Правда, лисята красивые?

А я сказал, что всё равно павлин самый красивый и что я очень хочу перо от павлина.

Петя сказал, что если я подожду, то он принесёт мне перо от павлина.

Я стал просить маму, чтоб подождать. А Петя сказал, что он бегом, и побежал.

А потом он принёс очень длинную бумагу, завёрнутую, и сказал, что там перо. И сказал, чтоб я не разворачивал, а чтоб только дома развернул, и чтоб я не поломал.

А мама очень смеялась и сказала:

— Ну, прощай, Петя! Спасибо тебе.

И сказала мне:

— Что надо сказать?

А я сказал Пете, что я его очень люблю. И мы все пошли.

А Петя крикнул:

— До свиданья, Алёшка!

И шапкой махал. Я тоже шапкой махал.

Мама взяла перо и понесла. А Люба всё говорила, чтоб сейчас развернуть и показать. И плакала, чтоб показали.

А Любина мама дёрнула её за руку и сказала:

— Не капризничай!

КАК У МЕНЯ ПЕРО ОТНЯЛИ

Потом мы поехали в трамвае, и мама держала руку с пером вверх, потому что толкают и поломают.

А потом Любина мама сказала, что уже приехали, надо выходить. А это мы к ней приехали.

У них дома тоже лифт был. И мы на лифте поехали наверх.

Потом мы пришли к ним в квартиру, и я увидел Любиного папу. Он меньше моего папы и в очках. Он очень обрадовался, что я пришёл.

А я сказал, что у меня перо и сейчас смотреть будем. А он сказал:

— Жар-птицево перо.

А я сказал, что павлинье. И мама стала разворачивать бумагу. Там было перо. Оно на очень длинной ножке, и ещё зелёненькие волосики идут, и потом сам кружочек.

И все смотрели, и все радовались, какое оно красивое.

Любин папа тоже сказал, что очень красивое.

А Люба сказала, чтоб оно было её.

Мама говорила, чтоб я ей подарил. А Любин папа сказал Любе, чтоб она не смела брать. А Люба стала плакать.

Мама взяла у меня перо и положила на пианино и пошла сказать Любе потихоньку, что перо останется у неё.

А мне пера было очень жалко, а плакать я не стал.

ПРО УТКОНОСА

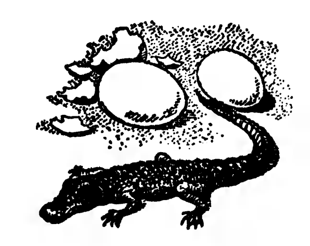
Потом мы стали обедать. И Любина мама говорила, как она хотела Любу пустить к крокодилу.

А Любин папа сказал:

— А вы знаете, откуда крокодилы выводятся?

А мы не знали. Они там, в зоосаде, не выводились.

Любин папа сказал:

— Они, как цыплята, выводятся. Они из яйца выводятся. Крокодил тоже яйца несёт, как курица. Только большие. И оттуда маленькие крокодильчики выходят.

А моя мама сказала:

— А я думала, что только птицы яйца несут.

А Любин папа сказал:

— А есть ещё мохнатый зверь. Он тоже из яйца выводится.

Моя мама стала смеяться и сказала, что это Любин папа нарочно так говорит.

А я стал говорить:

— Какой зверь? Какой зверь?

Мама сказала:

— Не кричи! Доедай скорей суп.

А Любин папа сказал, что это зверь мохнатый, а с клювом. Как у утки. И на четырёх лапках бегает. И он в воду ныряет и в воде рыбу ловит.

Любина мама сказала:

— Неужели вы не знаете, кто это такой?

И стала на всех смотреть. И Любу спросила. А Люба сказала:

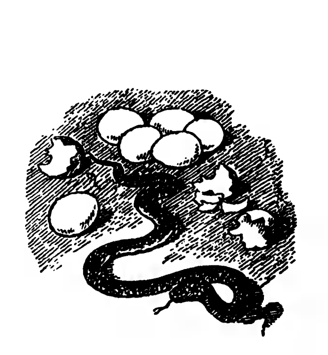
— Я забыла.

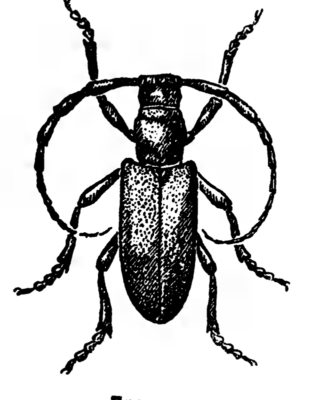
Любина мама сказала:

— Это утконос. Я тебе на картинке показывала.

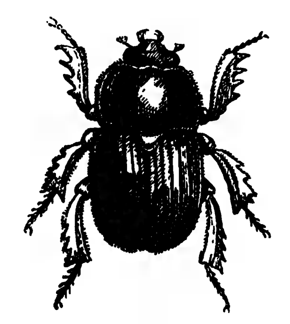
Любин папа рассказал, как утконос своих детей кормит.

Он их молоком кормит. Он на спину ложится, и его дети носиками в живот тыкают. И тогда там, на животе, ямка делается и туда молоко натекает. И из ямки утконосик выпивает клювом молоко. Как будто из чашечки.

Дровосек

Жук навозник

Я сказал:

— Ха-ха-ха! Из чашечки!

Мама сказала:

— А ты вот на тарелке не оставляй. Всегда тебя дожидаться надо.

Я взял и доел.

А Любин папа всё смеялся, что мама не знала утконоса. И сказал, что он после обеда покажет на картинке.

А я сказал, что опять хочу в зоосад — посмотреть утконоса.

Любин папа сказал, что сейчас утконоса в зоосаде нет и что он водится очень далеко. Его ещё не привезли.

А потом мы ели горошек и ветчину, и Любин папа резал мне и Любе. А мне Люба сказала, что её папа всех бабочек знает и всех жуков, потому что её папа учёный. И зверей тоже знает.

КАКИЕ У ЛЮБИНОГО ПАПЫ ЖУКИ И БАБОЧКИ

Потом Любина мама принесла компот и сказала, что можно есть сколько угодно, потому что целая кастрюля. А после все пили чай, а мы с Любой — молоко.

И мама рассказывала, что мы скоро будем жить в Харькове и что в Харькове у нас квартира. И что мама с папой будут устраивать квартиру, а я буду у бабушки, в Киеве. А потом папа за мной приедет и возьмёт домой.

Капустница

Когда мы молоко выпили, Любин папа показывал утконоса в книжке.

И ещё показывал бабочек. Они — как цветочки. Они у него в ящиках, а сверху стекло, чтобы смотреть. Они все на булавочках и неживые.

А потом в другом ящике мы смотрели жуков.

Это Любин папа сам их ловит и собирает, чтоб всех знать.

Потом Любина мама играла на пианино и сказала, чтоб мы с Любой танцевали. А я не хотел танцевать, я хотел перо посмотреть.

Я встал на кресло и хотел достать перо. Моя мама перо на пианино оставила.

А мама сказала:

— Разве можно ногами? Слезь сейчас же!

И погрозила мне пальцем. А Люба немножко танцевала и ногами по-всякому делала.

А потом мы с мамой поехали домой. И мама сказала, что завтра поедем к бабушке на дачу.

КРАСНАЯ АРМИЯ

КАК УЕХАЛИ ИЗ МОСКВЫ

Я просил маму, чтобы мне непременно позвонить в ту кнопочку, где нарисован человечек с чемоданами.

Мама сказала:

— Ну, звони. Только не очень сильно.

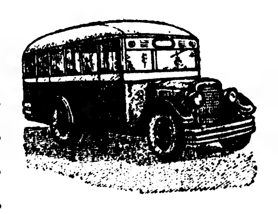
Я позвонил. И очень скоро пришёл дядя. Он совсем как лифтёр. Тоже весь в коричневое одет, и пуговки золотые. Пришёл и говорит:

— Вам вещи вынести?

Схватил чемодан и понёс. А мы с мамой поехали на лифте. Приехали вниз, а этот дядя с чемоданами уже внизу. Я ему сказал, что мы к бабушке поедем на автобусе.

А автобус — это такой автомобиль, как вагон. Там ска-

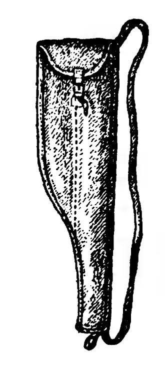
меечки мягкие, как диванчики, а впереди — комнатка маленькая, как стеклянный шкафчик. Там шофёр сидит и правит, куда ехать. Мы с мамой сели на скамеечку в автобусе. И я сел к самому окну, чтобы смотреть.

А впереди нас сидел дядя-военный. Очень большой. И мне не видно было, как шофёр правил.

Сначала мы ехали по улицам, и я смотрел на дома.

А в домах много магазинов и кино. А где кино, там нарисованы всякие человечки смешные.

И один был нарисован большой, и вырезанный, и стоит. Я думал, что живой.

А потом мы поехали, где домов нет, а всё деревья сбоку.

И мама сказала:

— Ну вот, попрощайся с Москвой. Тут уже дачи пошли.

ДЯДЯ-ВОЕННЫЙ

Дядя-военный обернулся ко мне и говорит:

— Скоро мы в лес приедем. В настоящий лес. Там волки водятся.

Я немножко испугался, а потом подумал, что дядя шутит.

И сказал:

— Ха-ха-ха! Мы волков в зоопарке видели. Они в клетке сидят.

А дядя говорит:

— А там без клетки. В лесу они могут — гам! — и укусить. Тогда не будешь смеяться.

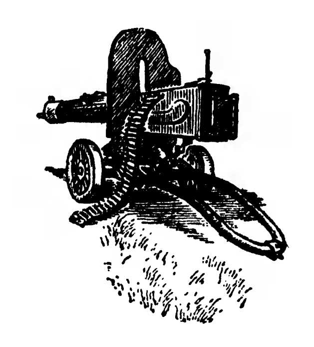
А мама сказала:

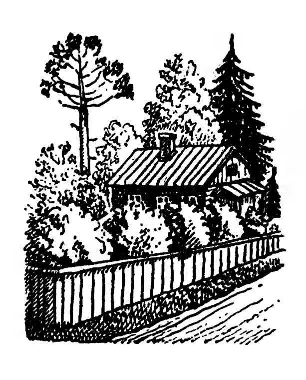
— Дядя, наверное, охотник. Он знает, какие волки бывают.

А дядя говорит:

— И меня волки знают. Это правда, я охотник.

Я говорю:

— А где у вас ружьё?

Дядя вдруг нагнулся и вытащил длинный мешок. Кулаком по мешку постукал — там твёрдое — и говорит:

— Вот оно. Вот тут моё ружьё. А дома у меня две собаки.

Я спросил:

— Кудрявые?

А мама рассердилась и говорит:

— Не приставай к дяде.

А я всё хотел, чтобы он из мешка ружьё вынул и показал.

А кругом нас были деревья, и я всё спрашивал:

— Это уже лес или ещё нет?

А дядя всё говорил:

— Какой это лес — это всё дачи.

ВОЙНА

Мы ехали по дороге. Автобус качался, и я заснул. А потом я вдруг проснулся.

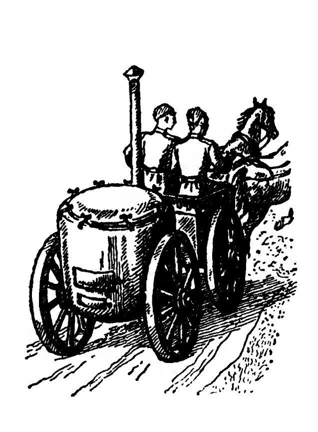
Наш автобус стоит, и кругом очень большие деревья.

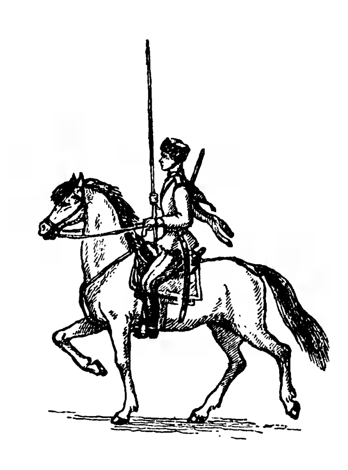
Я сказал:

— Почему?

И все люди у нас в автобусе тоже говорили:

— Почему? Почему?

Дядя-военный встал и вышел из автобуса. А потом подошёл к нам, к окошку, и сказал:

— Красная Армия идёт.

А я закричал:

— Война!

Мама сказала:

— Не говори глупостей!

А дядя-военный сказал:

— Ну, да. Война. Только не всамделишная. А понарочному.

Мама вскочила и говорит:

— Сейчас стрелять будут?

И заткнула себе уши пальцами.

Военный говорит:

— Давайте сюда молодого человека.

Я скорей в окошко высунулся.

Дядя меня схватил под мышки и вытащил, а мама не видала.

Мама так испугалась, что даже глаза закрыла. Дядя-военный посадил меня на плечи, и мне стало видно. Там деревьев уже не было, а прямо поле, и стоял не милиционер, а красноармеец. И в руке флаг поднял.

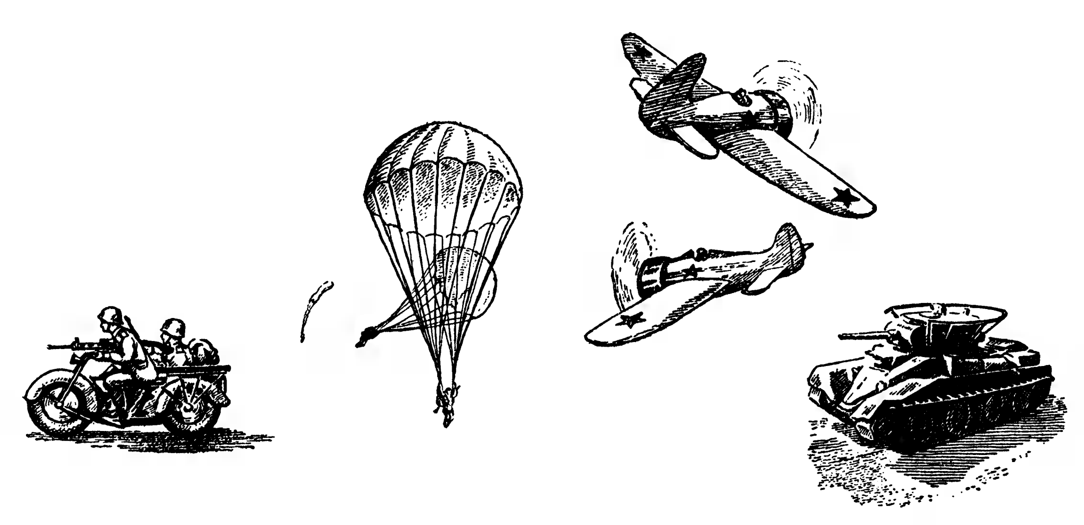
Это чтоб мы не ехали. И никто чтоб не ехал.

А потом шли красноармейцы — много-много, все в касках, и у всех ружья на плече. И они как запели песню, так все из автобуса выскочили смотреть.

А мама кричит:

— Где Алёшка? Где Алёшка?

И не видит. А я выше всех: у дяди на плечах.

ВОТ ЧТО МИМО ЕХАЛО

А потом лошади везли печку на колёсах. У ней труба тоненькая. И дядя-военный сказал, что это кухня едет. Там варится каша и всякий обед.

А потом поехали на лошадях.

И все стали говорить:

— Кавалерия идёт.

А это просто верхом красноармейцы ехали с саблями и с ружьями. Лошадки у всех коричневые, и они шли, как красноармейцы. Они рядками шли. Дядя-военный сказал, что лошадки учёные, потому что их учили так ехать.

А потом поехали ещё с пиками, которыми колоть. Только они пики вверх держали, потому что ещё не война.

Дядя мне сказал:

— Вот это казаки.

А дальше, за казаками, прямо по полю, поехали домики. Они серые. А сверху башенка. А из башенки, я думал, палка торчит.

Дядя засмеялся и говорит:

— Это пушка, а не палка.

А домики из железа.

Пушка как бахнет — только держись! А домик крепкий: в него из ружья можно стрелять, ему ничего.

Это танк. Там люди сидят. Военные. Они могут наехать на кого хотят. И враги никуда от них не могут спрятаться. Потому что танк куда хочет едет. Он на дерево наедет и дерево поломает. Он прямо на дом наедет и весь дом поломает. Он захочет, и в воду поедет и будет под водой ехать.

А из пушки кого хочет может застрелить. Только никто

Ручная граната

Наган

не стрелял, а они куда-то вбок поехали, прямо по полю. Это они учатся, как воевать.

А потом ничего не стало ехать.

И все начали говорить:

— Ну, теперь поедем.

И все пошли в автобус. И дядя меня на землю опустил.

Мама стала кричать из автобуса:

— Давайте мальчика: сейчас едем!

Вдруг подходит какой-то красноармеец, у него на рукаве белым перевязано, и говорит:

— Граждане, никуда ехать нельзя. Только назад можно.

Наш шофёр говорит:

— А долго нам стоять?

Красноармеец сказал, что, наверное, до вечера.

И мы никуда не поехали.

КАК СВЕРХУ ВОЮЮТ

И вдруг как загудит, как затрещит! Я не знал, откуда, и стал вертеть головой.

А гудеть стало ещё громче.

Дядя-военный меня за руку держал и тоже смотрел. Только он вверх смотрел. И все стали вверх смотреть.

Я увидел как будто три птицы, а это не птицы, а самолёты. А потом ещё три, а потом ещё три. И их много-много было в небе. Это они так гудели.

Я всё глядел, как они летят, и вдруг из них стали падать маленькие грибочки. Из каждого так и посыпались и потихоньку вниз полетели, как пузырики.

Я закричал:

— Почему? Почему?

Дядя сказал, что это красноармейцы прыгают. У каждого красноармейца большой зонтик. Дядя-военный сказал, что это парашют. Он раскрывается, и красноармеец летит не сразу, а потихонечку. И не ушибается. У него ружьё с собой. Он на землю прилетит и пойдёт воевать. И будет из ружья стрелять.

А с самолётов не только красноармейцев могут спустить, а ещё могут бомбу бросить. Бомба упадёт на землю и выстрелит, как из пушки.

СОБАКИ ТОЖЕ НА ВОЙНУ ИДУТ

Я уже думал, ничего больше не поедет, и глядел только на самолёты.

А мама закричала:

— Ах, ещё собаки! Зачем это собаки?

А там дяди вели собак. Очень больших, и у каждой собаки навязаны по бокам чемоданчики.

А наш шофёр сказал:

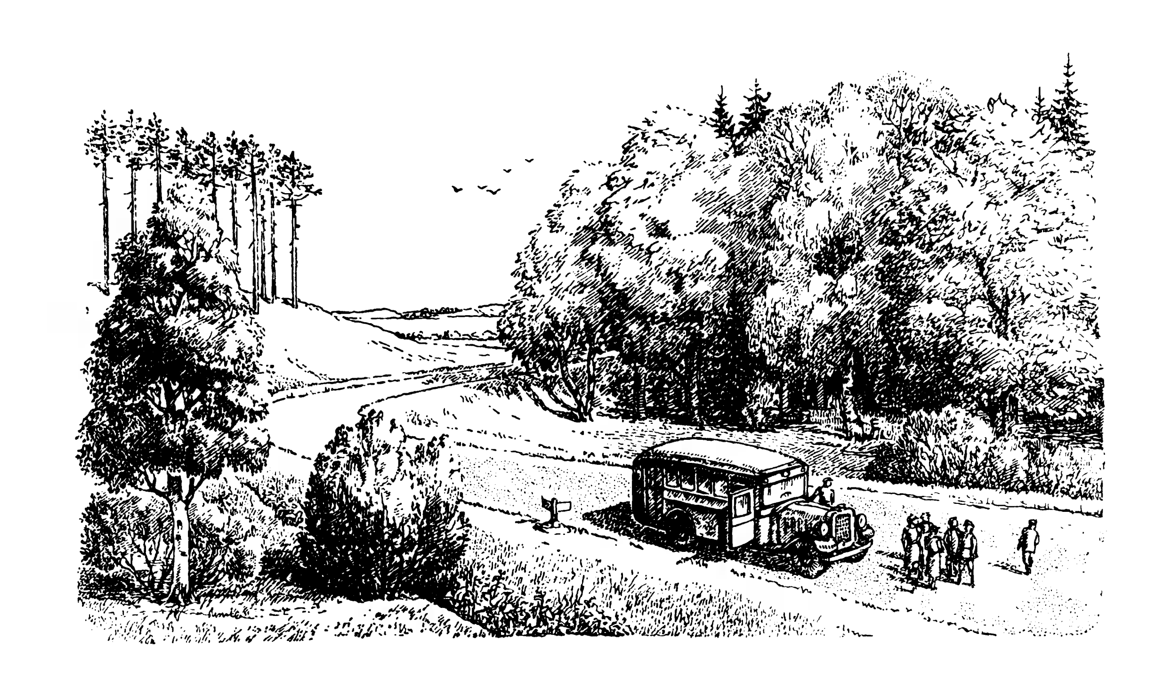
— Вот и собаки воевать пошли!

И все стали смеяться:

— Ха-ха-ха!

Военный дядя сказал, что ничего нет смешного. У них в чемоданчиках лекарства. И чистенькие платочки, чтобы завязать, если кровь. Вот попадут в кого-нибудь из ружья, он упадёт, а собачка сейчас к нему подбежит. А у неё всё что надо: и лекарство и всё.

Они учёные собаки.

ЛЕС

КАК ДЯДЯ-ВОЕННЫЙ ПОВЁЛ МЕНЯ В ЛЕС

Шофёр говорит:

— Это сколько же нам тут стоять? Может быть, до самого вечера? Давайте в деревню поедем. Будем в деревне сидеть и ждать. Там молоко есть.

А красноармеец, у которого белое навязано на рукаве, говорит:

— Вам нельзя в деревню ехать. Вы здесь до вечера останетесь.

Тогда дядя-военный сказал:

— Ну, коли так, мы в лес пойдём: грибы собирать.

Взял меня за руку и говорит маме:

— Возьмите какой-нибудь платочек, и пойдём вместе с Алёшей в лес.

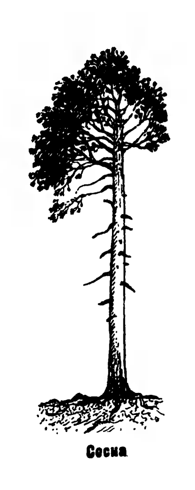
Я тогда сказал:

— Где лес?

А дядя показывает рукой:

— А вон, и там и тут лес. Вон сосны, ёлки, кусты всякие. Это и есть лес.

И потянул меня за руку.

Сосна

Ель

Я сказал:

— А волки?

И не стал идти.

Дядя говорит:

— Со мной волки тебя не тронут. Я охотник. Я ёлку отломаю, огонь зажгу, волки и убегут. У меня спички.

Дядя вынул из кармана спички и стал трясти коробочкой. Говорит, ещё у него есть коробочка. Волки огня ух как боятся! И мы с дядей пошли. Мама взяла платок и за нами побежала. А мы — прямо в лес.

Сначала деревья не очень большие были. Ёлки — как на Новый год зажигают, только больше. И ветки у них около самой земли.

Я шёл, и ветки мне лицо кололи. Дядя меня взял на закорки, за спину. И мне стало хорошо ехать, потому что там, наверху, у ёлок ветки маленькие.

ЧТО ЗНАЧИТ «АУ!»

А потом стало темно, как вечером. Дядя спустил меня на землю и говорит:

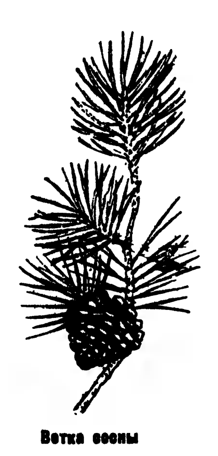
— Ну, вот. Настоящий сосновый лес. Ишь, — говорит, — сосны какие!

А это деревья такие. Они — как брёвна. У них внизу веток нет. А только на самом верху ветки. И там, наверху, прямо ветка на ветку находит, и неба не видно, как в комнате.

Дядя говорит:

— Ну, теперь ты сам иди.

Черника

Ветка сосны

Ветка ели

А на земле скользко. Там, на земле, все иголки от этих сосен. Только старые. Они жёлтые и очень скользкие.

Вдруг кто-то закричал:

— Ау! Ау!

Дядя как крикнет:

— Ау! Мы здесь.

А потом говорит мне:

— Это мама кричит, чтобы мы не потерялись.

Потом мама ещё кричала «ау», и я стал тоже кричать «ау».

А мамы нигде не было. Только всё деревья кругом.

Потом мама вдруг вышла совсем близко. И мы пошли дальше. Идти мягко, как по дивану. Мама говорит:

— Куда вы нас привели? Здесь никаких грибов нет.

А дядя говорит:

— Мы дальше пойдём. Там будут.

Я всё спотыкался.

А мама говорит:

— Смотри под ноги. Видишь, корни?

А эти корни, как деревянные ветки, на земле лежат. Мама говорит, что они из сосны растут. По ним вода из земли в сосну идёт. Из каждой сосны корни растут.

КАКИЕ МЫ ЯГОДЫ НАШЛИ

Я чуть не упал — так сильно споткнулся об корень. Дядя меня за руку держал, и потому я не свалился.

Дядя говорит:

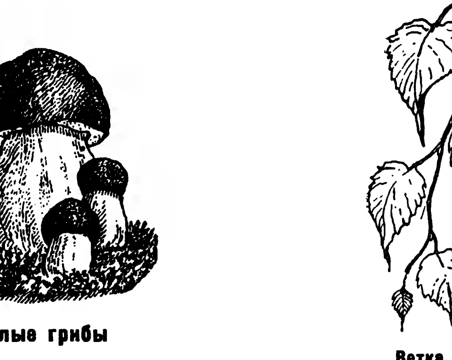
— Ничего, ничего, шагай. Сейчас ягоды будут.

Береза

Белые грибы

Ветка березы

Я сказал:

— Мама! Сейчас ягоды будут. Ты мне купи.

А дядя стал смеяться:

— Вот увидишь, как их в лесу покупают.

И вдруг стало светло, потому что деревьев стало меньше. А на земле маленькие кустики пошли, как игрушечные. Много-много. Дядя присел на корточки. И я тоже присел.

Дядя пальцем показывает и говорит:

— Видишь, ягодка.

Я сначала не видел, а потом увидел. Она синенькая, кругленькая, как горошек.

Дядя говорит:

— А ну, сорви ягодку. Здесь можно рвать. Не бойся.

Я сорвал.

Дядя говорит:

— А теперь — в рот.

И дядя смотрел, как я ел.

— Ну, как? — говорит дядя.

Я говорю:

— Очень!

И говорю:

— Ещё!

А дядя говорит:

— Ищи теперь сам.

Мама пришла и закричала:

— Ох, черники-то сколько!

Это я чернику и ел. Она в лесу прямо растёт, и можно рвать, сколько хочешь. Мама тоже на корточки присела и так начала скоро есть, как будто пальчиками клюет. Я то-

же захотел так есть и очень много листиков нарвал. Потом выплёвывал.

А дядя говорит:

— А ты не спеши.

И стал говорить, что я — как корова: с листиками вместе.

А мама вдруг говорит:

— Алёшка, ты не очень, а то животик разболится.

А дядя рассмеялся:

— Что вы, гражданка, это ж наоборот. Это же напротив. Это когда животик разболится, так дают чернику. Её даже в аптеке покупают.

Мама тоже засмеялась и говорит:

— Я забыла. Я сама покупала.

КАК МАМА ИСПУГАЛАСЬ

А потом дядя встал и говорит:

— Ну, идёмте, а то мы грибов никогда не найдём.

И говорит маме:

— Вставайте, гражданка.

А мама всё не хотела вставать. Мы с дядей пошли. А потом мама за нами побежала.

И у мамы губы чёрные. Даже синие. Я засмеялся:

— Ха-ха-ха! А у мамы губы какие!

И стал показывать на маму.

А дядя говорит:

— Ты думаешь, у тебя красные? И у тебя чёрные. Потому она и черника.

И мы стали зубы показывать. И у всех чёрные.

А потом пошли берёзы. Из них дрова делают. Берёзы совсем белые, и на них немножко чёрненького. А листики зелёные-зелёные. И стало очень пахнуть.

Мама говорит:

— Как хорошо пахнет!

А дядя вдруг стал и говорит:

— Это где-то горит.

Мама закричала:

— А если пожар?

А дядя сказал:

— Наверное, костёр жгут.

Подберезовики

Маслята

Рыжики

Мама говорит:
— Я боюсь. Идёмте отсюда скорей.
И мама побежала. А дядя всё кричал:
— Ау! Ау! Не бегите!
А мама кричала:
— Скорей! Скорей!
Дядя взял меня на руки и побежал маму догонять.
А мама всё кричала:
— Алёшка! Алёшка! Скорее сюда, сюда!
Я хотел, может быть, заплакать и говорил:
— Почему? Почему?
А потом мы маму догнали.

КАК Я ГРИБЫ ИСКАЛ

Тут уже не пахло, а было как в саду. Совсем тихо и берёзы. Дядя меня спустил вниз. И кругом маленькие берёзки.

Я сказал:

— Это детские берёзки?

А дядя говорит:

— Ты, — говорит, — Алёшка, под ноги смотри. Тут грибы должны быть.

А мама села на землю и говорит:

— Ох, устала!

Я думал, что грибы маленькие и кусочками.

А дядя вдруг кричит:

— Что же ты пропускаешь. Вот и гриб.

Совсем нагнулся и сорвал.

Папоротник

Лисички

Колокольчики

А гриб сверху шапочкой, а снизу ножка. Как кругленький столик. Он коричневый. Я думал — кожаный. А дядя говорит: подберёзовик.

Мама вскочила и кричит:

— Что, что, нашли уже?

И стала искать на самой земле. И тоже нашла. А я стал и ногами и руками землю кидать, чтобы скорее найти.

А дядя закричал:

— Ты не ногами — глазами ищи!

Дядя уже много нашёл и всё говорит: подберёзовик, подберёзовик. И мама всё кричала:

— Ах, ещё! Ах, ещё!

А я никак не находил.

Дядя на меня не смотрел, и мама тоже не глядела. Только говорила:

— Вот бабушке привезём.

Я взял и заплакал. А дядя не очень видал, как я плачу, и мама не слыхала. Они всё кричали: вот ещё, вот ещё! Я взял и ещё громче заплакал.

Дядя говорит:

— Ты что? Накололся?

А я сказал:

— Грибы противные.

Дядя говорит:

— Что? Не даются?

Подошёл ко мне, нагнулся и потом пальцем показывает.

— Вот, — говорит, — маленький стоит.

А я всё равно не вижу. И вдруг увидал. Он маленький, как игрушечный. Я подбежал, а там ещё большой стоит. Я скорее сорвал.

Мухоморы

Желтая кувшинка

Мох

А дядя говорит:

— Неси маме скорее.

Я закричал:

— Вот ещё! Вот ещё!

Я со всех ног побежал к маме. Гриб поломался, а я всё равно его принёс. У мамы полный платок был. А дядя в шапку собирал.

КАКОЕ БОЛОТО

Я опять стал искать и нашёл очень красивый, очень красный. Совсем красный, как флаг. И на нём — как белые пуговки. Только не пуговки, а пятнышки.

Я сорвал и побежал к маме и стал кричать:

— Вот какой! Вот какой!

Мама сказала:

— Фу, брось! Гадость какая! — и рукой замахала. — Брось сейчас: это мухомор, от него даже человек умереть может. Он ядовитый.

Я не хотел бросать, потом бросил. И ногой пихнул.

А потом мы дальше пошли, и я тоже грибов нашёл много-много. Прямо сто грибов. А может быть, не сто. Они жёлтенькие, как лепёшечки, а книзу ножка. Мама сказала, что это лисички и что мы их тоже бабушке повезём. Бабушка их всего больше любит. Мы хотели дальше идти. А дядя сказал, что нельзя — тут болото. Там росли маленькие берёзки на бугорках, а потом трава. Если на эту траву ступить, там мокро. Там грязь, очень глубокая. Дядя сказал, что можно утонуть, и даже лошадь может утонуть.

И даже телега может утонуть. А мы пойдём кругом, где сухо. Мы пошли, а я совсем устал и спотыкался.

Дядя сказал:

— Ты что же это ковыляешь?

Мама достала часы и говорит:

— Уже три часа. В какую мы даль зашли! Ребёнок устал.

Дядя говорит:

— Ну, посидим, отдохнём.

КАК МЫ С ДЯДЕЙ СПАЛИ

Мама сказала:

— А вы знаете, куда теперь идти?

А дядя сказал:

— Ничего, найдём дорогу.

Мама сказала:

— Ах! Не знаете? Вы нас завели? Мы заблудились?

Дядя сел на бугорок. Стал голову платочком вытирать и потом говорит:

— Не волнуйтесь, гражданка. Сядьте. Будем отдыхать.

Мама очень рассердилась, а потом тоже села.

И сказала:

— Ну да! Где теперь наш автобус? Может быть, он ушёл?

И очень дядю ругала. А дядя всё смеялся и говорил:

— Вы не волнуйтесь: мы с Алёшкой вас к самому автобусу приведём.

И потом говорит мне:

— Правда, Алексей?

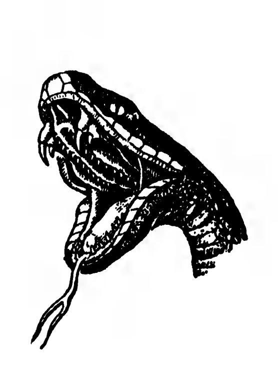
Так прямо и сказал: Алексей. И меня рукой по ноге хлопнул. Только не больно. И я тоже его хлопнул. И потом дядя говорит:

— Давай-ка поспим. Видишь, тут мягко, мох.

А это травка такая маленькая, кудрявенькая. На самой земле, как зелёные стружечки. Дядя лёг и меня к себе взял. Мама стала дядю ругать, что опоздаем.

А дядя говорит:

— А вы нас вскорости разбудите. Поищите грибков. Здесь маслята должны быть.

КАК МЫ ПРОСНУЛИСЬ И КАК СТРАШНО БЫЛО

Мы заснули, а потом вдруг дядя проснулся. И я тоже. И дядя меня со всей силой к себе придавил. А сам очень глядит. Прямо глаза выпучил. И глядит на мох, где солнышко. Я тоже поглядел туда, а там была змея. Она немножко поднялась и головой на нас. А около змеи маленькие змейки, как червяки. Они ползали и очень вертелись.

А дядя совсем не шевелился и совсем меня придавил, так что больно. А потом вдруг как покатится со мной по земле! А потом вскочил со мной и побежал. Бежал, бежал... Потом стал. И всё смотрел кругом и ничего не говорил. Я тоже не плакал. А потом дядя поставил меня на землю и говорит:

— Ты знаешь, кто это был?

Я говорю:

— Знаю.

А он говорит:

— Кто?

Я говорю:

— Скажите, кто?

Дядя говорит:

— Это была гадюка. Она если укусит, умереть можно. Она ядовитая.

Я спросил:

— Как тот гриб?

А дядя говорит:

— Хо-хо! Куда хуже! У неё такие два зуба. Она прокусит и из зубов в прокус яду напустит. И даже корова умереть может, если гадюка её покусает.

Ветка дуба

Я сказал:

— Дядя, возьмите меня на ручки.

А дядя говорит:

— Она за нами не побежит. Она детей не бросит.

А потом вдруг сказал:

— А где же шапка моя? Шапка моя там осталась.

И ветку отломил от дерева. Это он себе палку сделал, чтобы гадюку бить. И пошёл за шапкой. А потом пришёл с шапкой и сказал, что гадюка уползла и детей своих увела.

А потом мы маму позвали и пошли. Дядя меня понесёт, понесёт, потом я сам немного побегу.

КТО МАЛИНУ ЕЛ

Мы пришли, где кусты. И на них ягоды, как малина. Только не малина, а меньше. Дядя сказал, что это ежевика. Только она ещё кислая, а я попробовал — всё равно вкусная.

Дядя сказал, что тут, может быть, малина есть. Только лесная, а не такая, как на даче. А мама всё говорила, что надо скорей-скорей, а то автобус уйдёт. Потому что мы очень далеко зашли. Дядя посадил меня на плечи совсем высоко. Мне очень хорошо было ехать, потому что была полянка. И мы увидали кусты.

Дядя пошёл со мной прямо к кустам и говорит:

— Это малина там растёт.

А я сверху вдруг увидал: там как будто человек. Он малину руками хватал. Прямо целые ветки. Дядя не видит,

Брусника

Ветка клена

Ветка ольхи

а мне сверху видно. И я вдруг увидал, что это не человек, а собака. И я сказал:

— Дядя, там собака малину ест.

Дядя сразу стал и сказал тихонько:

— Что ты? Что ты?

И совсем шёпотом сказал:

— Где это? Где это?

Я пальцем показал, где шевелилось.

Дядя стал смотреть, и мы услышали, как чавкает.

Дядя меня тихонько вниз спустил и стал на пенёк, чтобы глядеть. А потом вдруг присел, схватил меня как попало — и скорей назад. Я ничего не говорил, потому что дядя очень испугался. И мы увидали, что мама идёт. А дядя ей стал рукой махать, чтобы назад. А мама всё равно стала ждать нас.

Тут дядя ей сказал тихо:

— Не шумите. И скорей.

Мама тоже испугалась. И мы долго шли.

Мама всё говорила тихонько:

— Что там? Что такое?

А дядя говорил:

— Скорей, скорей!

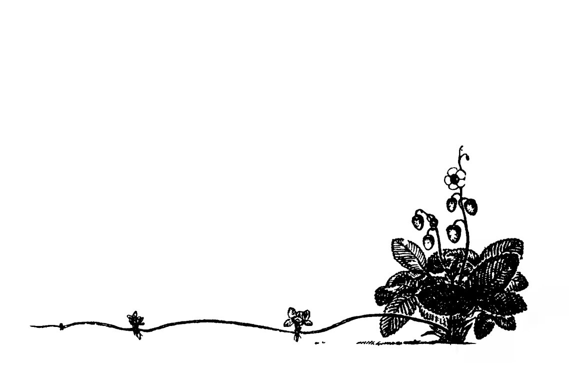
А когда мы далеко ушли, дядя совсем мокрый был. Он меня тащил. И мамины грибы он тоже взял. Ему тяжело было, и дядя остановился и меня спустил. И грибы на землю положил.

Мама сказала громко:

— Как же вы меня напугали! Что там такое?

А дядя говорит:

— Там медведь малину ел. Загребёт лапами и сосёт.

Ветка орешника

Дядя стал медведя показывать, как он лапами. Я тоже стал показывать, потому что я тоже видел. Только я думал, что это собака такая.

Мама говорит:

— Ах, ужас! Ах, ужас!

А дядя сказал:

— И вовсе не ужас. А если бы у меня было ружьё, так очень хорошо, что медведь. Я б его застрелил. У меня такие пули есть.

Я БРУСНИКУ НАШЁЛ

Мама опять стала дядю ругать. А дядя говорит:

— Вот мы теперь прямо к автобусу пойдём. Я Алёшку на закорки возьму.

А я сказал, что я красненькую ягодку нашёл. И спросил:

— Она не ядовитая?

Мама сказала:

— Это брусника. Брось, она неспелая. Он ещё с брусникой со своей!

Дядя взял меня на закорки, а платок с грибами на руку надел. А я бруснику всё равно съел. Она кисленькая и очень вкусная.

Дядя говорит:

— А ну, где у нас солнце?

Мама говорит:

— Уже пять часов скоро.

Дядя говорит:

— А мне не для часов солнце, а чтобы узнать, куда идти. Я по солнцу знаю. Я военный человек.

И больше дядя с мамой не говорил, а только мне говорил:

— Ну, Алексей, держись крепче.

А потом я заснул.

ДЯДЯ НЕ СКАЗАЛ, ЧТО МЫ ГАДЮКУ ВИДЕЛИ

А когда я проснулся, так вышло: я лежу на диванчике в автобусе, а голова — у мамы на коленях. И весь я маминой кофточкой накрыт. В автобусе лампочки горят. Электрические. И совсем ночь.

И мама говорит:

— Вот теперь у меня мальчик совсем заболел, наверное. Разве можно так? Чуть медведь не съел.

И я слышу, дядя говорит, наш военный дядя, который с нами гулять ходил.

— Это, — говорит, — очень хорошо для мальчика — в лесу гулять. И вон грибов целый пуд привезёте. Бабушка их солить будет и спасибо скажет.

А я закричал:

— Почему?

Дядя засмеялся и сказал, что я здоровёхонький. А тут шофёр стал в гудок гудеть, и все начали входить в автобус. Меня мама на колени взяла, потому что всем надо было садиться. Кондукторша сказала:

— Все собрались. Поехали, шофёр!

И автобус наш поехал, а мама всем говорила, что вон сколько грибов собрали, а грибы на самый верх повесили. Полный платок. Чёрный, который на голову надевают. А потом говорила, что медведя видела.

А я сказал:

— И ещё змею — гадюку.

Мама говорит:

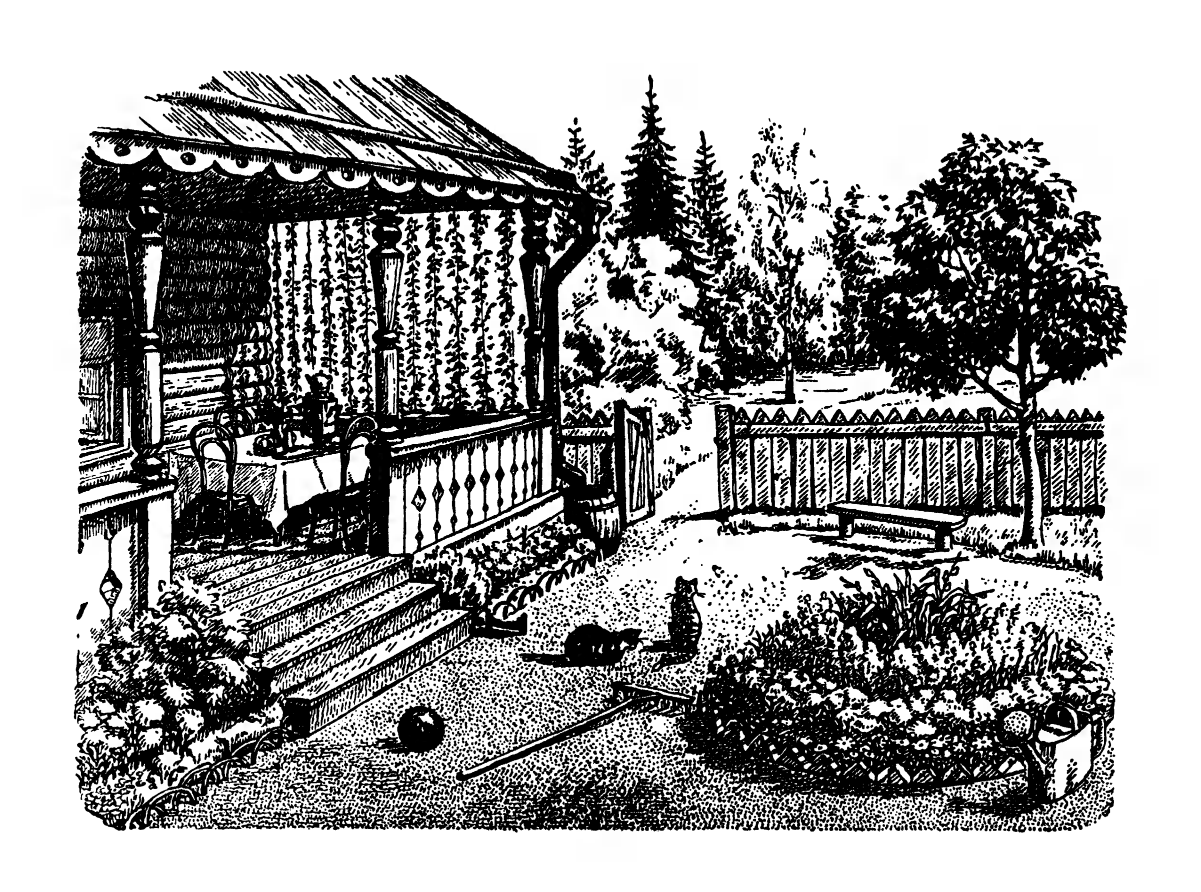
— Не сочиняй, пожалуйста, и спи.

Я сказал:

— Дядя, правда, мы гадюку видели?

А дядя тоже сказал:

— Спи, Алёшка, спи.

НА ДАЧЕ У БАБУШКИ

КАКАЯ БАБУШКА

Я опять заснул. И вдруг я проснулся, потому что меня мама тормошила, и уже совсем день, и в автобусе мы одни, потому что все уже вышли. И солнышко светит. А мама кричала в окошко:

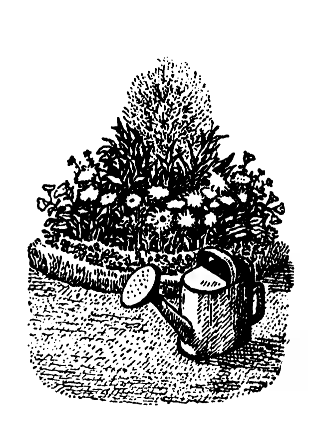
— Мы сейчас! Алёшка разоспался!

И я смотрю — к нам в автобус лезет старушка и смеётся, а это и есть бабушка.

Бабушка стала меня целовать. И всё говорила:

— Ах ты, Алёшенька!

И что я совсем большой, и что сейчас пойдём, и что у неё кофе есть, и что пряники тоже есть.

Астра

А мама сказала, что вот грибы. А бабушка сказала «спасибо».

Дядя так и говорил, что бабушка спасибо скажет, когда грибы увидит.

И я закричал:

— Ага, дядя так и говорил!

А бабушка спросила:

— Какой дядя это говорил?

А мама рукой замахала и говорит:

— Ох, уж этот дядя! Мы чуть не пропали.

А я сказал, что дядя очень хороший. И мы пришли к заборчику. А в заборчике дверка. Мы вошли в дверку, а там садик. А потом маленькие горки сделаны, и на них цветочки насажены, разные-разные.

Мама говорит бабушке:

— Ах, какие у тебя клумбы красивые!

ПРО КОШЕК И КАК Я БАБУШКЕ ГРИБЫ ПОКАЗЫВАЛ

Бабушка ведёт меня за руку и говорит:

— Потом, потом поглядишь: Алёша есть хочет.

И повела меня в дом. А там стол. А на столе всё стоит. Булки разные и кофейник. И две кошки на столе. Бабушка как крикнет:

— Брысь, брысь, негодные!

А кошки сначала посмотрели на нас, а потом тихонько сошли. И бабушка нас с мамой повела мыться и всё говорила, почему мы вчера не приехали. И мама сказала, что шла Красная Армия и что это манёвры.

Анютины глазки

А потом мы пошли пить кофе, а кошки опять со стола убежали. А потом одна ко мне на колени вскочила и стала головой под руку меня толкать. Я кофе пролил и сказал, что это кошка. Мама хотела сердиться, а бабушка сказала, что ничего, пускай.

Я захотел, чтобы масло на пряник намазать. А мама сказала, что пряники с маслом не едят. Бабушка взяла пряник, самый большой, ножиком разрезала, и вышло два пряника.

И потом маслом намазала, сложила и говорит:

— Отчего же? Пусть ест, коли нравится.

И я весь пряник съел. А потом мы с бабушкой кошек кормили. Мы им молока наливали.

А потом мы пошли грибы разбирать. И я знал, кто какой: который лисичка, который подберёзовик. Только ножки не знал, которые от какого. А ножки все отломались. Неполоманных грибов совсем мало осталось.

А бабушка говорила:

— Ах ты, грибовник какой! Ай и молодчина! Все грибы знает!

Потом я бабушке про Москву рассказывал, про Красную площадь, как дом горел и как пожарные водой поливали.

А бабушка всё грибы чистила и всё говорила, что мы в Киев поедем. И грибы с собой возьмём. И что это ей от меня подарок — вот сколько грибов! И что мы их в Киеве есть будем. А она мне тоже подарок сейчас даст.

КАКОЙ ПОДАРОК

Бабушка стала руки мыть, чтобы подарок доставать, а я с лавки соскочил и стал ждать.

И мы побежали к бабушке в комнату, где у неё кровать.

И бабушка из-под подушки достала бумагу.

Я думал, в ней бумажная кукла какая-нибудь.

А бабушка говорит:

— Вот, здесь большой мячик.

А он вовсе не круглый, а просто лепёшкой.

И я сказал:

— Ха-ха-ха! Вовсе не мячик.

А там был хвостик резиновый. Бабушка стала в хвостик дуть, и стал надуваться мячик. И стал большой-пребольшой. Больше головы. И больше бабушкиной головы. Прямо как подушка.

А этот хвостик закрывается, и бабушка его пальчиком в мячик запихнула. И не стало видно никакого хвостика. А вышел настоящий мячик. Только большой-пребольшой.

Я закричал:

— Бабушка, дай! Ой, какой хороший!

А бабушка как стукнет мячиком в пол, так он до самого потолка прыгнул и сделал: дзум! Как барабан.

Я стал его ловить и стал кричать:

— Ай! Ай!

А тут мама пришла и говорит:

— Это уж бабушка, наверное. Что надо сказать?

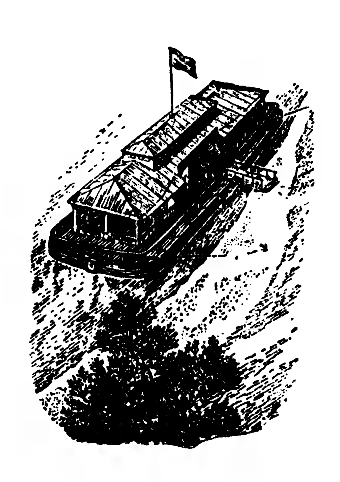
А бабушка говорит:

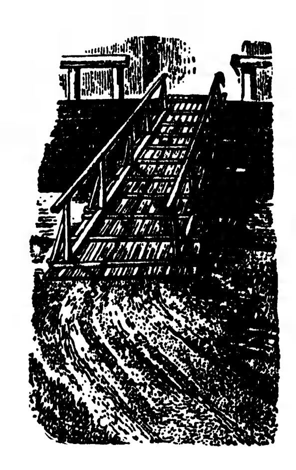
— Он сказал что надо: что мячик хороший. Вот я как рада!

И поцеловала меня. И мы с мячиком пошли в сад. И стали мячик бросать, чтобы он прыгал. А потом кошки прибежали. Я в них мячиком кидал, а они боялись.

Бабушка пошла грибы солить. Я потом взял мячик и тоже пошёл грибы солить. Я их в баночку складывал аккуратненько, а бабушка соль сыпала.

И бабушка говорила, что после обеда мы пойдём на реку смотреть пароход. А завтра мы на пароходе по реке поедем в Киев. Долго будем ехать: день и ночь, день и ночь. Потом на поезд сядем и ещё на другой пароход, на большой-пребольшой, и тоже будем ехать. Долго-долго.

А потом будет Киев. А в Киеве бабушка учит девочек вышивать разные картинки, и цветочки, и домики.

А летом в Киеве жарко, и бабушка уезжает сюда, потому что здесь не очень жарко.

Мы уедем на пароходе, а мама пока здесь останется. И кошки тоже останутся.

Я сказал:

— Почему?

Бабушка сказала, что они всегда здесь живут. Здесь их дом. Потом мы разбудили маму и обедали. И мы с бабушкой пошли пароход смотреть, а мячик оставили дома. Бабушка его в шкаф заперла. А то его кошки начнут царапать и дырку сделают.

ПРИСТАНЬ

На реке плавал домик. У самого берега. И я подумал, что это пароход, потому что из домика шла палка, а на палке — флаг. Бабушка сказала, что это пристань. Там билеты дают. А бабушке не надо: у ней уже есть.

Я сказал, что хочу на пристань. Мы пошли сначала по дорожке, а потом вниз по лестнице. А потом совсем по берегу. А потом по мостику. И пришли на пристань.

Я думал, она маленькая, а она очень большая. И сверху крыши и по бокам будочки, а посредине пусто. Просто пол, и можно ходить.

Мы с бабушкой пошли, а там пристань кончается, и заго-

родка, чтобы никто в воду не упал. Загородку открывают, только чтобы на пароход идти.

Пароход придёт, так совсем к самой загородке подплывает. Тогда загородку открывают, и все идут на пароход и на пароходе уезжают.

КАК ПАРОХОД ПРИШЁЛ

Парохода ещё не было, а была просто река. За рекой опять берег. И там садики. И домики: маленькие-маленькие. Бабушка сказала, что они вовсе не маленькие, а только далеко.

— А вот, — говорит, — лодочка едет.

А на лодочке два больших мальчика сидели и лопатками воду разгребали.

Я сказал бабушке:

— Почему лопатками?

А тут все люди засмеялись, которые стояли, и стали говорить, что это не лопатки, а вёсла, и что мальчики ими за воду зацепляются оттого и едут. И что они зацепляют — это называется «гребут».

Я сказал, что хочу грести, а мне сказали, что я маленький, а потом буду.

Бабушка сказала, что у ней дома есть лопатка и что она мне в садике покажет, как грести.

Потом все закричали:

— Идёт! Идёт!

И стали смотреть. А это шёл пароход. А я смотрел через загородку и ничего не видел. Только услыхал, как он загудел. Очень тихонько, потому что далеко.

Тыввв! Ввыв! Ввыв!

Я затопал ногами и тоже стал кричать:

— Идёт! Идёт! Бабушка, пароход идёт!

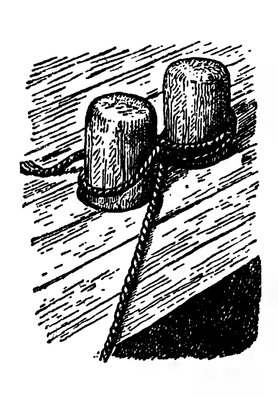
Бабушка меня за руку потянула. Чтоб я подальше от загородки. «А то, — говорит, — сейчас с парохода будут чалки бросать».

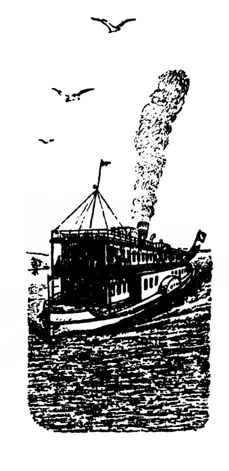
Я сказал:

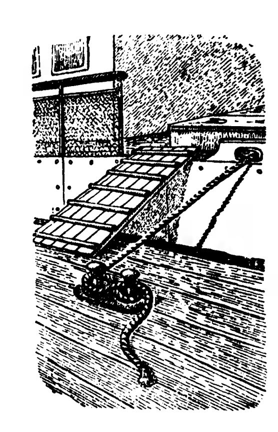
— Почему?

Нас толкали, а я всё говорил: «Почему чалки?»

Бабушка говорит, это верёвки такие. Пароход будут к пристани привязывать. Чтобы его водой не унесло. Вода

в реке бежит, и всё по ней уплывает. И даже пароход, если не привязать.

Бабушка меня на столик ногами поставила, чтобы я был выше всех. И тогда я увидел пароход.

Он был очень белый. И с каждого бока — колесо. Они очень большие, почти как пароход вышиной. И пароход колёсами по воде шлёпает. И от этого волны идут. Так что лодку, где мальчики были, закачало. Я думал, лодочка утонет, а она не утонула.

А пароход колёсами очень шлёпал. У него на колёсах лопатки приделаны. И он лопатками бьёт по воде.

Шлёп-шлёп-шлёп!

И прямо на нас. Прямо на самую пристань. А пароход большой, и на нём дом стоит. Длинный-длинный, до самого конца, а сверху дома пол, а на полу опять дом. И всё окошечки, окошечки, окошечки. А перед окошечками ещё немножко пол, и там люди. А чтобы они не упали, там загородка.

И все люди на нас смотрели.

КАК Я ИСПУГАЛСЯ ГУДКА

Мачта на пароходе совсем небольшая. А флаг на ней очень большой.

А потом я и трубу увидал: она совсем маленькая. Я потому увидал трубу, что вдруг дым пошёл: чёрный-чёрный. Пароход совсем близко подошёл и перестал колёсами шлёпать, а всё равно шёл.

Бабушка говорит:

— Потому что очень разбежался.

И прямо к нашей пристани. И вдруг как стукнет боком! А бабушка меня захватила, чтобы я не упал, потому что пристань тряхнулась. Я видел, как верёвку бросили, очень толстую. Один дядя на пристани её схватил и поднял. Наверное, привязывать.

А потом на пристани загородку открыли.

И мостик сложили на пароход, и все пошли.

А я закричал:

— Бабушка, пойдём! Пойдём! Я хочу на пароход!

А бабушка сказала, что не пойдём, а завтра пойдём и тогда уедем на пароходе.

Я смотрел на пароход, а он вдруг как загудит. И так страшно загудел, прямо заревел. Я думал, что-нибудь сейчас будет, и заплакал. Я схватился за бабушку. А бабушка меня сняла вниз, и мы скорей пошли на берег. А пароход всё гудел. И я не слыхал, что бабушка говорит. А она совсем в ухо мне говорила.

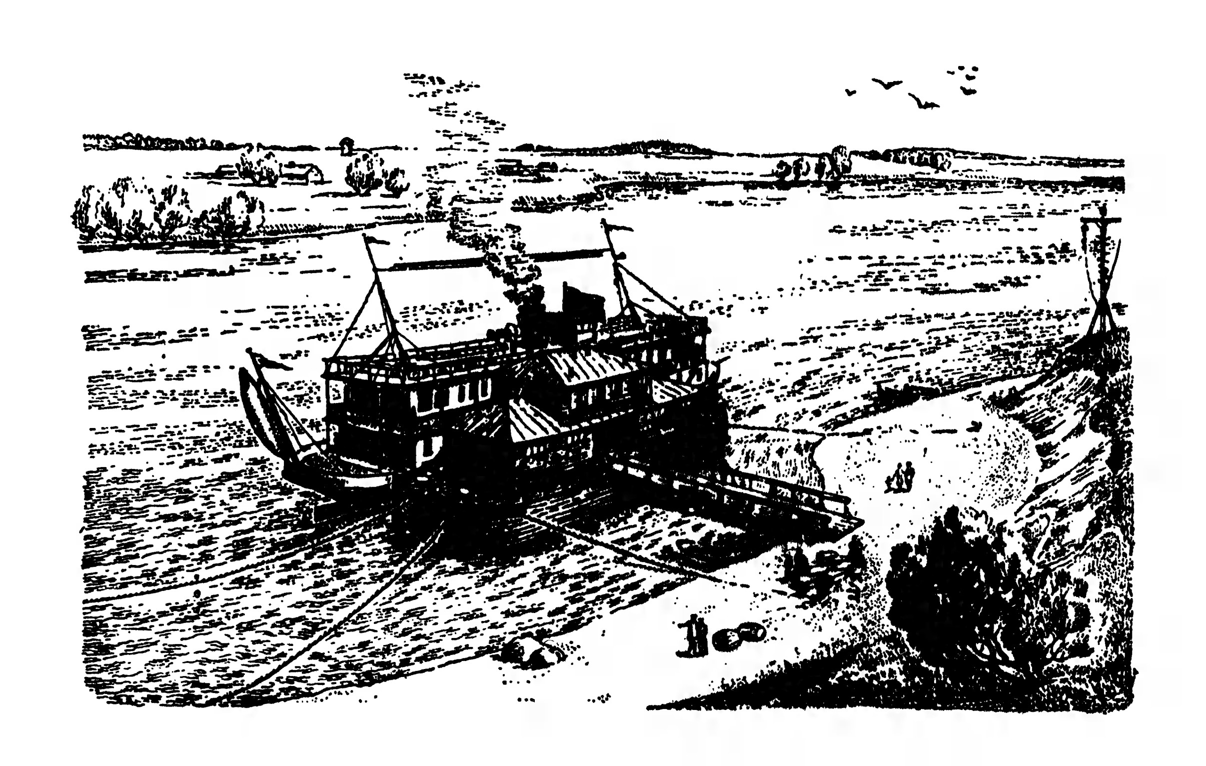
Потом пароход перестал гудеть, а мы уже совсем наверх пришли. Я уже не плакал и смотрел, как пароход пошёл.

Бабушка перестала меня платком вытирать и говорит:

— Возьми платок. Помахай платком пароходику.

А он не пароходик, а вон какой большой!

И ещё он два раза гудел, а потом совсем ушёл.

ПАРОХОД

КАК МЫ НА ПАРОХОД ПОШЛИ, ЧТОБ ЕХАТЬ

На другой день бабушка сказала, чтобы я поиграл мячиком, а то сейчас из него надо воздух выпускать. Его бабушка в чемодан положит. Воздух выпустит, и он станет как блин. А как приедем в Киев, мы его снова надуем. И я опять буду им играть.

Мы все вещи уложили, и мишку бабушка переложила в свой чемодан.

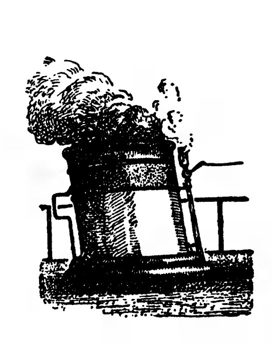
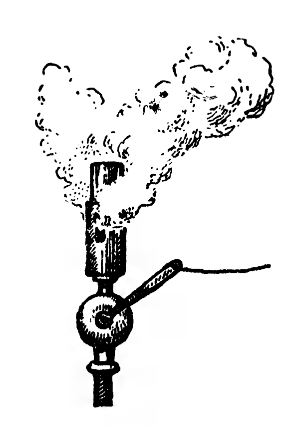
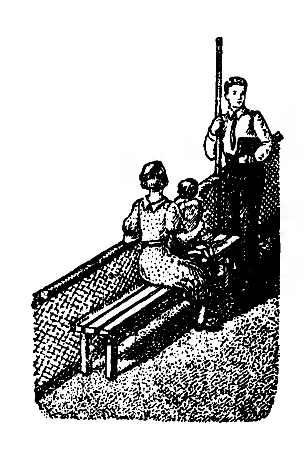
Мы стали обедать. Вдруг пришёл дядя с пристани и сказал, что он наши чемоданы понесёт на пристань.

А мы пускай обедаем, потому что успеем. Я хотел скорее идти и сказал, что компоту не хочу.

Я очень хотел, чтоб скорей на пароход.

Мама говорит:

— Чего ты ёрзаешь? Никакого парохода ещё нет, а мы с бабушкой ещё чай будем пить. Садись и не выдумывай.

А бабушка сказала, что она чаю совсем не хочет, встала и взяла корзинку, где у нас грибы в банках. Мама тоже встала, и мы пошли. Мама всё время говорила, чтобы я слушался бабушку и не ел слив. И потом, чтоб в воду не упал и чтоб я сказал, что не буду.

А я не сказал.

Потом пришёл пароход, ещё больше, чем вчера, и мы с бабушкй пошли по мостику на пароход. А на пароходе по маленькой лесенке — наверх, а там, наверху, длинная-предлинная веранда с загородкой. Только не с очень высокой. И через нее всё видно. Я посмотрел. А там внизу — пристань и мама стоит.

Бабушка говорит:

— Видишь: мама стоит? Вон, внизу, на пристани. Вот мы как с тобой высоко.

А мама снизу кричала, чтобы я не совался к воде.

А до воды вон ещё сколько! Я взял и плюнул сверху.

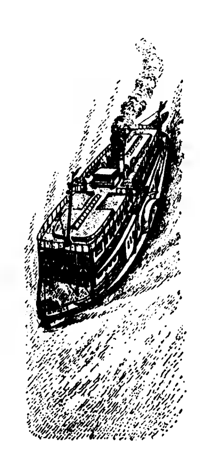
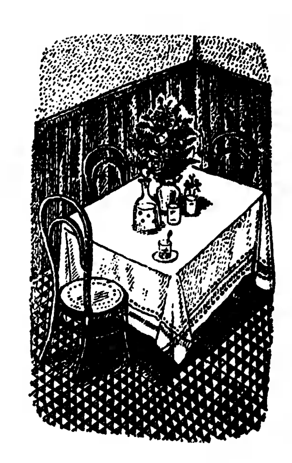
Мама закричала:

— Ну вот, уже начинается!

МЫ ПОЕХАЛИ

Вдруг как загудит гудок! И мама больше ничего уже не стала говорить и заткнула уши пальчиками. И совсем вбок стала глядеть.

А я уже не боялся и побежал глядеть, где это гудит. Бабушка тоже со мной пошла. Мы потом увидели, что это гудок. Он очень большой и медный. Большой такой, как са-

мовар, и от него верёвки. Капитан как потянет верёвку, так из гудка пар пойдёт. И гудок заревёт изо всей силы.

Потом я увидал, как отвязывают наши верёвки от пристани. Там пеньки такие на пристани есть, чтобы к ним пароход привязывать. И мы стали отъезжать вбок от пристани.

Я смотрел на пристань, а бабушка говорила:

— Вон, видишь, мама белым платочком машет.

А там все платочками махали. И я не видел, которая мама.

НА ПАРОХОДЕ ЕСТЬ СТОЛОВАЯ

Я посмотрел назад, а сзади нас шла стенка. Только это не стенка, а всё окошки и двери: много-много. Двери открываются, и оттуда выходят дяди и тёти, все без шапок, и ходят по веранде, и смотрят за загородку, как вода бежит.

А потом из двери вышел дядя в белом костюме. Совсем как в Москве в гостинице. И тоже с подносом и чайниками.

Бабушка говорит:

— Хочешь, кофе пить будем?

И мы пошли в эту дверь. А там большая комната и столы стоят. И на всех столах — белые скатерти, и на каждом столе стоят цветочки. И все там сидят и едят. И пьют кофе. А по бокам всё диваны.

Я скорей встал на диван на коленки. И стал смотреть в окно. Мне очень хотелось смотреть, как там на берегу. Какие там домики и садики и как на реке лодочки плавают.

Бабушка сказала, что мы сейчас в столовой. И чтобы я сел как следует, и мы будем кофе пить. А всё равно слышно, как пароход колесами шлёпает. И даже трясётся немножко. Потому что у нас на столе стаканчики стояли, и они звякали.

Бабушка велела, чтоб нам принесли кофе и чтоб я пил и не вертелся.

Бабушка мне сказала, что мы сейчас пойдём в нашу каюту.

Я сказал:

— Почему?

Бабушка говорит:

— Потому что надо посмотреть наши вещи.

А я сказал:

— Почему каюту?

Бабушка говорит:

— Ты что за почемучка такой? Всё «почему» да «почему»!

Я сказал:

— А я Почемучка.

Бабушка говорит:

— А ты не будь Почемучкой. А скажи: «Какая это каюта?»

КАК БЫЛО В НАШЕЙ КАЮТЕ

Бабушка мне сказала, что каюта — это комнатка, и там кровати, и столик, и окошко. И окошко можно открыть: оно уходит вниз, и тогда прямо без стекла можно смотреть. И всё видно, и всё слышно, и воздух хороший. И чтоб я скорей допивал кофе.

Я всё допил и говорю:

— Вот.

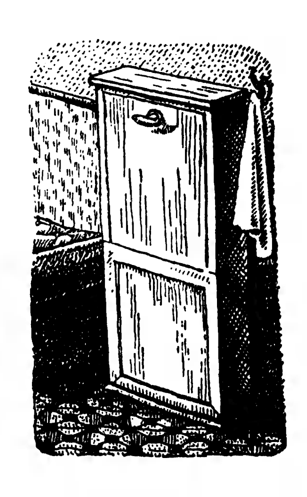
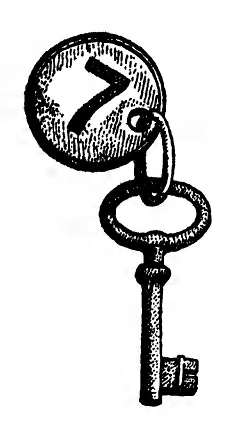
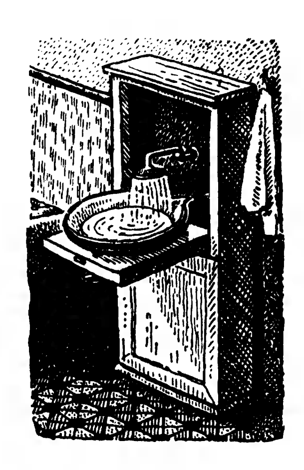
И слез с дивана.

Мы с бабушкой пошли и пришли в коридор. Там окон нету, а вместо крыши сверху стекло. Только не совсем стекло: оно белое, как бумажное. Через него не видно, а свет идёт.

Я сказал:

— Почему?

А бабушка говорит:

— По-настоящему скажи.

А я не захотел. Потом мы остановились. Бабушка достала из сумочки ключ. А на ключе прицеплена копеечка, только большая. Бабушка на неё посмотрела и говорит:

— Верно. Семь. И на дверях семь.

И показала мне, как это семь. А семь — это как кочерга.

А потом ключом — трик-трак! — и открыла! И мы вошли в каюту. Там никого не было, только наши чемоданы. И вовсе не кровати, а только одна кровать. А у другой стенки диванчик.

Бабушка сказала, что я буду на диванчике спать.

А потом ещё был шкафчик. Он выше меня и совсем к стенке прилеплен. Он очень гладенький, и я стал его гладить.

КАКОЙ СМЕШНОЙ ШКАФЧИК!

Бабушка подошла, взяла шкафчик за верх и поломала пополам, и стало очень смешно, потому что получилась полочка, а на полочке приделан таз, а в стенке — кран, и вышел умывальник. Бабушка пустила воду, а я стал смеяться и стал в ладоши хлопать и кричал:

— Ура!

А потом бабушка закрыла кран и завернула эту полочку наверх и захлопнула. И опять вышел шкафчик, и вода никуда не пролилась.

Я закричал:

— Бабушка, ещё!

Бабушка опять сделала умывальник и сказала:

— Помой же заодно руки.

И мы руки мыли с мылом. А там, за чашкой, пусто, и, когда закрывать, вода туда выливается. Бабушка сказала, что оттуда идёт трубочка. Только её не видно. И не надо бумажки бросать, а то трубочка засорится.

КАК МЕНЯ ТЁТЯ ХОТЕЛА ЗАБРАТЬ

Я увидел кнопочку около двери и сказал бабушке:

— Это чтоб чай дали, кнопка?

Бабушка сказала:

— Это чтоб уборщица пришла. А чай здесь пьют в столовой. Вот где мы сейчас были.

Я стал просить, чтоб позвонить. А бабушка говорит:

— Ну, она придёт, а ты что скажешь?

Я сказал:

— Нет, ты скажешь.

А бабушка:

— Нет уж, ты позвонишь, ты и говори.

А я стал капризничать и говорить:

— Нет — ты! Нет — ты! Нет — ты!

И стал животом по дивану кататься.

Бабушка сказала:

— Перестань, Алёша, капризничать, я рассержусь!

А я стал говорить:

— Буду! Буду! Буду!..

Бабушка сказала:

— Ну, я на такого гадкого и глядеть не хочу.

И стала чемодан раскрывать. А я начал пальчиком к звонку тянуться. Я долго тянулся. А бабушка всё не смотрит, как я тянусь. Тогда я совсем пальчик к кнопке приложил. А бабушка всё равно не глядит.

Я сказал тихонько:

— А вот позвоню.

А бабушка опять не глядит. Какая бабушка! Я взял и нарочно придавил. И слыхал, как зазвонило. Только далеко. Бабушка всё равно не посмотрела.

Я стоял около дверей и вдруг услышал, что идут.

И потом к нам в дверь постучали.

Бабушка говорит:

— Войдите.

Вошла тётя в белом фартуке и говорит:

— Вы звонили?

Бабушка говорит:

— Я не звонила. Это вот кто звонил.

И посмотрела на меня. А тётя говорит:

— Что же ему нужно?

И прямо мне говорит:

— Тебе что же нужно?

Я схватился за бабушку и хотел за неё зайти, чтоб спрятаться. И сказал:

— Бабушка, скажи, что.

Бабушка мне спрятаться не дала. И сказала:

— Ты звонил, ты и говори.

И посмотрела на тётю в фартуке.

Тётя ко мне ближе подошла и говорит:

— А ты знаешь, что у нас так звонить нельзя? Давай-ка я тебя к капитану отведу.

И хотела меня взять за руку, чтобы к капитану отвести. Я руки назад спрятал и закричал:

— Не хочу! Не хочу! Бабушка!

И залез под столик и стал плакать. Тётя говорит:

— Куда ты там прячешься?

И совсем под столик нагнулась. А бабушка нарочно в чемодане перебирает. И не глядит, что тётя меня забрать хочет. Тётя говорит:

— Будет ещё тут всякий мальчишка в звонки звонить!

И совсем хотела меня взять. А я сказал, что не буду, и ещё больше заплакал.

Тётя сказала:

— Вот спрошу капитана, что с тобой делать.

А бабушка сказала:

— Вы извините, что он у нас такой гадкий.

КАКОЙ ПЛОТ

Тётя ушла. Я не хотел из-под столика вылезать. Бабушка тоже ушла.

Я вылез из-под столика и стал глядеть в окно. Я очень боялся, что эта тётя придёт опять, а бабушки нет. А под окном на веранде сидели два дяди. Один посмотрел вверх и увидел меня, что я в окно гляжу.

Дядя встал, посмотрел к нам в окно и говорит:

— Ты что же это в звонок звонишь?

Я опять хотел плакать, а дядя говорит:

— Ты не реви! Не реви! А звонить в звонок не надо. Вон, погляди, какой плот плывёт.

Я ничего не хотел этому дяде говорить — зачем меня ругает? — а стал смотреть, какой это плот. А плот — это пол из брёвен, и он по воде плавает. Очень большой. А по нему дяди ходили. С длинными палками. И палками в воду пихались. А на плоту ещё костёр горел. И на палке котёл висел. Прямо на самом огне. Мы мимо плота проезжали совсем близко.

Я совсем в окно высунулся, чтоб всё видеть. И вдруг смотрю — бабушка сидит у самого нашего окошка. Там, где тот дядя, что меня ругал.

Я закричал:

— Бабушка! Бабушка. Смотри, плот какой! Там пожар!

А бабушка встала, посмотрела на плот и говорит:

— А там земли накидали, на плоту. Дрова на земле горят, и пожара не будет. А в котле люди кашу варят.

А потом бабушка пришла к нам в каюту и говорит:

— Пойдём посмотрим, как пароходик плот тянет.

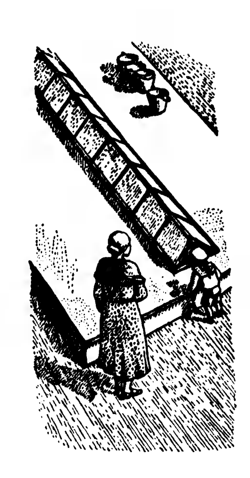
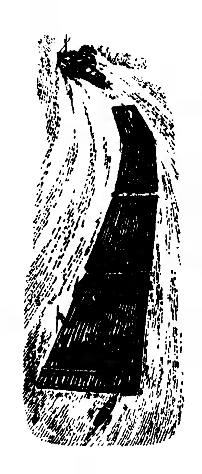
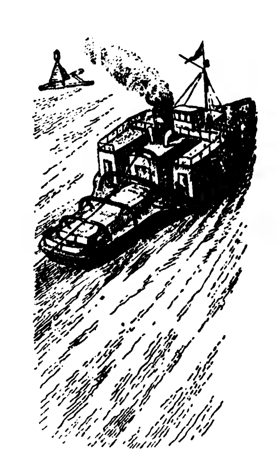
Я побежал на веранду и стал смотреть через загородку и увидел пароходик. Пароходик за верёвки тащил плот, и пароходик тоже колесами шлёпал, как наш. Только он маленький и чёрный, а наш белый.

КАК МЫ ПОШЛИ НА САМЫЙ ВЕРХ

Мы пошли с бабушкой по веранде, а бабушка говорит, что это не веранда, а палуба. Веранды только на даче бывают. И что есть ещё палуба выше нашей. И мы сейчас туда пойдём.

Мы прошли в самый перёд, и там шла лесенка наверх. На наш домик, где наша каюта, на крышу. А крыша наверху вовсе не крыша, а ровная, как пол. И тоже кругом загородка, чтобы не упасть. И стоят скамеечки, а по этому полу идёт будто маленький домик, длинный-длинный. И на нём стоит настоящая крыша горбом. И она стеклянная.

Я хотел посмотреть, а стекло белое, и ничего не видно.

Бабушка сказала, что внизу коридор и через это стекло свет идёт прямо вниз.

Мы с бабушкой пошли дальше и вдруг увидели одно стёклышко, не белое, а как в окне. Я стал в него смотреть близко-близко. И ничего не видал, потому что темно. А потом увидал.

Там, внизу, эта тётя ходила, в белом фартуке, которая меня хотела забрать.

Бабушка спросила:

— Ну, что ты там видишь?

А я сказал:

— Ничего.

Тётя, наверное, меня искала. А мы с бабушкой здесь.

КАК ПАРОХОДОМ ПРАВЯТ

Мы увидели с бабушкой, что там, дальше, на пароходе, будочка стоит. А в ней окошко большое. А в будочке два дяди стоят. Они вперёд глядят. А между ними колесо. И они это колесо крутят.

Бабушка сказала, что это матросы. И они пароход поворачивают этим колесом, куда ему надо идти.

И ещё дядя стоял около будочки. Весь в белом, и фуражка у него белая, а пуговки блестят.

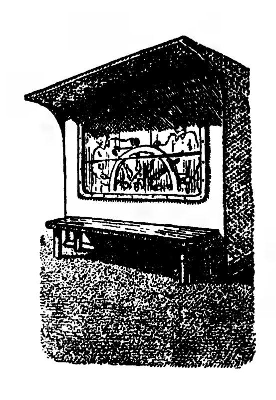
Бабушка говорит:

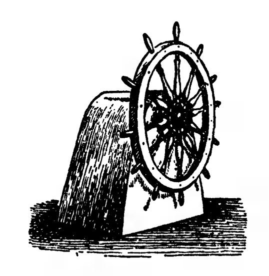
— А вот это капитан!

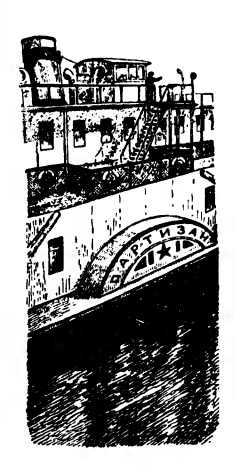
Я сказал, что не хочу капитана и чтобы отсюда уходить.

Бабушка сказала:

— Хорошо. Пойдём посмотрим, где колёса.

А я сказал:

— Пойдём скорее.

И потянул бабушку, где лесенка, потому что не хотел капитана.

Мы пошли по лесенке вниз и мимо нашей каюты, где наше окно открыто. И потом дальше пошли. Всё по нашей палубе. И мы пришли туда, где колёса.

Они очень хлопали. А нам их не видно было. Они стенкой отгорожены. А то, бабушка говорит, они так сильно по воде бьют, что весь пароход забрызгают. А из-за стенки они не могут нас водой достать. И ещё сверху они тоже закрыты. Чтобы ни на кого не брызгали. Они так шлёпают, что прямо ничего не слышно. Бабушка мне кричит, а мне ничего не слышно. А бабушка кричала, что в пароходе есть машина и что она колёса крутит.

КАК Я ПОЗНАКОМИЛСЯ С МАТРОСОМ ГРИШЕЙ

Потом мы с бабушкой пошли дальше, а там на загородке висят с той стороны ещё колёса. Они как баранки, только большие. С меня ростом.

Я бабушку спросил:

— Почему?

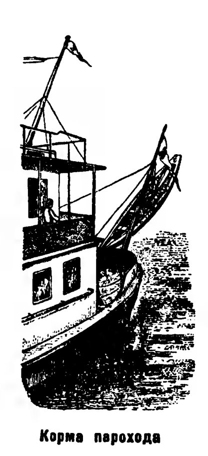
А бабушка говорит:

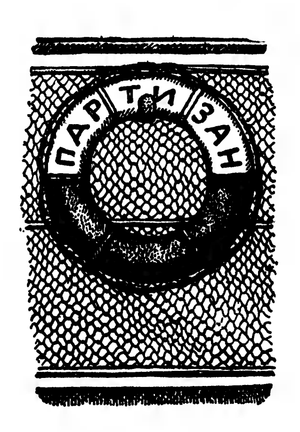
— Скажи как следует.

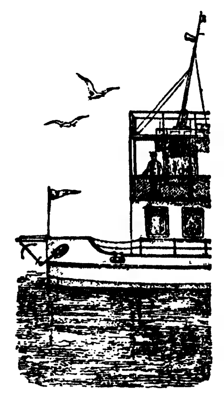
И я спросил, какие это колёса.

Бабушка сказала, что это не колёса, а круги. Их бросают в воду, и они плавают. Они из пробки.

— Вот если упадёшь в воду, тебе сейчас и бросят такой

Корма парохода

Нос парохода

круг. Ты за него схватишься и не потонешь, а спасёшься. Это спасательный круг.

А я сказал, что падать всё равно не буду. А бабушка сказала, что это все говорят «не буду», а потом бывает, что падают. Мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь упал. И чтоб ему круг бросить.

Я хотел попробовать, крепко ли круг висит. А он висит на загородке, на той стороне. Он совсем над водой висит. Надо через загородку лезть. А большой дядя — так ему легко: он через загородку нагнётся и схватит круг. А потом бросит, куда хочет.

Я стал бабушку просить, чтобы она круг достала. Бабушка не хотела.

Я стал немножко плакать. Бабушка всё говорила, что нельзя всем хватать круги. А тут как раз шёл один дядя. Он был матрос.

И матрос говорит:

— Это, — говорит, — что? Круг показать? Я, — говорит, — могу этому мальчику круг показать. Как, — говорит, — тебя зовут, мальчик?

Я сказал, что Алёша, а что Почемучка, я не сказал.

А матрос сказал:

— А меня Гришей зовут. Вот, гляди, Алёша. — И достал с той стороны круг. И поставил его на палубу, как колесо. А я держал, чтоб круг не упал набок. Очень легко было держать, и я мог.

Он белый, и на нём буквы написаны, красные.

Матрос говорит:

— Читать умеешь?

А я показал букву и сказал, что это «пы».

А дядя-матрос сказал:

— Ну, значит, ты молодец. Тут написано: «Партизан». Это наш пароход называется «Партизан». И на каждом круге написано: «Партизан».

Я сказал, что когда упаду, так буду на этом круге плавать.

Дядя-матрос говорит:

— А мы на лодке подъедем и тебя вытащим. И опять на пароход посадим.

ГРИША МНЕ ЛОДКУ ПОКАЗАЛ

Я спросил, откуда они лодку возьмут. Гриша сказал, что у них лодка с собой есть. И говорит:

— Пойдём, покажу.

Мы с бабушкой пошли, и Гриша нас привёл, где пароход кончается.

Бабушка сказала, что мы это на корму пришли, на самый зад парохода. И тут я увидел палку. Она очень толстая, торчит прямо вверх и немножко назад. И на палке висит лодка. Одним концом за низ, а другим за верх. И очень привязана, так что не упадёт.

И Гриша сказал, что они захотят, так сейчас лодку отвяжут и на верёвках спустят. А потом туда вскочат, начнут вёслами грести и поедут, куда хотят. А вёсла там, в лодке, лежат. И я их видел.

Потом Гриша сказал, что он теперь пойдёт.

А бабушка сказала:

— Спасибо, Гриша.

А он сказал:

— Пожалуйста!

И за шапку немножко подержался.

КАК Я С ВИТЕЙ ДРАЛСЯ

А на корме тоже есть лесенка наверх. И тоже можно туда пойти. И там тоже есть палуба.

Мы с бабушкой туда пошли, а там был мальчик. Больше меня. Он сказал, что он Витя и что ему шесть лет уже. И будет потом ещё больше. Я сказал, что

мне тоже будет больше. А он сказал, что ему всё равно будет больше.

Потом я сказал, что у меня мишка есть. Только в чемодане. А Витя сказал, что у него ружьё есть. И тоже в чемодане. А я сказал, что ещё мячик, и показал, какой большой, и что он в чемодане.

А Витя сказал, что враки и в чемодан такой мячик не залезет. А я сказал:

— Вот и залезет!

А он сказал:

— А ну, покажи.

А я сказал: пусть он ружьё. Что хочу ружьё. А он опять сказал, что мячик — враки. Я взял и в него плюнул. Только не попал. А он попал. Витина мама вдруг подбежала, и бабушка тоже.

Витина мама сказала:

— Петухи какие!

А бабушка закричала:

— Ты это, брат, что же? Гадость какая!

И ногой топнула. Только не со всей силы. Взяла меня за руку и очень скоро увела — я по лестнице чуть не упал. И она сказала, чтоб я никогда не смел плеваться.

И мы пошли к себе в каюту, и бабушка курточку мокрым вытирала.

А потом лампочки зажгли в каюте. И мы с бабушкой пошли смотреть, как огни горят на берегу, в домиках. И как на плотах костры жгут.

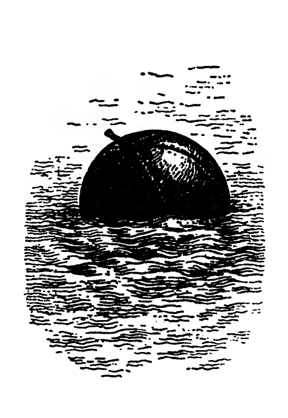
Потом вдруг зазвонил звонок, тоненький-тоненький. И дядя в белом прошёл по палубе очень быстро. И у него в руке звоночек, и он всё звонил.

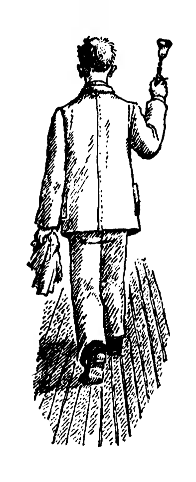
Бабушка сказала, что это он зовёт ужинать и что надо идти руки мыть. Я очень хотел руки мыть, потому что из шкафчика делается умывальник.

Потом мы ужинали в столовой, и я ел яичницу, а бабушка — сосиски. И в столовой все ели. И ходила кошка. И бабушка ей целых полсосиски дала.

Потом мы пошли к себе. И я сам нашёл, где стоит «семь». Потому что оно на кочергу похоже. А в каюте бабушка мне на диванчике постелила и загородила чемоданами, чтобы я не упал.

У меня стало как домик, и бабушка свет погасила и сказала, чтоб я спал.

КАК ВИТЯ МЯЧИК ВЫБРОСИЛ

А на другой день я ходил смотреть, как лодка висит на корме. А потом взял мишку из чемодана и пошёл с ним играть. Мы с бабушкой опять ходили на корму наверх. Там опять был Витя, и бабушка разговаривала с Витиной мамой. А у Вити никакого ружья не было. Я хотел, чтобы мячик принести. И стал бабушку просить, чтоб дала из чемодана. Он в самом-самом низу, подо всем.

Бабушка ушла за мячиком, потому что Витина мама тоже хотела такой мячик посмотреть. Она таких мячиков никогда не видала, которые могут лепёшкой делаться. Бабушка принесла и надула мячик, а я хлопал в ладоши и кричал:

— Ага! Ага! Ага! Вот и не враки! Вот и правда!

А Витя рукой трогал. И хотел взять, а я не давал. Бабушка сказала, что здесь нельзя играть мячиком, потому что мячик ускочит. Я стал просить, чтоб поиграть. Бабушка говорит:

— Ну, хорошо. Немножечко поиграйте. Только я воздух выпущу, чтоб не очень прыгал.

Бабушка так выпустила, что он совсем не прыгал. И мы немножко с Витей играли.

Потом бабушка сказала Витиной маме, что она ей покажет, как хорошо надо вязать, и пошла принести вязанье. Бабушка всех учит, как надо вязать. А Витина мама сидела и тоже вязала.

Витька стал мне мячик не давать и нарочно стал его пихать ногой. А Витина мама не глядела. Она всё вязала.

А Витька так ногой его ударил, что мячик полетел за загородку. А я закричал со всей силы:

— Ой, упал! Упал!

И Витька закричал тоже со всей силы:

— В воду упал! В воду упал!

Витина мама очень испугалась, вскочила и как закричит:

— Ой! Спасите! Спасите!

Потому что она думала, что это Витя упал. А это вовсе не Витя, а мячик. А Витя только кричал. И внизу все люди стали кричать и бросать спасательные круги.

И один дядя всё кричал:

— Вон голова! Вон голова!

А это не голова, а мячик. Витина мама стала кричать:

— Это мячик! Это мячик!

А пароход всё равно остановился. И Гриша побежал туда, где палка. И ещё один дядя-матрос. И ещё один главный, в белом костюме.

И они отвязали лодку и спустили вниз, в реку. И потом стали грести и приехали к мячику. А к мячику ещё две какие-то лодки ехали. Чужие. Только наши всё равно раньше приехали и мячик достали. А дядя в белом встал в лодке и мячиком махал. И я боялся, что он его разорвёт, — так махал. А потом они ездили и доставали из реки спасательные круги.

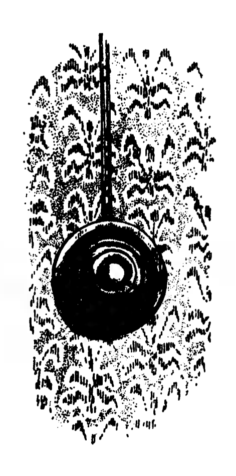
Бабушка ко мне прибежала, и я думал, что она плачет. А это она так испугалась. Она думала, что я упал. А это мячик. Потому что Витька его так ногой бил. Бабушка сказала Витиной маме, что надо пойти и сказать капитану. А Витина мама забоялась и совсем ушла. И Витьку взяла.

А бабушка увела меня в каюту и сказала:

— Сиди.

КАПИТАН КО МНЕ ПРИШЁЛ

Бабушка пошла к капитану. А я боялся, что капитан мячик не отдаст. А это вовсе не я, а Витька. Потом наш пароход пошёл. Я всё сидел и в окно не глядел. И мне жалко было бабушку, что она пошла к капитану. Он её совсем заругает. А потом вдруг бабушка пришла, и у ней мячик. Очень мокрый.

Капитан тоже пришёл. Я испугался и стал скорей плакать, а капитан говорит:

— Это ты Алёшка? Ты что же это такое наделал, что пароход остановили?

Я сказал, что это не я, а Витька, и что Витька с его мамой потом убежали и теперь небось где-нибудь сидят. А ко мне вот капитан пришёл. И вот меня ругает. А я ничего не сделал. Капитан говорит:

— А в звоночек кто звонил?

А я ничего не стал говорить.

Капитан сказал:

— В звоночек-то ведь звонил? Вот в этот звоночек?

И он стал пальцем показывать. Показывал, показывал, да вдруг и позвонил.

А я сказал:

— Вот теперь вы будете говорить, что надо.

Капитан сказал:

— Вот и скажу, чтоб этого мальчика ко мне наверх унесли, где колесо крутят.

И пришла эта тётя, в белом переднике. А капитан сказал:

— Принесите этому мальчику чашку шоколада из буфета. Это не он мячик бросил. У него у самого чуть мячик не пропал.

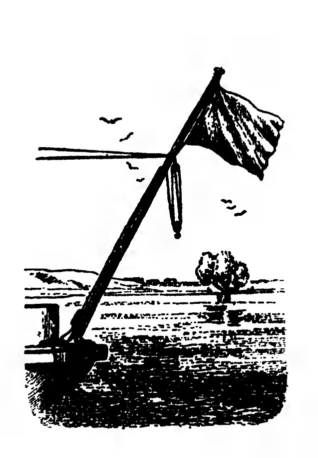
И сказал:

— До свиданья.

А бабушка сказала:

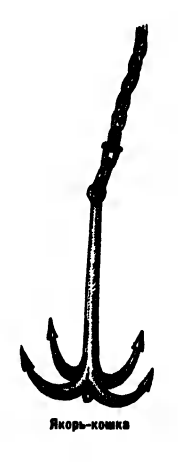
— Извините.

Потом бабушка рассказывала, что капитан очень испугался, потому что думал, что человек упал. И что все очень

Мачта парохода

Якорь-кошка

кричали. А потом он увидел, что это мячик, а вовсе не человек. Он в бинокль посмотрел. В бинокль всё видно, даже если очень далеко.

Капитан лодку послал, чтобы круги все собрали и привезли на пароход.

А то их прямо сто штук выкинули. А может быть, и не сто.

Потом тётя мне шоколад принесла и прянички. Бабушка сказала, что они бисквиты. Они совсем как пустые и очень вкусные.

А мячик высох, и бабушка его сложила в чемодан. И сказала, что до самого Киева не будет давать. А в Киеве я буду им играть.

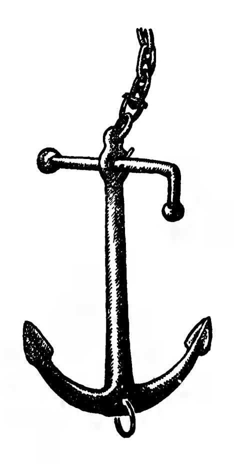
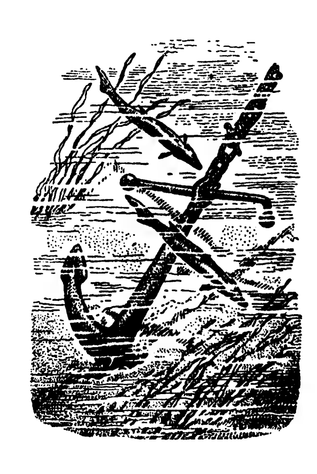
ЯКОРЬ

Я капитана теперь не стал бояться. Потому что он знает, что мячик не я закинул в воду, а Витька. А в звоночек так он тоже небось позвонил.

И я пошёл с бабушкой наверх, где видно, как матросы колесо крутят. И видно, как капитан стоит. Или ещё какой другой главный, который матросам говорит, что им делать. Я никого не боялся. Потому что всё равно никого главнее капитана нет.

Бабушка сказала, что мы теперь на самом переде парохода и самый перёд называется нос.

Там вперёд торчала палка. Очень толстая. А на палке висел, бабушка сказала, якорь. Он очень большой и железный. И он сделан из больших крючков. Сначала идёт

палка железная, а книзу из неё выходят крючки. И от якоря к пароходу идёт цепь.

Я спросил бабушку:

— Почему якорь?

Бабушка говорит:

— Не почему якорь, а для чего якорь.

И что он для того, чтобы пароход мог стоять, где хочет. Захочет — у берега, а как захочет — прямо на середине реки. Возьмёт и станет, ему всё равно, что нет пристани. Матросы возьмут да пустят якорь в реку. А он на самое дно потонет. И за дно своими крючками как вцепится! Так и будет держаться. Прямо как когтями. А пароход к якорю цепочкой привязан. Сколько захочет, столько и будет стоять.

Потом приходил матрос Гриша, мой знакомый, и говорил, как они мячик доставали. Он думал, что я нарочно кинул. А я ему сказал, что это Витька ногой. Гриша сказал, что Витьке надо уши надрать. Я просил Гришу, чтоб посмотреть якорь.

Гриша сказал бабушке:

— Можно, мы с гражданином пойдём якорь смотреть?

Бабушка сказала, что можно и что она тоже хочет якорь смотреть.

Мы на самый-самый нос пошли. И видали, какие у якоря крючки. Они толстые, как у меня рука. Нет, ещё даже толще — как нога. А на другом конце у якоря кольцо. И потом цепь идёт. В пароход. Я спросил Гришу, когда якорь будут бросать: скоро или нет.

Гриша сказал, что сегодня не будут, а завтра, наверное, будут. Только ночью. Я тогда спать буду.

КАКАЯ КУХНЯ НА ПАРОХОДЕ

Бабушка сказала, что это ничего, что я спать буду. Зато мы сейчас пойдём кухню смотреть. Гриша бабушке сказал, что надо кухню смотреть. И сказал, что у них три кухни. И там всё время жарят.

Мы с бабушкой пошли по лестнице вниз, там тоже была палуба. Только загородка кругом не из решётки, а как забор. И там было много людей. У них были узлы и всякие мешки, и они на них сидели и курили папиросы. И все говорили очень громко. Бабушка сказала, что им недалеко ехать и они скоро будут выходить, а потом другие будут приходить. И тоже ехать. Там была одна каюта. У неё двери не было, а просто загорожено досочкой. А там чай дают. И баранки. И яблоки. И ещё рыбу. Я стал бабушку просить, чтобы она мне купила такую рыбу. А бабушка сказала, что эта рыба очень солёная и я её есть не буду. Бабушка только купила мне два яблока.

Потом была ещё дверь, и там был дядя, очень толстый. Весь в белом, и на голове у него — белая шапка, как пузырь. В этой каюте плита, только не как у нас дома, а вся железная. На ней кастрюли стоят, большие, как вёдра. И ещё сковородки. Бабушка сказала, что это кухня и дядя-повар. Он варит обед, и ему очень жарко. Оттого он такой красный.

Дядя-повар увидал меня, что я гляжу, подошёл к самой двери и говорит:

— Ты что на обед хочешь? Пирожное, наверное, на обед хочешь?

А я сказал:

— Не хочу пирожного.

А повар сказал, что я молодец. И чтобы я ел на обед рыбу с картошкой. И что он очень вкусную сделает, лучше даже пирожного.

Бабушка сказала, что мы непременно попросим рыбу.

Повар вдруг испугался и побежал к плите. Он закричал:

— Ой! Ой! Котлеты горят!

Я стал смотреть, как горят. Бабушка мне сказала, что это значит — очень зажарились, а никакого огня не будет. Я думал, что как пожар. Потом мы с бабушкой над этим всё смеялись: котлеты горят!

ПРИСТАНЬ

Вдруг пароход загудел. Все люди встали и начали мешки подымать. Колёса перестали шлёпать, и пароход стукнулся так, что я чуть не упал, и бабушка тоже. А одна тётя совсем упала и корзинку уронила, и сама засмеялась. Это потому, что пароход в пристань стукнулся. Мы к пристани пришли. И все стали выходить.

Матрос Гриша кричал:

— Успеете! Успеете!

А они всё равно толкались.

Один маленький мальчик заплакал: его затолкали. Гриша как схватит его и сразу наверх поднял. Потом его маме отдал. Бабушка говорила, зачем мама его на руки не взяла. А эта мама ей сказала, что у ней две корзинки и она не может взять мальчика.

Гриша сказал:

— Давайте корзинки. А мальчика берите на руки.

Гриша понёс корзинки, а тётя — мальчика. Мальчик не стал больше плакать.

Потом Гриша увидал меня и говорит:

— А ты, Алёшка, дальше едешь?

Бабушка сказала, что нам ещё далеко-далеко.

И мы потом долго ехали на пароходе, и был через реку мост. Он шёл сверху. А мы проехали внизу, как будто в ворота. Потому что мост был очень высоко. По этому мосту поезд шёл.

Я видел, как паровоз пар пускал и свистел. Только пароход громче свистит.

КАК МИШКУ КУПАЛИ

Я хотел бросить мишку в воду и чтобы его потом спасали, как мячик, а бабушка сказала, что его спасать не будут. А что он сначала поплавает, а потом намокнет и утонет. А я всё-таки просил.

Бабушка достала много верёвочек и их связала, и сделалась очень длинная верёвочка. Потом мы мишку привязали очень-очень крепко. И стали через загородку спускать его в воду.

Все люди смотрели, что мы делаем. А бабушка говори-

ла, что мы мишку купаем. Мишка совсем не тонул. А только по воде кувыркался и прыгал. Пароход его очень скоро тянул. Потом мы его вытащили. Он был мокрый, только не очень. И все смеялись, что мишка купался. И говорили, что теперь меня надо привязать на верёвку и тоже пустить в воду. А я не боялся, потому что они шутят.

КАК МЫ К КАПИТАНУ ХОДИЛИ

Ночью бабушка меня разбудила и одела. Сказала, что сейчас пароход придёт к пристани и мы выйдем и поедем по железной дороге, и опять сядем на другой пароход. На том пароходе мы приедем в Киев. А сейчас надо идти прощаться с капитаном и с Гришей. Мы пошли к капитану в каюту. Бабушка постучала и сказала:

— Товарищ капитан!

А он оттуда ответил:

— Кто там? Войдите.

И открыл дверь.

У капитана целая комната. На стене — карточки, и на одной карточке был пароход. А на другой, кругленькой, были мальчик и девочка. Капитан сказал, что это его дети. И что мальчик с ним ездил, только прошлый раз. Я мог бы с ним играть. Потому что ему пять лет. Потом капитан подарил мне карточку с нашим пароходом и спросил меня, как пароход называется.

Я сказал:

— Знаю, «Партизан».

Капитан говорит:

— Ну, значит, молодчина.

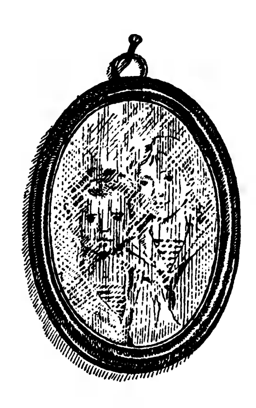
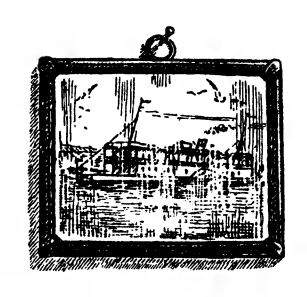
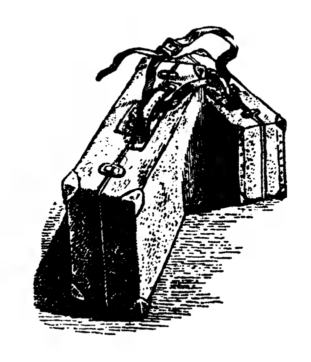
А бабушка сказала:

— Прощайте, мы сейчас выходим.

А я рассказал, что мы купали мишку, и сказал, что я тоже буду капитаном. И мы с бабушкой пошли искать Гришу. Мы с ним стали прощаться. А он говорил, что не надо. Что он нам непременно вещи вынесет.

И меня посадит на автомобиль, чтоб ехать на железную дорогу.

Мне очень не хотелось уходить. Я хотел плакать. Бабушка сказала, чтоб я не плакал и даже чтоб не начинал. Гриша будет смеяться и скажет: рёва. А если рёва, то всё

равно капитаном не буду. А чтоб лучше я спел чего-нибудь. Я ничего не стал петь.

А тут пароход зашатало.

Значит, мы приехали и толкнулись в пристань.

Бабушка ушла.

А потом пришёл Гриша, завязал поясом чемоданы да прямо через плечо повесил. Гриша меня за руку взял. Он очень сильно взял.

А я не сказал, что больно.

Я спросил:

— А бабушка на автомобиле?

Гриша сказал:

— На извозчике.

И как пошёл, прямо со всей силы. И прямо на пристань и потом прямо по мостику, и там бабушка. Она на извозчике сидела. Бабушка меня посадила рядом. А потом Гриша вещи наши поставил и потом ещё сказал:

— Ну, прощайте!

И стал с бабушкой прощаться.

А бабушка закричала:

— Ой, милый, руку поломал!

А Гриша не поломал. Он очень крепко взял, оттого что он очень сильный.

Гриша сказал:

— Ах, извините, бабушка.

А потом Гриша взял меня и поцеловал и опять меня посадил и говорит:

— Ну, прощай, Алёшка! Смотри, будь капитаном.

И шапкой нам Гриша махал.

А мы на извозчике поехали на вокзал.

ДНЕПР

Потом мы ехали по железной дороге и опять на другом пароходе, по реке. Бабушка сказала, что это очень большая река. Называется Днепр. И что около самой реки будет большой город. Это и будет Киев. Там очень хорошо. И там живёт бабушка. В Киеве, бабушка сказала, есть такие комнаты, и там можно всякую игрушку взять и поиграть. А когда не захочется, отдать назад, и тебе другую игрушку дадут. И так можно много-много раз. Сколько хочешь. И ещё в Киеве есть такой дом, куда все дети приходят, и там очень интересно.

И мы с бабушкой туда пойдём, и, может быть, мне там дадут ружьё. И я буду ходить и петь.

Большие мальчики там делают самолётики, которые сами летают. И что я потом буду делать тоже самолётики.

Мне очень захотелось, чтобы скорее был Киев.

И я всё глядел вперёд и кричал:

— Бабушка, вон Киев!

А бабушка всё говорила, что это не Киев, а деревня. И что там в садах растут вишни. И яблоки. И ещё груши и сливы. И мы потом будем из слив варить варенье.

Вдруг один дядя закричал:

— Смотрите, смотрите: невод!

И все стали смотреть на берег. Мы с бабушкой тоже стали смотреть.

Все кричали:

— Невод! Невод!

А там на реке была большая лодка, красная, и я думал, что эта лодка — невод, и сказал:

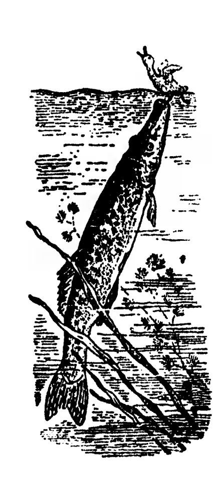
— Какой красный невод!

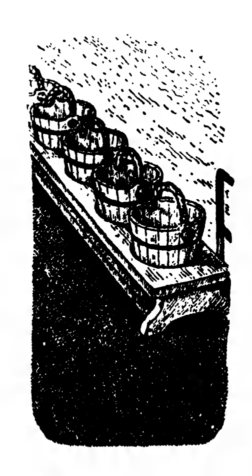
И все стали смеяться.

Бабушка мне сказала, что невод — это не лодка, а сетка. Она большая. Её кидают в реку, а потом тянут к берегу и сгребают рыбу.

Я хотел посмотреть, как сгребают, но мы уже проехали. Я только видел, что там, на берегу, много людей.

Бабушка сказала, что это ничего, что мы проехали. В Киеве есть невод ещё лучше, и мы с бабушкой пойдём смотреть, и я увижу, какие рыбы всякие бывают в реке. И есть рыба щука. Она может так укусить, что даже может палец откусить. И она маленьких уток, совсем маленьких,

которые ещё утята, тоже хватает. И съедает. И всяких рыб тоже глотает. Только раков не может глотать. И что мы пойдём смотреть на невод и что мне покажут щуку.

Мы с бабушкой обедали, и я ел куриную ножку.

Один дядя посмотрел в окно и сказал очень громко:

— Ого-го-го-го! Уже Киев видно!

А я не хотел есть, а хотел, чтоб посмотреть Киев. Бабушка сказала, что ещё далеко. А я всё равно не стал есть.

Бабушка вытерла мне руки, и я побежал на палубу смотреть.

Я хотел смотреть, а смотреть не мог. Все хотели смотреть — стали и загородили.

А один матрос увидал, что я хочу смотреть, и сказал:

— А ну, давай пойдём.

И мы как пошли, и прямо на лестницу к капитану. Только не к капитану, а где вёдра стояли.

Там вёдра деревянные стояли. Матрос сказал — они чтоб помогать пожар заливать.

Он сказал мне:

— Держись за вёдра.

А у них ручки из верёвки. Они толстые. Они прямо как железные. Я за эту верёвку стал держаться.

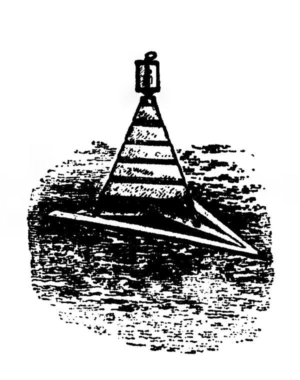
А матрос говорит:

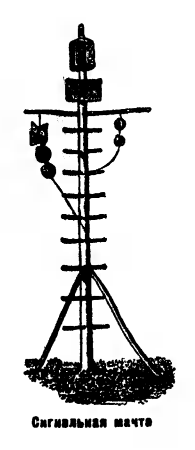
— Гляди, вон Киев!

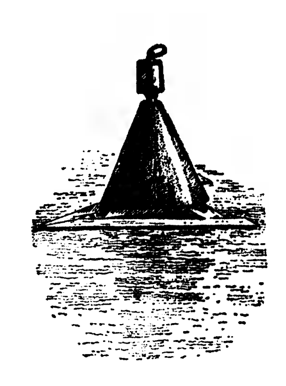
А там всё деревья и немного домов. А потом стало много домов видно. И пароходов всяких много. И лодок очень много. Наш пароход как загудел в гудок, так ведро стало прыгать.

А потом я услышал, что бабушка кричит:

— Алёша! Алёша! Куда ты делся?

Бакены

Сигнальная мачта

А я не делся, я наверху. Я сначала не кричал, а потом крикнул:

— А я тут!

Бабушка всё смотрела, где я. А я наверху.

Я ещё закричал:

— А я тут! А я тут!

И все стали смотреть на меня и смеяться. Бабушка тоже посмотрела.

Бабушка закричала:

— Ну, держись крепче!

Это потому, что загородки не было.

А у меня зато вёдра были. Они в ряд стояли. Там длинная-длинная скамеечка. И в ней дырки большие. А в эти дырки вёдра поставлены. Они ни за что не упадут.

Бабушка ко мне пришла и стала рукой ведро толкать. Думала, оно упадёт. А оно не упало.

Бабушка сказала, что она боялась, что я упаду.

А я сказал:

— Ха-ха-ха! Это дядя-матрос меня сюда привёл, чтоб я Киев посмотрел.

Я очень хотел увидать бабушкин дом, где мы будем жить.

А бабушка сказала, что его всё равно не видно и чтоб идти мишку прятать и вещи все, и мы пошли в каюту.

А потом пришёл этот матрос и сказал, чтоб мы его ждали. Потому что он придёт и наши вещи вынесет. А что сейчас пристань будет и ему надо идти помогать пароход привязывать.

Потом пароход толкнуло.

Бабушка сказала:

— Ну, приехали.

И все стали топать, все стали выходить, а мы не стали.

Бабушка сказала:

— Не вертись, успеем. Придёт матрос и возьмёт вещи.

А никто не приходил. И матрос не приходил.

Бабушка пошла посмотреть: может быть, он не может прийти, и велела, чтоб я сидел в каюте. Вдруг матрос пришёл.

Он очень скоро схватил наши вещи и всё говорил:

— Пошли, Алёшка, пошли. Я извозчика нашёл.

Мы опять на извозчике поехали.

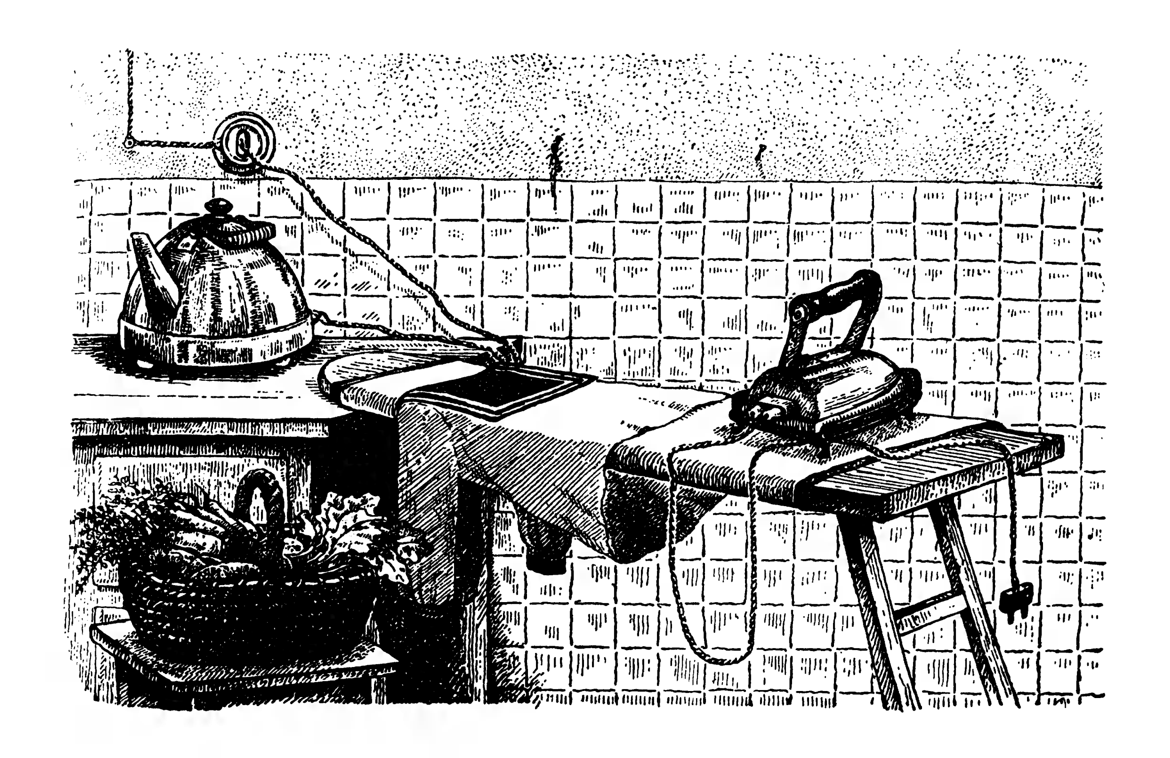
Мы тихо поехали, потому что вверх. А потом опять скоро, и там улицы и трамваи, только не как в Москве. В Москве они побольше.

И вдруг бабушка закричала:

— Стойте!

И потом сказала:

— Ну, дома.

ДОМ У БАБУШКИ

В БАБУШКИНОЙ КВАРТИРЕ

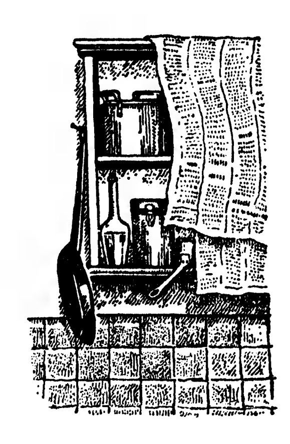
Я стал смотреть, какой дом. А он очень большой. И вдруг пришёл дядя и стал наши чемоданы забирать. А это дядя-дворник. И он говорит:

— Ну як, Марья Васильевна? Ну як там?

А я не знал, что это «як», а потом узнал. Мы с бабушкой пошли в дверь. А там лестница. Я бабушке говорил, чтоб скорей идти, где она живёт.

Бабушка сказала, что мы сначала пойдём за кошкой. Бабушка свою кошку отдала одной тёте. Чтоб она её кормила. А то бабушка уехала, и кошка одна осталась. Мы пошли по лестнице. Немножко прошли, и бабушка говорит:

— А хочешь, мы наверх поднимемся без всякой лестницы?

А я закричал:

— Я знаю, это лифт! И там дядя-лифтёр с пуговками.

Бабушка сказала:

— А вот и нет лифтёра. Сами поедем.

Мы подошли к дверке. И около дверки были кнопочки, как для звонка. Бабушка надавила одну кнопочку, и за дверью загудело. А потом что-то щёлкнуло. Бабушка открыла дверь. А там уж лифт стоит. Только совсем маленький. Как будто шкафик. Мы туда вошли. Бабушка закрыла все двери и нажала кнопочку, как будто она не бабушка, а лифтёр. Я думал, ничего не выйдет. А мы поехали. Я обрадовался и стал хлопать в ладоши и кричать:

— Ай, бабушка! Ай, бабушка!

А бабушка нарочно завезла меня на самый верх, а потом немножко вниз. Лифт остановился, мы открыли дверь и вышли на лестницу и снова двери закрыли. Потом бабушка нажала кнопку около двери, и лифт сам пошёл вниз. В лифте никого не было. Мы с бабушкой позвонили в квартиру, и отворила девочка.

Она закричала:

— Ах, вы приехали! А это, наверное, Алёша.

И сказала, что она сейчас принесёт бабушкину кошку Пуму. Пума очень обрадовалась и стала мордочкой тыкать бабушку в ноги и мурлыкать. Я думал, что она запачканная. А это она не запачканная, это шерсть у неё разными кусками, всякими — чёрными и жёлтыми. Очень смешная. Потом девочка бабушке ключ дала, и мы пошли в другую дверь.

Бабушка говорит:

— Вот тут я живу. Вот посмотри.

А ничего не было видно. Потому что всё было газетами закрыто. Бабушка сказала, чтоб я ушёл — сейчас будет пыль. А я всё равно не ушёл. И мы с бабушкой стали газеты снимать. А я снял газеты и увидел, что это плита. И бабушка сняла газеты. А там за газетами — полка. Это на стене полка, даже две полки. Только они газетами были завешены. А на полках — разные кастрюлечки, и все блестят. И чайнички и кувшинчики. И ещё сковородки и потом мельница, которая для кофе.

КАК Я ПЛИТКИ БОЯЛСЯ

Кошка вскочила на плиту и стала всё нюхать. А там, на плите, была чёрная коробочка, круглая, большая. Только сверху она очень смешная. У ней сверху не крышка, а каменный кружок. А в кружке канавка. Канавка идёт кругом по всей крышке. А сбоку из этой коробочки торчат две медные палочки. А сама коробочка железная. Кошка стала коробочку нюхать.

А я закричал:

— Почему?

Бабушка сказала:

— Опять почему?

А я сказал:

— Коробочка. Почему коробочка?

А потом сказал:

— Бабушка, какая это коробочка?

Бабушка говорит:

— Ага! Вот сейчас увидишь, что будет.

Принесла белый шнурок. У него две белые трубочки на одном конце, а на другом — два гвоздика. Бабушка трубочки надела на коробочку, прямо на палочки, которые из неё торчат. Потом схватила шнурок за другой конец, где у него медные гвоздики, и засунула в стенку. А в стенке были две дырочки.

Я не знал, что будет, и ушёл от плиты и сел на лавку.

Бабушка говорит:

— Ты не бойся. чего ты убежал!

А я скорей стал ногами на лавку и сказал, что я не боюсь, а это чтобы лучше было видно. А там коробочка вся сверху засветилась, и в канавках, на крышке, стало красно, как уголья. Я стоял и смотрел, а подходить не хотел. Бабушка засмеялась и говорит:

— Это электрическая плитка. На ней можно чай варить, яичницу жарить, молоко кипятить. Иди, — говорит, — посмотри, какой жар.

Бабушка стала над плиткой рукой водить.

Я пошёл смотреть, какой жар. А это в канавках проволочки. И они все стали красные от жару. Бабушка сказала, что это электричество идёт и греет. И я тоже руку держал над плиткой. И от неё тепло, как от огня. Кошка легла около плитки и не боялась.

ГАЗ

Вдруг в дверь позвонили, и пришла девочка, которая бабушке кошку давала.

Бабушка сказала:

— Ты, что, Клавдя?

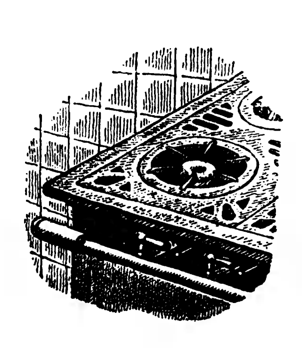
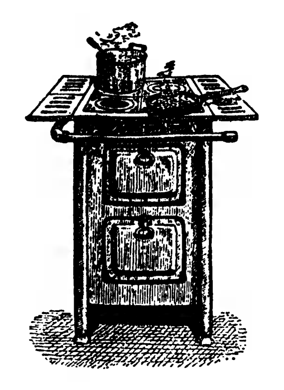
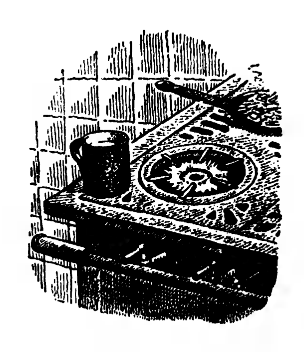
А Клавдя говорит:

— Я пришла вам помогать.

Бабушка говорит:

— Поставь воду на газ.

Я хотел сказать «почему» и не сказал. И смотрел. А Клавдя подошла к плите, повернула краник и потом в плиту спичкой, прямо сверху. И вдруг в плите как пыхнуло: «Пых!» И даже немножко выстрелило. И там, в плите, загорелся синий огонь. Очень синий. Клавдя поставила сверху большую кастрюлю. Прямо как ведро.

Это чтоб воду кипятить. Я пошёл к плите — смотреть, почему газ.

Клавдя стала говорить:

— Ага, вот и не знаешь, какой газ! А он по трубочке идёт. Захочу вот — хоп!

А я говорю:

— Какой хоп?

А Клавдя краник закрыла, огонь чуть хлопнул и погас.

А потом Клавдя говорит:

— А сейчас я захочу, и — хоп!

И опять краник повернула и зажгла спичкой. И снова пыхнуло, и загорелся синий огонь.

Клавдя опять сказала «ага». Она всё — «ага».

— Ага, у вас такого нету. Ага, у вас дрова жгут. Ага, у нас электрическая печка.

Я сказал:

— И не ага, не ага! И у меня мячик есть. Как лепёшка.

А Клавдя сказала:

— Ты его раздавил, потому и лепёшка. Ага!

А я стал говорить:

— Не ага, не ага...

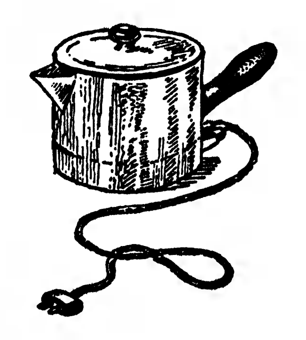
Бабушка сказала мне:

— Перестань сейчас же!

А потом сказала Клавде:

— Смотри, Клавдя, уже кипит. Сними кастрюлю и потуши газ и плитку электрическую.

Клавдя сняла кастрюлю и опять краник закрыла, а я хотел, что пусть знают, что я не боюсь: я подбежал к плитке электрической и стал дуть, чтоб потушить. Она не тухла и всё равно была красная.

Клавдя, противная, стала хлопать в ладоши и на ножке прыгать и кричать:

— Ага! Ага! Ага!

И потом пальцем стала показывать. И ещё кричать и петь:

— Вот смотрите! Вот смотрите! Как он дует! Не задует! Ай-ай-ай! Ага! Ага!

Я ещё дунул со всей силы и заплакал. И к бабушке скорей побежал. И стал плакать ещё больше, зачем плитка не тухнет и Клавка дразнит. Бабушка мне сказала, чтоб я стал на табуретку и чтоб я рукой взял за шнурок, где он в стенку воткнут. И чтоб дёрнул. И тогда плитка потухнет.

Я немножко боялся, а всё-таки полез. Клавка хотела раньше меня дёрнуть шнурок. А я скорей сам дёрнул. Шнурок так и вылетел из стенки. Там у него на конце чёрная коробочка. Из неё два гвоздика торчат. Они так из стенки и выскочили, как я за шнурок дёрнул. Я посмотрел на плитку. Она ещё немножко красная была, а потом потухла.

Я Клавке сказал, даже закричал нарочно:

— Ага!

А бабушка говорит:

— Теперь вставь обратно, как было.

Я стал эти медные гвоздики вставлять и не мог попасть в дырочки. Я потому не мог, что Клава всё хотела вырвать. А бабушка ей не дала. Бабушка сама взяла мою руку и моей рукой вставила эти гвоздики в самые дырочки. И плитка опять загорелась. А потом я сам вынул обратно, и плитка потухла.

Я тоже говорил Клаве:

— Ага! Ага!

И зажигал и тушил. Бабушка сказала, что это штепсель, где дырочки. А где гвоздики медненькие, это вилка.

Я сказал:

— Ха-ха-ха! Вилка! И вовсе не вилка! И совсем не вилка! А просто рожки.

И стал говорить:

— Рожки! Рожки! Рожки!

Клава кричала:

— А вот вилка! Вилка! Вилка!

Бабушка сказала:

— Фу, гадость какая! Слезай сейчас же с табуретки.

А потом сказала Клаве:

— А ты не егози. Большая, а такая глупая.

Клавдя достала с полки кастрюльку. Она была очень чистенькая, прямо как серебряная. У ней внизу торчали две медненькие палочки. Клавдя сказала, что она нальёт в кастрюльку воды и поставит кастрюльку на стол, а не на плиту, и вода сама закипит.

Я спросил бабушку:

— Правда?

Бабушка сказала, что правда.

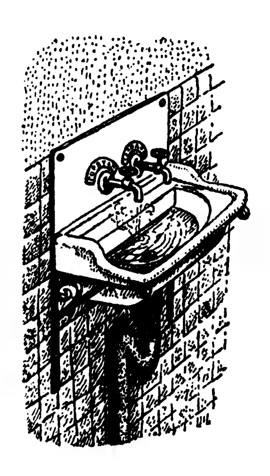
А только вода не сама закипит, а потому что под кастрюлькой внизу плитка электрическая навсегда приделана. И если шнурок электрический провести, как вот к плитке, так вода закипит. Потому что плитка там разогреется, а вовсе не сама.

А всё равно я хотел, чтобы вода закипела и чтоб не на плите, а на столе. Потому что я думал, что она, может быть, и не закипит. Я сказал Клавде тихонько: пусть нальёт воды и пусть на столе закипит.

А Клавдя стала кричать:

— Не верит! Он не верит!

Она скорей схватила кастрюльку и налила воды. И шнурок провела от кастрюльки к дырочкам, которые на стенке. Я залез на табуретку, чтоб смотреть, как на столе вода закипит в кастрюльке. Она сначала не кипела. И я всё пальцем пробовал её тихонько. Вода потом стала теплей. А потом совсем стала тёплая, и я не хотел палец туда макать. Потом пошли пузырьки, и Клавдя

стала кричать «ага» и стала мне нос показывать, только чтоб бабушка не видала.

Бабушка опять сказала:

— Не егози! И выдерни шнурок.

Клавдя не стала егозить. Мы пошли с ней снимать газеты, которые у бабушки в комнате.

Мы как сняли все газеты со стенок, так там у бабушки на стенках всё картинки, картинки. Только не картинки, а они ниточками вышиты. Гуси идут, а мальчик их веточкой подгоняет. И гуси все белой ниточкой вышиты, а трава зелёной ниточкой. У мальчика рубашка тоже из ниточек и глаза тоже.

А потом один дядя на лошади сделан.

Клавдя сказала, что это Ворошилов. А потом бабушка сказала, что он самый главный военный.

Потом был коврик. Весь из ленточек. Он на стенке висел. И ещё коврик. Только поменьше. Он на столике лежал, и на нём всякие цветы были нашиты из разных тряпочек: красные, жёлтые и маленькие синенькие.

Клавдя говорит:

— Это не коврик, а скатерть. Это я сделала.

А я сказал, что вовсе не она, а это бабушка всё сделала, и потому комната такая красивая. Как будто в саду. Даже ещё красивей.

Мы с Клавдей стали кричать, потому что я говорил, что «бабушка», а она говорила, что «не бабушка», а «девочки», и что она больше всех шила, и что она самая главная, и она скатерть сделала и все цветы.

КАК МЫ РУКИ МЫЛИ

А газеты мы всё равно убирали, и Клавдя вытирала стол. Вдруг бабушка пришла и сразу постелила на стол скатерть. Только простую, белую. И поставила на стол очень большую яичницу. И сказала, чтобы мы с Клавдей шли мыть руки. А руки мыть очень было смешно, потому что из одного крана бежит горячая вода, а из другого холодная. Можно дырочку в раковине закрыть медной пробочкой и напустить в раковину воды. А это не раковина, а умывальник. Он фарфоровый и очень чистый. В нём можно сделать какую хочешь воду. Мы с Клавдей сделали тёплую. А потом пустили горячей и стали держать — кто скорей вынет руки. Рукам стало совсем горячо.

А бабушка всё равно слышала, что мы делаем.

Пришла и говорит:

— Не выдумывайте глупостей! Ошпариться захотели!

Я руки поскорей вытянул, потому что всё равно очень горячо. Они стали красные-красные.

Я говорил «шпариться» и смеялся.

Бабушка говорила:

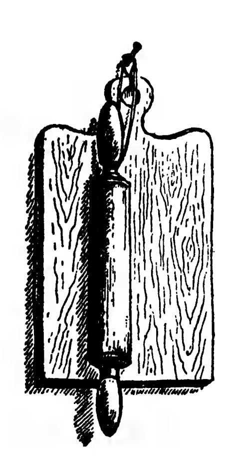
— Ну, ладно. Садитесь за стол.

Мы стали есть яичницу. И я сказал, зачем Клавдя врёт, что она скатерть сделала и все цветы пришила, и сказал, что всё это бабушка сделала.

КАКАЯ КУКЛА С НОСОВЫМ ПЛАТОЧКОМ

Бабушка сказала, что она здесь ничего не сделала, а всё это делали девочки, и Клавдя тоже. А бабушка только показывала. Клавдя закричала: «Ага, ага!» — и высунула язык. А на языке яичница. Бабушка сказала, чтоб Клавдя язык назад засунула. А мне сказала, что мы пойдём, где девочки вышивают. Там бабушка их учит, как вышивать нитками всякими — и красными, и синими, и жёлтыми, — чтоб выходили картинки. И как из тряпочек вырезать цветочки и листики и делать скатерти и картинки. Ещё как всякие платья шить для кукол. И как перчатки вязать и шапочки. Вдруг Клавдя соскочила со стула и убежала. Бабушка кричала:

— Куда ты?

А она всё равно не послушалась.

А потом прибежала и принесла куклу. А кукла в шубке и меховой воротничок. И его можно отгибать, и он становится наверх, как настоящий. Он из настоящего меха, только маленький. На рукавичках тоже настоящий мех. И карманчики сделаны.

Я в карманчик палец засунул. А там ничего нет. Я сказал, что ничего нет. А Клавдя из другого карманчика вынула маленький носовой платочек. А потом сняла шубу, а там на шубе мех. И этот мех кроликовый. Только из него волосы вылезают. На платье у куклы было много волосиков. Клавдя стала очищать, потому что платье очень красивое. Красное и белые пуговки. И ещё воротничок белый.

КАК Я КЛАВДЮ ДРАЗНИЛ

Бабушка сказала, чтоб мы пили чай, а она посмотрит шубу. Бабушка стала смотреть и вдруг как достанет ножницы! Чик-чик — и отрезала воротник. А Клавдя не заплакала.

Бабушка ей сказала:

— Сиди на месте и пей чай.

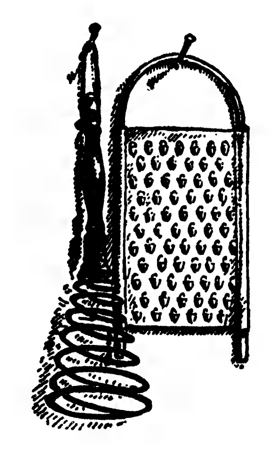
И потом бабушка ещё ножницами резала. И потом иголкой шила. И говорила:

— Кто же так воротник пришивает!

А это не бабушка пришивает плохо, а Клавдя.

А потом Клавдя посмотрела, как бабушка сделала, и сказала:

— Ага!

А я стал Клавдю звать «Ага». И говорю бабушке:
— Вон Ага на скатерть накапала.
Бабушка говорит:
— Какая это Ага?
Я сказал:
— Вот Ага.
И пальцем в Клавдю.
— Вот! Вот! Вот!
Бабушка вдруг меня по руке — хлоп! И как крикнет:
— Гадость какая!
И ногой топнула. Мне не больно было. А я всё равно хотел заплакать.
Клавдя закричала:
— Ага! Ага! Ага!
И убежала в кухню.

КАК ЭЛЕКТРИЧЕСТВО КУСАЕТ

Потом я тоже в кухню пошёл. Клавдя говорит:
— А электричество кусается.
Я сказал:
— Пусть тебя и кусает.
Клавдя сказала:
— И тебя укусит.
Я сказал:
— Ничего не укусит, потому что это ты нарочно.
Она говорит:
— И не нарочно. А вот и укусит. Вот сунь сюда пальцы.
И показывает на дырочки: куда шнурок от плитки встав-

ляют. Я сказал, что не хочу, потому что там всё равно ничего нет. Потом бабушка позвала Клавдю, чтоб она ей щётку дала. А я полез на табурет и стал пальцем пробовать. Только не совсем.

А Клавка, противная, сзади подошла и как пихнёт мне руку! И меня так куснуло, что я всей рукой дёрнул. И попал Клавде в нос. Она боялась плакать, потому что она противная. А потом я стал плакать. А всё равно бабушке не сказал, почему.

Тут вдруг зазвонил звонок, и Клавдя побежала дверь отпирать.

А бабушка ей крикнула:

— Не отпирай! Спроси, кто.

Я тоже побежал в кухню и стал кричать:

— Не смей отпирать, а спроси!

А Клавдя закричала на меня:

— Не твоё дело! Ишь, какой! Подумаешь!

Я тоже стал кричать:

— Вот и спроси! Вот и спроси!

А звонок опять зазвонил: дзинь! дзинь! дзззз!

Бабушка пришла и говорит:

— Фу, какой базар подняли! Замолчите сейчас!

Стало тихо, и бабушка спросила:

— Кто там?

И мы все слушали. А из-за двери какой-то дядя сказал:

— Это я, Пётр Викторович, откройте!

Бабушка открыла, а там дяденька. И даже вовсе не дяденька, а мальчик, только большой. Даже больше бабушки. Бабушка говорит:

— Здравствуйте, Пётр Викторович.

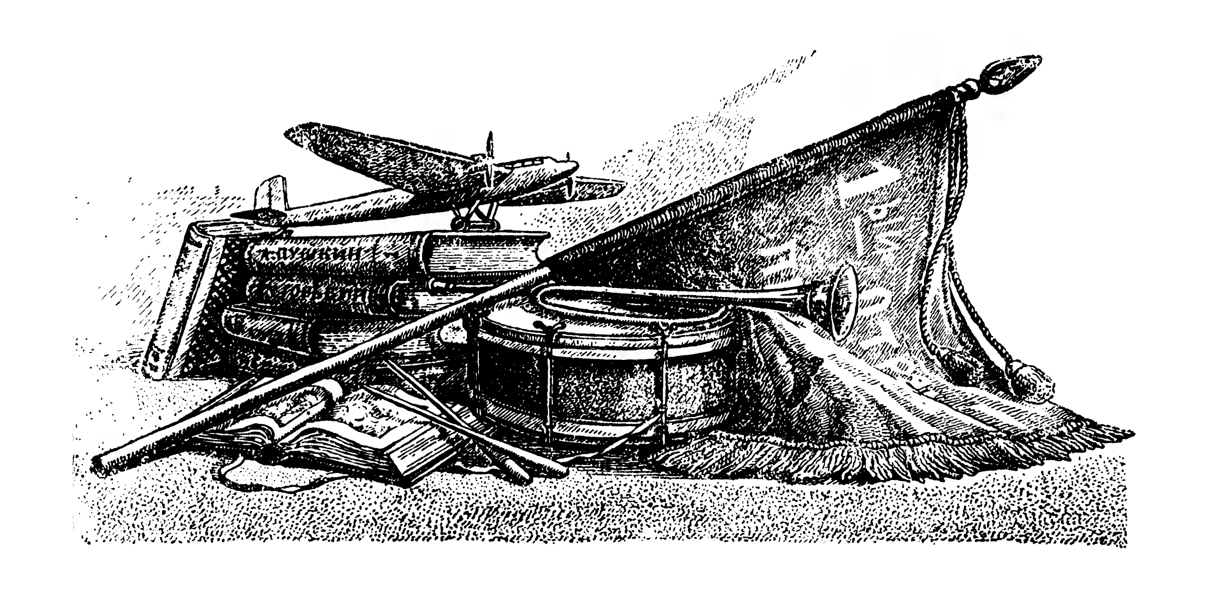
А Пётр Викторович сказал:

— С приездом, Марья Васильевна. Это очень хорошо, что вы приехали. Пойдёмте, у нас дети собрались. С ними скорей заняться надо.

И потом всё говорил:

— Пожалуйста, пожалуйста.

Бабушка тоже говорила «пожалуйста», чтоб он чай пил. И потом, чтоб сел. А он сказал, что никуда не пойдёт, а пойдёт только с бабушкой. И чтоб сейчас.

ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ

МЫ ПОШЛИ К ПИОНЕРАМ

Бабушка стала шляпу надевать и сказала, что я тоже пойду.

А Клавдя стала на меня шапку надевать. И ещё поправляет. И приговаривает:

— Не вертись, егоза какая!

А я шапку сорвал и сам надел нарочно на самые глаза.

А Клавдя стала скакать на ножке и на меня пальцем тыкать.

И стала петь:

— Ага, ага, ага!

Бабушка взяла меня за руку. А Клавде сказала, чтоб уходила. Мы с Петром Викторовичем пошли вниз по лестнице. А Клавдя стала к себе звонить.

Пётр Викторович спрашивает бабушку:

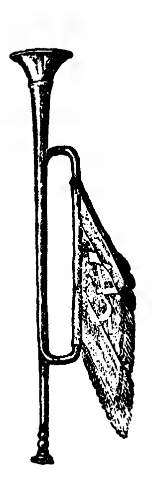
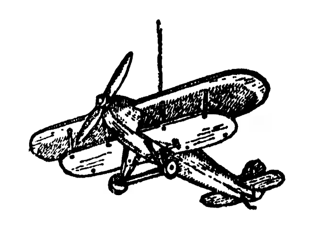
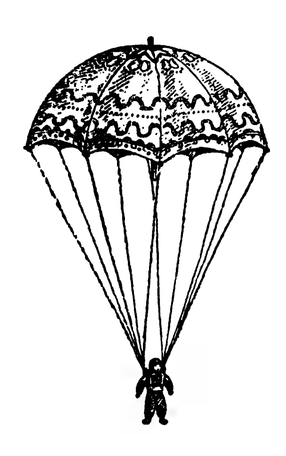
— Это что же за мальчик такой?

Бабушка сказала:

— Внук.

А он опять спрашивает:

— А почему же он такой сердитый?

Бабушка говорит:

— Разве сердитый? — и посмотрела, что у меня шапка на глаза.

И сказала:

— Не дурачься, надень как следует.

Я не хотел. И нарочно вертел головой.

А Пётр Викторович поправил и прихлопнул сверху ладошкой.

— Вот, теперь хорошо.

Он взял меня за руку. А я другой рукой за перила. Он меня вверх поддёргивал. И я очень высоко скакал. И потом стал смеяться.

А когда вышел на улицу, я сказал, что меня зовут Алёша.

И потом спросил:

— А вы мальчик или дядя?

Пётр Викторович сказал, что он дядя и художник. А художник — это значит, что очень хорошо умеет рисовать всякие картинки: и чтоб смотреть и чтоб вырезать.

Бабушка сказала:

— Вот придём во Дворец, там увидишь. Пётр Викторович тебя научит вырезать.

Я сказал:

— Какой дворец?

А Пётр Викторович говорит:

— Это Дворец пионеров. Там мальчики и девочки рисуют, вырезают и танцуют. И там их учат играть на рояле, и на трубе тоже. А потом учат их стрелять из ружей и петь, и они там сами делают лодочки, и паровозики, и вагончики тоже.

А потом там есть ещё игрушки, которые сами ходят. И там Пётр Викторович будет им показывать, как делать из бумаги аэропланчики, которые летают, а бабушка их научит делать себе варежки. И ещё всякое интересное.

Мне очень захотелось, чтоб скорей туда. А бабушка остановилась и стала яблоки покупать.

Я стал кричать:

— Я не хочу яблок! Скорей идём!

Бабушка взяла и сказала:

— Я вовсе не тебе яблоки покупаю, а Петру Викторовичу и себе. А ты не ешь, пожалуйста. А главное, не кричи на всю улицу.

Я рассердился на бабушку. А она всего два яблока и купила. Только большие-пребольшие. И дала одно Петру Викторовичу.

Он положил в карман и сказал мне тихонько:

— Потом съедим.

ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ

Пётр Викторович пошёл очень скоро. И меня за руку потянул.

И вдруг он говорит:

— Смотри!

Я посмотрел и вижу — дом. И ступеньки. А там дверь. А около дома стоят два мальчика. И трубят в трубы. Только они ничего не трубят, потому что они каменные. И они очень большие и серые.

Я сразу узнал, что это пионеры. Потому что они с трубами.

Я стал кричать:

— А я знаю! А я знаю! Пионеры! Пионеры!

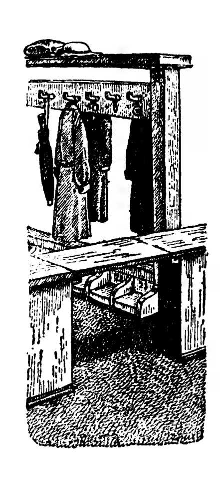
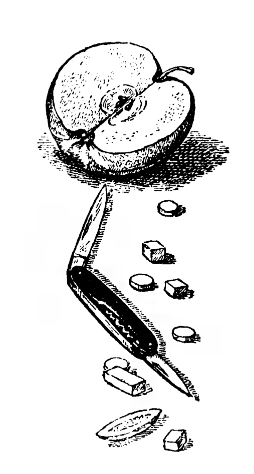
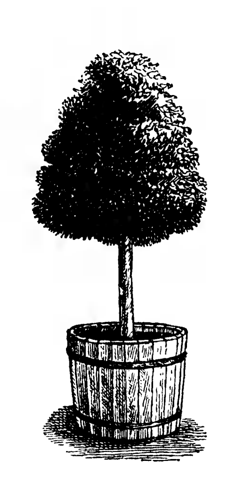
Пётр Викторович закричал:

— А ну, бегом!

И мы побежали через улицу. И прямо в этот дом.

Это и был Дворец пионеров.

Мы вошли, а там большая комната. В ней столбы. Они не круглые, а с углами. И на этих столбах сделаны картинки. Там девочки, и мальчики, и звери тоже.

А Пётр Викторович говорит:

— Потом посмотришь. Теперь вытирай скорей ноги.

И мы пошли, где вешалки. И я там отдал тётеньке шапку. И Пётр Викторович свою шапку тоже отдал.

Там много-много вешалок. И они отгорожены длинным столом.

Тётенька положила на стол железный кружочек с верёвочкой.

Я посмотрел и закричал:

— А я знаю! Семь и семь.

Тётенька засмеялась. И Пётр Викторович тоже засмеялся. И сказал:

— Верно, верно. Только надо говорить: семьдесят семь и ещё — не кричать.

Я не стал кричать и услыхал, что играют на трубах. Только не знал, где.

А потом была большая лестница. И я хотел туда идти. Потому что очень красиво. И около лестницы стоят деревья. Они в зелёных кадках, а в кадках — земля. Деревья оттуда и растут.

А вдруг кто-то крикнул:

— Алёша, Алёша!

Я оглянулся. А это бабушка.

Она говорит:

— Чего же вы убежали?

Я сказал, что очень хочу игрушки, которые сами ходят. И потом вырезать аэропланчики, которые сами летают.

ТОНЯ

Я хотел идти туда, где лестница. А бабушка пошла со мной совсем не на лестницу, а вбок, в комнату. И Пётр Викторович тоже.

Там сидели какие-то тётеньки.

Они вскочили и стали говорить:

— Ах, Марья Васильевна! Ах, как хорошо! Ах, какой мальчик!

Всё «ах, ах» говорили.

И бабушка стала с ними что-то быстро говорить.

А Пётр Викторович посадил меня на диван и сам сел рядом.

И говорит:

— Ты успокойся. Мы сейчас пойдём смотреть игрушки. А сначала яблоко съедим.

Достал это большое яблоко, которое бабушка дала. Потом ножичек из кармана. Очистил яблоко, и мы стали есть очень интересно. Потому что он вырезáл из яблока лодочки, кубики и кружочки.

И все смеялись, потому что Пётр Викторович очень смешной.

Вдруг в дверь постучали.

Прибежала девочка, больше Клавди, и у ней на шее красный галстук, как у пионеров. Она побежала к бабушке и что-то ей говорила очень быстро.

Я думал, что не по-русски, а это она по-русски. Только так скоро, что все засмеялись. А бабушка сказала:

— Тоня, ты не все слова сразу, а по очереди.

А Тоня не стала больше говорить и стала очень красная. И потянула бабушку за руку. Прямо со всей силы.

Бабушка так боком и пошла, потому что не могла устоять. И ничего не успела договорить. А крикнула:

— Алёшка, идём!

И мы все пошли на лестницу. Тоня меня за руку вела. Бабушка за другую.

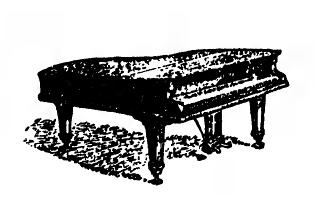
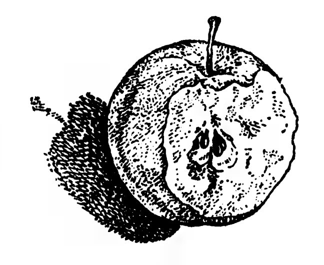
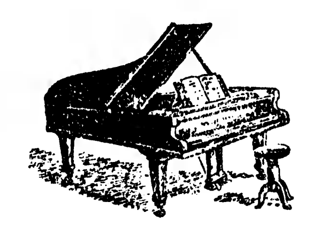
Мы пошли по лестнице на самый верх. А другие девочки смотрели на нас, как мы идём.

И все говорили:

— Здравствуйте, Марья Васильевна!

И ещё говорили:

— Тоня, кто это такой? Какой маленький!

А Тоня тоже им говорила. Она очень скоро говорила, и я не понимал, что она говорит.

Девочки кричали:

— Что? Что? Тоня, что?

А Тоня стала рукой махать.

Тут мы пришли в комнату. Очень большую, прямо как на вокзале. И там много-много стульев. На стульях сидели девочки и мальчики и смотрели, как говорил один большой. Там пол был выше, чем у нас, где стулья. Потом мы пришли в комнату, где стоит рояль, и там мальчик учился играть. И тётенька сидела рядом. Это для того, чтобы его учить.

Я сказал бабушке, чтоб меня тоже учить.

Бабушка сказала, что я маленький. И что мне можно играть только в игрушки.

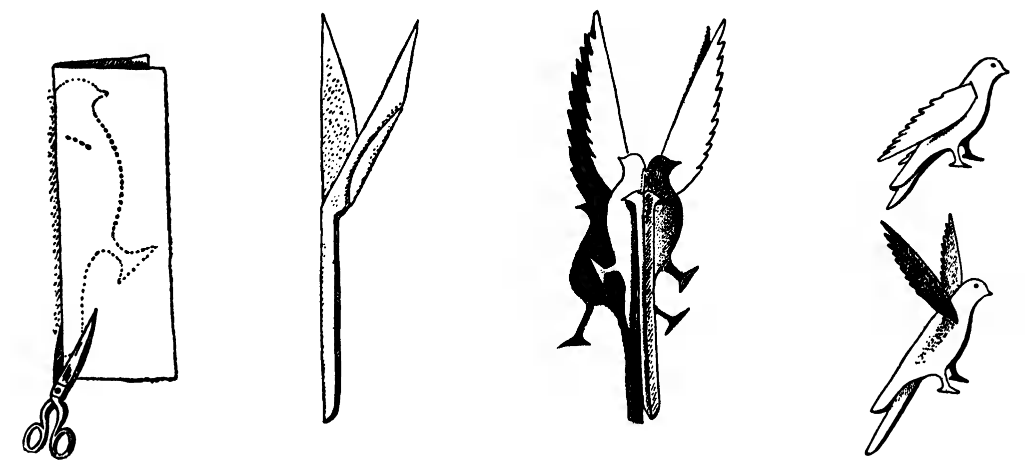
А когда мне будет восемь лет, меня тоже будут учить играть на рояле.

КАК МЫ ПТИЧЕК ДЕЛАЛИ

А потом мы пошли по лестнице в самый низ. И мы пришли в комнату. В этой комнате все стульчики маленькие, и все столы маленькие, и все скамеечки маленькие. Они такие маленькие, как у меня дома есть стулик, на котором я сижу.

Мальчики сидели около стола, и Пётр Викторович показывал, как складывать бумагу и потом вырезать, чтоб вышла птичка. Мальчики вырезали, и выходила птичка. Если её снизу подёргать, то она машет крылышками.

И все мальчики сделали таких птичек. И мне захоте-

лось такую. Я схватил одного мальчика за руку и закричал:

— Дай, дай!

А потом сказал:

— Пожалуйста.

А мальчик птичку поднял совсем вверх и сказал:

— Ишь, какой! Возьми да сделай.

Тогда я заплакал. А на меня никто не глядел.

Все мальчики кричали и дёргали птичек. И птички махали крылышками. Мальчики говорили:

— А моя вон как!

— А моя ещё лучше!

— А моя шибче!

Я рассердился, стал махать руками, как птица, и закричал:

— А я ещё бегать могу!

И побежал. А они всё равно не глядели. Я их стал нарочно хлопать руками, когда бегал. Один мальчик сказал:

— Ты что дерёшься?

Я его хотел опять хлопнуть. И вдруг Пётр Викторович меня поймал и говорит:

— На́ тебе птичку.

А я махал руками и нарочно хлопнул по птичке. Птичка упала на пол, а я убежал и всё махал руками. И вдруг увидел бабушку. Она с девочками и мальчиками сидела у низенького столика.

Бабушка застучала ножницами по столу и сказала очень громко:

— Алёша, сейчас же ко мне!

КАК МЫ КОВРИКИ ДЕЛАЛИ

Я увидал мальчиков. Они качались на очень больших лошадях. Я убежал туда и схватил одну лошадь за хвост. Она не стала качаться. Мальчик рассердился и крикнул:

— Пусти!

А я не пускал. Тогда он стал слезать. И говорил:

— Ну, погоди! Ну, погоди!

А я со всей силы закрыл глаза и крепко-прекрепко стал держать хвост. Я думал, мальчик начнёт меня тащить или бить, чтоб я пустил.

А меня взяли за плечо. И это бабушка. Она сказала:

— Перестань сейчас же безобразничать!

И за плечо увела меня к столику, где сидели мальчики и девочки. Посадила на скамеечку и села со мной. А там девочки и мальчики вырезали из бумаги тесёмочки: красные, белые и всякие. А потом из тесёмочек делали коврики и радовались. Я сначала не хотел, а потом тоже стал вырезать тесёмочки. Только очень криво. Бабушка сказала, чтоб я потихонечку. Я стал потихонечку и вырезал одну красную совсем хорошо. Потом ещё зелёную. Тоня всё говорила, а мальчики смеялись, что она непонятно говорит.

Бабушка сказала Тоне, чтоб она потихоньку говорила, а то мы не станем понимать. И пусть скажет как надо. И все её стали передразнивать и смеялись. Тоня стала понемногу говорить, как будто читает. И тогда мы понимали. И всё ей давали: и ножницы, и бумагу, и бумажные тесёмочки давали, и всё, что она просила.

КАК МЫ ЗАПУСКАЛИ АВТОМОБИЛЬЧИКИ

Потом пришёл Пётр Викторович и говорит:

— Пойдём, Алёша, заводные автомобильчики пускать.

Я сказал:

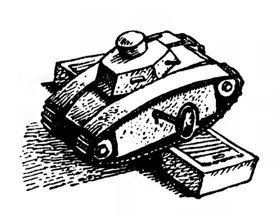
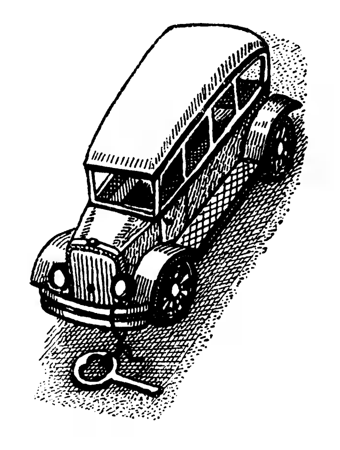
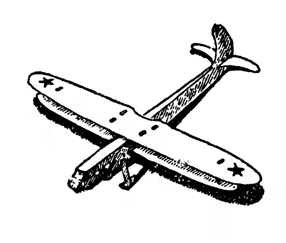
— Почему заводные?

Он сказал, что их ключиком заводят. И они сами бегают. У них в серединке машинка.

Один мальчик сказал:

— Я тоже хочу.

И мы пошли. А когда Пётр Викторович завёл и пустил, я сказал:

— Я знаю. Это не автомобильчик, а танк.

Он был зелёный. Сверху башня. А из башни выходит пушка. А сбоку у танка ключик. Надо сначала ключиком повертеть, а потом поставить на пол.

И тому мальчику, что с нами пошёл, Пётр Викторович тоже дал танк. Такой же, как мне.

Мы сели на пол и стали пускать танки. Я на его танк, а он на мой: чтоб столкнулись. А они не попадали. И пробегали мимо. Мы их ловили и опять запускали. И потом они попадали. Они как столкнутся, так — трах! И один упадёт. Совсем набок. Лежит и жужжит. Это в нём машинка жужжит. А потом пускали танки вместе. У кого скорей. Только я не мог заводить. И мне другой мальчик заводил.

Потом Пётр Викторович показывал вагончики и паровозики из бумаги. И танки тоже. И аэропланчики. Это мальчики-пионеры наделали. Он пускал аэропланчики, так они через всю комнату перелетали. И даже через тех мальчиков, которые на лошадях качались. Мы потом аэропланчики приносили, и Пётр Викторович опять их запускал.

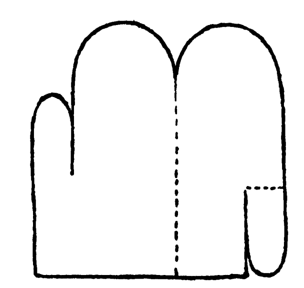
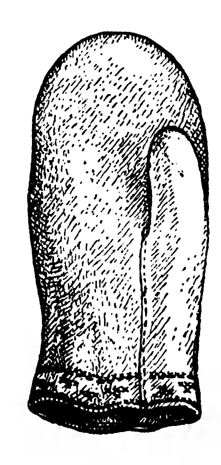
И он сказал, что всех научит, как такие аэропланчики делать. И мы стали кричать, чтоб сейчас научил. Он сказал, чтоб приходили завтра.

КАК Я КАТАЛСЯ НА ЛОШАДИ

Потом пришла тётя и сказала, что она будет учить, как петь песню. Кто хочет петь, пусть идёт.

Мальчики слезли с лошадей и сказали, что хотят петь.

А я скорей побежал к лошадям.

Я никак не мог влезть, потому что высоко.

Тоня прибежала, и тогда я сел, потому что она меня подняла. На лошади было очень высоко, и я испугался.

А Тоня убежала к бабушке. Я тихонько сидел и всё боялся. И крепко держался руками.

А потом стал болтать ногами. И лошадь стала немножко качаться. А потом немножко больше. Я совсем не стал бояться. И ещё сильнее стал раскачивать.

Лошадь даже вперёд пошла, как у мальчиков. Я стал радоваться и стал кричать:

— Го, го! Но, но!

А потом стал кричать:

— Берегись! Берегись!

И стал падать. А не упал. Потому что я руками очень сильно ухватился.

Я стал кричать:

— Тоня! Тоня!

А она не шла.

Я сидел и уже не качался. Я совсем не шевелился, потому что боялся, что упаду. Я закричал со всей силы:

— Бабушка!

И услыхал, что бабушка идёт. Тогда я заплакал.

Бабушка меня сняла и спросила:

— Разве ты ушибся? Ну, так чего же ты плачешь?

А я не сказал, что испугался, а сказал, что хочу домой.

КАК ПРЕДСТАВЛЯЛИ ЗАЙЧИКОВ

Бабушка сказала, что скоро пойдём и не будем смотреть, как девочки и мальчики будут представлять. Я спросил, как это «представлять». Бабушка сказала, что девочки и мальчики наденут такие костюмы и шапочки, что будут зайчиками, уточками, свинками. И будут играть, как будто они на самом деле такие. Только будут говорить по-человечьи.

Я сказал, что я не хочу домой и буду смирно сидеть. И я смирно сидел, а Тоня и ещё девочки и мальчики учились, как рукавички делать. Сначала они из бумаги вырезали, а потом из материи. И шили иголками. И выходила совсем как варежка.

А потом пришли две тёти. А с ними девочки, большие, как Тоня, и мальчики, тоже большие. И они стали надевать на себя мордочки и всякие штанишки с хвостиками. И с красными ножками. И шапочки были с ушами, а потом ещё с длинными носами, как у птицы. И все стали как птицы, а другие — как зайчики. А ещё были как свинки. И они вдруг забегали. Я пошёл смотреть. А одна птица прямо на меня. И хотела заклевать длинным носом.

Я закричал «ай» и побежал к бабушке. А все стали радоваться и смеяться.

А тётенька сказала:

— Лена, не шали. Будем начинать.

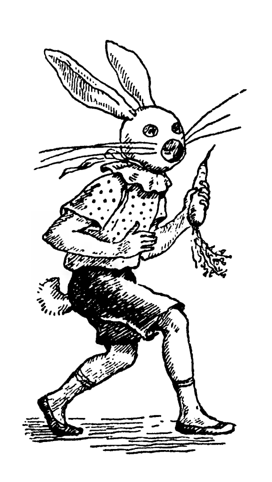
Вышел сначала мальчик и стал говорить. А я ничего не понял. Потому что он как-то не так говорил. Бабушка сказала, что это не по-русски и что здесь говорят по-украински. И что я потом привыкну. Потом выходили птицы, и у них на руках крылья. Они хлопали крыльями и тоже что-то говорили. И зайчики тоже говорили. А потом тётенька заиграла на рояле, и зайчики стали прыгать. Они очень высоко прыгали и болтали ушками.

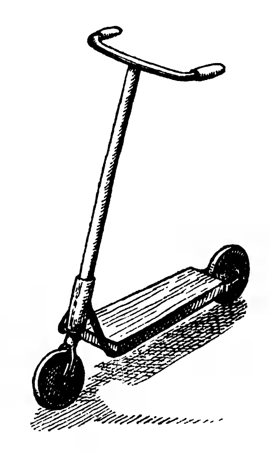
Я стал смеяться. Они сначала танцевали, а потом запели. И опять танцевали. А потом перестали.

Я стал кричать:

— Ещё, ещё!

Бабушка сказала мне, чтоб я замолчал. И мы с бабушкой пошли. И я, когда шёл, погладил одну птицу, потому что я с бабушкой не боялся.

А Тоня за нами побежала, взяла меня за руку и сказала, что она меня будет одевать.

А я сказал:

— Ха-ха! У меня одна шапка.

Бабушка дала мне железный кружочек, где написано семьдесят семь, и сказала, чтобы я взял у тётеньки шапку. Я дал и забыл, как это сказать: «семьдесят семь».

А она посмотрела и раньше меня сказала:

— Семьдесят семь.

А я ей сказал:

— Сам знаю, что семьдесят семь.

Тётенька дала мне шапку и сказала что-то, только непонятно, потому что по-украински.

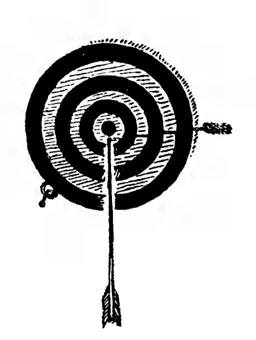
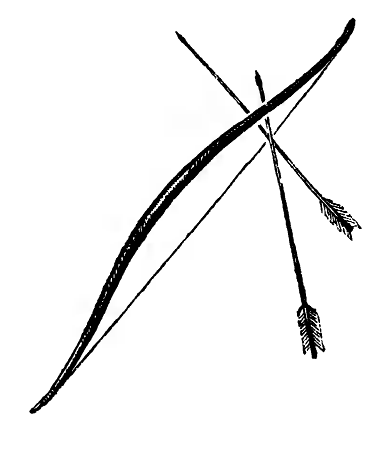
Тоня сказала мне «до свиданья» и сказала «приходи к нам».

Мы с бабушкой сели на трамвай и поехали домой.

Я НА ВЕЛОСИПЕДЕ КАТАЛСЯ И СТРЕЛЯЛ ИЗ РУЖЬЯ

А потом мы пошли с бабушкой во двор. И там есть одна комната. Там дают игрушки, чтоб играть, потом чтоб назад отдать. Там тётя мне велосипед дала, чтоб на одной ноге ездить. Я сначала не мог, а потом немного мог. Я очень падал, только не плакал. А бабушка смотрела, как я катаюсь.

Потом мне дали ружьё. Оно стреляет палочкой. И мы с Клавдей стреляли в мишку. Он сидел, а когда мы попадали, он падал; мы его опять сажали. Потом

Клавдя опять заряжала ружьё палочкой, и мы опять в мишку стреляли.

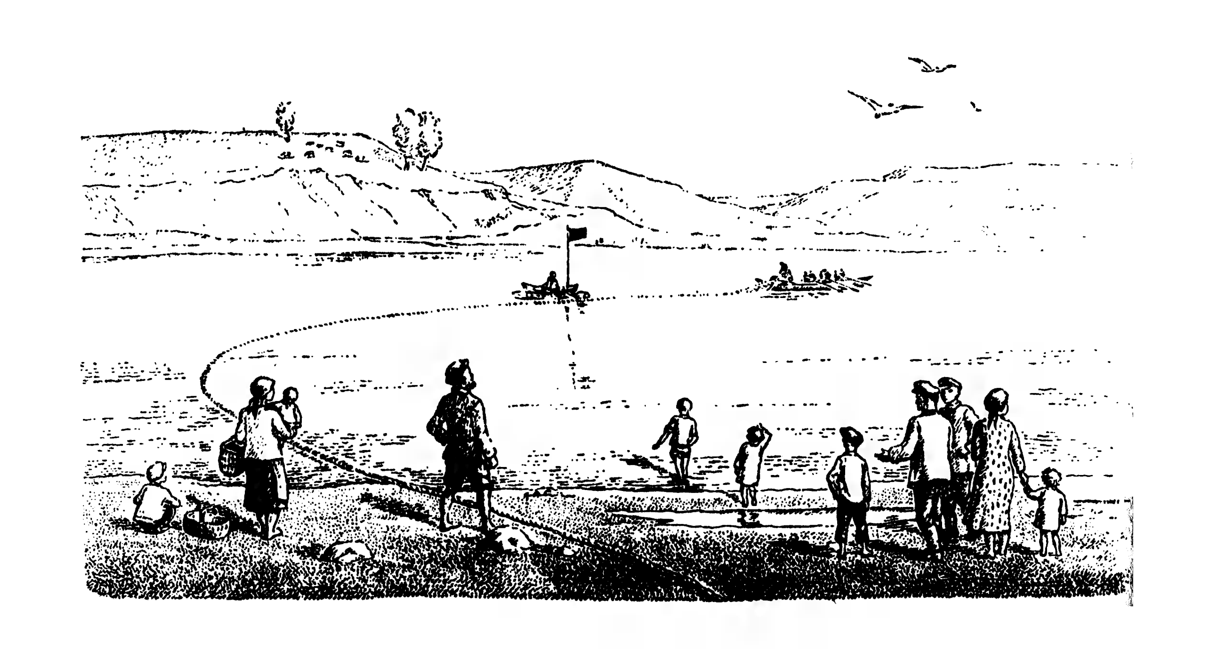
А другие мальчики катали шар и сбивали деревянные столбики. Клавдя сказала, что эти столбики — кегли.

А потом все мальчики относили игрушки назад, к тётеньке в комнату, потому что игрушки дают не насовсем, а поиграть. Мы с Клавдей потом тоже кегли брали и катали шар, чтобы их сбивать. Я тоже один раз попал.

А Клавдя сбила три сразу и хлопала в ладоши и кричала:

— Ага, ага!

А в той комнате, куда мы уносили игрушки, по стенкам висят разные аэропланчики. Они заводные и сами летают. Нам с Клавдей не давали, а давали только большим мальчикам. Потом там висели ещё луки — это чтобы стрелами стрелять и попадать в кружок. Это тоже маленьким не дают, а то маленькие нечаянно всех застрелят, даже больших.

НЕВОД

КАК МЫ ПОЕХАЛИ НА НЕВОД

Мы с бабушкой утром пили чай, и я пил молоко. Вдруг бабушка сказала, чтоб скорей, потому что мы сегодня поедем смотреть, как рыбу ловят и как её неводом вытаскивают из воды. Бабушка сказала, что это далеко и что мы будем ночевать у одной тёти — учительницы, а дома ночевать не будем.

Я очень захотел ехать и сказал бабушке, что, может быть, я не буду молоко допивать. А бабушка велела, чтоб допивал и не копался.

Бабушка положила в корзинку хлеба, потом сыру, потом яблок и ещё ножик положила.

Я молоко скорей допил, и мы пошли. А кошку заперли в кухне, потому что она цветы портит.

Мы с бабушкой пошли по улице, где прямо на улице растут высокие-превысокие деревья.

И между деревьями — дорожка, а трамваи ходят с одно-

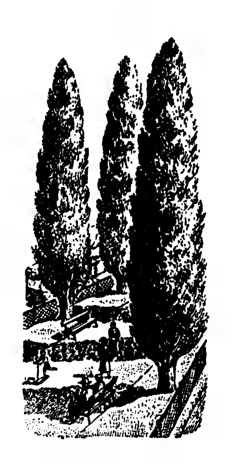
го боку и с другого, а по дорожке можно идти и ничего не бояться.

Потом я устал, и мы немножко посидели на скамеечке, потому что там скамеечки поставлены под деревьями, чтоб отдыхать.

Потом мы пришли на пристань, а там стоял уже маленький пароходик.

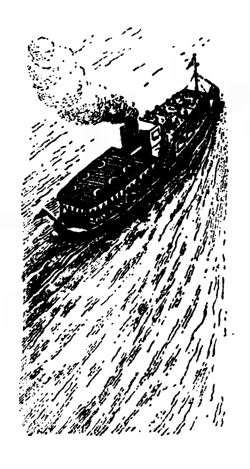
Мы с бабушкой пошли на пароходик, и там было много людей.

Один дядя встал и сказал, чтобы мы с бабушкой садились. А я к бабушке не хотел на коленки садиться, потому что я не маленький. А бабушка мне дала немного места, и я чуть-чуть сел.

Потом наш пароходик засвистел, и мы поехали. Мне было немножко страшно, потому что очень близко вода, и я боялся, что нас сейчас зальёт.

А она не заливала.

КАК Я РАССЕРДИЛСЯ НА ДЕВОЧКУ

Я всё держал бабушку за юбку. Никто не видел, что я держал.

Там была одна девочка, она сказала бабушке:

— Здравствуйте, Марья Васильевна!

А бабушка мне сказала:

— Ты пусти теперь девочку посидеть, постой около.

И я выпустил юбку и пустил эту девочку противную.

Бабушка говорит:

— Зачем ты таким бычком на девочку смотришь? Посидел, дай другим посидеть.

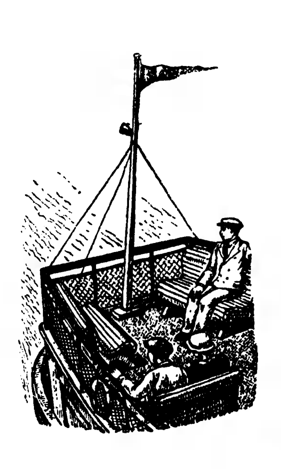
А я взял и не стал на неё смотреть совсем. И совсем от неё отвернулся.

Бабушка сказала:

— Очень плохо!

А я всё равно так и стоял.

Потом мы приехали к пристани. Бабуш-

ка встала, а девочкина мама сейчас туда и уселась. Бабушка ещё ей головой кивала и всё говорила:

— До свиданья, до свиданья! Приходите как-нибудь к нам поиграть с Алёшей.

А я с ней ни за что играть не буду.

НА МЕНЯ ВОЛНА НАБРОСИЛАСЬ

Мы с бабушкой пошли на берег, и опять она сказала:

— Очень плохо ты сделал! Очень плохо!

И мы пошли всё по песку около самой воды. И мне в туфли набралось очень много песку.

Бабушка ещё раз сказала:

— Очень плохо!

А я сказал:

— А песку сколько набралось!

И перестал идти. Бабушка сказала, чтоб я сел на песок. Я сел, а она с меня сняла туфли и носочки, а надевать не стала и сказала, чтоб я шёл босиком.

Я сказал, что босиком тоже не пойду.

Бабушка говорит:

— Ну, хорошо. Тогда посиди здесь. Я завтра сюда приду.

Взяла и пошла.

А я сидел и песок руками хватал и сыпал.

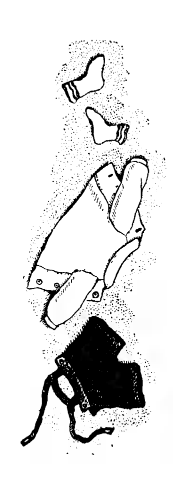
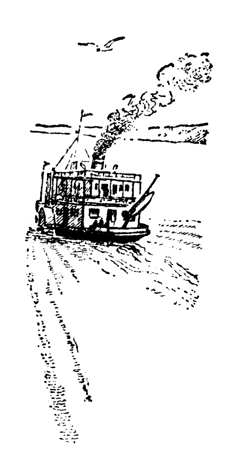
А бабушка на меня не глядела и всё уходила.

Я закричал: «У-у-у!» Вскочил и побежал. Песок был очень тёплый. Я добежал до бабушки и ещё вперёд побежал. Бабушка тоже немножко побежала. А я ещё скорей. И кричал, как Клавдя:

— Ага, ага, ага!

Потом я всё бежал впереди. И забегал немножко в воду, самую чуточку. Я забежал в воду и посмотрел на бабушку, а бабушка ничего: она только сказала, чтоб не очень бегал, потому что устану, нам ещё долго идти.

Я шёл в воде и даже бегал так, что брызгало, и со всей силы бил ногами, чтоб брызги летели. А бабушка кричит:

— Смотри, какой пароход!

Я стал смотреть. Он большой, как был наш, на котором мы ехали. И я видел, как у него колеса шлёпают. На пароходе люди ехали и смотрели. Я стал им рукой махать. Пароход уже совсем проходил, и вдруг оттуда кто-то платком белым тоже начал махать. А я рукой ещё сильней замахал.

Бабушка крикнула:

— Алёша, назад!

А тут как набежит волна, да меня прямо всего и выкупала. Чуть не с головой. И даже курточку замочила. Это от парохода такие волны идут, и до самого меня дошли. Я сначала испугался, а потом убежал совсем на песок: там им меня не достать.

Бабушка сказала:

— Я же тебе кричала: назад. Теперь что ж убегать, всё равно вымок. Снимай всё сейчас!

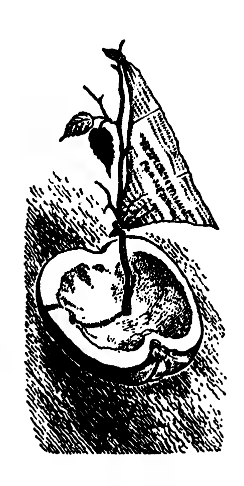
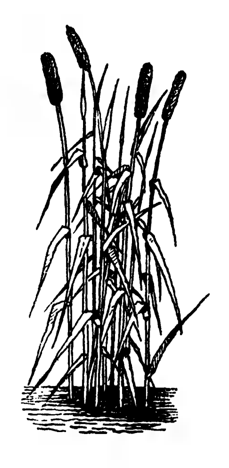
Я всё снял, и бабушка говорит:

— Полезай в воду и ляг на животик, где мелко.

БАБУШКА МНЕ КОРАБЛИК СДЕЛАЛА

Бабушка сняла свои туфли и чулки и меня за руку повела в воду, и я не хотел ложиться, потому что холодно в воде. А бабушка меня вбок потянула за руку, и я упал прямо в воду, и она меня за руку держала и смеялась. И я тоже стал смеяться, и потом стало ничего в воде и совсем не холодно.

Бабушка сказала, чтоб я лежал, а сама стала мои шта-

ны выжимать и курточку тоже. Потом положила сушить на песок. Он очень тёплый. Даже горячий. А потом мы с бабушкой сидели на песке, и она надела на меня свою кофточку, и мы стали есть хлеб, сыр и пить молоко. И смеялись, как это волна на меня нашла.

Потом бабушка взяла яблоко, его на половинки разрезала. И потом одну половинку ложечкой всю выела. И вышла лодочка. Только бабушка там немножко оставила, не всё до конца съела, и мы туда воткнули сухую веточку, и вышла мачта. И я пускал в воду эту лодочку с мачтой. Я потом в неё ещё песку насыпал. А потом так насыпал, что она потонула. А я её всё равно вытащил.

Я захотел потом спать. И мы пошли с бабушкой, где нет солнца; бабушка сняла свою юбку и постелила, а я лёг и заснул.

МЫ ПРИШЛИ, ГДЕ НЕВОД

Я проснулся, потому что бабушка говорила, чтоб я одевался. И всё у меня было сухое. Оно высушилось на солнце. Я оделся и просил, чтоб опять лодочку сделать, а бабушка сказала, что надо идти уже, а то ещё далеко. Потом мы пошли наверх, на берег, и я увидал много домиков. Они все белые, а крыши у них очень смешные: они серые и толстые.

Бабушка сказала, что домики из глины сделаны, а крыши из камыша. Камыш — как трубочка, и очень длинный. Он растёт. Я потом видел. Бабушка мне показывала, как он

растёт из воды у берега. Он — как трава, только высокий, выше, чем бабушка, и выше, чем папа. А сам он — как трубочка. Мне дали такую палочку. Я ударил, и она сейчас сломалась. Его нарежут и накладывают на крыши много-много.

И куда мы с бабушкой пошли, там тоже такая крыша, и домик тоже белый, и там живёт бабушкина одна знакомая. Она нам чаю давала и баранок. Она сказала, что невод скоро будут закидывать и мы пойдём смотреть.

Я спросил:

— Куда кидать его будут?

Она сказала, что в реку. Сначала кинут, а потом вытянут. А невод — это сетка. Очень большая. Ею рыбу ловят.

Я всё равно не знал, как это ловят, и очень хотел пойти глядеть.

И я всё говорил:

— Ну, пойдём! Ну, пойдём!

А они чай пили. Выпьют — и опять пьют.

Я говорил:

— Не надо чай пить.

И хотел начать плакать, а бабушка сказала, чтоб я вышел во двор и чтоб там поплакал, потому что всё равно теперь невод не бросают, а когда будет вечер, тогда будут бросать.

Я сел на сундук. Там коврик лежал. Я потом лёг на коврик и не заплакал, потому что заснул.

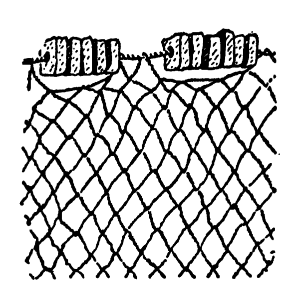
НЕВОД

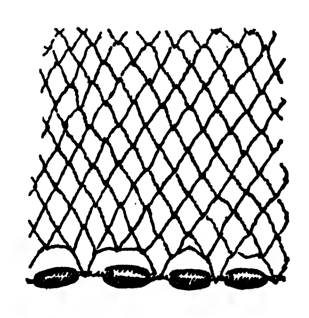
Мы пошли на реку. Там на песке лежала сетка. Она из верёвок. Мы долго шли, пока пришли, где её конец. Вот это какой невод! У него чурочки привязаны на одной стороне. А это не чурочки, а пробки, только они такие большие. А на другой стороне у невода не пробки, а какие-то железки. Это, мне бабушка сказала, чтоб он тонул.

Очень много людей нашло смотреть, как невод будут кидать и как рыбу из воды вытянут.

Вдруг приехала лодка, очень большая, и в ней дяди. Они рыбаки.

И в лодку стали складывать невод. Весь невод туда

складывать стали. И вышла гора. А верёвку не взяли. Она у нас осталась. Она привязана к берегу.

Потом как стали рыбаки вёслами грести, так лодка пошла, прямо как пароход. А уйти она всё равно не могла, потому что верёвка от невода осталась у нас. А верёвка не стала их пускать. Они тогда начали невод выбрасывать вон.

Они его кидают, и их пускает немножечко ехать, а потом они ещё кидают, и тогда опять им можно немножечко ехать.

И они стали потом снова поворачивать к берегу, только уж далеко-далеко от нас. И там они уж всё выкинули, они только сами остались, и у них верёвка. Они её привезли на берег и сами с ней выскочили.

И я увидел: на воде цепочка плавает, а бабушка сказала — это пробки и это от невода.

А я сказал, что невод утонул.

Бабушка сказала, что низ утонул, а верх плавает.

А я кричал:

— Нет, утонул, утонул!

А там один дядя. Он приехал на телеге. И у него стояла там телега и лошадь.

Он подошёл и говорит:

— Чего это ты кричишь? Кто утонул? Никто не утонул, не кричи.

А я сказал:

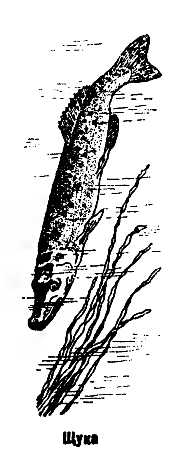
— Не кто, а невод.

Дядя сказал:

— Он не утонул, а он в воде стоит, как стенка.

Я говорю:

Щука

— Как это — стенка?

А дядя стал рукой показывать и говорит:

— Вон, где пробки на воде, это верх, и оттуда он вниз висит до самого дна, а железки на самом дне лежат. И теперь рыбе никуда нельзя уйти, потому что её неводом загородили.

КАК НЕВОД ВЫТАСКИВАЛИ

Я не стал на дядю глядеть,потому что рыбаки начали наматывать верёвки на катушки. Потому что там большие катушки на берегу стояли. Больше, чем человек. И из катушек большие палки торчали.

Рыбаки эти палки пихали со всей силы, и катушки вертелись. И всё наматывали верёвку.

А тут мальчик какой-то закричал:

— Ой, тянут, тянут!

И ещё мальчики побежали и стали рыбакам помогать крутить катушки. Я тоже хотел побежать и тоже закричал:

— Ой, ой, тянут!

Бабушка меня за руку держала, а я вырвал руку и побежал. Бабушка не побежала.

А потом я прибежал, где рыбаки, и не мог достать, чтоб палку пихать, и я стал мальчика одного сзади пихать, чтоб помогать. А они начали смеяться, а я всё равно пихал.

Тогда пришла бабушка и сказала, что я нехорошо делаю и дядям мешаю, и они боятся, что на меня наступят.

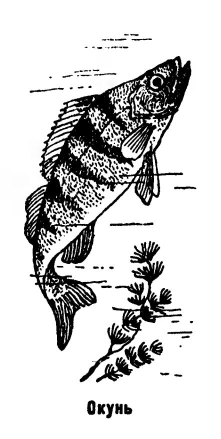
Один дядя всё кричал:
— А ну, ещё! А ну, навались!
И я тоже кричал:
— А ну, навались!
Мне очень хотелось, чтоб и я тоже толкал, а бабушка сказала, что довольно, и меня потянула. Я не плакал, потому что все глядели и мальчики смеялись.

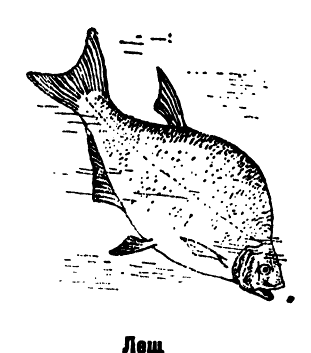
КАКИЕ В НЕВОД РЫБЫ ПОПАЛИСЬ

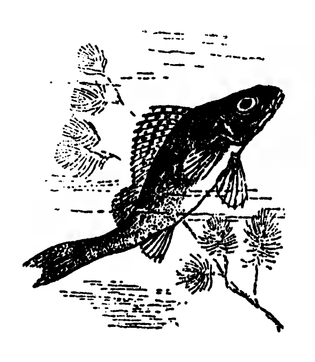
Потом я посмотрел на реку, а пробки совсем уж близко были. И рыбаки пошли прямо в воду и стали тащить, где пробки. И стал из воды выходить невод. И все люди побежали смотреть, что там будет.

А там большой-большой мешок. Он тоже из сетки, и в нём что-то было видно. А потом его ещё вытянули, и там были рыбы. Они очень блестели и прыгали, а их вынимали оттуда.

Один — самый главный — рыбак всё кричал:
— Гляди, щука! Береги руки!
Меня бабушка тянула вперёд, чтоб я видел. А я всё равно видел, я сел на корточки и через ноги видел. Потому что дядя стоял. Если тётя какая-нибудь станет, то юбка, и ничего не видно. А это впереди дядя был, что приехал с лошадью. Я тоже закричал:
— Щука! Береги руки!
Этот дядя посмотрел на меня и потом говорит:
— А ты знаешь, какая щука?
Я ничего не сказал, потому что не знал, какая. А дядя вдруг схватил одну рыбу и говорит:
— Вот она, щука! Сунь ей палец — откусит.
А я встал — и назад, потому что он прямо на меня щукой. Она хотела выскочить, и я боялся — вдруг он её пустит и она меня укусит.
А один мальчик мне показал руку.
— Вот, — говорит, — пальца нет. Это щука откусила.
Дядя взял и щукой на меня пихнул и крикнул:
— У-ух!
Я закричал:
— Ой!
И я зашёл скорей за бабушку, потому что он мне щукой

Окунь

Лещ

Ерш

в самый нос, а она живая. Потом были совсем широкие рыбы, и дядя говорил, что это лещи.

Рыб всех вынимали из невода, и там были совсем маленькие ещё, с красненькими пёрышками, и это окуньки, я знаю, потому что мы потом ели таких.

Мы у той тёти ночевали и вечером ели окуньков: у них красненькие пёрышки снизу.

И ещё я потому знаю, что один дядя-рыбак дал мне такого окунька и сказал:

— Держи! Ты помогал, вот тебе за работу.

А я боялся держать, потому что он был живой и дёргался. Я всё-таки держал, а потом дал бабушке, чтоб она держала. А в неводе всё рыбы, рыбы, и вдруг была шапка, совсем мокрая и чёрная. Бабушка сказала, что это какой-нибудь мальчик уронил в воду, она намокла и потонула. Бабушка сказала, что вот уже темно совсем и надо идти, что теперь рыбу уже положили на телегу и вон дядя повёз её.

А мальчишки все набрали маленьких рыбок. Они в шапки набрали и понесли. Я сказал, что тоже хочу в шапку, а бабушка сказала, что мне уже дали рыбку, а они побольше — им и дали побольше.

Я сказал, что боюсь щуки. Бабушка сказала, что её надо бояться. Она очень кусачая, она всех рыб заедает, даже маленьких утёночков хватает. Они плывут по воде, а она снизу зубами за ножки утянет и съест.

У ней во рту всё зубы, и очень острые, как булавки. Даже хуже.

МЫ ПОШЛИ НОЧЕВАТЬ

Бабушка сказала, что мы сейчас пойдём в деревню — купим молока. Я молока попью, и спать.

Бабушка сказала, что вот в эту стеклянную банку мы молока возьмём.

А потом вдруг говорит:

— А мы вот что сейчас сделаем.

И пошла к самой реке. И в банку набрала воды прямо из реки. И туда окунька кинула. А он взял и стал там плавать! Я закричал: «Ура! Ура» — и стал хлопать в ладоши. И кричал:

— Смотрите! Смотрите, что у нас!

И никто не пришёл, потому что мальчики ушли домой с рыбами. Я сказал бабушке, чтоб дала мне нести. А бабушка сказала, что я буду смотреть на рыбку, а не на дорогу и упаду. И тогда всё пропало: потому что банка разобьётся и тогда что мы будем делать?

И мы принесли окунька к тёте, у которой нам ночевать. А за молоком не пошли. Потому что у тёти молоко уже было. Окунька поставили на стол, и он плавал в банке. Мы пили молоко и смотрели на окунька. Я тёте сказал, что мы его в Киев повезём и он у нас будет жить. И я ему буду давать есть каждый день. И что я ему буду всё давать.

Тётя засмеялась и сказала, что, наверное, я ему компот буду давать. А бабушка не стала смеяться и сказала, что она знает, как с рыбками надо. И что у неё есть про это книжка. А у знакомых есть большой ящик, стеклянный такой. И она принесёт его к нам. И туда можно воду наливать. Мы нальём, и будет видно, что там окунёк делает. А он там плавать будет.

Я сказал тёте:

— Вот и совсем не компот. И ничего не смешно.

И сказал:

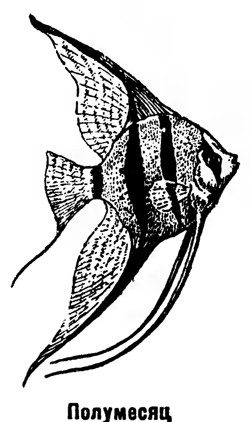
— Ага!

Бабушка вдруг рассердилась и сказала:

— Фу, как гадко говоришь! Выйди из-за стола.

Я сначала не вышел, а потом вышел.

Бабушка велела, чтоб я сейчас же раздевался, и там, на сундучке, — постель.

Полумесяц

Вуалехвост

Я хотел лечь, а бабушка мне сначала ноги помыла в тазике и ничего не говорила. Только говорила:

— Фу, как гадко!

Потом я лёг и потихоньку говорил:

— Вовсе не компот. И не смешно.

А потом заснул.

КАК МЫ ДОМОЙ ПРИЕХАЛИ

Утром мы поехали домой. И повезли окунька. На пароходе все смотрели и говорили:

— Это что же?

И потом говорили:

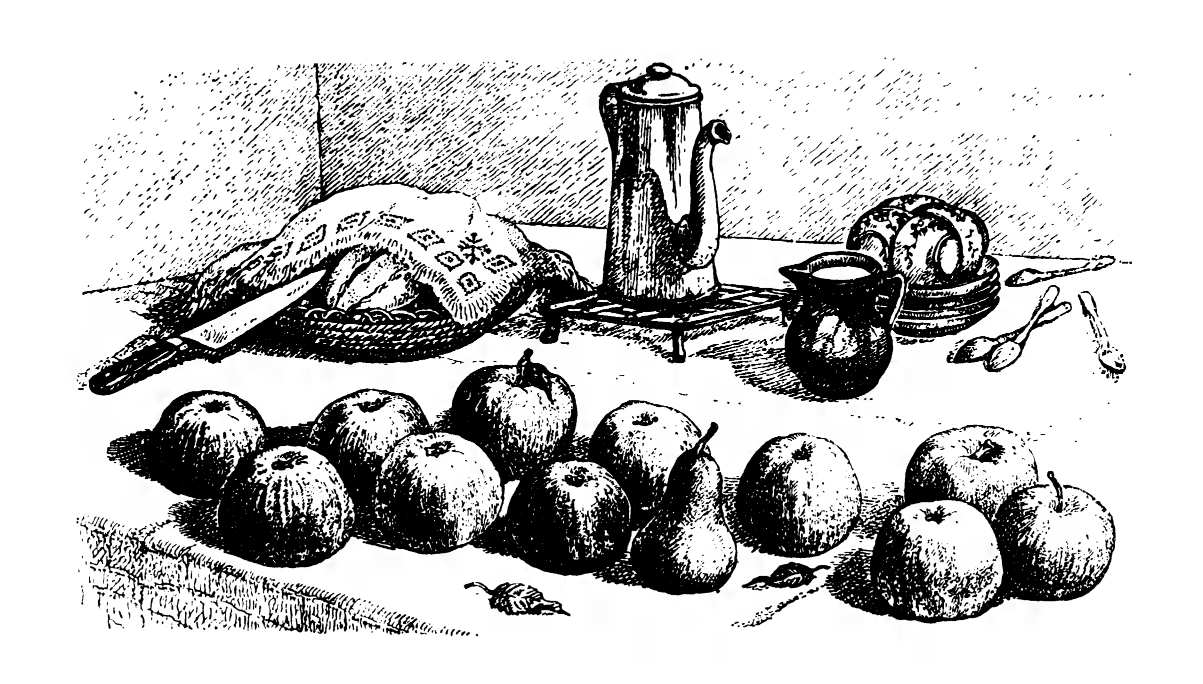
— Ишь, окунёк какой!

И все знали, что я окунька везу.

Я сам его всё время держал.

А когда мы с бабушкой пили чай в Киеве, Клава тоже с нами пила. И смотрела, как плавает окунёк. Она принесла камешков, чтоб пустить к нему в банку. Бабушка сказала, чтоб камешки сначала помыть под краном, а потом пускать.

Клава помыла и напустила камешков к окуньку.

КОЛХОЗ

МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ ПРИЕХАЛ К НАМ

Вдруг кто-то позвонил, и Клава побежала спрашивать кто. А это пришёл один дядя. Бабушка сказала:

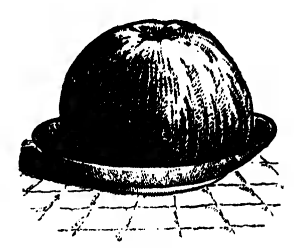
— Здравствуйте! Садитесь, пожалуйста. Выпейте чайку с нами.

И сказала: «Матвей Иванович», и ещё сказала: «пожалуйста».

Я тоже говорил «Матвей Иванович» и «пожалуйста», потому что он мне очень понравился. У него большие сапоги, как у военного, и очень красивая рубашка, потому что на ней сделаны разные цветочки: красненькие, и чёрненькие, и жёлтенькие. Он сел, а потом встал и сказал:

— Что ж яблочка-то? Я же вам яблочков привёз.

Он пошёл в прихожую. И Клава за ним побежала. А я не побежал, потому что бабушка сказала:

— Сиди, пожалуйста.

Клава всё равно ничего не увидала, потому что Матвей Иванович принёс деревянный чемоданчик. И ничего не было видно. Потом он сел и чемоданчик положил на колени. А Клава за ним стояла и всё смотрела. Бабушка ей сказала:

— Не егози и сядь на место.

Она села, а я ей сказал, только тихонько:

— Ага!

ОЧЕНЬ БОЛЬШОЕ ЯБЛОКО

Матвей Иванович раскрыл чемоданчик и вынул оттуда яблоко.

Оно было такое большое, что больше бабушкиной чашки. И очень красивое. Оно очень красное.

Бабушка сказала:

— Кладите на блюдечко.

А оно — как раз во всё блюдечко. Такое большое. И потом Матвей Иванович ещё вынул, и ещё, и ещё. И весь стол заставил яблоками.

И всё говорит:

— Ось, ось, ось...

А это не ось, а значит «вот».

И сказал:

— Ось какие у нас!

Бабушка говорит:

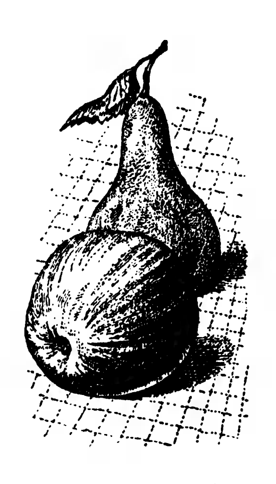
— Это что же, апорт?

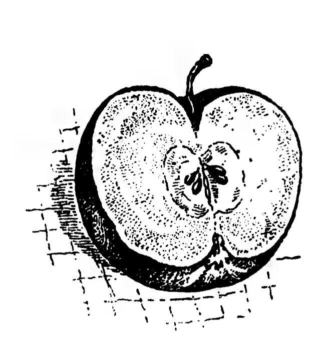
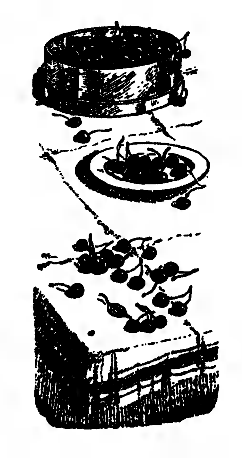
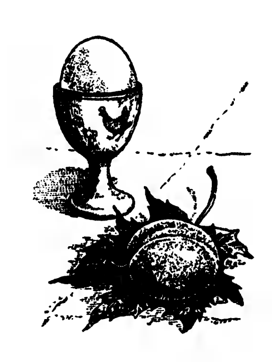
Матвей Иванович говорит:

— Да, да. Это апорт.

Это такие яблоки называются «апорт».

А потом мы стали их есть, и они очень вкусные.

ПРО САМОЕ МАЛЕНЬКОЕ НА СВЕТЕ ЯБЛОЧКО

Мне было жалко есть моё яблоко, потому что оно очень красивое. И я его катал по дивану. Бабушка сказала, пусть оно будет моё, а есть мне дала половину от своего яблока. Я её очень долго ел, а потом оставил на после. А Матвей Иванович стал смеяться. Он меня не «мальчиком» называл, а «хлопчиком».

Матвей Иванович сказал:

— Ха-ха-ха! Хлопчик ел-ел, аж уморился. Приезжай к нам. Я тебе яблочков дам. Ось каких!

И стал показывать на пальце. Совсем немножко.

Я сказал:

— Я знаю, это не яблочко, а вишня.

Матвей Иванович опять стал смеяться:

— Ха-ха-ха! Вишни уже все поели и на варенье поварили. А то яблочки.

И все стали на меня глядеть, и Клава тоже.

Я сказал:

— Я всё равно знаю: это не живое, а кукольное яблочко. Это на ёлке такие.

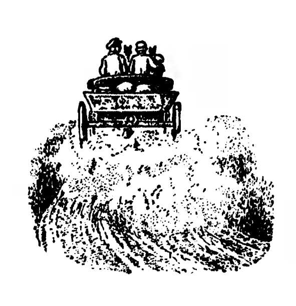
Матвей Иванович меня потянул за руку, совсем к себе. И посадил на коленку. И сказал:

— Ты слухай, хлопчик!

Я засмеялся, что «слухай». И Матвей Иванович тоже засмеялся. И опять сказал:

— Ты слухай!

КАКОЙ САД ЕСТЬ В КОЛХОЗЕ

И сказал, что есть дерево большое, а яблочки на нём маленькие, как вишни, и их там много-много. И они настоящие. И в них тоже косточки. Если косточку посадить в землю, так вырастет дерево, а потом на нём яблочки вырастут. Тоже такие маленькие. Из них варенье варят. И ещё у них растут яблочки побольше. Они — как мой кулак. Матвей Иванович сказал, чтоб я кулак сделал и чтоб я всем показал. И я Клавке показывал. Она тоже кулак сделала. А Матвей Иванович сказал, что не такие, а такие, как мой. И потом есть яблочки длинненькие. Только их очень мало.

А ещё есть такие зелёные. А они совсем не зелёные, а поспели. И очень вкусные. А потом у них есть сливы. Есть очень большие. Чуть не с яйцо. И жёлтого цвета. И что если я две такие съем, так больше уж мне нельзя давать. Потому что я могу объесться. А Клава может съесть только три таких. А бабушка сказала, что она знает эти сливы и больше одной никогда не ест. Даже когда в варенье.

Я стал тихонько просить, чтоб туда ехать. И чтоб сейчас. А Матвей Иванович услыхал и сказал, что это далеко и что туда надо ехать на лошадях. Что весь этот сад в колхозе. И я увижу, какой это колхоз, когда приеду с бабушкой на лошадях.

Я сказал:

— Ну да! А у нас лошадей нет.

МЫ ПОЕДЕМ В КОЛХОЗ

Матвей Иванович сказал, что у них есть лошади. Много всяких. И он пришлёт, чтоб повезли бабушку. И меня тоже. Потому что там очень хотят, чтоб бабушка приехала и научила бы девочек делать корзиночки. И ещё — чтобы показала, как делать представление. Потому что у них есть школа, и в школе будут устраивать представление.

Мальчики и девочки оденутся по-разному и будут представлять про партизан. Это про войну. И как царских генералов выгоняли вон. А царские генералы хотели всё отобрать. Бабушка сделает, что мальчики оденутся, как генералы. А другие мальчики и девочки будут партизаны и будут их выгонять.

Я сказал, что я тоже хочу посмотреть, как генералов будут выгонять. И маленькие яблочки тоже хочу. И сливы великанские тоже хочу.

А Матвей Иванович всё смеялся и говорил:

— Ге-ге! У нас ещё орехи растут. От них пальцы чёрные.

Я сказал, что вовсе не чёрные. И что Матвей Иванович нарочно говорит. А я не боюсь.

Матвей Иванович сказал:

— Ось побачишь.

Я слез с колена и тихонько сказал бабушке:

— Что это: «Ось побачишь»? Зачем он мне так говорит?

А бабушка сказала:

— Это значит: «Вот увидишь».

И Матвей Иванович сказал, что орехи так пачкают, что хуже, чем чернила: потом три дня руки не отмоешь.

ГРУША ДЮШЕС

Потом Матвей Иванович стал уходить. А бабушка ему говорила, чтоб он ещё чай пил. Он сказал, что он больше не хочет чай пить, а чтоб бабушка съела грушу. Он пошёл в прихожую, и Клавка опять за ним побежала. И я тоже побежал. Я только до двери добежал. И увидал, что у Матвея Ивановича там корзиночка с крышечкой. Крышечка тоже из прутиков.

Матвей Иванович вынул оттуда грушу, большую-пребольшую. Он её за хвостик понёс прямо к бабушке.

Груша совсем коричневая, как будто печёная. А она не печёная. И её надо тихонько брать, потому что очень мягкая.

Бабушка закричала:

— Ах, какой большой дюшес!

Я тоже стал кричать:

— Почему дюшес?

Бабушка сказала:

— А это груша — дюшес.

А я кричал, чтоб мне дали подержать. И мне дали немножко подержать. А есть её никому не дали. Бабушка сказала, что сначала её нарисует, чтоб потом девочкам вышивать. Потому что она очень красивая.

А Матвей Иванович говорил, что скоро пришлёт лошадей. И нас повезут в колхоз, где всё растёт. И яблоки всякие, и маленькие и большие. Груши, вот такие, прямо на дереве висят, и ещё есть ягоды разные.

А потом прямо на земле растут арбузы, и я увижу, как они растут. И там есть один такой большой, что его повезут показывать в Москву. Потому что он — прямо как самовар.

МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ УЕХАЛ

Я хотел плакать, чтоб меня Матвей Иванович взял с собой. А бабушка на меня поглядела, и я не стал. А потом Матвей Иванович погладил нашу кошку и сказал:

— Ну, бувайте здоровеньки.

И ушёл.

А мы все пошли опять смотреть грушу. Бабушка её стала рисовать, и я тоже захотел рисовать. И Клава тоже стала рисовать. У Клавы немножко вышло, а у меня не вышло. А я всё равно нарисовал домик.

А у бабушки вышла настоящая груша. Только она очень долго рисовала.

А мы с Клавой стали ловить кошку, чтоб её купать. Бабушка услыхала и сказала, чтоб не смели. А что кошку можно чесать гребешком.

И мы с Клавой стали чесать.

КАК МЫ ЕХАЛИ В КОЛХОЗ

МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ ЗА НАМИ ПРИСЛАЛ ЛОШАДЕЙ

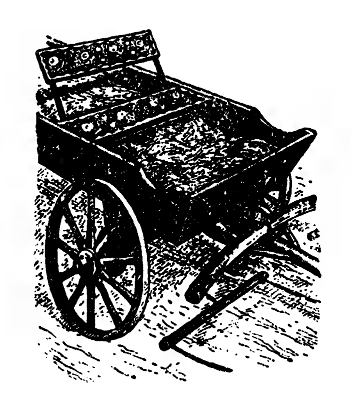
Я всё бабушку спрашивал, когда поедем в колхоз. А потом вдруг утром бабушка меня разбудила и сказала, чтоб я скорей одевался и что лошади приехали. И чтоб я очень скоро пил молоко. И зажгла электричество, потому что было не очень светло. Мы скорей пошли на улицу, а там стояли две лошади и тележка, очень красивая. Она зелёная, и ещё цветочки нарисованы. А на тележке скамеечка. Около лошадей стоял дядя. Он поправлял у лошадей на головах волосы.

Он сказал бабушке:

— Здравствуйте, Марья Васильевна! С внучком?

Бабушка сказала:

— Здравствуйте, Опанас.

И дядя Опанас стал бабушке помогать залезть в тележку. А потом взял меня под мышки и посадил рядом с бабушкой на скамеечку. А скамеечка не просто скамеечка, а это козлы, чтобы сидеть и править. Дядя Опанас тоже к нам залез. И тоже сел на скамеечку.

Мы поехали, и наша скамеечка стала немножко подскакивать. И потом опять вниз. И нас качало. Это потому, что под скамеечкой такое железо подставлено: оно гнётся очень, и нас оно качало.

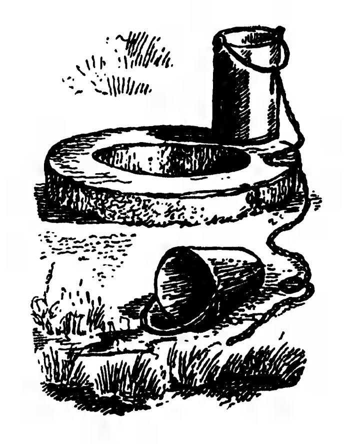

Я стал ещё больше качаться и толкал бабушку и дядю Опанаса, и мы все смеялись. А на улицах совсем никого не было. Бабушка сказала, что все ещё спят в постелях. Лошади очень скоро бежали, а дядя Опанас только кнутик достал, они сразу ещё скорей. Мы с бабушкой чуть назад не упали. У скамеечки сзади спинка есть, потому мы с бабушкой и не упали назад.

И дядя Опанас смеялся и говорил:

— А вы держитесь!

КАК МЫ ЛОШАДЕЙ ПОИЛИ

Я попросил дядю Опанаса, чтоб дал мне кнутик держать. Я только держать его буду. И я держал. А потом мне стало холодно. Бабушка закрыла меня платком. Я сказал, чтоб теперь бабушка подержала кнутик, потому что я спать захотел. И я заснул, а бабушка меня держала, чтоб я не упал.

Я проснулся. А мы не едем, а стоим. И мы не в Киеве, потому что просто под деревом стоим.

Ветка шелковицы

И дома такие, как там, где мы невод смотрели. А кругом стоят мальчики и девочки. Они все босиком, и все на нас с бабушкой смотрят, и все говорят:

— Бачь — хлопчик! Бачь, який хлопчик!

И на меня пальцами показывают.

Их очень много было. Дядя Опанас ушёл, и я немножко забоялся и не стал на мальчиков глядеть. Я стал вверх глядеть, на дерево.

А один мальчик крикнул:

— Гей, хлопче! Як тебя зваты?

Бабушка сказала, чтоб я ответил, что меня Алёшей зовут. А я хотел заплакать, потому что они все стоят и глядят.

А тот мальчик совсем подошёл и на колесо влез и прямо мне сказал, чтоб я говорил, куда еду. А я в платок спрятался. Все мальчики стали смеяться и кричали:

— Гу! Гу!

Бабушка сказала им, что я испугался. А они всё равно кричали «гу». Потом они сразу перестали, а это дядя Опанас пришёл.

И я стал глядеть, как он ведро держал, а лошадь — мордочкой в ведро и всё ведро выпила. Дядя Опанас опять ушёл, и я видел, что он пошёл по дороге.

Там был на земле круг большой из камня. А посредине дырка. Дядя Опанас в дырку пустил ведро. Ведро не упало, потому что на верёвке. Дядя Опанас верёвку пускал, пускал, а потом стал вверх тянуть.

Я стал бабушку спрашивать:

— Почему? Почему?

Бабушка сказала, что не «почему», а что там яма. Её нарочно выкопали. Она очень глубокая, и там внизу вода. И это называется колодец. Туда из земли вода натекает. А камни кругом — это чтоб не упал никто. Оттуда все воду берут.

ШЕЛКОВИЦА

Я сказал, что боюсь мальчиков. Бабушка сказала, чтоб я не боялся и что мы сейчас дальше поедем. Надо и другую лошадку напоить. А потом девочка одна тоже полезла к нам и стала мне в руки давать ягодки. Они совсем чёрные, и на каждой ягоде — много маленьких. Бабушка сказала:

— Возьми.

Я взял и сказал, что знаю: это малина.

А девочка сказала:

— Не знаешь — то шелковица.

И засмеялась. Я хотел бросить ягоды: чего она смеётся и нарочно говорит «шелковица»?

А бабушка сказала:

— Ну да, шелковица. Скажи спасибо.

И сама сказала девочке «спасибо», потому что я не хотел. Я бабушке ягоды отдал.

Бабушка стала вверх, на дерево, показывать:

— Вон, гляди, ягоды — это всё шелковица. Малина на кусте растёт, а не на дереве.

А я не хотел глядеть, потому что все девочки и все мальчики тоже стали глядеть и пальцами стали на дерево показывать:

— Ось, ось!

А я не глядел на дерево, а глядел, как другая лошадка пьёт. Дядя Опанас потом залез к нам на скамеечку, и мы поехали. Мальчики немножко побежали, а один поехал, потому что он сзади прицепился. А потом он отцепился. Только он крикнул:

— Я знаю, вы у колхоз едете!

Мне стало жарко, потому что солнце было очень сильное и прямо на нас.

Бабушка сняла с меня курточку и туфли, и носочки. Я сказал, что хочу пить.

Дядя Опанас сказал, что он тоже хочет пить и что мы с ним будем в колхозе есть арбуз. Как приедем, так сразу будем есть арбуз. Я хотел с дядей Опанасом есть арбуз и не стал просить пить.

КАК ИЗ ЗЕМЛИ ХЛЕБ РАСТЁТ

Дорога пошла вверх, и лошадки стали идти тихо. Не бежали, а шагом шли. Дядя Опанас соскочил на дорогу. Он вожжи не выпустил, а пошёл рядом. Это он потому выскочил, чтоб лошадкам без него было легче.

А потом дядя Опанас говорит:

— Вон какой хлеб у нас!

А там никакого хлеба не было.

Там сбоку стояли соломенные горки.

Я думал, что дядя Опанас нарочно говорит, и закричал:

— Я знаю, это солома!

А дядя Опанас говорит:

— Нет, хлеб.

Я стал смеяться, потому что хлеб не такой. Я сказал, что знаю, какой хлеб: круглый, и его можно есть.

Дядя Опанас сказал, что и этот есть можно.

Я спросил:

— А как же его есть?

Я всё думал, что он нарочно. И сказал:

— Ха-ха-ха! Вы его не будете есть.

Дядя Опанас сказал:

— А вот и буду.

И отдал бабушке вожжи. А потом говорит:

— А ну, пойдём со мной! Увидишь, как я буду есть.

Снял меня на землю, и мы пошли по дороге. Прямо к этой соломе. Только я не мог идти. Потому что из земли тоже росла солома. И она сострижена и стоит торчком. Как щётка. Она мне заколола ногу, потому что я был босиком.

И я закричал:

— Ай, ай!

И сел на землю. И стал плакать. А дядя Опанас взял меня на руки и понёс. Прямо к этой соломе. А эта солома лежала горкой. Дядя Опанас сказал, что это — копна и что он сейчас будет есть. Дядя Опанас поставил меня на землю так, чтобы меня не кололо. Потом он потянул одну соломинку. А там на конце вдруг толсто. И всё волосики, волосики.

И дядя Опанас сказал:

— Ось колос, а в нём зерно.

И он пальцами стал вынимать из колоса зёрнышки. Они круглые и немножко длинные.

Дядя Опанас их набрал в руку, а потом сказал:

— Видал?

Я говорю:

— Видал.

Потом дядя Опанас сказал:

— А теперь съем.

Он взял и с руки высыпал себе в рот все зернышки. И стал есть зубами. А потом сказал:

— Вот и съел? Видал?

Я сказал:

— Я тоже хочу.

Дядя Опанас вытянул ещё соломину, и на ней тоже был колос. Он мне дал.

А потом вдруг говорит:

— А кони наши где?

И схватил меня. И понёс бегом. Мы побежали по полю. А на поле всё стояли эти копны из соломы. А там на каждой соломине — колос, а в колосе — зёрна. И их можно есть.

КАК Я ЗЁРНА ЕЛ

Дядя Опанас поставил меня на дорогу. Там пыль и очень мягко. И мы побежали догонять бабушку. А бабушка не ехала, а стояла, потому что она остановила лошадей. Потом мы все сели и поехали. И я бабушке показывал, какой колос. Я тоже вынимал из него зёрна, как дядя Опанас. Я их тоже стал есть. Они твёрдые, и их надо раскусывать. А потом зубами тереть. Бабушка сказала, что их всегда на мельнице трут. Их до того трут, что они делаются совсем как порошок. И это мука. А потом муку вместе с водой перемешивают, и это тесто. Из него налепят караваев и положат в печку. И выйдет хлеб. А я сказал, что всё равно это хлеб, потому что можно и так есть, только очень долго. И я все зёрна съел. Их было очень много в колосе.

Я ДУМАЛ, ЧТО ПОЕЗД, А ЭТО НЕ ПОЕЗД

Мы ехали, ехали, и вдруг я закричал:

— Паровоз! Паровоз! Вон поезд идёт! И товарный вагон!

А бабушка и дядя Опанас стали говорить:

— Где, где?

Я им показал где. Бабушка засмеялась, а дядя Опанас сказал:

— А что ж твой поезд стоит?

А там стоял паровоз. Только у него высокая труба. А сам он очень маленький. А вагон очень большой. Прямо как дом. Дядя Опанас тоже стал смеяться.

И они стали вместе с бабушкой говорить:

— Что же он никуда не едет, твой паровоз?

А потом бабушка сказала, что это молотилка.

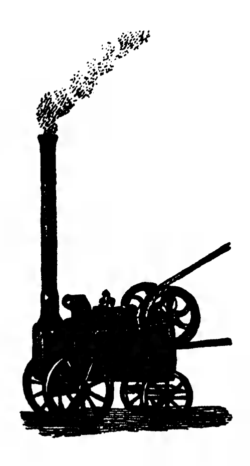
Я рассердился, что они смеются, и сказал:

— Я знаю: колотилка.

Дядя Опанас ещё больше стал смеяться. И сказал:

— Как тебя в неё вкинуть, так она тебя хорошо поколотит. Вон, смотри, как туда хлеб кидают.

Мы совсем близко подъехали, и я увидел, что там много людей и они туда кидают. Это они в молотилку кидали такой хлеб, как мы с дядей Опанасом видели. А молотилка эта — как вагон большой. В неё кидают хлеб, и его там так колотит, в этой молотилке, что из него все зёрнышки выпа-

дают. Изо всех колосьев. В этой молотилке в середине такая машина устроена, чтоб выколачивать зёрнышки. Только эта машина сама крутиться не может, её крутить надо. И её не люди крутят, а тот паровозик.

Дядя Опанас сказал, что этот паровозик сам никуда не ходит. А он только молотилку крутит. И его называют не паровоз, а локомобиль.

Я сначала не мог сказать «локомобиль», а потом мог. Потому что я всё говорил:

— Локомобиль, локомобиль.

Бабушка сказала мне:

— Перестань!

А я сказал, что я есть хочу. Дядя Опанас сказал, что он тоже хочет есть. Только он яблоко будет есть. Потому что мы скоро приедем. Я тоже сказал, что я буду только яблоко есть. Дядя Опанас вынул яблоко из кармана. Он пустил вожжи и захватил руками яблоко крепко-крепко. А оно — крак!.. — и поломалось. И он дал мне половинку. А бабушке дал целое. Бабушка сказала «спасибо» и сказала, что не хочет.

КАК МАЛЬЧИК НА ЛОШАДИ СКАКАЛ

А вдруг дядя Опанас говорит:

— Ой, кто-то нам навстречу на коне скачет! Ой, как быстро!

Дядя Опанас поехал совсем в сторону и совсем даже лошадей остановил. Потом встал на ноги и стал смотреть. Я тоже встал и тоже смотрел. Там верхом на лошади дядя.

И лошадь бежала изо всей силы. А потом мы видим, что это не дядя, а мальчик.

Дядя Опанас стал кричать:

— Гей! Гей! Что случилось?

А мальчик вдруг стал лошадь останавливать. И начал говорить очень скоро.

Я не знал, про что он говорит, потому что по-украински.

Дядя Опанас вдруг крикнул:

— Петька утоп?! Вытащили? Неживой? Гони за фершалом!

Бабушка тоже встала на ноги. И закричала:

— Опанас! Скорей, скорей едем!

КАК МАЛЬЧИК УТОНУЛ

Мы сели, и дядя Опанас как погнал лошадей, так я испугался, потому что думал, что тележка упадёт набок. А потом — что я упаду. И я держался со всей силой за бабушку. А мы ехали вниз, и внизу была вода. Около воды стояли люди, и ещё стояла тележка. Мы прямо туда ехали. Мы совсем подъехали и стали.

Дядя Опанас соскочил. Бабушка тоже соскочила, и они побежали туда, где люди. А люди все кричали. Мне не стало видно ни бабушки, ни дяди Опанаса. Я стал бояться. Я хотел к бабушке, а слезть с повозки тоже боялся. Потому что очень высоко.

Я хотел заплакать, а на меня никто не смотрел. Я стал слезать. Я слезал и упал. Только не очень сильно.

Я побежал туда, где люди. И там я увидел мальчика. Он был совсем голый. И лежал на земле.

Бабушка стояла около него на коленках.

И все говорили:

— Она старый человек, она знает.

И ещё говорили:

— Она учительница, она учёная. Она знает, как спасать.

Я хотел подойти к бабушке, а один дядя сказал:

— Ты откуда? Не мешай тут.

И не пустил меня никуда. А я всё равно никуда не ушёл.

Я ничего не видел и всё стоял.

Потом все перестали говорить, и стало тихо.

МАЛЬЧИК ОПЯТЬ СТАЛ ЖИВОЙ

Потом вдруг все закричали:

— Глазами моргает! Глазами моргает!

Это, наверное, мальчик глазами заморгал.

И все стали кричать потом:

— Живой, живой!

А потом я услыхал, как бабушка закричала:

— Алёшка, Алёшка где?

Бабушка совсем сзади меня кричала:

— Алёшка, куда ты делся?

И все стали меня искать. А потом дядя Опанас меня нашёл и повёл. А там бабушка сидела. Очень красная. Прямо на земле сидела. И совсем мокрая. Это потому, что она вспотела.

Бабушка говорила:

— Ох, устала! Ох, устала! Ох!

А все люди говорили, что вот приедет фельдшер, а Петя уже живой. Потому что это бабушка его вылечила. А потом прибежала одна тётя и так стала целовать бабушку, что совсем на землю повалила.

И все сказали, что это Петина мама. И что она сюда бегом прибежала. Бабушка потом пошла к воде и стала мыться — это она от жары.

Потом мы поехали, и дядя Опанас всё говорил:

— Ай Марья Васильевна! Ну уж Марья Васильевна!

А потом мы уж приехали, где был сад. Вот это мы приехали в колхоз.

КАК МЫ В КОЛХОЗ ПРИЕХАЛИ

Только мы поехали не в са́д, а поехали туда, где дома. И прямо к нам идёт дядя. У него жёлтая шляпа из соломы. А это Матвей Иванович. Он стал бабушке руку подавать, чтобы вылезти.

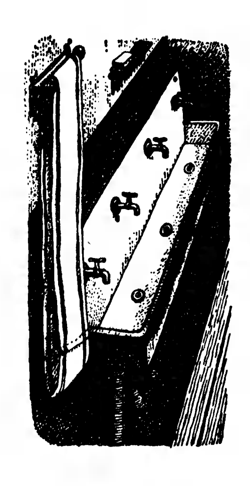
И он сказал:

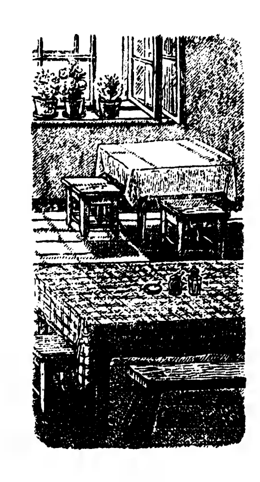
— Марья Васильевна, почему вы очень красная?

А дядя Опанас сказал:

— Это потому, что она Петьку откачивала.

И дядя Опанас рассказал, что Петька в пруду купался и утонул. А его мальчики вытащили, и он не дышал и был

совсем холодный, а потом один мальчик поехал на лошади, чтоб доктора позвать. Мальчик ехал за доктором и нас встретил. И сказал нам, что Петька утонул. А мы как поехали, прямо со всей силы. Бабушка как стала Петьку лечить, так он глазами заморгал и дышать стал.

А Матвей Иванович всё говорил:

— Ай, ай, ай!

А потом сказал:

— Ну, идёмте мыться.

А на бабушку пыль насела. Она прямо не красная, а чёрная. Бабушка сказала, что я тоже чёрный.

Там у них умывальник очень длинный. Он весь железный. И нам всем места хватило, и мы все сразу мылись. А потом вытирались.

КАК МЫ В КОЛХОЗЕ ОБЕДАЛИ

Я сказал дяде Опанасу:

— Дядя Опанас, а теперь арбуз?

Дядя Опанас сказал:

— Ну да — арбуз. Идём в столовую.

Я закричал бабушке:

— Мы идём арбуз есть!

И я взял дядю Опанаса за руку.

А Матвей Иванович пришёл и говорит бабушке:

— Марья Васильевна, какой у нас борщ сегодня вкусный! Идёмте к нам в едальню.

Я сказал:

— Ну вот! Говорили — арбуз, а теперь — борщ.

И сказал, что я не хочу в едальню. А хочу, где арбуз. Бабушка мне велела, чтоб я перестал кричать. А то ни арбуза, ни борща не будет.

А когда мы пришли в эту едальню, так там на столе уже стояло три тарелки. И в тарелках борщ. И ещё тарелка, и на ней хлеб. Стол большой-пребольшой. Прямо во всю комнату. И потом маленькие столики. Только они у самых окон, и там солнце. И очень жарко.

Я сначала не хотел есть борща. Он очень горячий и красный. И там картошки горячие.

Я тихонько говорил, что не буду его есть. И всё смотрел, где арбуз лежит. А он нигде не лежал.

Дядя Опанас взял кусок хлеба, а потом набрал в ложку борща и стал дуть. А потом как начал есть! И стал говорить:

— Ай да борщ! Это ж борщ! Ну и борщ!

А потом мне сказал:

— Что ж ты плохо справляешься?

А я сказал, что потому, что горячий. И тоже взял ложку и стал дуть.

Бабушка говорит:

— Ты потише, брызгаешь на меня.

Это я очень сильно дул. И я стал как дядя Опанас: хлеб кусать и борщ есть. И я тоже сказал:

— Ай да борщ!

А бабушка на меня не глядела. И я всю тарелку съел и картошку не оставил, а тоже съел.

И мне стало очень жарко.

Дядя Опанас сказал:

— Вот теперь кавуна.

И ушёл. А я думал, какого он кавуна принесёт. Если вроде макарон, так я не буду есть потому что я совсем не могу.

КАВУН

Бабушка собрала тарелки и ложки и ушла куда-то. А я очень этого кавуна боялся.

Потом пришёл дядя Опанас, и я скорей стал смотреть, что он несёт. А дядя Опанас принёс арбуз.

Я сказал:

— А кавун?

Дядя Опанас засмеялся и сказал, что это и есть кавун. А тут бабушка пришла, и она тоже смеялась. А это по-украински арбуз называется «кавун». Я очень обрадовался и сказал, что я боялся кавуна. Дядя Опанас как взял ножик, как стукнул кавун ножиком — кавун сразу лопнул. И даже затрещал. И на нём щёлка сделалась.

Бабушка сказала:

— Ого, какой спелый!

Дядя Опанас сказал:

— А как же!

И разрезал кавун. Он красный. Мы стали его есть. Он был холодный. Дядя Опанас сказал, что они арбузы в погребе держат. Нарочно, чтоб они холодными были. А в кавуне чёрные косточки. Их не надо есть. И мне дядя Опанас сказал, что если косточку посадить в землю, так вырастут листочки. А потом всё больше, больше, и они не вверх будут расти, а будут лежать на земле.

И вырастут по земле длинные-длинные ветки, зелёные и с листьями. А потом на них будут жёлтые цветочки. А потом цветочки отпадут, и останется шишечка. Маленькая-маленькая, как орешек. Это и есть кавун, только маленький. А потом шишечка станет с яйцо. А потом с кулак, а потом больше, больше — и станет настоящий арбуз.

БАШТАН

КАК Я ПОШЁЛ НА БАШТАН

Дядя Опанас сказал, что мы пойдём смотреть, как растут кавуны, и как растут дыни, и как растут кабаки.

Я стал смеяться:

— Ха-ха-ха! Кабаки!

А бабушка говорит:

— Это тыквы. Ты всё равно ни одной тыквы не видал.

Дядя Опанас сказал, что у них «во какие тыквы!». И руками показал.

— Тебя на неё посадить можно. Вот увидишь.

Бабушка стала говорить, чтоб я больше не ел кавуна, потому что я очень много его съел.

Матвей Иванович пришёл и сказал, чтоб бабушка шла отдыхать. А дядя Опанас сказал, что он со мной пойдёт — показывать, как растут кавуны, что мы пойдём на баштан. А баштан — это где они растут.

Дядя Опанас взял меня за руку, и мы пошли по дороге. А около дороги был забор, только очень низенький. И там был сад.

Я очень хотел пойти в сад, потому что видел яблоки. Они были на деревьях. На деревьях листья, а между листьями яблоки: красные, белые и зелёные, и жёлтые тоже. А дядя Опанас не хотел туда идти и сказал, что это потом будем смотреть. А вот пошли смотреть арбузы, так и надо идти, где арбузы.

Я спросил:

— Далеко?

— А как же! Ещё идти да идти. Хочешь арбузы смотреть, так уж иди.

И еще скорей пошёл. А это вовсе не очень далеко, потому что мы скоро пришли. Там деревьев никаких не было, а на земле всё большие листья.

Я думал, что нарочно положены. А это они растут так. Они над самой землёй растут: листья, потом круглые шары, только жёлтые, а не зелёные. Очень большие.

ДЕДУШКА

Дядя Опанас сказал:

— Вот кабаки! Тебя посадить на кабак, так ногами до земли не достанешь.

Я хотел пойти, чтоб сесть. Вдруг собака бежит. Очень большая. Прямо на нас — и лает. И потом другая собака, немножко меньше. И тоже на нас.

Я испугался и закричал:

— Ой-ой! Дядя Опанас!

И я схватился за дядю Опанаса. А собаки всё бегут. И очень злые. Они совсем близко подбежали.

А дядя Опанас вдруг как нагнётся — и схватил кусок земли и крикнул:

— Геть, проклятые!

Собаки так и стали. Они рядом стояли и лаяли. И зубы скалили.

Дядя Опанас стал кричать:

— Диду! Гей, диду!

А там дальше стоял домик. Только не домик, а одна крыша. Прямо на земле. И оттуда вдруг вышел дедушка. Он стал смотреть на нас. А потом пошёл к нам. И он стал кричать собакам, чтоб они уходили. И чтоб нас не кусали, потому что мы знакомые. Собаки стали смотреть на дедушку, а потом на нас. И только немножко лаяли и махали хвостами.

Потом дедушка совсем к нам подошёл и сказал дяде Опанасу:

— Здравствуйте.

И я тоже сказал дедушке:

— Здравствуйте.

Только я не очень громко сказал, потому что собаки подошли и я всё равно очень боялся. А дядя Опанас увидал, что я боюсь собак. Поплевал на кусок земли и крикнул:

— На!

И бросил. А собаки побежали кусать эту землю, потому что подумали — может быть, это еда.

КАКОЙ САМЫЙ БОЛЬШОЙ КАБАК

Дядя Опанас сказал, что я бабушкин внук и что мы пришли смотреть бахчу. И как растут кавуны, и какие большие кабаки, и ещё дыни. И мы пошли к дедушке в его домик. Домик называется шалаш. И мы шли потихонечку, потому что нельзя топтать листьев и веток. А ветки — как зелёные верёвки. И мы пришли к очень большому кабаку.

Дядя Опанас взял меня под мышки и тихонечко посадил на кабак. Я сел, и у меня ноги болтались, потому что я до земли не мог достать.

А дедушка сказал:

— Вот ты в Киеве расскажи, какие у нас в колхозе кабаки растут. В этот кабак тебя спрятать можно.

Я сказал:

— Не надо меня в кабак.

Дедушка засмеялся и говорит:

— А вот будешь листья топтать, так и посадим в кабак. А как не будешь, то мы тебе дыню дадим.

Я собак уже не боялся. Потому что они уже убежали. Они легли на землю, где дедушкин шалаш.

БУТЫЛОЧКИ

Потом я увидел очень смешное. Росли там бутылочки. Дедушка сказал, что это тыквы такие. Только похожи на бутылочки.

Когда они поспеют, их можно высушить и середину всю вынуть. И можно воду наливать. И семечки в них можно насыпать. А сверху пробочкой закрывать. И так носить. Привязать к поясу и носить.

ДЫНЯ

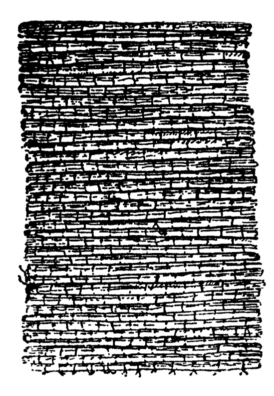
Потом мы смотрели, как растёт дыня. Одну мы видели длинную. И она зелёная. Только немножко жёлтая.

Дедушка сказал:

— Ты понюхай.

Я сначала не хотел, а потом понюхал.

Она очень хорошо пахнет.

Дедушка тоже совсем нагнулся и тоже понюхал, а потом вынул ножик и отрезал дыню. И сказал мне:

— Неси. Мы её будем есть.

И мы пошли в шалаш. Собаки встали и к нам подошли. Только они не лаяли, а махали хвостами. И большая собака подошла ко мне. Меня понюхала и лизнула прямо в ухо. А я дыню нёс двумя руками, потому что она очень тяжёлая, и не мог отогнать собаку. А она взяла и ещё меня лизнула.

Дедушка ей сказал:

— Геть!

И топнул ногой. Она отбежала.

Мы залезли в шалаш. Я там мог стоять, как в домике. А дедушка и дядя Опанас не могли. И они стали на коленки.

В шалаше было совсем не жарко и очень хорошо. Потому что прохладно. А внизу был коврик из травы.

Это дедушка сам сплёл из камыша.

А дядя Опанас вдруг говорит:

— А что я тебе, дедушка, принёс!

Полез за пазуху и оттуда вынул что-то завёрнутое в платок. А в платке хлеб. Только круглый, как крендель. А я не знал, что мы крендель несём.

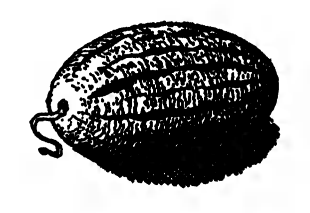
А я всё равно сказал:

— Вот что мы принесли, только я не знал.

Дедушка сказал:

— Ну, спасибо вам, что калач принесли.

Собаки стояли около самого входа, на солнышке. Они на нас смотрели и облизывались. У дедушки был чёрный хлеб. Он отрезал ножиком кусок, потом поломал пополам. И сказал мне, чтоб я дал собакам.

Я пошёл к собакам. А они обе — ко мне. Я хлеб назад запрятал и боялся дать, чтоб они за руку не укусили. И хотел кинуть. А я только хлеб поднял, большая собака — гам! — и схватила. Она за хлеб схватила, а руку не укусила. Я хотел крикнуть: «Ай, ай!», а не крикнул, потому что дядя Опанас и дедушка смотрели. А маленькая собака забежала сзади и тоже хлеб схватила. И прямо проглотила сразу. И они обе стали меня нюхать. И совсем мордочками тыкать.

Я нарочно руки раскрыл и им показывал, что больше нет. И пошёл в шалаш. А они в шалаш не смели ходить. И опять легли на солнышке.

Дедушка разрезал дыню. Она там розовая. И ещё больше пахнет. А в самой середине — длинненькие семечки. Их можно раскусить. У них кожура очень тонкая. И там в середине зёрнышко.

Дедушка сказал:

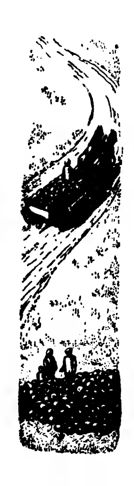
— Это что! А вот кабаковые семечки — так те самые вкусные.

И сказал, что потом даст и кабаковых семечек. А что сейчас будем дыню есть.

И мы все ели дыню. И я очень наелся дыней. Она вкусная. И в ней очень много соку.

АРБУЗЫ

Мы пошли смотреть, где арбузы растут. И смотреть самый большой арбуз. Мы тихонечко шли. А дедушка нагибался и арбузы немножко поворачивал. Это потому он

арбузы поворачивал, что надо, чтоб солнышко их грело со всех сторон.

А самый большой арбуз я увидел, когда ещё до него не дошли. Он был большой, прямо как самовар. Больше моего мячика надувного. Если мячик даже со всей силы раздуть, всё равно такой не будет.

Дядя Опанас ухом прижался к самому арбузу, а потом пощёлкал арбуз пальцем. И потом сказал, что арбуз ещё неспелый, не звенит.

А я всё равно никаких арбузов не хотел. Потому что я очень дыни наелся.

Потом мне дедушка показал маленький-маленький арбузик. Он с мой кулак. Совсем кукольный. Дедушка его отрезал и подарил мне, потому что он уже больше расти не будет. Это чтобы я им играл.

КАК Я В ШАЛАШЕ СПАЛ

Потом дядя Опанас сказал, что ему надо идти. А я как хочу: хочу — на бахче с дедушкой останусь, а потом он за мной придёт, а хочу — сейчас могу с ним пойти назад.

А дедушка сказал, что он мне сказку расскажет и чтоб я остался. Мне не хотелось идти, потому что очень жарко и очень хотелось узнать сказку.

Я сказал, что останусь. И мы пошли в шалаш.

Дядя Опанас ушёл, а дедушка мне сказал:

— Ты лягай. Поспи трохи. А сказку потом.

Я лёг и стал слушать.

И услышал, что птички ходят сверху по шалашу. И спросил дедушку про птичек.

А дедушка сказал, что это не птички, а это ветерок. И это листики сухие на шалаше шелестят, потому что он сделан из веток.

Я слушал, слушал и заснул.

А когда я проснулся, то солнышко совсем в шалаш попадало. А дедушки не было. Я из шалаша выглянул и тоже дедушки не увидал. И собак тоже не было. Я совсем из шалаша вышел.

И я увидал, что дедушка далеко-далеко. Там уже баштан кончается и идёт дорога.

Там стояли лошади. И там складывали арбузы на подводу. И очень много уже наложили, большим горбом. Люди не передавали арбузы, а кидали, как мячики. Один дядя кинет, другой поймает. А потом дальше кидает. И опять его ещё один дядя поймает. И кидает тому, который у самого воза. Он кладёт арбузы на воз.

Я всё боялся, что они уронят арбуз. А они ни одного не уронили. И стали накладывать на другую подводу.

КАК Я СОБАК ПРОГНАЛ ОТ БАБУШКИ

Я всё один стоял, а дедушка не приходил. Я не хотел дедушке кричать, а крикнул собаке. Пусть собака прибежит. Я её не боюсь, потому что в шалаш убегу. Она не смеет туда ходить. А дедушка услышит, что я уже встал, и, может быть, скорее придёт ко мне.

Я закричал громко:

— Собачка, собачка, иди сюда!

Большая собака стала смотреть на меня. Она голову подняла и глядела. Я стал рукой её звать. Она как побежит! И вдруг повернула и со всей силы побежала не ко мне. Я посмотрел и увидел, что там какая-то тётя идёт, а собаки прямо на неё — и лают.

Я стал кричать: «Ай, ай!» — и побежал к тёте и потом кричал, как дедушка: «Геть! Геть!» Я пробежал немного и увидел, что это не тётя, а бабушка моя идёт.

Собаки лают на неё, а она идёт, и собаки её не кусают, и она их не боится.

Я тоже, как дядя Опанас, схватил кусок земли и замахнулся на собак и опять крикнул: «Геть!» Они отскочили даже — так я на них бежал — и не стали лаять, а только немножко.

А бабушка засмеялась и сказала:

— Ишь ты, какой молодец! Только зачем листья топчешь?

И села на корточки.И стала мне с лица счищать и говорит:

— Ты дыню ел. Вон сколько семечек налипло.

И показала мне семечки: они у меня к щекам присохли, а я не знал.

Дедушка тоже прибежал и говорит:

— Здравствуйте, Марья Васильевна!

А я сказал, что вот какой маленький арбуз мне дедушка дал, и показал бабушке арбузик: он у меня за пазухой был.

ЧТО ДЕДУШКА РАССКАЗЫВАЛ

Бабушка сказала, что надо идти, что сейчас ужин скоро будет. А я сказал, что дедушка обещал сказку.

Дедушка стал говорить:

— Ну, другим разом, придёшь ещё.

А я сказал, что он обещал, потому я и спал, а то бы я не стал спать.

Дедушка сказал:

— Ну, пойдём.

И мы пошли в шалаш.

Дедушка рассказал, что вот тут раньше ничего не росло. И никакого баштана не было. И какое семечко ни садили, ничего не вырастало. А рос бурьян. Это трава такая высокая, прямо как дерево, с человека ростом. И её косили косами и потом пахали — это значит — всю землю перерывали — и сеяли зёрна в эту землю.

А всё равно вырастал бурьян. Там даже волки жили. И все боялись туда ходить. Только один был охотник, он не боялся и убил там волка, очень большого.

Этот дядя-охотник ничего не боялся. Он бурьян этот поджёг со всех сторон, а с одной стороны не поджёг. Волк испугался и побежал. А никуда нельзя — всё огонь да огонь. Только в одну сторону можно, где огня нет. Волк туда и

побежал, а там дядя-охотник стоял с ружьём. Он волка — бух! — и застрелил.

Дядя-охотник сказал, что земля очень хорошая, только надо очень сильно её перекопать. Охотник уехал. А перекапывать всё равно никто не хотел, и очень боялись все. И говорили, что земля эта заколдованная.

А вот теперь привезли сюда машину. Она — как автомобиль, только на ней один человек может ехать. Один шофёр — и больше никого. Она только для того, чтобы к ней плуги прицеплять, — она потянет, прямо как паровоз. Она очень хлопает и называется трактором.

Я засмеялся и сказал:

— Знаю: потому что трах! Потому она трахта.

Бабушка сказала, что не «трахта», а трактор, и совсем не потому, что «трах».

И мы все смеялись. А я сказал тихонько:

— Всё равно — трах!

Дедушка сказал, что как прицепили к трактору шесть плугов — это которыми землю пашут, — они как стали перерывать весь бурьян, так только корешки посыпались. Бурьян опять пробовал расти. Опять плугами всякими перекопали землю.

И потом ещё два раза перекапывали.

А потом посадили семечки и от арбуза, и от дыни, и от кабаков, и стал баштан. А бурьяна и не видно, ни одной даже травинки.

Дедушка сказал, что вот вся сказка. А теперь мы сидим, где был бурьян. И вот кабаки растут из семечек.

МЫ С БАБУШКОЙ УШЛИ К СЕБЕ

Я сказал:

— Дедушка, а семечек кабаковых дашь?

Дедушка сказал:

— А як же!

Это значит: «А как же!»

И дедушка стал в углу искать. Потом вытащил узелок. Это в платке были семечки завязаны. Они белые и плоские, а там зелёное зёрнышко. Очень вкусное. Потом дедушка достал тыкву, как бутылочку. Она сухая и сверху открыта. И пустая в середине. Дедушка насыпал туда семечек и подарил мне. Я взял и ничего не говорил. Бабушка на меня поглядела. Очень сильно на меня поглядела. Я вспомнил и сказал:

— Спасибо, дедушка.

А дедушка говорит:

— На здоровье.

Бабушка сказала дедушке, что она ему глазные капли привезла и ещё лекарства из Киева.

Дедушка сказал:

— Вот это спасибо!

И мы пошли. Дедушка тоже шёл с нами до дороги, и собаки тоже. Бабушка собакам давала хлеба: она кидала, а они ловили зубами прямо на воздухе, даже подскакивали. И потом по дороге с нами пошли, только дедушка их назад позвал. Это чтоб они баштан стерегли.

Солнце совсем над землёй было, очень красное и прямо нам в глаза. Я глаза закрывал.

Бабушка меня за руку вела, я спотыкался и очень пыль ногами поддавал. И потом смотрел: пыль всё стояла, потому что ветра не было.

Мы пришли в столовую.

Потом мы ужинали. И там много людей было, и все говорили.

Только я не очень понимал, потому что по-украински.

Потом бабушка уложила меня спать.

САД

МЫ С МАРУСЕЙ ПОШЛИ В САД

Утром мне бабушка сказала, что я пойду с девочкой с одной смотреть яблоки. Я просил, чтобы потом, после яблоков, всё равно пойти к дедушке, который мне дал кабак, как бутылочка.

Я уже всё молоко выпил, что бабушка принесла, и тут пришла девочка.

Она совсем большая. Её зовут Маруся. А потом ещё девочка пришла и тоже сказала, что пойдёт с нами. Бабушка сказала, что этой девочке нельзя, потому что она должна учиться представление показывать. Бабушка её не пустила.

Мы с Марусей пошли, и Маруся говорила, какое интересное представление будет, и один мальчик будет красно-

армейцем, а другой ещё мальчик есть — он собакой будет. И он будет лаять, и кусаться тоже будет, и совсем весь будет в собачьей коже, и на четырёх лапах будет бегать.

Это вечером будут показывать, и все будут смотреть.

Маруся немножко непонятно говорила — она по-украински говорила.

И я не всё понимал и тоже говорил:

— Як? Як?

По-русски «как», а по-украински «як». Маруся говорит, а я, когда не понимаю, кричу: «Як? Як?» Она тогда опять говорит, и мы так всё шли за ручку.

ПРО АБРИКОСЫ И ПРО ЯБЛОКИ

Абрикосы

Сначала по дороге шли, а потом Маруся меня пересадила через заборчик, а там сад.

Там деревья, все снизу белые. И выкрашены. А Маруся сказала, что не выкрашены, а извёсткой вымазаны, чтобы муравьишки не лазили, а то они залезают и едят яблоки и абрикосы.

Маруся сказала, что абрикосы ещё вкуснее яблок. Только они уже давно поспели, и их уже сорвали. Они жёлтые, прямо даже красные немножко и очень мягкие. А косточка большая, и её можно расколоть, и там большое зёрнышко. Оно вкусное, как орех.

Только ни одного абрикоса уже не было.

Потом я вдруг увидел дерево, а на нём большие яблоки. И одна ветка совсем низко. Маруся сказала, что нельзя рвать. А их там было так много, что я думал, что это они нарочно привешены.

Маруся сказала, что на ветке много яблок и она может поломаться. А она потому не ломается, что снизу палки подставлены. Они в землю воткнуты, а наверху у

них рожки. И ветка на рожки налегает, и ей не тяжело от яблок. Этих палок там очень много стояло. Они ветки поддерживают.

Маруся сказала:

— Ось як!

Да и взялась за палку рукой и немножко потрясла. Совсем чуть-чуть. И вдруг два яблока упали. И одно — большое-пребольшое — прямо мне по голове.

Я сразу хотел засмеяться и хотел яблоко схватить, а потом заплакал, потому что очень больно. И потому что думал, что это Маруся нарочно затрясла, чтобы яблоки на меня падали.

ЗАЧЕМ ПАЛКИ

Вдруг залаяла какая-то собачка. И она выбежала к нам. Совсем маленькая.

Я её не боялся, а потом увидел: идёт дядя. И дядя кричит:

— Гей, кто там?

Я увидел, что это Матвей Иванович. И Матвей Иванович сказал:

— А, это Алёшка! Чего ты плачешь?

А я уже не плакал. Маруся стала мне головой мотать и бровями делать.

И ещё тихонько пальцем погрозила: это чтоб я не говорил про яблоко.

Я и не сказал ничего.

Мы вместе пошли, и Матвей Иванович сказал:

— Ты, Алёшка, осторожно ходи. Ты за палки не хватайся. Это нельзя.

А я сказал:

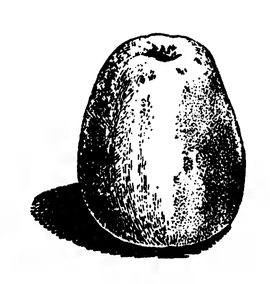
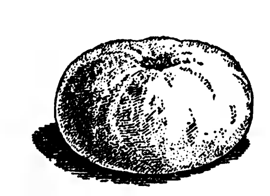
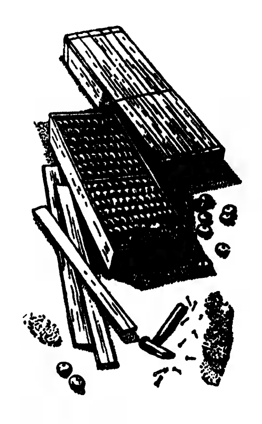
— Почему?

Матвей Иванович хотел сказать и не сказал, потому что Маруся скоро-скоро заговорила.

Она всё говорила, что потому нельзя, что яблоки отрываются, а им ещё надо висеть.

А Матвей Иванович сказал, что вовсе не поэтому, а потому, что может обломаться веточка.

А на этой веточке потом могло бы ещё яблоко вырасти, а так уже не вырастет.

КАК ЯБЛОКИ СОБИРАЮТ

Вдруг я увидел лестницу. А на лестнице стояла тётя. Она доставала яблоки. И давала их девочкам. А девочки их в корзину клали.

А потом я увидал целую кучу яблок. Там сидели две тёти и яблоки смотрели. Возьмут яблоко, повертят, повертят и складывают в корзинки. Они на меня совсем не глядели. Это они глядели на яблоки.

Смотрели, чтобы пятнышка не было. Когда чёрненькое пятнышко, так это яблоко в другую корзину клали. А без пятнышек — это самые лучшие яблоки.

Мне Матвей Иванович сказал, что эти яблоки каждое в бумажку заворачивают, потом накладывают в ящики и крышки гвоздями прибивают. А потом в ящиках всюду развозят.

Их в вагонах развозят и на пароходах развозят. Куда угодно. И в Москву, и где французы живут, и даже англичанам, и всяким другим, потому что такие хорошие яблоки. И все их любят. А потом мы пошли, где собирают другие яблоки: очень жёлтые, с красной щёчкой. И они называются шафран.

КТО БРАКОВЩИК

Там очень много лестниц было, потому что там очень много яблок надо собирать.

Мне одно яблоко дали. И Марусе дали яблоко. А я взял и тоже стал смотреть: есть пятнышко или нет.

Матвей Иванович стал смеяться и сказал про меня:

— Браковщик какой!

А я сказал:

— Какой?

Матвей Иванович сказал:

— А вот такой! Смотришь, не поел ли червяк, нет ли дырочки или пятнышка. Это и называется браковщик, который смотрит, годится или не годится. Вот ты и есть браковщик. Ты не смотри, а ешь.

Я и стал есть.

А Матвей Иванович спросил:

— Ну что? Годится?

Я ничего не мог сказать, потому что очень много яблока в рот набрал. Я много потому набрал, что оно очень вкусное.

СЛИВЫ

А потом я сказал:

— А где маленькие яблочки растут, которые как кукольные?

Маруся сказала:

— Пойдём, пойдём.

И мы пошли.

Я всё смотрел на деревья, чтоб раньше, чем Маруся, увидать маленькие яблочки.

А Маруся меня всё спрашивала: какая Москва и как в Москве под землёй ездят?

Я сказал, что под землёй ездил и это метро. И сказал, что это не страшно. А потом сказал, как лестница сама вверх едет. И как будочка вверх поднимается, и это называется лифт.

А Маруся всё говорила:

— Ось як, ось як!

И языком щёлкала. А я больше ничего не стал говорить, потому что увидал яблочки.

Я закричал:

— Ага, я первый! Вон, вон яблочки!

И показал пальцем. А Маруся засмеялась и сказала, что это вовсе не яблочки, а сливы. Это жёлтые сливы.

Я сказал, что хочу посмотреть. Мы туда пошли.

И там стояло это дерево, на котором жёлтые сливы. Они

Сливы синие

Сливы желтые

совсем круглые: как яблочки. И очень блестят. Они как будто не настоящие, а как на ёлке бывают — стеклянные или ещё какие. А они настоящие, потому что Маруся одну подняла, она на земле лежала, немножко обтёрла и дала мне есть. Только сказала, что там червяк есть. А я уж съел, когда она сказала. Я сказал, что червяка не было, только косточка. И мы потом искали, чтоб ещё найти, только ни одной больше не нашли.

КАК МАРУСЯ НА МЕНЯ РАССЕРДИЛАСЬ

Там под ветками тоже стояли палки. И я сказал Марусе тихонько:

— Давай потрясём!

А она не хотела. А я хотел нарочно толкнуть палку, чтоб слива упала. И толкнул ногой. А они не упали — ни одной.

Маруся рассердилась и взяла и дёрнула меня за ухо. И сказала:

— Ты не слухать! Ты не слухать!

А я её хотел кулаками бить: зачем она меня за ухо? Она меня поймала за руку и сказала:

— Ось сейчас до Матвея Ивановича поведу. Он тебя с саду выженит.

А я сказал:

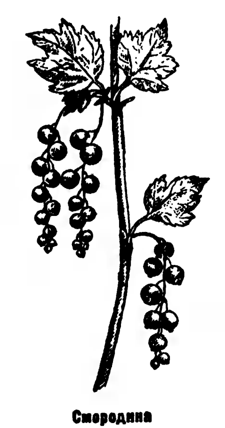
— Вовсе не выженит, а я бабушке скажу, что ты меня за ухо.

А она сказала:

— А я скажу, что ты палку пихнул.

Крыжовник

Китайские яблочки

Смородина

А я сказал, что не пихнул, а нечаянно.

А она сказала:

— Ты ещё брешешь?

И хотела уходить.

А я побежал за ней и стал кричать потихоньку:

— Как это брешешь? Как это брешешь?

Это я потому так кричал, чтобы она не сердилась.

Я очень испугался, что она уйдёт. И тогда я буду один.

А она всё шла и говорила:

— А вот так и брешешь. Ты палку сам пихнул, а говоришь, что не хотел. Значит, неправда. Значит, ты брехун.

А я заплакал. И кричал:

— Не брехун! Не брехун!

И вдруг идёт дядя. И на спине несёт корзинку.

Дядя стал и говорит:

— Кто брехун?

А Маруся сказала:

— Кто брешет, тот и брехун.

И взяла меня за ручку. И мы пошли.

Я Марусе сказал, что я теперь не брехун и больше не буду палок пихать.

А она достала из кармана семечек кабаковых и мне дала.

А потом села на корточки и мне рукавом всё лицо вытерла. Потому что я плакал.

КУКОЛЬНЫЕ ЯБЛОЧКИ

Я стал есть семечки. Только я так скоро не мог, как Маруся.

А она вдруг встала и показала пальцем.

Я посмотрел. А там было дерево, и на нём все круглые яблочки. Маленькие, как орешки.

Их было очень много. На дереве листьев было очень мало, потому что всё яблочки, яблочки.

Я стал кричать:

— Ура!

И стал бегать кругом, чтоб смотреть на это дерево и на кукольные яблочки.

Маруся сказала, что их так не едят, а из них только варенье варят. И потом — что сейчас они не готовы. И ещё долго надо ждать, когда они будут готовы. Тогда их будут срывать.

КАК Я СЛИВ ОБЪЕЛСЯ

А потом мы пошли дальше. И там опять стояли лестницы, а на лестницах тёти.

И там срывали с дерева сливы, только не жёлтые, а синие. И тоже клали в корзинки. И около них был дядя Опанас.

Он сказал:

— Га, Алёшка?

И все стали на меня смотреть и кричали мне:

— Лёшка! Лёшка!

А дядя Опанас сказал:

— Держи шапку!

А я не знал, что делать. Тогда дядя Опанас снял с меня шапку и дал её мне в руки. Я её стал держать, как мешочек. Он мне туда наложил слив. До самого верху. И даже немножко больше. Я не мог их есть, потому что боялся отпустить шапку.

Я сказал:

— Маруся, пожалуйста.

Маруся взяла две сливы и сказала:

— Спасибо.

И съела.

А я хотел, чтоб она мне дала, и сказал:

— Мне тоже.

Она дала мне прямо в рот. А потом сказала, что я глупый.

Она сказала:

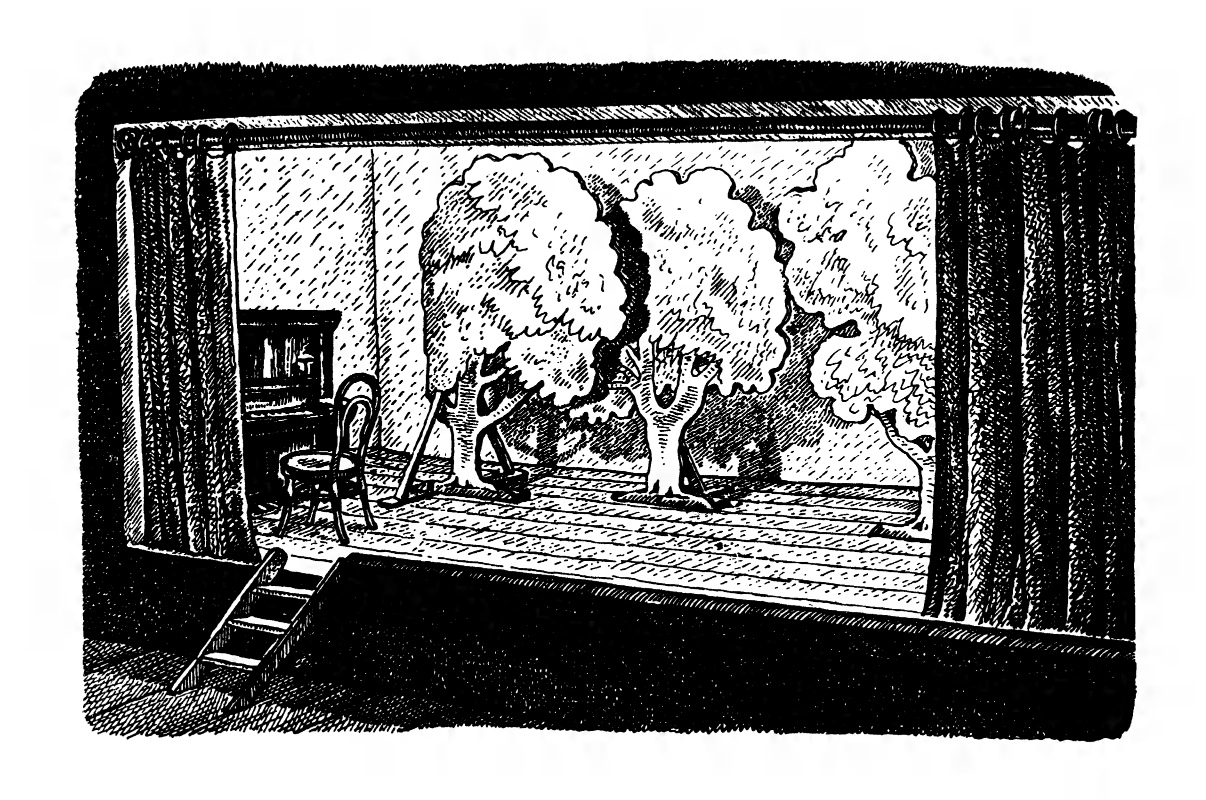
— Якил дурный!

И сказала, чтоб я сел на землю, а шапку положил на коленки. И тогда можно есть, сколько хочу.

Мы сели и стали есть.

И я их много съел. А потом Маруся сказала, что надо идти к бабушке, потому что она хочет смотреть, как учатся представлять, как выгоняли генералов.

Мы пошли, а когда пришли, то уже все сливы съели. Мы целую шапку слив съели.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

КАКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

А представление мы смотрели в едальне. Это там, где все едят. Только тогда никто не ел. И столов тоже не было. А в самом конце был пол повыше, и там было представление.

Там вышел мальчик, только у него были усы. Это ему бабушка приклеила клеем. У него были большие штаны. А на штанах две красные ленты. Они с боков, от верху до низу. Это значит, что этот мальчик генерал. И потом у него была сабля. Она у него висела сбоку. Очень большая, потому что настоящая. А потом у него на курточке была звезда. Только не красная, а белая. И ещё лента синяя, очень широкая. Она у него была через плечо. И мальчик говорил, что это ему царь дал в награду и потому он самый главный генерал. А ещё были два мальчика, тоже генералы.

Только не главные. Они говорили, что всех завоюют. И у всех в деревне отнимут хлеб. И что скажут, что вся земля их. Потому что они генералы и их царь послал всё отнимать. И сад тоже отнимут, и все яблоки, и все арбузы. А потом пришёл ещё мальчик.

Он был старичок, потому что с палочкой и с белой бородой. Он стал кланяться и стал просить, чтоб не всё отнимали. А потом стал на коленки и тоже кланялся. А главный генерал как закричит:

— Эй, солдаты!

И прибежали два мальчика. Они были солдаты, потому что были с ружьями. И у них были шапки без козырьков. И генералы стали кричать:

— Вон его! Вон его!

И солдаты стали старичка бить и потащили.

А я закричал:

— Ой, не надо дедушку!

Все засмеялись. И генерал тоже.

А Маруся сказала:

— Сиди мовчки!

Это чтоб я молчал.

А я её тихонько спрашивал:

— А что они потом с дедушкой делать будут?

БУДЕТ ПРАЗДНИК

Маруся сказала, что это нарочно.

Потом генералы сказали, что завтра они пойдут и всех будут бить. Чтоб всё отдавали. Они скажут солдатам, а

солдаты пойдут с ружьями и будут стрелять. И заиграла музыка, потому что заиграло пианино.

Мне Маруся сказала, что это бабушка играет. Только не видно где. А потом всё завесили занавеской. Очень большой. До самого потолка. И она вся красная. И на ней буквы. Буквы жёлтые. Только я не знал, что написано. А Маруся мне сказала, что там написано, что будет праздник, и она потом будет рассказывать, почему праздник. Вот когда будет настоящее представление, тогда и будет рассказывать.

А я всё говорил:

— Какой? Какой?

ПАРТИЗАНЫ

Потом они отдёрнули занавеску. А там уже генералов не было. А там стояли мальчики и девочки. И деревья тоже стояли. И было не очень светло. А мальчики и девочки были все как дяди и тёти. Совсем как большие. Потому что были с бородами и в платках на голове. Очень закутаны. И у них были ружья настоящие. И ещё топоры.

А один мальчик был матрос. И он сидел на маленькой пушке. А потом сказал, что это пулемёт. И что из него можно сколько хочешь стрелять. И потом показал ящик и сказал, что там пули. Их очень много. И что надо генералов выгонять. А потом сказал, чтоб выходили, у кого ружья. И стал всех с ружьями ставить в ряд.

Одна девочка стала говорить, что не надо воевать, а надо генералов попросить.

И вдруг привели дедушку. Он не мог идти, потому что его побили. Он сказал, что просил генералов, а они его побили. Матрос стал на него показывать пальцем и сказал:

— Ось просил!

И все стали говорить. Очень громко стали говорить. И ружьями стали махать. А я не хотел, чтоб сейчас стреляли.

Матрос стал кричать:

— Тише!

Это чтоб не услыхали. Потому что они прячутся и они в лесу.

КАК ПАРТИЗАНЫ ПОШЛИ НАПАДАТЬ

Вдруг прибежал мальчик. Совсем маленький, как я. Он никак не был одет. А просто мальчиком. Все замолчали и стали на него глядеть.

Он сказал, что все генералы спят и что все солдаты спят. Только два не спят. И он знает, где они не спят.

Тогда матрос сказал, чтоб тихонько идти и чтоб ружья зарядили.

А он потом крикнет «ура», и тогда чтоб все бросались, и стреляли, и бежали выгонять генералов.

И все потихоньку пошли.

А бабушка заиграла очень тихую музыку.

И снова задёрнули красную занавеску.

Мне было страшно: вдруг солдаты проснутся и застрелят матроса и не дадут выгнать генералов?

Маруся дала мне семечек и сказала, чтоб я на пол не сорил, а скорлупки собирал бы в руку. Только она не сказала «скорлупки», а сказала «лушпайки».

А я сначала не хотел есть семечек, потому что я хотел знать, как будет с матросом и как они нападут на солдат, потому что вдруг их всех солдаты застрелят? Проснутся, возьмут ружья и застрелят.

Я не стал семечек есть, я их держал в кулаке. И смотрел на занавеску.

КАК ПАРТИЗАНЫ НАПАЛИ

Вдруг занавеска опять открылась. И там была комната. А в комнате были диваны. И на диванах спали генералы. И главный генерал тоже.

Потом стоял стол. А на столе бутылки. И по комнате ходил солдат с ружьём.

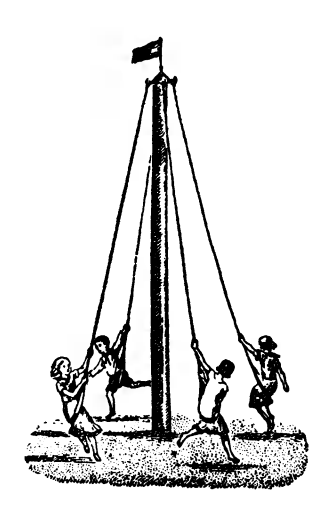
Он всё подходил к окну и глядел в окно. Я всё боялся, что он увидит матроса и партизан. Потом он открыл окно и посмотрел. И спросил тихонько:

— Что, тихо кругом?

А к окну подошёл другой солдат, который на улице, и сказал:

— Никого не видно. Никого не слышно.

А этот солдат сказал ему:

— Смотри хорошенько.

И стал опять ходить по комнате.

А бабушка тихонечко заиграла. Потом стала немножко скорей играть. И немножко громче. И мне стало страшно. И вдруг — как бухнет!

И солдат за окном закричал:

— Тревога!

А этот солдат стал будить генералов. Генералы вскочили и стали кричать, чтоб скорей солдаты вставали. Солдаты начали прибегать и стрелять из окна. Страшно громко. Генералы тоже стреляли из пистолетов. И я боялся, что застрелят матроса.

А застрелили вовсе не матроса, а одного генерала.

Он упал. И ещё один солдат упал. И вдруг вбежал матрос. А у него в руке бомба.

И матрос закричал, чтоб поднимали руки вверх. И они все подняли руки вверх, потому что матрос победил. И партизаны победили.

И потом прибежали те партизаны. И схватили генералов, чтоб их потом выгонять.

Бабушка стала играть музыку. И все запели. И встали. Я тоже встал. И стал кричать:

— Ура!

Потом все тоже кричали: «Ура!» А бабушка вышла и замахала рукой, чтоб не кричали. И все замолчали. И стало совсем тихо. Бабушка сказала, что кричать будут, сколько хотят, когда будет настоящее представление, а сейчас мы пробуем, хорошо ли выходит.

КАК МАРУСЯ ГОВОРИЛА

Бабушка сказала, что всё хорошо. Только пели нехорошо. И велела, чтоб опять пели. И чтоб слушали, как она играет. А когда спели, бабушка сказала:

— Ну, Маруся, теперь тебе.

А Маруся сказала, что не будет.

Все стали кричать ей:

— Иди! Иди!

Она пошла туда, где все стояли. И стала говорить. А я ничего не понял, потому что по-украински.

И стал семечки есть, потому что они у меня в кулаке были. А бабушка мне потом сказала, что Маруся говорила, какой праздник будет. А этот праздник такой, что на весь свет. Потому что все, кто молодой и кто хочет генералов выгонять, так они все устраивают праздник. Бабушка сказала, что это пионеры делают представление, чтоб смотрели старшие, а старшие, так они детям качели устраивают, очень большие. И ещё гигантские шаги.

А потом бабушка заиграла, и все партизаны, все солдаты, и генералы, и тётеньки, и старичок — все стали ходить по едальне, а бабушка играла на пианино. Они ходили, как красноармейцы. И очень топали.

Мы с Марусей тоже с ними ходили, только держались за руку. Они все пели песню. И я тоже пел. Только не говорил, а просто голосом. Потому что я не знал, какая это песня. Она по-украински.

Я теперь знаю, какое это представление. И как представляют.

Я ЗАБОЛЕЛ ОТ СЛИВ

Утром вышло очень плохо, потому что вечером у меня очень заболел живот. Бабушка меня спрашивала, ел ли я сливы. Она всё про сливы спрашивала, а я сказал, что и маленькие яблочки ел тоже. Бабушка очень сердилась, что я так много в саду ел. И говорила: зачем Маруся позволяла!

А Маруся сама тоже ела. Ещё больше, чем я. Бабушка сказала, что она уже большая. И ещё — она привыкла, поэтому ей ничего. Бабушка сказала, что я теперь целый день

никуда не буду выходить. А то опять что-нибудь схвачу и съем. А я сказал, что мне скучно будет. И я буду плакать. Бабушка сказала, что ей некогда смотреть, как я буду плакать. А что она пойдёт устраивать представление, чтобы ещё красивее было. Потому что сегодня настоящий спектакль будет. Я спросил, про кого. Бабушка сказала: про партизан. Я сказал, что я знаю, как про партизан.

Бабушка спросила:

— Так чего же тебе плакать?

И сказала, что потом придёт. И ушла. Потом опять пришла. И велела, чтоб я никуда не смел уходить. И чтоб совсем из комнаты не смел никуда выходить.

И я один остался в комнате. Я стал смотреть в окно. А там внизу стояли девочки и мальчики. Они кричали, чтоб бабушка скорей шла. И Маруся тоже там была. И тоже кричала. А я начал в окно кулаком бить. И все стали смотреть вверх, на меня. И ничего не кричали. А я закричал. Я со всей силы закричал:

— Маруська!

А Маруся засмеялась и побежала. И пришла ко мне. Я ей сказал, что вот теперь мне надо сидеть. Это потому, что мы много слив съели. А она тоже их ела, и ей ничего, а мне чего. И я буду плакать.

Маруся сказала, чтоб я не плакал. Потому что она мне сейчас что-то принесёт. И мы будем играть.

А чтоб я сидел. И чтоб молчал.

ЧТО МАРУСЯ ПРИНЕСЛА

Я сказал, что буду молчать, только чтоб скорей. А то не буду молчать и буду плакать.

А она сказала:

— Чекай.

Это значит, чтоб я ждал. И убежала. Я стал в окно глядеть. А там даже никого видно не было. Только одна собака ходила и всё землю нюхала.

Я лёг на кровать и стал петь. А потом кричать.

Я кричал:

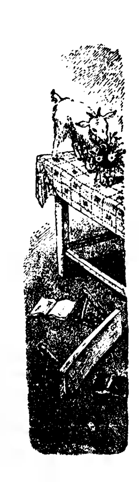
— Че-кай! Че-кай!

А потом кричал:

— Не че-кай! Не че-кай!

А потом стал кричать:

— Не хочу!

А потом закричал:

— Бабушка!

И заплакал.

А потом дверь вдруг отворилась. Я думал, что это Маруся, и испугался, потому что это не Маруся. И думал сначала, что это собачка.

А это вовсе не собачка. Потому что у неё на ножках копыта, а на голове маленькие рожки.

А она закричала: «Э-э-э!»

КАК Я ИСПУГАЛСЯ

Я очень её испугался. Потому что я не знал, что она будет делать. А она побежала. И ножками стукала, как деревянными. Это копыта такие крепкие. Они ещё крепче, чем деревянные. И она прыгнула на скамейку, а потом прыгнула на стол. И стала есть цветы, которые у бабушки были в стакане.

Я закричал:

— Ой!

И залез за подушку. Я очень боялся, что она прыгнет на кровать. А дверь открылась. И в дверь вскочила Маруся. И сказала, что я глупый, потому что это козочка и не надо её бояться. И это она козочку принесла, чтоб играть.

Маруся её прямо со стола схватила, а козочка цветы ещё не доела, и они у неё на мордочке висели. И она мотала головой и ножками дёргала.

Маруська взяла и её мне прямо на кровать кинула. А козочка — прыг! — и прямо через всю комнату. И ножками застукала. Я сначала испугался, а потом засмеялся. Маруся сказала, что цветы — это ничего. Она ещё таких нарвёт, ещё даже лучше. А сама вынула из-под фартука траву и показала козочке. А потом стала от неё убегать.

А козочка закричала: «Э-э-э!»

КАК Я НАБЕЖАЛ НА КОЗОЧКУ

Козочка стала за Марусей бегать. Маруся подняла руку, а козочка встала на задние ножки и стала прыгать, чтоб траву схватить.

Я стал смеяться и хлопать в ладоши. А с кровати я слезть боялся. А потом слез. Потому что она всё равно тоже на кровать прыгнуть может, если захочет. Она даже на стол прыгнула. Прямо с полу.

Маруся ни за что так не прыгнет. Она мне потом сказала, что с полу прямо на стол ни за что не прыгнет. А козочка прямо — скок! — и прыгнула на стол. Мы её на столе ловить боялись, потому что она чернила может перевернуть и книжки затоптать. Мы с Марусей к окну отбежали и стали её звать. Козочка прыгнула и прямо на Марусю побежала. Я тогда немножко вбок убежал. А Маруся козочку стала в лоб пихать и стала на неё кричать: «Геть, геть!» А козочка голову нагнула и рожками прямо на Марусю. Маруся её опять пихнула в лоб и закричала:

— А ну тебя, уходи!

И Маруся всё смеялась. Я тоже смеялся.

А потом не стал смеяться. Потому что козочка стала на Марусю набегать и всё хотела рожками ударить. И даже на задние ножки вставала и подскакивала, чтоб посильней ударить. А Маруся всё равно смеялась и убегала. И кричала:

— Ой, ратуйте мене!..

А это значит, чтоб её спасать.

Я залез на кровать, потому что испугался. А потом козочка сзади как ударит Марусю!

Маруся закричала: «Ой же»!

И я подумал, что теперь козочка Марусю убивает. Я схватил подушку и со всей силы закричал:

— А-а-а-а!

Я побежал прямо на козочку и ногами топал со всей силы. И всё кричал: «А-а-а!» Козочка так испугалась, что стала по всей комнате прыгать.

Я думал, она в окно будет прыгать. А я всё на неё подушкой. Маруся на меня кричала, а я не знал, что делать, и бегал за козочкой. И все стулья упали, и книги со стола упали, а Маруся открыла дверь, и козочка прямо в дверь выскочила. И Маруся побежала за козочкой. А потом я услышал, что на дворе собака очень залаяла. Я в окно увидал, что собака побежала за козочкой. А Маруся побежала за собакой. Козочка прыгнула через заборчик. Собака хотела перелезть, чтобы догнать козочку. А Маруся собаку схватила и не пустила.

МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ ПРИШЁЛ К НАМ

Вдруг приходит Матвей Иванович и говорит:

— Что за тарарам?

Я сказал:

— Какой это тарарам?

А он говорит:

— Почему кричали? Почему топали? Почему стулья повалены?

И я боялся говорить. А всё-таки сказал, что это не я, а это козочка. Матвей Иванович сказал:

— Какая козочка? Где же эта козочка?

А тут пришла Маруся. А Матвей Иванович говорит:

— Это ты такая коза, что все стулья поваляла?

А потом посмотрел на пол. И пальцем стал в пол показывать. И стал говорить:

— Ось, ось!

И мы тоже с Марусей посмотрели. А это на полу видно было, там козочка ножками настукала, когда прыгала. Прямо маленькие дырочки остались.

Матвей Иванович сказал:

— Тут козлёнок был. Это ты, Маруська, привела?

И стал на Марусю пальцем грозить.

Я сказал, что я очень плакал и очень просил, чтоб козочку.

Матвей Иванович сказал, что не нужно козочек сюда носить. А завтра я пойду и увижу всяких. И барашков маленьких, и козочек, и самого большого козла, и ещё всяких птиц: индюков и гусей. И потом есть чёрный петух, так он прямо с меня ростом.

И ещё есть курочки, очень маленькие. Они такие маленькие, как ворона. Как будто игрушечные. А они настоящие и яички несут настоящие, и что он подарит мне одну такую курочку и одного такого петушка. И я их с собой в Киев возьму.

А что сейчас пусть лучше Маруся принесёт мне кошку, чтоб я с кошкой играл. Маруся сейчас уйдёт. Её бабушка зовёт, потому что спектакль начинается.

КАК Я УБЕЖАЛ

На дворе вдруг запели. И музыка заиграла.

А Матвей Иванович закричал:

— Пришли! Пришли!

И побежал из комнаты и Марусю толкнул, чтобы тоже бежала. А я стал в окно смотреть и там увидал, что пришли с флагами. С красными. Очень много людей.

Они пришли, как красноармейцы: все рядами, рядами. Они стояли на дворе и топали ногами на месте. Они, наверное, хотели идти, а уже никуда нельзя было идти.

Потом они кончили петь и вдруг все перестали топать. А стали говорить и смеяться. Там были девочки побольше

Маруси. И у них были на голове венки и ещё ленты всякие: и красные, и зелёные, и синие. А потом на шее были бусы. И бусы очень блестели, потому что очень солнце светило.

А самое красивое не бусы, а флаг. Там был очень большой флаг, и на нём было золото нашито. И всякие буквы и ещё картинки вышиты.

Мне бабушка потом говорила, что это она научила так вышивать и что это знамя. А потом открыли дверь в едальню и понесли туда это знамя. И стали входить, у которых трубы. Это они играли. Это — музыканты. А потом стали входить все. И на дворе никого не стало. И мне нечего стало смотреть. А Маруся мне кошку не принесла, потому что Матвей Иванович сразу увёл Марусю на спектакль.

Я захотел немножко попрыгать, как козочка. Сначала немножко выходило, а потом я устал.

Потом я стал топать и петь и гудеть музыкой, как те, которые пришли спектакль смотреть. Я немножко погудел. А потом лёг на кровать, и мне стало скучно, — зачем я один. И зачем Маруська кошку не принесла.

Я пошёл потихоньку вниз, по лестнице. А потом на двор. На дворе была только собака, она лежала и язык высунула, потому что ей жарко. Она на меня посмотрела. И не стала кусать. А опять стала лежать.

Я взял и пошёл прямо к едальне. Я хотел через окно увидеть спектакль. Я полез к окну, а там всё равно ничего не видно. Потому что на окне сидели дяди. И они не видали, что я хочу посмотреть. Я не хотел ничего говорить, потому что боялся, что бабушка узнает. Она мне сказала, чтоб я никуда не выходил. Я сел под окном прямо на землю. Окно было открыто. И мне всё было слышно, как кричат генералы.

БАБУШКА УЗНАЛА, ЧТО Я УБЕЖАЛ

Потом пришли к окну ещё мальчики и девочки. Немножко побольше меня, очень много. Они тоже слушали, а я им рассказывал всё про спектакль. И они тоже боялись, что старичка убьют. Потому что генералы очень на него кричали.

А я им говорил, что не надо бояться, потому что придут партизаны и матрос победит.

Вдруг из дверей вышла бабушка и сказала:

— Фу, как жарко! Надо свежим воздухом подышать.

Я испугался и запрятался за мальчика.

Вдруг бабушка говорит:

— Ой, надо посмотреть, что там Алёшка делает! Он, бедный, там один сидит.

И очень быстро пошла. А меня там нет, а я здесь. Я не знал, что делать. Я совсем присел за мальчика. А потом вдруг вскочил и побежал что есть силы. И закричал:

— Бабушка!

И вышло очень громко. И я ещё закричал:

— Не надо! Я не буду! Не буду!

А бабушка испугалась и сказала:

— Фу ты, какой сумасшедший! Я думала, ты из окна вылетел.

А потом сказала:

— Что ж, тебя на ключ запирать, что ли?

И спросила:

— Ты ничего не ел?

Я сказал, что «честное слово — ничего».

Бабушка сказала:

— Ну и хорошо.

Бабушка взяла меня за руку и повела, где спектакль. А там у ней в уголку стояло пианино. И она сказала, чтоб я сидел около пианино и никуда не уходил.

КАК ВСЕ УЗНАЛИ, ЧТО Я УБЕГАЛ

Я видел, сколько людей сидело, чтоб смотреть спектакль. И в бусах. А потом в рубашках, очень вышитых.

Им всем было очень жарко. А они всё равно на спектакль смотрели и хлопали. Когда они все захлопали и закричали, мне стало очень страшно. А потом я тоже хлопал и тоже кричал.

Потом Маруся говорила, какой сегодня праздник, и тоже все хлопали и кричали «ура».

Потом все встали и запели, и музыканты заиграли на трубах.

А когда кончили петь, все стали кричать:

— Марья Васильевна! Марья Васильевна!

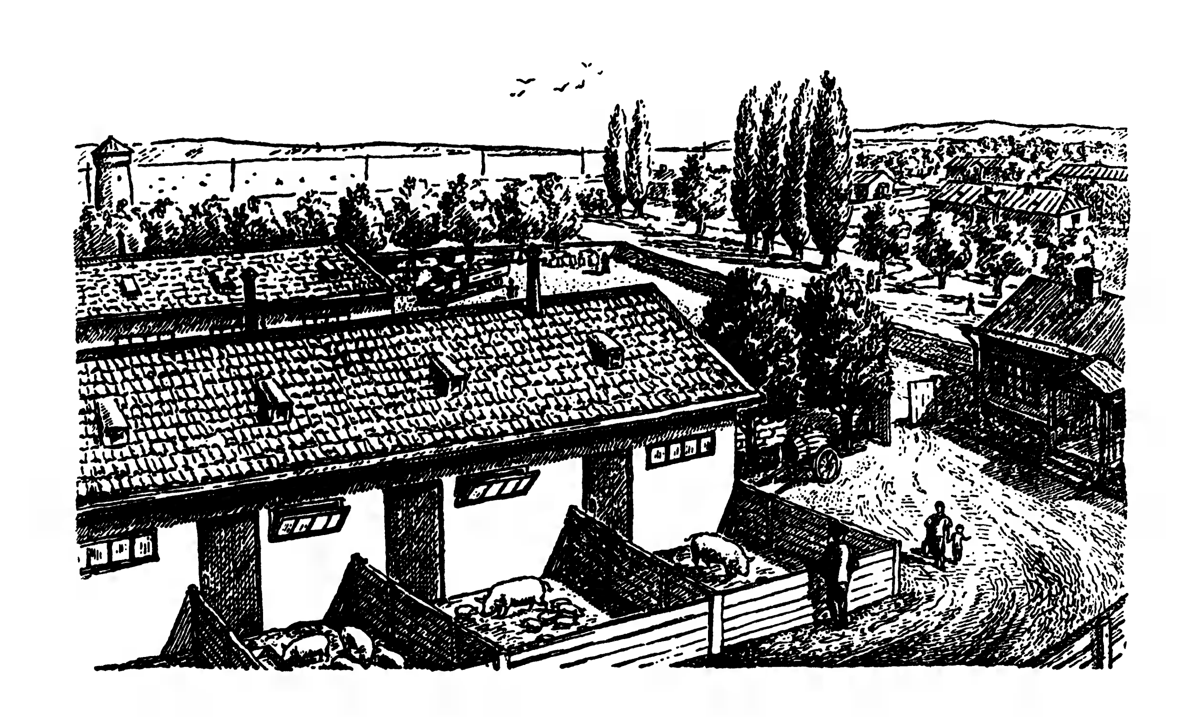
Матвей Иванович пришёл и взял бабушку за руку. И заведующий пришёл и взял бабушку за другую руку. Все очень шумели. А бабушка сказала:

— Алёшка-то, Алёшка где? Алёшку не задавите.

Матвей Иванович взял меня под мышки и понёс. И мы пришли на сцену. И все стали смеяться. И хлопать. А Маруська прибежала и стала надевать на меня венок. А венок провалился и стал у меня на шее, как бусы. И опять все смеялись и хлопали.

А потом Матвей Иванович говорил, что бабушка очень хорошая и очень хороший спектакль выдумала. И все очень хлопали. А потом он сказал, что я очень плохой, потому что из комнаты убежал.

И опять все хлопали и очень смеялись.

СКОТНЫЙ ДВОР

СВИНЬИ

На другой день мне бабушка давала варёную курицу, и я пил бульон из курицы. И ел сухари. Это в нашей комнате мы ели. Бабушка ела помидоры и ела хлеб с маслом и пила чай с вареньем.

К нам пришёл Матвей Иванович и сказал:

— Идёмте смотреть поросят.

А бабушка сказала, что она никуда не пойдёт, потому что вчера очень устала. И будет теперь отдыхать. А завтра мы поедем.

Матвей Иванович сказал:

— А я Алёшку обещался сводить.

Бабушка сказала:

— Пускай идёт. Только ничего ему не давайте есть. Я сама ему дам.

Матвей Иванович взял меня за руку и сказал:

— Ну, хоть просить будешь, всё равно не дам.

И мы с ним пошли. Мы не очень далеко пошли. И пришли на другой двор.

Я сразу услышал, как свиньи храпят. Это они хрюкают. А выходит, будто они носом дёргают и у них насморк. А поросята визжат. Очень тоненьким голосом: «Виу, виу, виу». А свиньи хрюкают: «Хры, хры, хры». Они хрюкали, а я ни одной не видел. Я потому не видел, что они за заборчиком. У каждой свиньи есть маленький дворик и дверь. А дверь идёт прямо в сарай.

Свинья там живёт, в сарае. А гулять выходит во дворик. Только она из дворика никуда уйти не может, потому что кругом заборчик. А рядом опять дворик. И тоже дверь в сарай. Там другая свинья живёт. И таких двориков очень много. Потому что много свиней.

Матвей Иванович поднял меня, поставил на заборчик и держал, чтобы я стоял.

А там была свинья. Очень большая. И у ней были маленькие поросятки. Свинья лежала, а поросятки ей сосали живот. Они оттуда молоко высасывали. Поросятки очень чавкали. И мордочками не давали, дрались, кому сосать. Они очень были розовые. И совсем маленькие, как игрушечные.

Матвей Иванович сказал, что они как вырастут, так такие будут, как эта свинья. Только он сказал не свинья, а сказал «лёха». Я хотел, чтоб туда пойти и погладить поросяток, а Матвей Иванович сказал, что если я туда пойду, так меня эта свинья укусит. И даже может совсем заесть. Потому что она может кусаться, совсем как собака. И од-

ного мальчика, уже большого, свиньи так покусали, что его потом доктор лечил.

Я сказал Матвею Ивановичу, чтоб он меня снял с заборчика. А он сказал, что мы сейчас другую пойдём смотреть. И мы пошли к другому заборчику.

Там лежала очень розовая свинья. И очень длинная. Она совсем круглая, как колбаса. И у ней очень маленькие ножки.

Матвей Иванович как крикнет:

— Ге, лёха, лёха!

Она хотела встать, а не могла. Потому что она очень толстая. Она только на передние ножки встала. А потом опять упала.

Матвей Иванович сказал, что этой свинье еду приносят и ставят под самый рот.

ПОРОСЯТА

Потом я увидал: за одним заборчиком были поросятки.

Их там очень много было. Они были с маленькую собачку ростом. И они все побежали к нам. Они думали, что мы им будем есть давать. Они друг на друга вскакивали, чтоб скорей к нам прибежать. И очень визжали. Так громко визжали, что я не слыхал, что мне Матвей Иванович говорил.

А Матвей Иванович говорил, что мы им сейчас арбузных корок дадим. И мы пошли за арбузными корками. И Матвей Иванович кричал:

— Одарко!

А это тётя такая. Её зовут Одарка. Она сказала, что поросятам сейчас есть не надо давать. А что немножко — ничего. И дала нам корок. И тоже с нами пошла.

Мне дали, чтоб я бросал. Я стал бросать корки, а поросята начали хватать и стали драться. И стали убегать с коркой, чтоб другие не отняли. А другие всё равно отнимали.

Я потом стал очень скоро кидать. Они так забегали, что всё перепуталось. И мы все смеялись. А потом поросята прибежали опять к нам, хотели ко мне на заборчик лезть.

Только не могли. И я их не боялся, потому что они маленькие. И очень весёлые.

Одарка сказала, что она их моет и водой поливает, и тогда ещё смешнее.

КАК Я НА КОЗЛЕ КАТАЛСЯ

Я сказал, что хочу скорей большого козла посмотреть. Одарка сказала:

— Ось вин.

Это значит: «Вот он». И рукой назад показала. Я оглянулся и испугался, потому что этот козёл очень большой и очень лохматый. И у него большущие рога. И он прямо здесь стоял, около нас. Он был выше меня. А если голову поднимет, так он рогами может Матвею Ивановичу прямо до лица достать.

Я ухватился за Матвея Ивановича, потому что не знал, чего этот козёл хочет. А вдруг он меня забодать хочет! Потому что я пришёл, а он меня не знает. А у тёти Одарки осталась ещё одна корочка арбузная. Она ему протянула, и он стал есть. У него зубы очень острые. И он как будто стрижет. Потому что ровненько обкусывает. Я от этого ещё больше бояться стал. Что у него такие зубы острые.

А Матвей Иванович увидал, что я боюсь, и сказал:

— Ты что боишься? А давай я тебя на него посажу.

Я хотел сказать, что не надо.

А он уже взял меня под мышки и посадил меня на козла, прямо на спину.

Козёл сразу пошёл и даже немножко побежал. А Мат-

вей Иванович рядом тоже бежал. И меня держал. Мне очень страшно было ехать на козле, а всё-таки я ездил. А потом козёл ещё скорей побежал, и Матвей Иванович меня поднял и снял.

И сказал:

— Что, хорошо?

Я немножко засмеялся и сказал, что хорошо.

КАК СЕРЫЙ КОЗЛА ПРОГНАЛ

Козёл, если б захотел, так мог бы рогами назад боднуть и попасть в меня.

Матвей Иванович сказал, что этот козёл такой сильный, что он даже большого человека может возить.

А потом Матвей Иванович позвал собаку, и прибежала очень большая собака. Я даже думал, что это волк. Только она очень весёлая и стала на Матвея Ивановича скакать, чтоб его в лицо лизнуть.

И она очень хвостом виляла. И попадала по мне — очень больно. Это она не нарочно. Она от радости хвостом махала.

Матвей Иванович показал ей на козла и сказал:

— Серый, Серый, гони его!

Серый побежал к козлу, чтобы его гнать к нам. А козёл не захотел и пошёл на Серого, рогами вперёд, чтобы Серого боднуть. А Серый отскочил вбок. Козёл тоже прыгнул вбок. И потом встал на задние ноги и хотел Серого сверху ударить. И не попал. И очень рассердился. А Серый всё бегал и лаял на козла. И так сделал, что козёл к нам прискакал.

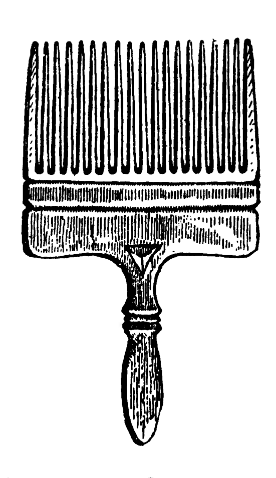
Козёл очень смешно прыгал. А чтоб я не боялся, Матвей Иванович взял меня на руки. А потом сказал Серому, что больше не надо. И погладил Серого. А Серый его в руку лизнул.

ПРО КОЗОЧЕК

Мы пошли смотреть козочек. Там, за заборчиком, было много козочек. Таких, как мне одну приносила Маруся. И мы с Матвеем Ивановичем прямо к ним вошли.

Они все закричали: «Э-э-э!» и побежали к нам.

Они все Матвея Ивановича знали и не боялись. Они думали, что мы им чего-нибудь есть принесли. А мы не принесли. Они на нас глядели и кричали: «Э-э-э!», а я им показывал руки, что у меня ничего нет. Я хотел одну погладить, а она убежала. И толкнула одного маленького козлика.

Маленький козлик крикнул, а другой козлик его боднул головкой. И они стали вскакивать на ножки и бодаться. Только у них рожки очень маленькие. И это они так играют.

Матвей Иванович нагнулся и одного козлика в лоб толкнул. Козлик отскочил и прыгнул на Матвея Ивановича, чтоб боднуть. А Матвей Иванович нагнулся и опять его рукой в лоб. А козлик стал разбегаться и бодать. А Матвей Иванович всё руку подставлял. А я смеялся. А потом козлик разбежался и хотел со всей силы боднуть Матвея Ивановича. А Матвей Иванович как шагнул вбок! Козлик с разбегу прямо рожками в забор. Только он не очень ударился, потому что забор плетёный. И он очень белый, этот забор. Потому что его козочки обгрызли.

Матвей Иванович сказал, что большие козы сейчас в поле. Они там едят траву. А вечером они придут сюда, и их будут доить. Потому что у них много молока. У них молоко очень вкусное и густое-густое. Прямо как сливки.

Я просил, чтоб попробовать. А Матвей Иванович сказал:

— А что бабушка говорила? Я бабушке сказал, что хоть просить будешь, всё равно ничего не дам.

ГРЕБЁНКИ

Потом к нам пришла тётя Одарка. Она стала Матвею Ивановичу говорить, что надо новые гребёнки покупать. И показывала две гребёнки, очень большие, и там много зубов поломано.

Я не знал, зачем такие большие гребёнки, и сказал:

— Почему гребёнки?

А Матвей Иванович сказал:

— Как это «почему»? Гребни, вот и всё.

А тётя Одарка взяла этот гребень и говорит:

— Давай я тебя причешу.

И прямо на меня гребнем.

Я засмеялся, а всё-таки шапку покрепче натянул двумя руками.

Тётя Одарка тоже засмеялась и сказала:

— Что, злякáлся?

А я сказал, что нет, не боюсь, только не надо.

Тётя Одарка мне показала, что там, на гребне, немножко волосиков есть. Они белые. И сказала, что это, значит, седого старичка чесали. А потом сказала, что вовсе не старичка, а это они коз чешут. Чтоб из них мягкую шерсть вычёсывать.

А потом из этой шерсти что угодно делают: шляпы делают, и нитки делают, и платки делают из этих ниток — крючком вяжут. Самые тёплые платки, какие есть на свете.

А козы любят, когда их чешут, не убегают. Только надо, чтоб гребёнки были.

Матвей Иванович сказал, что он гребёнки купит, и даже не он купит, а бабушка купит. А он потом поедет и привезёт.

А потом тётя Одарка стала говорить, какой вчера спектакль был и что она боялась, чтоб ребята друг друга не перестреляли. Потому что они были с ружьями и очень воевали. И потом сказала, что старичка ей тоже очень было жалко.

Матвей Иванович сказал, что старичком был его сын и что сначала Матвею Ивановичу было смешно, потому что это его мальчик и вдруг с такой бородой.

А потом он забыл, что это его мальчик, и тоже думал, что это старичок, и ему тоже жалко было.

Они говорили, а я смотрел, что козочки делают.

А козочки встали на задние ноги, а передними лезли на забор, и там они маленькие прутики грызли. И всякие маленькие листики объедали.

Одарка сказала, что они любят прутики грызть. И что им даже нарочно дают прутики. Нарежут, нарежут и дают.

МАРУСЯ МЕНЯ УВЕЛА

Мы смотрели на козочек, и вдруг прибежала Маруся. И сказала, что бабушка велела, чтоб я шёл обедать. Потому что она мне обед приготовила.

Я сказал:

— А индюков?

Матвей Иванович сказал:

— Каких тебе индюков? Наверное, рисовый суп будешь есть.

А я сказал, что посмотреть индюков хочу. И курочек маленьких.

А Матвей Иванович сказал:

— Потом придёшь.

Маруська схватила меня за руку и побежала. И говорила:

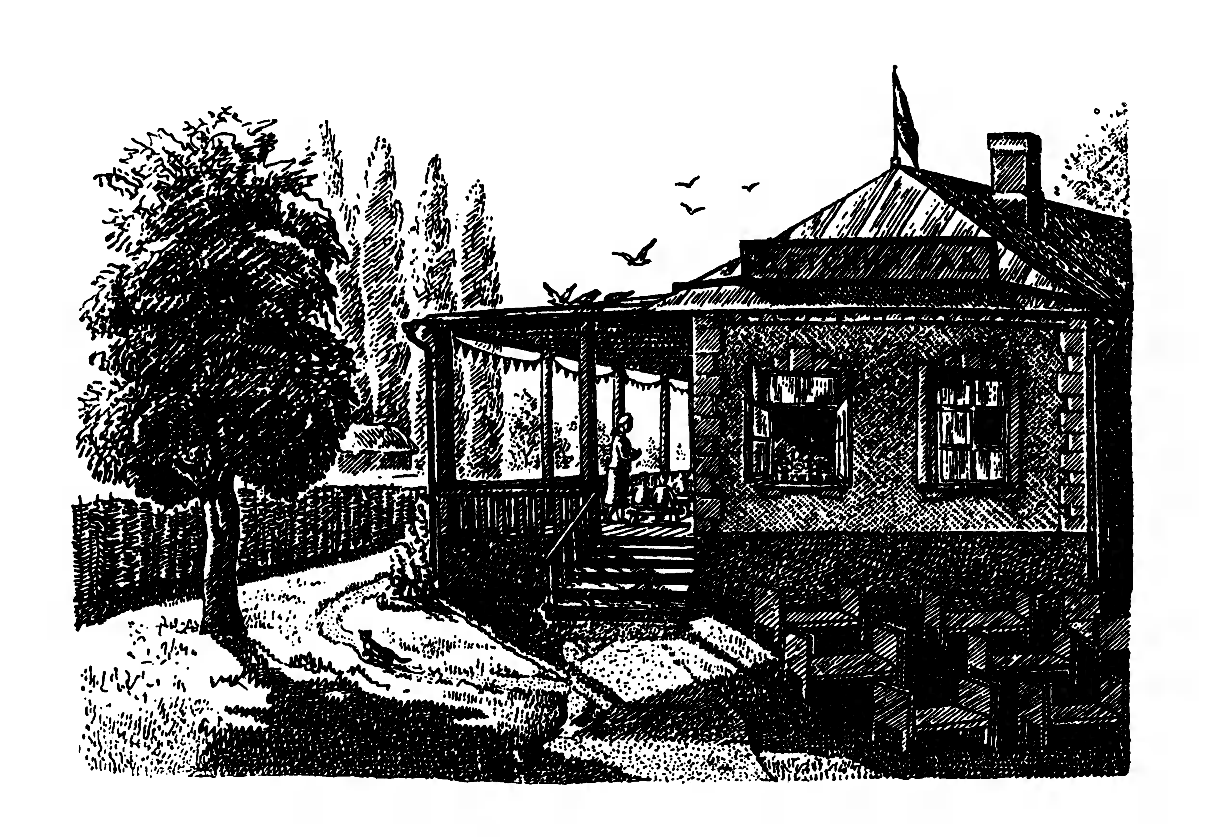
— А ну, швыдче, швыдче!

Это чтоб я скорей бежал.

И мы прибежали к бабушке. А там, правда, рисовый суп. А потом бабушка дала мне кисель. И сказала, чтоб я узнал, из чего кисель. А я не узнал. Он был из черники. Я чернику в лесу ел, а какой кисель, не узнал.

А потом бабушка мне сказала, чтоб я спал. Я залез на кровать, а бабушка сделала из газеты шалаш, так что у меня голова в шалаше была. Это она для того сделала, чтоб мухи на меня не летели. Они очень кусаются. Бабушка сказала, что осенью такие мухи выводятся — кусачие. Летом бывают некусачие, а осенью с жалом, и они хуже чем булавкой колют.

Бабушка тоже спать легла. И я заснул, потому что было очень тихо. И мухи ко мне не залетали.

ДЕТСКИЙ САД

КАК МЕНЯ В ДЕТСКИЙ САД ОТВЕЛИ

Я проснулся, потому что к нам пришёл один человек и он громко говорил с бабушкой по-украински. Бабушка с ним тоже по-украински говорила. И этот человек всё говорил: «Ходимте швыдче!» Это значит, чтоб скорей идти.

Я видел, что бабушка собирается идти.

Бабушка подошла ко мне и сказала:

— Тут надо к больной женщине пойти и ей помочь. А к тебе придёт Маруся и тебя отведёт в детский сад, только ты там не капризничай.

Больше бабушка ничего не сказала и ушла с этим человеком. А я хотел с Марусей идти в сад. Маруся пришла, и мы пошли. А куда мы пришли, так это вовсе не сад, а дом. И около дома веранда.

А на веранде дети. Есть даже больше меня.

Маруся позвала:

— Ненько! Ненько!

Пришла тётя и потом ещё другая — девочка, как Маруся. Только она — Катя. И очень сердитая. Потому что она на всех детей кричит, чтоб не шалили.

Маруся сказала, что бабушка велела — пускай я здесь побуду до вечера. И чтоб мне слив не давали.

Я С ДЕВОЧКОЙ ЧУТЬ НЕ ПОДРАЛСЯ

Маруся меня оставила и ушла.

Нянька мне сказала:

— Гуляйся с хлопчиками.

Это значит, чтоб я с мальчиками играл.

А мне что с ними играть, когда они рисовали?

А ещё мальчик был, он побольше был. Он верёвку делал. Как мне с ним играть?

А потом девочки были. Они делали бусы из каких-то ягодок. Они их иголками насквозь прошивали. И нанизывали на нитку. И потом надевали себе на шею. Только одна девочка, она меньше меня, бегала с прутиком. И хотела осу убить.

Я взял у ней прутик и сказал:

— Дай я! Я попаду!

А девочка стала плакать и кричать, зачем я у ней прутик отнял.

А я скорей побежал от неё. Я сам хотел осу убить.

А Катя поймала меня и стала говорить, зачем я у девочки отнял прутик, и сказала, чтоб я сорвал себе сам в саду. Взяла от меня прутик и отдала назад девочке.

А девочка взяла прут и хотела меня бить за то, что я отнимал.

А там кустики росли, около веранды. И я там хотел себе вырвать прут, больше, чем у той девочки. Чтоб был прямо как сабля.

Я никак не мог отломать.

А тут вдруг эта тётя-нянька сказала:

— Куда тебе такая гиляка? Ты кустов не ломай. Я тебе скажу, где вырвать. А сейчас идём руки мыть.

Потому что все пошли руки мыть.

КАК МЫ ВСЕ ЕЛИ

Потом мы все носили маленькие столики и ставили их в ряд. И я тоже носил с тем мальчиком, который верёвку делал. Потом мы поставили скамеечки, тоже маленькие. Это мы всё на веранде устраивали. И все сели на скамеечки. И мне показали, где сесть. Я тоже там хотел сесть, потому что хотел сидеть с большим мальчиком. Его звали Гриц.

Потом Катя и тётя-нянька принесли хлеб кусочками, потом принесли чашки, очень большие и без ручек. А в чашках была каша. И потом принесли молоко в кружках, тоже в очень больших. И каждому поставили чашку и кружку. И дали ложки. Чтоб каждый ел ложкой кашу, запивал молоком и заедал хлебом. Я стал запивать.

ПРО ДЗЫГУ

Гриц уже съел всё и стал мне показывать из кармана, какую он верёвку сделал.

Он сказал, что он из неё сделает кнут и этим кнутом будет гонять дзыгу.

Я сказал:

— Ну да, бзыгу.

А Гриц говорит:

— Не бзыгу, а дзыгу.

Я сказал:

— Ну да, дзыгу. Она будет бояться и убегать.

Это я так сказал, потому что я не знал, какая эта дзыга.

Гриц стал смеяться и сказал, что я «дурный».

Это значит, что я глупый.

А Гриц стал себя по карману бить и сказал, что дзыга у него здесь, в кармане. И что он потом мне её покажет. Мне очень хотелось увидать, какая эта дзыга. А тётя-нянька сказала, чтоб я скорей доедал. Потому что все уже кончили и убирали чашки. А потом мы все столы унесли в комнату, и тётя-няня сказала, чтоб принесли сенники. А это такие тюфячки. И чтоб мы с ними шли в сад, где «холодок», а «холодок» — это значит, где солнца нет. И Гриц всех повёл.

А там под деревьями стояли скамеечки. Только это не скамеечки, а это кроватки, только низенькие. И Катя тоже с нами пошла.

Мы положили тюфячки на кроватки, и Катя сказала, чтоб мы ложились и не смели говорить. А что оса не укусит, потому что Катя всех их прогонит.

Мы все легли, и я тоже лёг около Грица.

Я стал тихонько говорить Грицу, чтоб он скорей показал дзыгу. Потому что я не знал, она живая или она деревянная.

Катя услыхала, что я говорю, и сказала:

— Лёшка, лежи мовчки.

Я хотел сказать, чтоб она сама «мовчки», только не сказал, потому что Гриц мне пальцем погрозил.

Я нарочно закрыл глаза — пусть Катя думает, что я сплю, а я не сплю. Я всё не спал и слышал, как она веткой махала на осу, а потом вдруг заснул.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА ПРИШЛА

Когда я проснулся, все уже взяли тюфячки на плечи и понесли.

А Гриц сказал про меня:

— Вин ще не прокинувся.

Я думал, что это «опрокинулся», а это он говорит, что я ещё не проснулся. Мы потом тюфячки сложили в комнате, и пришла тётя-учительница, Надежда Ивановна. И сказала, что мы сейчас будем петь. Я сказал, что я не умею петь.

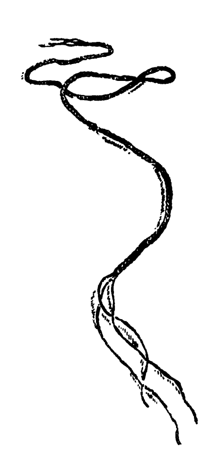
А она сказала:

— Пой, как умеешь.

Я сказал, что никак не умею.

А она сказала:

— Ну, тогда никак не пой.

И не стала больше на меня смотреть.

Она поставила мальчиков и девочек, чтоб около неё стояли, и запела по-украински. И все тоже запели. И Катя тоже запела.

А потом тётя-няня пришла и тоже стала петь. А я хотел уйти в сад.

Тётя-няня сказала, чтоб я не ходил, а сидел тут. И села со мной на скамейку. И стала прямо в меня со всей силы петь. Я сначала головой мотал, а потом тоже начал петь.

Мы пели очень весёлое. И потом стали очень скоро петь. И учительница сказала, чтоб кто-нибудь танцевал. И все стали кричать, чтоб Гриц танцевал.

Все опять запели весёлое, а Гриц начал танцевать. Я потом так хотел тоже, только не мог. Гриц очень прыгал и потом очень быстро ногами делал. И садился совсем на пол, а потом вскакивал.

И одна девочка потом тоже танцевала. Она тоже очень хорошо вертелась. А потом все сели отдыхать.

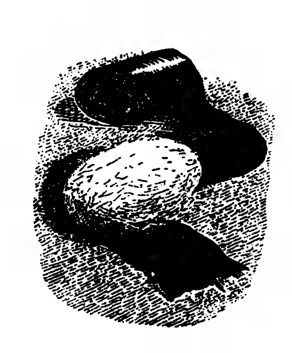
А учительница Надежда Ивановна сказала, что она сейчас будет читать книжку. Она стала читать по-украински книжку. И я немножко понимал.

ПРО КУЗЬКУ

Потом Надежда Ивановна рассказывала про жучка, который хлеб ест. Он хлеб ест, когда хлеб растёт, и его зовут, этого жучка, «кузька». Он очень маленький, а их может так много развестись, что они прямо весь хлеб поедят.

Надежда Ивановна достала коробочку, и все пошли

смотреть, что у неё в коробочке. А Надежда Ивановна сказала, чтоб все на место садились. И достала из коробочки булавочку, тоненькую-тоненькую. А на булавочке был наколот жучок, только неживой. Надежда Ивановна сказала, что это и есть кузька. Что это он хлеб ест. И всем давала смотреть, какой он.

Она сказала, что он яички кладёт маленькие-маленькие, и показала на бумажке эти яички. Они — совсем как песочек. А из яичек выходят червячки. И показала бумажку, где эти червячки приклеены, тоже неживые.

Надежда Ивановна сказала, что потом червячки эти делаются как шарики. И там, в этих шариках, из червячков делаются жучки. И выползают оттуда. И что это самые вредные жуки. Она говорила: «поганые». А я сказал, что никогда не видал, как из червячка делается жук.

А Надежда Ивановна сказала, что есть червячки, из которых бабочки делаются. А есть червячки, из которых большие жуки потом выходят.

КАК ЧЕРВЯЧКИ ШЁЛК ВЫПУСКАЮТ

Надежда Ивановна спросила меня, видал ли я дерево шелковицу. Я сказал, что видел и даже знаю, какие ягоды.

А все дети закричали:

— А ты ел? А ты ел?

А я сказал, что я их не хотел есть. Все стали кричать, что я глупый, потому что ягоды сладкие.

А я кричал, что я малину ел.

Надежда Ивановна сказала, чтоб мы больше не кричали, потому что она про червяка сказать хочет.

Надежда Ивановна сказала, что на шелковице живёт червяк. Он ест листья на шелковице. А потом он выпускает тоненькую паутинку и весь в паутинку заворачивается. И делается клубочек. Поменьше, чем слива. Если этот клубочек не трогать, а дать ему, чтоб он так лежал, так в этом клубочке из червяка сделается бабочка.

Эта бабочка полетает, полетает, а потом снесёт яички, маленькие-премаленькие и очень много. Из этих яичек выйдут опять червячки. А если не ждать, чтоб из этого клубочка бабочка вышла, а прямо взять и размотать, так выйдет тоненькая нитка. А это шёлковая нитка.

Надежда Ивановна сказала, что вон у Кати в косе лента. Она из этих ниточек и сделана. Надежда Ивановна сказала, чтоб Катя показала, и Катя достала из ленты ниточки тоненькие-тоненькие. И мы все смотрели. И Надежда Ивановна говорила, что это черви ниточки выпускают. И что этого червяка называют шелковичным червяком, и потому это дерево шелковица, что на нём шелковичный червяк живёт.

Надежда Ивановна сказала, что она завтра покажет такой клубочек, который червяк делает. У ней есть такие клубочки. Их коконами называют. Она принесёт нам коконов.

КАК Я ЛУЧШЕ ВСЕХ СПРЯТАЛСЯ

Потом Надежда Ивановна вдруг стала и говорит:

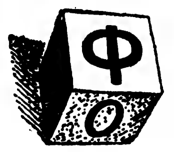
— А теперь давайте в прятки играть.

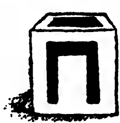
И сказала, что она пойдёт в дом и там будет сидеть, а чтоб мы побежали в сад прятаться. И чтоб закричали, когда «уже». А я побежал вместе с Грицем. А он скорей меня побежал и сразу запрятался.

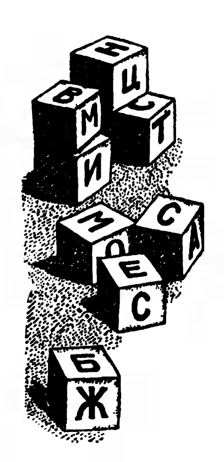
И все дети запрятались. Никого не стало. Я один остался и побежал, где большая трава. Она была высокая. Я хотел в неё залезть и руками стал её отгребать. А она мне страшно больно сделала, потому что она жжётся. А я её ногой. Я немножко даже заплакал. А всё равно полез. Она мне ногу тоже обожгла. А потом я её потоптал.

Я её со всей силы топтал. И совсем затоптал. Так что вышло, где сесть. И я сел. А она всё равно через штанишки

немножко кусала. Зато меня совсем не видно было. Потому что кругом всё эта трава была.

И потом Гриц крикнул:

— Вже уси поховалыся!

Это он кричал, что все попрятались. Чтоб Надежда Ивановна шла искать. А я сидел и не шевелился. Потом я слышал, как девочки кричали. Это они потому кричали, что их Надежда Ивановна находила.

А Грица не могла найти. А потом нашла. И все кричали, что он на дереве сидит. А потом все стали искать меня. И все кричали:

— Лёшки нема! Лёшки нема!

Одна девочка хотела пойти, где я в этой траве сидел, и не пошла и закричала:

— Ой, там крапива!

И убежала. Это, значит, я в крапиве сидел.

А потом Надежда Ивановна закричала громко-громко:

— Лёшка, вылазь!

И закричала, что они не могут меня найти никак. Я скорей из травы выскочил. И побежал на веранду. Меня увидали, и все стали кричать:

— Он в крапиве был! Он в крапиве был!

Это потому, что у меня и руки, и ноги, и щёки тоже, и лоб тоже совсем стали красные. Эта крапива кусает, как комары. Я тоже смеялся.

А Надежда Ивановна сказала:

— Ну, молодец, что терпел. Ничего, это к вечеру пройдёт.

А я сказал:

— А зато не нашли!

КАКАЯ ЭТО ДЗЫГА

Я раньше не знал, какая это крапива. А теперь я её не боюсь. Потому что всё равно Катя мне приносила зеркало и показывала, какой я смешной стал.

А я не смешной, а только очень красный.

Надежда Ивановна всё равно говорила, что я молодец, потому что я крапивы не испугался.

А потом принесли кубики, и мы находили буквы. И я нашёл букву «П», потом букву «О», потому что она просто кружочком. А потом букву «С», она тоже кружочком, только не совсем.

А Гриц все буквы знал. И одна девочка тоже все буквы знала. Её Параской зовут. Я узнал, какая буква «Ф». Она стоит, будто руки в боки держит. И мы все делали руки в боки и показывали «Ф». А потом я стал просить, чтобы Гриц показал дзыгу.

И все стали кричать:

— Дзыгу! Дзыгу!

И Надежда Ивановна сказала, чтоб Гриц показал дзыгу. А Гриц сказал, что он сначала кнут сделает.

Он побежал, принёс палочку. А потом к палочке привязал верёвку, и вышел кнут. А потом полез в карман, и я боялся, что дзыга живая и выскочит.

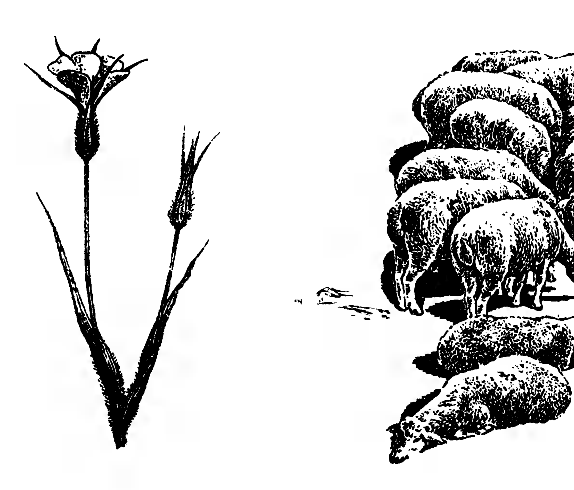
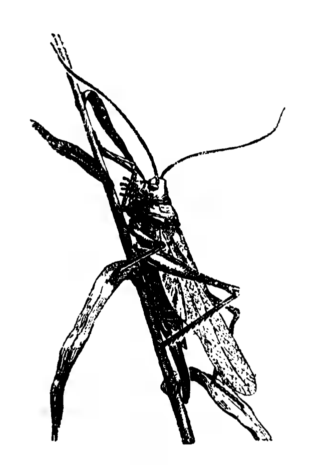
А она не живая, а это из дерева. Это толстенький столбик, а внизу остренький. Гриц на него кнут намотал, потом как дёрнет! — дзыга упала на пол и стала крутиться и стояла, не падала. Гриц стал её кнутом погонять, а она ещё больше крутилась. И стала по полу ходить и жужжать. А он ещё сильней кнутом. Мы все смотрели, как дзыга бегает и крутится. Надежда Ивановна мне сказала, что по-русски это кубарь, а по-украински это дзыга.

А я сказал, что никогда не видел.

А потом Гриц всем давал кнутик, чтоб дзыгу гонять, только никто не умел. Надежда Ивановна тоже не умела. Только Гриц умел дзыгу показывать.

Потом Надежда Ивановна сказала, что довольно дзыгу пускать, а что мы сейчас будем есть и молоко пить. И потом все пойдём смотреть овец.

Я очень хотел посмотреть овец и ещё сказал, что хочу посмотреть индюков и очень маленьких курочек.

Надежда Ивановна спросила:

— Кто хочет курочек смотреть?

И все стали кричать, что хотят, что все хотят.

И мы все очень скоро руки мыли, и очень скоро ели, и скоро молоко пили, потому что все хотели идти.

ПРО КУЗНЕЧИКА

Мы все стали по два, и Надежда Ивановна сказала, чтоб пели песню. И мы все стали петь. И руками махать, как военные. А потом не стали махать, потому что очень жарко. И мы пришли, где одна трава только растёт. И Гриц сказал, что это степь. Там трава сама растёт, её не сажают. А деревьев там никаких нет, и кустов тоже нет. И Надежда Ивановна сказала, что мы можем идти, как хотим. Мы немножко побежали, а потом устали. А я не устал. Потому что я очень хотел поймать тех, которые прыгали из-под ног. Они прыгнут, а потом немного полетят и опять сядут. И у них крылышки голубенькие.

Я стал за ними бегать. А Гриц мне сказал:

— Хочешь коника словить?

Гриц снял шапку и потом тихонько пошёл — и вдруг как упал и шапкой по траве хлопнул! А потом говорит, чтоб я рукой доставал. Что у него там, под шапкой, коник сидит. А я сказал:

— Он не кусает?

Гриц сказал, что не кусает.

Я полез рукой, а там он остренькими лапками ходит. Я руку назад выдернул. А Гриц смеётся:

— Коника злякался!

А я сказал:

— Я вовсе не злякался!

Я полез и ухватил коника. Он ножками шевелил. Я посмотрел, какой он. Он очень красивый. Он зелёный и с пятнышками. Гриц шапку подставил и сказал, чтоб я коника на шапку посадил. Он сказал:

— Нехай стрибне.

Это значит, чтобы пускай он прыгнул.

Я посадил на шапку коника. Коник чуть-чуть посидел и как прыгнет! А потом голубенькие крылышки распустил и пролетел немножко.

А Надежда Ивановна подошла и сказала:

— А это вы кузнечика ловили?

А я сказал:

— Не кузнечика, а коника.

Надежда Ивановна сказала, что, значит, я его раньше не знал, потому что по-русски он кузнечик, а это по-украински он коник.

ОВЦЫ

А потом Надежда Ивановна сказала, чтоб мы дальше не шли, потому что там собаки очень злые, овчарки называются. Они волка заесть могут. Они для того, чтоб волка не пускать, чтоб он овец не утаскивал.

Мы все сели на траву, а Надежда Ивановна пошла одна. И чего-то кричала. И к ней пошёл дяденька. Он около овец стоял. И побежали две собаки.

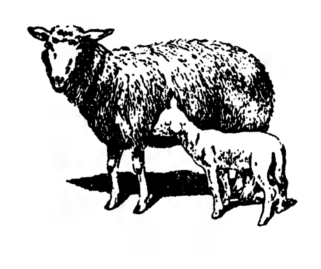
А эти собаки — как Серый, который козла гнал. Потому что Серый тоже овчарка. А этот дяденька стережёт овец, и он называется чабан. Он собакам закричал, чтоб шли на место. И они убежали.

А мы все встали и пошли с дядей-чабаном.

Овцы все стояли кучками, головами вместе. Чабан сказал, что это оттого, что сейчас жарко. Я хотел посмотреть, какие у них мордочки. Я стал ходить кругом, а они все хвостами стояли ко мне. А потом я увидел, что овца одна стоит. Я пошёл к ней. И стал её смотреть. А она с рогами. Только у ней рога не как у козла. Они у неё сбоку завитушкой. И все девочки и мальчики ко мне прибежали и стали говорить:

— О це баран.

Это с рогами не овца, а баран. Он бодается прямо лбом. И рогами тоже задевает. Только он никого не бодал. А мы даже его гладили, и он ничего. У овец очень много шерсти. Мы их все пробовали гладить по спине. И на хвосте у них тоже много шерсти.

КАК Я ПРО МОСКВУ ГОВОРИЛ

Надежда Ивановна сказала, что есть такие ножницы большие и этими ножницами овец стригут. А потом шерсть берут и скручивают из неё нитки. И из этих ниток делают материю. А иногда прямо без всяких ниток из этой шерсти скатывают валенки. Овец для того столько и развели, чтоб с них шерсть состригать и потом делать материю и валенки. А потом у них тоже молоко. Их тоже можно доить. Из овечьего молока очень хороший сыр выходит.

А дядя-чабан сказал, что у него ни одна овца не может убежать. Это потому не может убежать, что у него собаки такие. Они очень умные. Если овца начнёт убегать, собаки её догонят и назад пригонят, где все. Если волк захочет прибежать, так собаки все соберутся и прогонят волка. А то прямо заедят.

А когда овцы домой идут, тогда впереди всех идёт баран, он у них самый главный. А собаки идут с боков и смотрят, чтоб никто не убегал. Это вечером дядя-чабан их домой загоняет. Там они во дворе спят. А собаки стерегут, чтоб волк не пришёл.

Надежда Ивановна сказала дяде-чабану, что есть мальчик, который был в Москве. И что это я.

А дядя-чабан сказал:

— Ну, а что ты в Москве видел?

Я сказал, что Кремль видел и Мавзолей видел, и ещё метро видел.

А метро никто не видел, даже Надежда Ивановна. И все стали просить, чтоб я рассказал, какое метро. Я рассказывал и руками показывал. И как на лестнице ездить, тоже рассказывал. И как двери сами закрываются. Я им всё рассказывал.

А они все говорили:

— О! О! Дывысь!

Это значит: «Смотри!» Это так все удивлялись. А одна девочка большая сказала, что я неправду говорю. Что такое не может быть.

Я хотел в эту девочку землёй кинуть. А Надежда Ивановна сказала, что всё правда, что она книжку читала и что в книжке тоже так написано.

Я этой девочке сказал:

— Ага! Что?!

И нарочно ещё про пожар рассказал. А потом я не стал рассказывать больше, потому что мне стало очень жарко.

КАК ДЯДЯ-ЧАБАН ВОЛКА УБИЛ

Дядя-чабан сказал, что вот в Москве зато таких овец нет, как у него здесь. А я сказал, что в Москве собаки есть. Тоже очень лохматые и чёрные. И они совсем как овца. А дядя-чабан засмеялся и сказал, что, может, это не собака, а просто овца. А я сказал, что это собака пудель.

И Надежда Ивановна сказала, что у пуделя шерсть такая, совсем как у овцы, только это собака.

А потом я сказал, что в Москве даже слон есть. Даже два, только один поменьше, и что всякие звери в клетках. И что это зоосад.

И все закричали, что знают. И видели на картинках. А дядя-чабан сказал, что он не в клетке и не на картинке, а прямо живого волка видал. И сам этого волка убил.

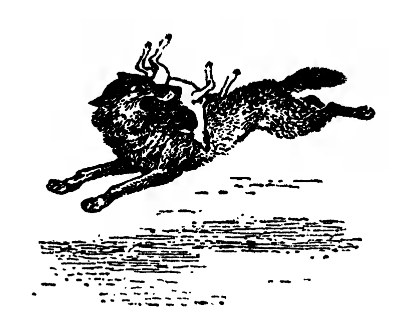
А этот волк овцу хотел унести. Волк схватил овцу за шею и закинул себе на спину. И побежал. А собаки увидали и стали его догонять.

Волк сначала не хотел овцу бросить, он думал, что соба-

Полынь

ки не догонят. А потом он бросил овцу. А собаки были совсем близко и его догнали. И стали кусать. А дядя-чабан бежал к ним с палкой, очень толстой. И стал помогать собакам. И он с собаками победил волка. Дядя-чабан сказал, что он не боялся, потому что было четыре собаки. И ещё потому, что он очень рассердился на волка.

Надежда Ивановна вдруг встала и сказала, что надо сейчас идти домой. А то солнце очень низко, и это, значит, уже вечер. И все говорили дяде-чабану:

— Прощевайте!

А он говорил:

— Ну, бувайте здоровеньки!

И мы пошли домой. В наш детский сад. И самых маленьких девочек Надежда Ивановна за руки вела, потому что они устали. А одного маленького мальчика вёл Гриц.

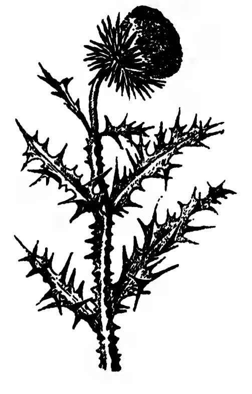
КАКОЙ ГРИЦ ДОБРЫЙ

Я Грица спрашивал, кто ему дзыгу сделал. Он сказал, что сам сделал.

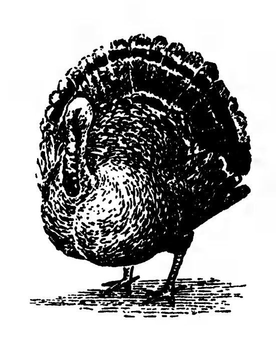
Он взял толстую палку. А потом ножиком застрогал на конце, чтоб было остро. А потом он пилкой отрезал от палки этот кусочек. Вот и дзыга.

Я стал просить Грица, чтоб он мне тоже дзыгу сделал. А Гриц взял полез в карман, достал дзыгу и отдал мне. И сказал, что насовсем отдал. Это моя будет дзыга, а он себе другую сделает. Я ему сказал, что я его очень люблю, что он такой хороший. А он мне сказал, что я буду дзыгу в Киеве показывать.

Чертополох

А когда мы в детский сад вернулись, там уже тарелки стояли. И это был молочный суп. Это потому, что нянька увидела, что мы идём, и всё поставила. Чтоб скорей, потому что поздно. Мы очень скоро руки помыли и стали есть. А комары прилетали и нас кусали.

Я ещё не кончил есть, вдруг пришла Маруся. Она на меня посмотрела и стала смеяться.

Это она думала — меня так комары покусали. А это я от крапивы такой красный. Не сам я, а руки.

Маруся сказала, чтоб я прощался и что надо идти к бабушке. И все дети тоже пойдут домой, потому что сегодня уже детский сад кончился, а завтра утром начнётся. Маруся так скоро меня вела, прямо бежала.

А когда мы пришли в нашу комнату, она сказала, что будет ночевать со мной вместо бабушки. Потому что бабушка не придёт: она всю ночь будет сидеть у этой больной тёти.

ПРО ИНДЮКОВ

Мы ночевали, а утром меня Маруся опять в детский сад увела. И мы ходили смотреть курочек и индюков. Мы с Катей ходили. И тоже песню пели.

Я уже немного пел по-украински.

Индюки очень злые. Они кричат: «Бала-бала-бала!» Они ростом такие, как я. Они чёрные, а под клювом у них висят красные мешочки.

Один индюк стал сердиться. Он хвост растопырил кружком. И все перья растопырил. И стал совсем круглый.

Он весь надулся и со злости фыкал.

Он ходил и делал: «Фы, фы!» А мы его не боялись, потому что нас много. А индюшки очень тоненько кричали: «Плю-плю!» Они совсем не злые.

Катя дала одной индюшке кусочек хлеба.

Индюшка тихонько подошла, голову вперёд очень вытянула, посмотрела, что Катя держит, и клюнула в хлеб. Она в самый хлеб клюнула. А руку нисколько не клюнула.

А мы все кричали:

— Молодцы, индюки!

А индюки все отвечали:

— Бала-бала-бала!

Только тот, который фыкал, не кричал.

Он только напыжившись ходил.

А потом там были индюшата. Они — как маленькие индюшки и совсем тоненько пищат.

Я хотел одного погладить. А они сразу убежали.

Катя сказала:

— Не надо гонять. Зачем гоняешь?

А я не гонял, а только чтоб погладить.

САМЫЕ МАЛЕНЬКИЕ КУРОЧКИ

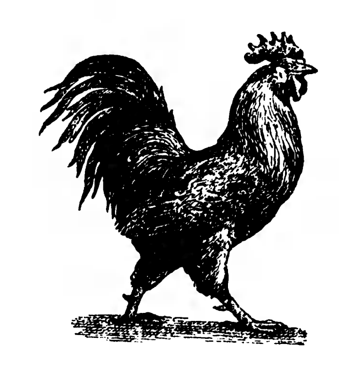
Потом мы пошли к маленьким курочкам и петушкам. Они совсем маленькие.

Я не узнал, что это курочки, и закричал:

— Голуби какие смешные!

И все стали смеяться, что я глупый.

А эти курочки всё равно смешные. У них на ногах перья, как штанишки, и совсем коротенькие ножки. И петушок тоже маленький и тоже со штанишками. Они совсем беленькие. И Катя сказала, что это китайские. А потом другие курицы были. Так они большие, как индюки. Они коричневые. И петухи тоже коричневые. И я видел, как два петуха стали драться. Я сначала засмеялся, а потом испугался. Потому что они так подскакивали, что я боялся: вдруг петух на меня прыгнет. Только петухи на нас не прыгали, а сами дрались. И даже перья вырывали. И потом ногами били. А у них на ногах колючки. Это нарочно, чтобы бить. Эта колючка называется шпора. Это мне потом бабушка сказала. Эти шпоры у

петухов для драки — они если очень рассердятся, так дерутся до смерти.

Только эти до смерти не дрались, потому что один убежал, а другой петух кричал: «Ку-ка-ре-ку!»

Этих больших петухов, Катя сказала, что она сама боится. Потому что они могут налететь на голову. И могут голову в кровь расклевать.

Они очень сильно клюются. Прямо как гвоздём.

Только они сами людей боятся. И это когда их очень рассердят, так они могут на человека налететь.

А Гриц пошёл к одному такому петуху, так он убежал.

КАК ВСЕХ КОРМИЛИ

Потом мы видали, как их всех кормили. И кур и петухов. Тётя принесла клетку. Она из деревянных палочек и как будто крыша от домика. И она очень длинная. И там зерно внизу насыпано.

Курицы, как увидали, что тётя эту клетку несёт, все к ней побежали. Ей прямо идти нельзя было.

А потом тётя поставила эту клетку на землю. И ещё одну такую принесла.

И все курицы и все петухи прибежали к этим клеткам и просовывали головки между палочек и клевали зерно. И мы все смеялись, потому что вышло, что все стоят в ряд. И едят, как будто они за столом. И нам сказали, что это так для того, чтоб никто никого не обижал и мог клевать сколько хочет.

КУКУРУЗА

Когда курицы клевали, я тихонько подошёл и одну курочку погладил. А она всё равно не убежала, потому что очень клевала. А там, в кормушке, я видел, была кукуруза. Я тогда не знал, что это кукуруза. Мне Гриц сказал. Она жёлтая и как горошек. Я попросил, чтоб мне дали кукурузу. Потому что, я сказал, я её никогда не видал. И все стали смеяться, что я кукурузу не видал.

А это тётя, что кормила кур, принесла мне кукурузу. Она мне принесла круглый столбик, он с бутылку ростом, и он весь облеплен жёлтыми зёрнышками, густо-густо — зёрнышко к зёрнышку.

Я сказал:

— Спасибо.

А не знал, что с ним делать.

А Гриц взял у меня и сказал:

— Пойдём.

И мы её об забор били. И отскакивали эти самые зёрнышки. А куры увидали, что падают зёрнышки, и стали их хватать, потому что они в кормушках всё склевали. А мы не стали больше зёрна сбивать. Потому что можно было рукой отламывать.

А в середине там белый столбик. Это на нём растут эти зёрнышки. Я попробовал одно зёрнышко съесть. Оно очень крепкое, а я всё равно разжевал. Мне Гриц сказал, что, когда кукуруза молодая, она не жёлтая, а белая и очень мягкая. Ее варят и прямо зубами эти зёрна сгрызают. И это очень вкусно. Этот столбик с зёрнышками называется початок.

Я держал початок и глядел на него и всё говорил:

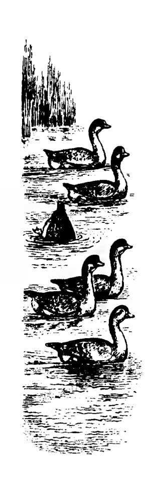
— Початок, початок.

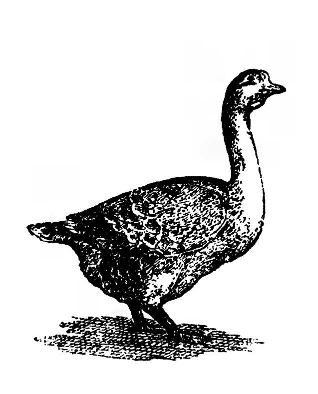
Вдруг подошёл большой петух и клюнул мой початок. Склевал зерно и опять клюнул. И сказал: «Ко-ко-ко!»

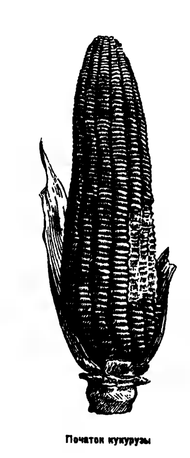
Я не знал, что делать, и держал початок. А когда петух сказал «ко-ко», то прибежали курицы, тоже большие, и тоже стали клевать.

Я поднял початок повыше, а петух подпрыгнул и клюнул зерно. Гриц прибежал и прогнал петуха. Замахал на него руками и закричал:

— Киш!

Початок кукурузы

КАК НА НАС ГУСАК НАПАЛ

Катя сказала, что уже довольно и надо идти. Мы пошли по полю и хотели петь песню.

И вдруг к нам побежала белая птица. Она сбоку на нас бежала. Очень большая, на коротких ножках. У ней очень длинная шея. Она шею вытянула вперёд и на нас шипела. И все закричали:

— Гусак, гусак!

А это гусь. А там, дальше, сидели гусыни. Они были тоже белые и большие. Только они на нас не бежали. А Катя сняла платок и стала на гусака махать и кричать:

— Геть! Геть!

А он всё равно её за ногу ущипнул клювом.

Тогда мы все закричали и побежали на гусака. Он испугался и побежал назад. Бежал и немножко подлетал на крыльях.

А гусыни встали на ноги и закричали: «Го-го-го!» И стали убегать. Они скоро не могут бегать, потому что у них очень короткие лапки. Этих гусей вдруг не стало видно.

Катя нам кричала, чтоб назад, а мы всё равно бежали. И ещё мальчик один кричал, чтоб мы не бежали. Этот мальчик гусей стерёг и кричал, чтоб мы гусей не угоняли.

И вдруг я увидел воду. Потому что тут была речка. И все гуси поплыли по воде. Они очень красиво плыли, как будто они пароходы.

А мальчик, который их стерёг, стал плакать, потому что он не знал, куда они теперь уплывут.

Катя на нас тоже очень сердилась: зачем мы гусей по-

гнали. А Гриц сказал, что он их сейчас назад пригонит. И он с этим мальчиком побежал. И они забежали на ту сторону воды и стали кидать в гусей камни. Гуси испугались и вылезли к нам на берег. А Катя подняла палочку и стала их гнать от воды.

А потом прибежал мальчик, который гусей стерёг, и сказал, что теперь хорошо. И пускай гуси щиплют траву. Они траву едят. А Гриц мне сказал, что он в гусака попал маленьким камешком. И поэтому гусак очень испугался и стал выходить из воды.

КАКИЕ Я ЕЩЁ БУКВЫ УЗНАЛ

Катя нам сказала, чтоб мы становились по два и чтоб мы скоро шли, потому что надо уже обедать. И мы все хотели обедать. И очень скоро пришли, где наш детский сад. А около детского сада стояла бабушка.

Я закричал:

— Бабушка!

И побежал к ней.

А бабушка меня поцеловала и сказала, что она на минутку, потому что ей опять надо идти к той больной тёте. Она меня спросила, шалил я или нет. Я сказал, что не шалил и что мне дали кукурузу. И показал, какую. И сказал, что это мы с Грицем её обколотили. И потом петух тоже объел и курицы: мы ходили их смотреть.

Я хотел рассказать про индюка, а бабушка сказала, что потом, а сейчас ей надо идти. И опять меня поцеловала и ушла. А Кате сказала «спасибо».

И мы с Катей пошли руки мыть. А на обед ели борщ. А потом было мясо варёное и огурцы.

А про огурцы Гриц сказал, что «это наши».

А я сказал:

— Почему?

Гриц сказал, что потому наши, что здесь есть грядки. Эти грядки дети накопали и потом посадили огурцы. И посадили бураки. И ещё помидоры. А потом посадили подсолнух. И что это огород.

И мы сегодня вечером его поливать будем.

Я сказал, что тоже хочу поливать. Гриц сказал, что все будут поливать, и я тоже.

Потом нам дали киселя с молоком. И мы взяли тюфячки и пошли спать под деревом. И чтоб не разговаривать.

И мне было очень жалко, что я бабушке дзыгу не показал. Она у меня в кармане лежала.

Потом пришла Надежда Ивановна. И мы все стали кричать:

— Надежда Ивановна! Надежда Ивановна!

И мы опять находили буквы. И я узнал, какая буква «Х». Она косым крестиком. И еще букву «Н». Она — две палочки с пояском.

Надежда Ивановна сказала, что я молодец. И показала мне букву «Ж». И сказала, что это похоже, как жук ползёт. Я так руками сделал, как «Ж», и зажужжал.

И все стали тоже так руками делать и жужжать.

КАК МЫ ИГРАЛИ В «ЧЕЛЮСКИНА»

Потом Надежда Ивановна полезла в карман и вынула мячик. Маленький и чёрненький. И сказала, что мы сейчас пойдём играть в мячик.

Мы стали в кружок и бросали мячик и ловили.

Только не все ловили, потому что не могли схватить и потому что мячик очень мимо летел.

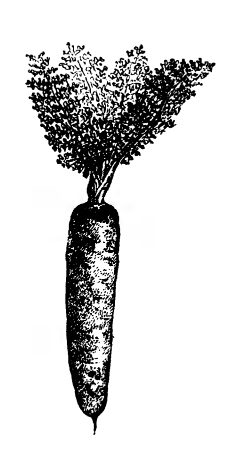
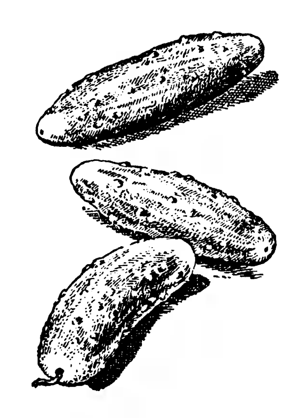
Я никак не мог поймать и хотел плакать. А Надежда Ивановна поймала мячик и крикнула мне:

— Ну, лови!

И кинула мне прямо в руки. Я его не мог схватить, я его руками к себе прижал. А всё-таки не уронил. А потом взял и кинул. А потом мы ходили все вокруг и пели. И так пели, что устали.

Надежда Ивановна сказала, чтоб мы шли на веранду. И что она нам будет рассказывать про пароход. Как он шёл, а кругом лёд. И как потом пароход потонул, а люди стали жить на льду, и никуда нельзя было уйти. Это она нам так рассказывала. И что потом прилетели самолёты и всех людей перевезли на землю. И что пароход этот назывался «Челюскин» и что там была совсем маленькая девочка, и её тоже перевезли на самолёте.

А потом мы в это играли. Гриц из скамеек сделал пароход. И мы там жили, и мы ехали все на этом пароходе. А Гриц был Шмидт, который был самый главный. А я был

Воронин, который был капитан. И у девочек были куклы. Они тоже ехали с нами.

А потом Гриц сказал, что наш пароход сейчас потонет, потому, что его лёд поломает. И чтоб все выходили, а то все утонут. Все вышли и кукол тоже вынесли. Гриц взял и все скамейки повалил и сказал, что это пароход потонул. Пароход «Челюскин» потонул. Гриц сказал, чтоб все говорили, что очень холодно. И потом мы из скамеек делали палатки. Мы их заборчиками ставили, чтоб у всех были домики.

А потом мы были лётчики, и мы руки ставили, как самолёт, и делали: «Р-р-р!..» И мы летали и всех перевозили. Мы сказали Надежде Ивановне, что уже всех перевезли. Мы потом были собаками. И я тоже, потому что я маленький. И мы все лаяли очень громко. А Гриц нас всех перевёз, потому что он потом был лётчиком, а не Шмидтом. Когда он нас вёз, мы бежали и тоже лаяли. А одна девочка визжала.

Это она сказала, что она так боится лететь.

КАК Я ОГОРОД ПОЛИВАЛ

А совсем вечером мы пошли поливать огород. Няня и Катя доставали воду из колодца. Они за ручку крутили большую катушку, и на катушку накручивалась верёвка, и от этого поднималось ведро из колодца. И они наливали нам в наши вёдра маленькие. И мы выливали прямо на грядки. И я увидал, что там есть листья и растут по самой земле.

И я закричал:

— А я знаю! Это дыня растёт!

Подсолнух

Помидоры

И все закричали:

— И не дыня! И не дыня!

И сказали, что это огурцы. И я увидал, что там огурцы. И там были всякие; ещё очень маленькие, с волосиками, и совсем большие, какие мы сегодня ели.

А потом я видал, как растёт морковка. Она вся в земле сидит. А наверху только листики. Они пучком торчат. Катя мне потом одну нарочно вытянула. Она схватила за листики и потянула, и из земли вытянулась красная морковка. Катя её в воде вымыла и подарила мне, чтоб я ел. Она очень вкусная. Я Грицу тоже оставил, чтоб он ел.

А потом мы очень-очень много воды носили, где капуста. Она круглая, как шар. И не очень зелёная. И няня сказала, чтоб на капусту побольше воды лить, потому что она очень воду любит.

И свёклу мы тоже поливали. Только немножко.

КАКОЙ ПОМИДОР

Потом там росла очень высокая трава. И я думал, что кусты. А это не кусты, а помидоры.

На них были очень маленькие жёлтенькие цветочки, а потом ещё зелёные шарики, как яблоки, а потом шары совсем красные. Это и есть помидоры.

Мне тоже один помидор дали, чтоб я съел. Я думал, что помидор крепкий, как яблоко, и куснул со всей силы.

А он так и брызнул, потому что он очень мягкий. Он кисленький немножко и очень вкусный. И в нём очень маленькие зёрнышки. Они жёлтенькие.

Я ещё хотел помидора, только я не попросил. А мне сказали, что завтра все будут есть помидоры.

А потом я видел подсолнух. Он растёт вверх, как палка. А на самом верху — кружок. В этом кружке все семечки. А кругом жёлтенькие листочки, как у цветка. Один подсолнух был совсем готовый, и няня срезала у него этот круг. И мы все смотрели, как там семечки сидят. Они очень крепко сидят. Они так густо сидят, что нельзя выковырять ни одного семечка моим пальцем. А няня выковыряла. И всем дала по семечку, чтобы попробовать. А они очень мягкие. И няня сказала, что их ещё сушить надо.

КАК Я БАБУШКЕ РАССКАЗЫВАЛ ПРО ДЕТСКИЙ САД

Мы пошли «вечерять», а это значит ужин есть. Только я не ел, потому что прибежала Маруся и сказала, чтоб я шёл к бабушке. Я всем сказал «прощевайте» и всем сказал «спасибо». Это мне Маруся сказала, чтоб я благодарил. А Маруся мне сказала потому, что ей бабушка велела сказать.

И мы с Марусей побежали. И прибежали к бабушке в ту комнату, где мы жили. Бабушка очень обрадовалась. Она пила чай и сказала, чтоб я тоже пил чай и Маруся тоже. И потом у бабушки были помидоры. И ещё был сыр, очень белый и мягкий. Бабушка сказала, что это овец доят и из этого молока делают сыр. И что это — брынза.

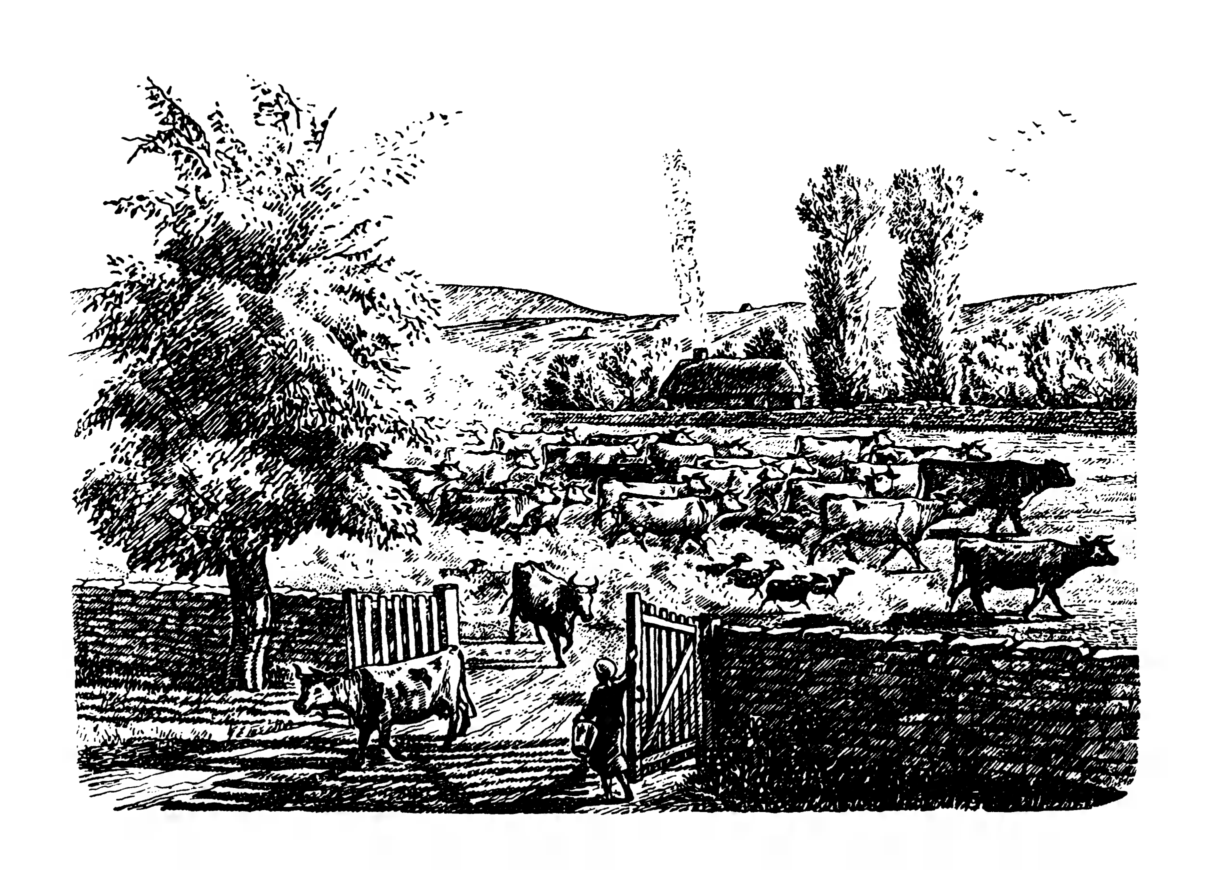
А я полез в карман и сказал бабушке:

— А это — дзыга.

Бабушка засмеялась и спросила, кто мне дал. И я ей рассказал, какой Гриц хороший. А потом стал показывать, как индюк ходит.

Вдруг пришёл Матвей Иванович и сказал, что приехал доктор и сказал про эту больную тётю, что она уже не больная. Бабушка сказала, что тогда мы завтра поедем в Киев.

А когда Матвей Иванович стал уходить, я ему сказал, что я видел маленьких курочек и они очень хорошенькие. Матвей Иванович меня немножко по спине хлопнул и сказал, что не забыл и что курочек мне даст: одну курочку и одного петушка.

СТАДО

КАК Я ИСПУГАЛСЯ СТАДА

Бабушка встала и пошла Матвея Ивановича провожать. И я пошёл тоже. И мы дошли до самых ворот.

Я немножко вышел из ворот на улицу. И вдруг я увидал, что по дороге идут коровы. Очень много, прямо на всю улицу. И очень большая пыль от них.

Я скорей побежал в ворота и схватился за бабушку.

Матвей Иванович сказал:

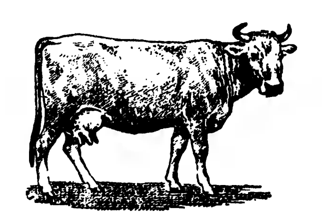
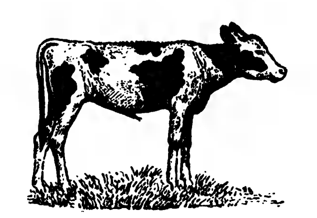
— Что там?

И посмотрел на улицу. И сказал:

— Это наше стадо.

А это стадо всё шло к нам ближе.

И я боялся, чтоб это стадо не пришло к нам в ворота. И стал просить бабушку, чтоб идти.

А Матвей Иванович сказал, что не надо бояться: коровы сюда не придут. А я всё равно боялся, потому что их очень много и они идут прямо сюда.

А когда они пришли, я увидел быка. Он больше всех, и у него рога идут прямо вбок. И он очень страшный. А потом пошли коровы. Они не страшные. И Матвей Иванович хлопал их ладошкой и гладил по шее.

А бабушка мне сказала, чтоб я скорей принёс хлеба из комнаты и насыпал на хлеб соли.

Я скорей побежал и насыпал на хлеб очень много соли. И бегом принёс бабушке. Бабушка взяла хлеб и сунула одной корове. Корова стала и носом потянулась к бабушке. И совсем вошла в ворота. И стала есть у бабушки из рук хлеб.

Я думал, что она не станет есть, потому что много соли. А она всё съела и даже бабушку по ладошке лизнула.

А потом Матвей Иванович её стал по шее хлопать, чтоб она уходила.

Бабушка сказала, что коровы соль очень любят. И что коровы добрые и не надо их бояться. Только они собак не любят.

Потом стадо кончилось, и в конце шёл дядя-пастух. И с ним ещё мальчик шёл.

А у дяди-пастуха очень длинный кнут. Это чтоб коров подгонять.

И ещё шли три собаки.

Мне бабушка сказала, что коровы целый день были в поле. Их с утра туда угоняют, чтобы они траву ели. А дядя-пастух их стережёт, и собаки тоже.

А теперь этих коров будут доить, и из этого молока будут делать масло, и сыр, и творог, и сметану. И прямо так будут пить.

Матвей Иванович сказал:

— И в детский сад принесут.

Я сказал, что я в детском саду много молока пил. Прямо вот такую кружку.

Бабушка сказала Матвею Ивановичу, чтоб нам лошадей завтра пораньше.

И мы пошли с бабушкой спать.

КАК МЫ УЕХАЛИ ИЗ КОЛХОЗА

Утром бабушка меня разбудила, а это было совсем темно. У нас лампа горела.

Бабушка сказала, чтоб я скорей пил молоко и ел сыр брынзу, потому что мы сейчас поедем.

Мне очень хотелось спать. А бабушка говорила, чтоб я ел скорей.

А потом я услыхал, что лошади приехали и что кто-то к нам идёт. А это Матвей Иванович.

Он пришёл и сказал:

— Доброе утро!

И потом сказал:

— Ну, готовы?

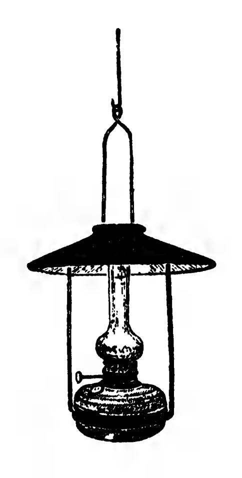
А я сказал:

— Бабушка, а початок взяла?

Бабушка сказала, что початок она завязала к себе в вещи и что он с нами поедет.

Матвей Иванович взял наши вещи, и мы пошли, а там внизу были дядя Опанас и Маруся.

Я Марусе и Матвею Ивановичу говорил «до свиданья». А они бабушке говорили «спасибо». Я Марусю и Матвея Ивановича немножко видел, потому что было немножко светло. Мы сели, и бабушка меня в платок закутала, потому что было холодно. Дядя Опанас взял вожжи, и мы поехали. Бабушка меня рукой держала, и я заснул.

ОТ ПАПЫ ПРИШЛА ТЕЛЕГРАММА

Мы так ехали и приехали в Киев. А когда приехали в Киев, там было очень жарко, потому что было солнышко.

Мы приехали, где бабушка живёт. Клава прибежала и стала бабушку целовать. И стала говорить, что она окунька в банке взяла к себе.

А я сказал:

— Почему?

Клава сказала, что его кошка хотела из воды лапкой поймать и съесть.

Потом сказала, что кошку она очень кормила, и ещё сказала, что бабушке принесли телеграмму.

Мы опять на лифте ехали с бабушкой. А Клава пошла наши вещи брать. И вдруг она принесла деревянную клетку. А в клетке сидели маленький беленький петушок и беленькая курочка. А я не знал, что они с нами приехали!

Это Матвей Иванович их на тележку поставил. Потому что он их мне подарил.

Бабушка их отнесла, где ванна, и дала мне зёрен, чтоб я им посыпал, чтоб они клевали. А потом сказала Клаве, чтоб она поставила курочкам в чашке воды, чтоб им пить. Они пили и головки вверх поднимали.

А потом бабушка стала читать телеграмму.

Мы с Клавой курочек кормили в ванной, а бабушка к нам пришла и сказала:

— Завтра утром приедет папа. Он за тобой, Алёша, при-

едет и возьмёт тебя в Харьков. Ты будешь в Харькове жить.

Бабушка взяла меня на ручки и поцеловала. Она меня очень целовала и говорила:

— Ну вот, я и останусь... Одна останусь.

КАК МЫ С КЛАВОЙ ДЗЫГУ ПУСКАЛИ

Потом мы стали пить чай. Я Клаве показывал початок и дзыгу. Я просил бабушку, чтоб она мне кнут сделала — дзыгу гонять.

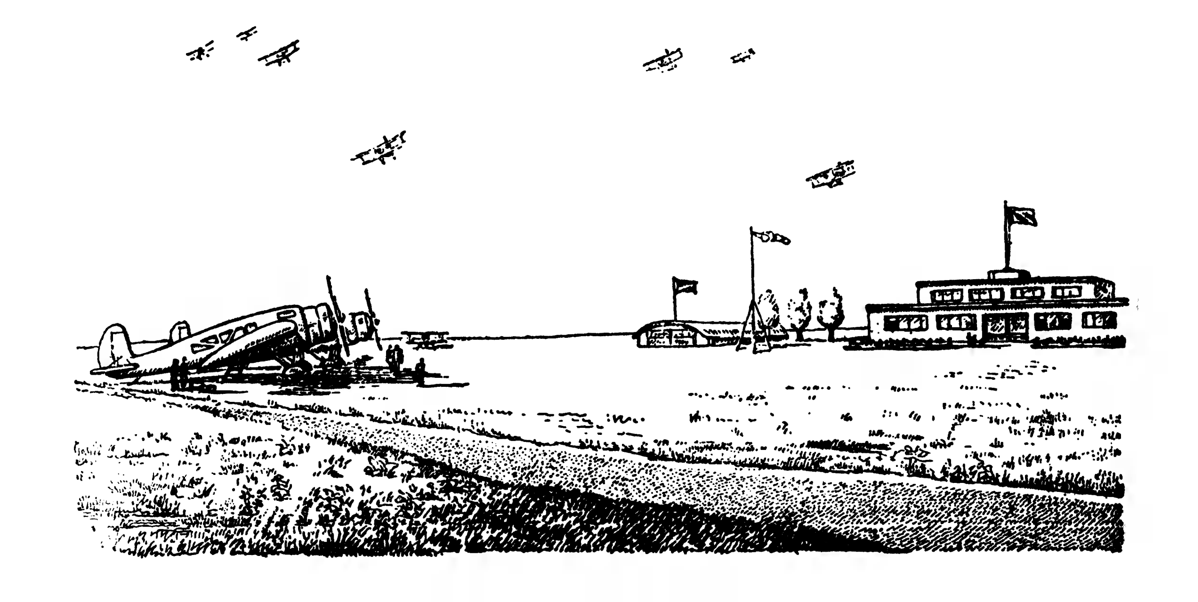
Бабушка выстругала палочку и привязала верёвочку. И вышел кнутик. Мы стали с Клавой пускать дзыгу и не могли. Бабушка запустила и погоняла дзыгу. А дзыга всё под стулья убегала.

А потом мы с Клавой тоже немножко могли запускать дзыгу. Мы её на дворе пускали.

А потом я ходил моего окунька смотреть. Он у Клавы на окне за стеклом стоял.

Бабушка всё не хотела, чтоб я уходил, и всё говорила:

— Побудь со мной, Алёшенька. Играй здесь.

АЭРОПОРТ

ПАПА

Утром я ещё спал, вдруг папа пришёл.

Он очень был весёлый, бабушка тоже смеялась и немножечко плакала.

А папа всё говорил, что я загорел, и ещё говорил, что я теперь украинец.

А я папе сказал, что у меня початок есть и что мне курочек подарили. И что я в колхозе был.

А бабушка мне сказала, чтоб я скорей одевался.

Папа пошёл в ванную мыться. И там смотрел моих курочек.

А потом бабушка сварила кофе, и мы пили.

А папа говорил, какая у нас в Харькове квартира. И что он уже всё устроил. И чтоб бабушка к нам зимой приезжала.

И потом папа говорил, что он не приехал, а прилетел. Он на самолёте прилетел.

И сказал, что мы на самолёте полетим с ним в Харьков. И что мы сейчас полетим. Потому что у папы уже билеты есть.

Папа всё боялся, чтоб не опоздать. Бабушка сказала, что ещё можно посидеть. Мы на диване сидели, и папа меня рукой держал. И с бабушкой говорил.

Бабушка говорила, что я не шалил. А что я только немножко слив объелся. И что пусть я у ней живу. А потом пускай бабушка меня привезёт в Харьков. Я тоже сказал, что хочу, чтоб у бабушки жить.

А папа сказал, что нельзя. Потому что мама меня очень хочет.

КАК БАБУШКА ЗАПЛАКАЛА

Потом папа встал и сказал, что надо идти. Потому что надо сначала ехать в автобусе. Бабушка сказала, что пойдёт нас провожать. Она все мои вещи сложила: и мячик, и мишку, и початок, и дзыгу, и кнутик. Только папа сказал, что окунька не надо и курочек тоже. Они пусть у бабушки будут. Они пусть будут мои, только у бабушки живут.

Бабушка мне сказала, что она их будет беречь.

Потом папа взял мои вещи, и мы пошли.

Мы ехали на трамвае и приехали, где стоит автобус. Он к самолёту везёт. Он на улице стоял и ждал. Это он всех ждал, кто на самолёте будет лететь.

Бабушка немножко заплакала и стала целовать папу, а потом меня на руки взяла и тоже очень целовала и говорила:

— Не забывай, Алёшенька, бабушку.

САМОЛЁТНЫЙ ВОКЗАЛ

Кондуктор сказал, что сейчас ехать. Папа кондуктору билеты показал, и мы сели в автобус.

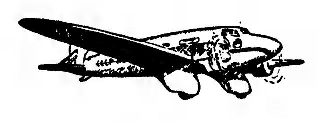
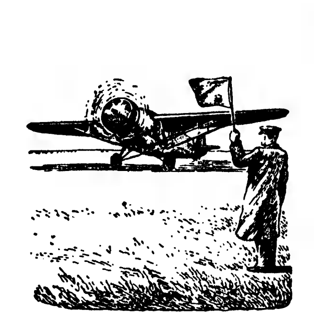
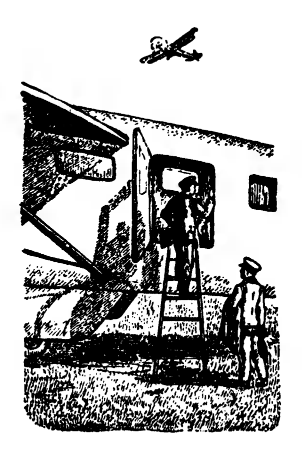
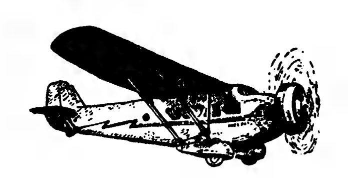
Бабушка мне рукой махала. А потом я бабушки не видал, потому что там много автомобилей и людей. И мы поехали по улицам.

Папа меня спросил:

— Тебе хорошо у бабушки было?

Я сказал, что очень. А больше я не говорил, потому что автобус очень шумел.

А потом мы поехали по дороге, где уже не город. И приехали, где стоит дом. Это вокзал, только самолётный. Он

совсем не вокзал, а просто дом. И там всякие комнаты. И мы с папой пошли в столовую.

Папа сказал, чтоб мне дали ветчины и молока. А папа пил чай и ел сосиски.

Папа сказал, что в аэроплане мы будем сидеть в кресле и что будем лететь высоко и очень скоро. Прямо скорей, чем птицы.

А я сказал:

— Скорей, чем орёл?

Папа сказал, что скорей, чем орёл, и скорей, чем ласточка.

КАК МЫ ЛЕТЕЛИ НА САМОЛЁТЕ В ХАРЬКОВ

Потом папа сказал, что надо идти садиться в самолёт. И мы вышли с папой и вещи тоже взяли с собой.

А там поле. И на нём трава.

А потом стоял самолёт. Он впереди на колёсиках. И с боков у него идут крыши. А папа сказал, что это не крыши, а крылья. Только самолёт ими не машет, а они стоят крепко.

А потом идёт длинный домик с окошечками. И туда — лесенка и дверь. Он — как вагон.

Папа меня на руки взял и туда втащил. А там стояли кресла. Папа сел и взял меня на колени. И я стал смотреть в окошко. Наши вещи тоже принесли. И поставили в самолёт.

И ещё пришли два дяди и одна тётя. И тоже вещи принесли. А впереди, в будочку, сел дядя. Я сказал, что это шофёр. А папа сказал, что это пилот.

СССР — АЭРОФЛОТ

Киевское Управление ГВФ

ПАССАЖИРСКИЙ БИЛЕТ №418727

ОТ АЭРОПОРТА Киевский аэропорт

ДО АЭРОПОРТА Харьков

ПУНКТЫ ПЕРЕСАДКИ

ЦЕНА РУБ. КОП. 00

Примечание

Страх. сбор взыскан 2 р. 50 к.

17 ... 1938 (дата выдачи) Подпись лица, выдавшего билет

ОСТАЕТСЯ НА РУКАХ У ПАССАЖИРА

Я ещё хотел сказать, только ничего не мог сказать, потому что машина очень загудела и мы поехали по этому полю. Прямо по траве.

Папа взял кусочек ваты и заткнул мне уши. Я не давал, а папа всё равно заткнул.

Самолёт очень стало трясти, потому что он шибко бежал.

Папа меня крепко держал, и мне было ничего.

А потом не стало трясти. Папа стал мне в окно показывать, чтоб я посмотрел.

А там внизу были домики. И маленькие трамвайчики. И река внизу была. И маленькие пароходики. И ещё мост. Я очень обрадовался, что они такие маленькие и хорошенькие. Они — как на картинке.

И я стал хлопать в ладоши и кричать. А папа совсем ухо ко мне приставил и слушал, что я кричу. А я кричал, что какие маленькие и какие хорошенькие. А папа мне в ухо закричал, что это потому, что мы высоко. А потом я видел, как паровозик идёт и поезд и как у него из трубы дым идёт.

Потом самолёт стало немножко качать, и я кричал папе:

— Почему? Почему?

А папа положил меня у себя на руках и мне в ухо сказал, чтоб я спал. И я стал спать.

А потом я проснулся, и папа мне закричал:

— Вон Харьков!

И стал мне в окно показывать. А там как будто канавки. А это не канавки, а улицы, и по ним трамвайчики бегают.

И это город Харьков.

КАК МЫ ПРИЛЕТЕЛИ В ХАРЬКОВ

А потом мы прилетели, где поле и тоже трава. И наш самолётик побежал прямо по полю. И нас опять стало трясти, как в Киеве. А потом самолёт стал. И к нам побежали люди. А это не поле, а это чтоб самолётам прилетать, и называется аэродром.

Потому что папа мне из ушей вату вынул и сказал, что это аэродром. И ещё сказал, что потому вату положил, что машина очень шумит и потом будут уши болеть. И все тоже стали из ушей вату вынимать, потому что тоже вату запихали.

И все стали выходить, потому что нам открыли дверь и поставили лесенку. И люди стояли и глядели, как мы выходим. Мы с папой стали выходить, и папа меня за ручку по лесенке сводил.

Я смотрел на лесенку, чтоб не упасть, а потом смотрю — мама. Она прямо ко мне побежала и закричала:

— Алёшка! Алёшка!

Мама очень радовалась и говорила, что боялась, что мы с папой летим.

А я сказал, что я не боюсь летать и что летать очень хорошо.

Там тоже стоял вокзал. А только мы в вокзал не пошли. Мы пошли, где стоял автомобиль.

И папа сказал маме, что меня укачало. И что я спал.

ТЕПЕРЬ В ХАРЬКОВЕ НАШ ДОМ

Мама мне сказала, что я теперь в Харькове и мы сейчас поедем домой и будем обедать. И что у нас новая квартира и мы сейчас туда поедем.

Я очень хотел видеть, какая новая квартира. И я маме сказал, что я очень люблю бабушку. И что Гриц очень добрый и мне дзыгу подарил.

А потом все сели в автомобиль, и положили наши вещи, и поехали на новую квартиру.

И мы стали жить в Харькове.

Сказки

ХРАБРЫЙ УТЁНОК

Каждое утро хозяйка выносила утятам полную тарелку рубленых яиц. Она ставила тарелку возле куста, а сама уходила.

Как только утята подбегали к тарелке, вдруг из сада вылетала большая стрекоза и начинала кружиться над ними.

Она так страшно стрекотала, что перепуганные утята убегали и прятались в траве. Они боялись, что стрекоза их всех перекусает.

А злая стрекоза садилась на тарелку, пробовала еду и потом улетала. После этого утята уже целый день не подходили к тарелке. Они боялись, что стрекоза прилетит опять. Вечером хозяйка убирала тарелку и говорила: «Должно быть, наши утята заболели, что-то они ничего не едят». Она и не знала, что утята каждый вечер голодные ложились спать.

Однажды к утятам пришёл в гости их сосед, маленький утёнок Алёша. Когда утята рассказали ему про стрекозу, он стал смеяться.

— Ну и храбрецы! — сказал он. — Я один прогоню эту стрекозу. Вот вы увидите завтра.

— Ты хвастаешь, — сказали утята, — завтра ты первый испугаешься и побежишь.

На другое утро хозяйка, как всегда, поставила на землю тарелку с рублеными яйцами и ушла.

— Ну, смотрите, — сказал смелый Алёша, — сейчас я буду драться с вашей стрекозой.

Только он сказал это, как вдруг зажужжала стрекоза. Прямо сверху она полетела на тарелку.

Утята хотели убежать, но Алёша не испугался. Не успела стрекоза сесть на тарелку, как Алёша схватил её клювом за крыло. Насилу она вырвалась и с поломанным крылом улетела.

С тех пор она никогда не прилетала в сад, и утята каждый день наедались досыта. Они не только ели сами, но и угощали храброго Алёшу, за то, что он спас их от стрекозы.

КРУЖЕЧКА ПОД ЁЛОЧКОЙ

Мальчик взял сеточку — плетёный сачок — и пошёл на озеро рыбу ловить.

Первой поймал он голубую рыбку. Голубую, блестящую, с красными пёрышками, с круглыми глазками. Глазки — как пуговки. А хвостик у рыбки — совсем как шёлковый: голубенький, тоненький, золотые волоски. Взял мальчик кружечку, маленькую кружечку из тонкого стекла. Зачерпнул из озера водицы в кружечку — пусть плавает пока рыбка.

Поставил под ёлочкой, а сам пошёл дальше. Поймал ещё рыбку. Большую рыбку — с палец. Рыбка была красная, пёрышки белые, изо рта два усика свесились, по бокам тёмные полоски, на гребешке пятнышко, как чёрный глаз.

Рыбка сердится, бьётся, вырывается, а мальчик скорее её в кружечку — бух! Побежал дальше, поймал ещё рыбку — совсем маленькую. Ростом рыбка не больше комара, еле рыбку видно. Мальчик взял тихонечко рыбку за хвостик, бросил её в кружечку — совсем не видать. Сам побежал дальше.

«Вот, — думает, — погоди, поймаю рыбу, большого карася».

А подальше, в камышах, жила утка с утятами. Выросли утята, пора самим летать. Говорит утка утятам:

— Кто поймает рыбку, первый кто поймает, тот будет молодец. Только не хватайте сразу, не глотайте: рыбы есть колючие — ёрш, например. Принесите, покажите. Я сама скажу, какую рыбу есть, какую выплюнуть.

Полетели, поплыли утята во все стороны. А один заплыл дальше всех. Вылез на берег, отряхнулся и пошёл переваливаясь. А вдруг на берегу рыбы водятся? Видит: под ёлочкой кружечка стоит. В кружечке водица. «Дай-ка загляну».

Рыбки в воде мечутся, плещутся, тычутся, вылезти некуда — всюду стекло.

Подошёл утёнок, видит: ай да рыбки! Самую большую взял и подхватил. И — скорее к маме.

«Я, наверное, первый. Самый я первый рыбу поймал — я и молодец».

Рыбка красная, пёрышки белые, изо рта два усика свесились, по бокам тёмные полоски, на гребешке пятнышко, как чёрный глаз.

Замахал утёнок крыльями, полетел вдоль берега — к маме напрямик.

Мальчик видит: летит утка, низко летит, над самой головой, в клюве держит рыбку, красную рыбку с палец длиной.

Крикнул мальчик во всё горло:

— Моя это рыбка! Утка-воровка, сейчас отдай!

Замахал руками, закричал так страшно, что всю рыбу распугал.

Испугался утёнок да как крикнет: «Кря-кря!» Крикнул «кря-кря» и рыбку упустил.

Уплыла рыбка в озеро, в глубокую воду, замахала пёрышками, поплыла домой.

«Как же с пустым клювом к маме вернуться!» — подумал утёнок, повернул обратно, полетел под ёлочку.

Видит: под ёлочкой кружечка стоит. Маленькая кружечка, в кружечке — водица, а в водице — рыбки.

Подбежал утёнок, скорее схватил рыбку. Голубую рыбку с золотым хвостиком. Голубую, блестящую, с красными пёрышками, с круглыми глазками. Глазки — как пуговки. А хвостик у рыбки — совсем как шёлковый: голубенький, тоненький, золотые волоски.

Подлетел утёнок повыше и — скорее к маме.

«Ну, теперь не крикну, не раскрою клюва. Раз уже был разиней».

Вот и маму видно. Вот уже совсем близко. А мама крикнула:

— Кря, что несёшь?

— Кря, это рыбка, голубая, золотая — кружечка стеклянная под ёлочкой стоит.

Вот и опять клюв разинул, а рыбка — плюх в воду! Голубенькая рыбка с золотым хвостом. Замотала хвостиком, заюлила и пошла, пошла, пошла вглубь.

Повернул назад утёнок, прилетел под ёлку, посмотрел в кружечку, а в кружечке рыбка маленькая-маленькая, не больше комара, еле рыбку видно. Клюнул утёнок в воду и что было силы полетел обратно домой.

— Где ж у тебя рыбка? — спросила утка. — Ничего не видно.

А утёнок молчит, клюва не открывает. Думает: «Я хитрый! Ух, какой я хитрый! Хитрее всех! Буду молчать, а то открою клюв — упущу рыбку. Два раза ронял».

А рыбка в клюве бьётся тоненьким комариком, так и лезет в горло. Испугался утёнок: «Ой, кажется, сейчас проглочу! Ой, кажется, проглотил!»

Прилетели братья. У каждого по рыбке. Все подплыли к маме и клювы суют. А утка кричит утёнку:

— Ну, а теперь ты покажи, что принёс!

Открыл клюв утёнок, а рыбки и нет.

Девочке Кате захотелось улететь. Своих крыльев нет. А вдруг есть на свете такая птица — большая, как лошадь, крылья, как крыша. Если на такую птицу сесть, то можно улететь через моря в тёплые страны.

Только птицу надо раньше задобрить и кормить птицу чем-нибудь хорошим — вишнями, например.

За обедом Катя спросила папу:

— Есть такие птицы, как лошадь?

— Не бывает таких, не бывает, — сказал папа. А сам всё сидит и читает газету.

Увидала Катя воробья. И подумала: «Какой чудак таракан. Была бы я тараканом, подкралась бы к воробью, села бы ему между крыльев и каталась бы по всему свету, а воробей бы и не знал ничего».

И спросила папу:

— А что, если таракан на воробья сядет?

А папа сказал:

— Клюнет воробей и съест таракана.

— А бывает такое, — спросила Катя, — что орёл схватит девочку и понесёт к себе в гнездо?

— Не поднять орлу девочку, — сказал папа.

— А два орла понесут? — спросила Катя.

А папа ничего не ответил. Сидит и газету читает.

— Сколько орлов надо, чтобы понести девочку? — спросила Катя.

— Сто, — сказал папа.

А на другой день мама сказала, что орлов в городах не бывает. А по сто штук вместе орлы никогда не летают. И орлы злые. Кровавые птицы. Поймает орёл птичку — разорвёт в кусочки. Схватит зайца — и лапок не оставит.

И Катя подумала: надо выбрать добрых белых птичек, чтобы жили дружно, летали бы стаей, крепко летали и махали бы широкими крыльями, белыми перьями. Подружиться с белыми птицами, таскать от обеда все крошки, не есть конфет два года — всё отдавать белым птичкам, чтоб птички полюбили Катю, чтобы взяли её с собою и унесли бы за море.

А в самом деле — как замашут крыльями, захлопают целой стаей — так что ветер подымется и пыль по земле пой-

дёт. А птички выше, зажужжат, захлопочут, подхватят Катю... да так за что попало, за рукава, за платье, пусть даже за волосы схватят — не больно — клювиками схватят. Подымут выше дома — все смотрят — мама крикнет: «Катя, Катя!» А Катя только головой закивает и скажет: «До свиданья, я потом приеду».

Наверное, есть такие птицы на свете. Катя спросила маму:

— Где узнать, какие бывают птицы на всём свете?

Мама сказала:

— Учёные знают, а впрочем — в зоосаде.

Гуляла Катя с мамой в зоосаде.

Ну их львов — и не надо обезьянок. А вот тут в больших клетках птицы. Клетка большая, и птичку еле видно. Ну, это маленькая. Таким и куклы не поднять.

А вот орёл. Ух, какой страшный.

Орёл сидел на сером камне и рвал по клочкам мясо. Кусит, рванёт, головой повертит. Клюв — как клещи железные. Острый, крепкий, крючковатый.

Совы сидели белые. Глаза — как большие пуговки, мордочка пушистая, а в пуху крючком спрятан острый клюв. Ехидная птица. Хитрая.

Мама говорит: «Совушка, совушка», — а пальчика ей не сунула.

А вот птички — и не знает Катя — может быть, попугайчики, беленькие, крылышки отточенные, машут, как веерами, носики длинненькие, летают по клетке, усидеть не могут и все ласкового цвета.

Мама за руку дёргает. «Пойдём», — говорит. А Катя плачет, топает ногой. Видит ведь: те самые птицы белые, добрые, и крылья большие.

— Как они называются?

А мама говорит:

— Не знаю я. Ну птицы как птицы. Белые птицы, одним словом. А главное, обедать пора.

А дома Катя придумала.

А что придумала — никому не сказала.

Взять коврик, что висит над кроватью, и к этому коврику пришить по краям толстой ниткой конфеты, семечки, ко-

сточки, бусинки — весь-весь коврик кругом обшить, и белые птички схватят, замахают белыми крылышками, дёрнут клювиками за ковёр.

А на ковре лежит Катя. Лежит, как в люльке, и птички её любят, и всех птичек триста, все кричат, все наперебой хватаются, несут, как пушинку. Выше крыши над всем городом. Все внизу стоят, головы забросили. «Что, — говорят, — что такое?» Выше дерева подняли. «Не бойся, — кричат птички, — не пустим, ни за что не пустим. Держите крепче!» — кричат птички.

А Катя растянулась на коврике, и ветром волосы треплет. Облако навстречу. В мягкое облако влетели птички. Обвеяло облако и в самое синее небо — всё кругом синее — и всё дальше, дальше. А там далеко, а там далеко осталась мама, плачет от радости: «Катеньку нашу птички как любят — с собой взяли. Тоже как птичку».

А потом за море. Внизу ходит море и синие волны. А птицы ничего не боятся. «Не уроним, — кричат, — не уроним!» И вдруг стало тепло-тепло. Прилетели в тёплые страны.

Там всё тёплое, и вода, как чай, тёплая, и земля тёплая. А трава совсем мягкая. И нигде нет колючек.

С этого дня Катя каждое утро клала за окно на подоконник сухарики, корочки, сахар. Била сахар на кусочки, раскладывала рядышком на подоконнике. Наутро ничего не было.

Птички знают — они ночью хватают, а днём, наверное, подглядывают: видят, что Катя их любит и своих конфет не жалеет.

Настало время. Покатились по небу тучи. Мама достала из корзины калоши. Катя сорвала со стены коврик — дошивала последние нитки. А птички ждали за крышей и тайком подглядывали — скоро ли постелет Катя свой коврик. Катя постелила коврик в комнате, легла и примерилась.

— Это что за фокусы, — сказала мама, — днём на полу валяться?

Катя встала и сразу заплакала. Мама схватила коврик.

— Это что за нитки? Это что за гадость — конфетки, объедки.

Катя заплакала ещё сильней. А мама рвёт нитки, ругается.

Катя подумала: «Расскажу — может, лучше будет». И всё рассказала.

А мама села на ковёр и сказала:

— А ты знаешь, бывают птицы вороны. Видала, — чёрные, носы, как гвозди, долбанёт носом — и глаз вон. Они злые, цыплят таскают. Налетят на твоих белых птичек, как начнут долбить злыми носами — вправо, влево, по пёрышку растаскают всех птичек. Из самой высоты, с самого верху полетишь ты, как кошка из окошка.

Утром рано прыгнул кот на кровать к Кате и разбудил. Катя кота не скинула, а сгребла платье со стула под одеяло, всё, всё: и чулки, и подвязки, и башмаки. Стала под одеялом тихонько одеваться. Чуть мама шевельнётся — Катя голову на подушку, а глаза закроет.

Наконец оделась, тихонько слезла на пол. Надела шапку, натянула пальто, взяла в кухне хлеба — потом тихонько без шуму открыла дверь на лестницу и пошла по лестнице. Не вниз, а вверх. На третий этаж, на четвёртый этаж, на пятый этаж и ещё выше. Вот тут чердак начинается, а окно на крышу безо всяких стёкол. Из окна мокрый ветер дует.

Катя полезла в окно. Потом на крышу. А крыша была скользкая, мокрая. Катя полезла на животе, руками хваталась за железные рёбра, долезла до самого верху и села верхом на крышу у самой трубы.

Накрошила хлеба, разложила и справа и слева и сказала себе:

— Буду сидеть, не шевелиться, пока не прилетят птички. Может быть, они меня и так возьмут. Я их очень начну просить. Так очень, что заплачу.

Мелкий дождик с неба шёл, закапал всю Катю. Прилетел воробей. Посмотрел, посмотрел, повертел головкой, посмотрел на Катю, пискнул и улетел.

— Это он ко мне прилетал, это его птички послали посмотреть: ждёт ли Катя. Полетит теперь и скажет, что сидит и ждёт.

«Вот, — думает Катя, — я закрою глаза, буду сидеть, как каменная, а потом открою, и кругом будут всё птицы, птицы».

И вот видит Катя, что она не на крыше а в беседке. А к беседке прилетают птички, в клювиках цветочки — всю беседку усаживают цветочками. И у Кати на голове цветочки и на платье цветочки: а в руках корзинка, в корзинке конфеты, всё, что надо в дорогу.

А птицы говорят:

— По воздуху ехать страшно. Ты поедешь в коляске. Птицы запрягутся вместо лошадей, а тебе ничего не надо делать — ты сиди и держись за спинку.

Вдруг слышит Катя — гром раздался. Скорей, скорей летите, птички, гроза сейчас будет.

Птички машут изо всей силы крыльями, а гром сильней, ближе — и вдруг Катя слышит: «Ах, вот она где».

Катя открыла глаза. Это папа идёт по крыше. Идёт согнувшись — и гремит, хлопает под ним железо.

— Не шевелись, — кричит папа, — упадёшь.

Ухватил папа Катю поперёк живота и пополз с крыши.

А внизу стоит мама. Руки под подбородком сжала, и из глаз капают слёзы.

Что бывало

КРАСНЫЙ КОМАНДИР

Ехала мать в город с малыми ребятами в бричке. Вот въехали они уже в улицу, вдруг лошади чего-то испугались и понесли.

Кучер со всей силы вожжи натянул, совсем назад отвалился — ничего лошади не чуют, несут во весь опор, вот-вот бричка перевернётся.

Мать детей обхватила и кричит:

— Ой, держите, держите!

А прохожие в стороны шарахаются, к домам жмутся и сами кричат:

— Держите! Держите!

Навстречу возчик с возом сена.

Испугался возчик, скорей в сторону, чуть свой воз не опрокинул и кричит: «Держите! Держите!» А бричка несётся, лошади скачут как бешеные. Вот-вот бричка разломается, и все полетят на каменную мостовую со всего разлёта.

Вдруг из-за угла выехал красный командир на лошади. А бричка прямо на него несётся. Понял командир, в чём дело. Ничего не крикнул, а повернул своего коня и стал бричке наперерез.

Все глядели, ждали, что ускачет командир, как близко подлетят бешеные лошади! А командир стоит, и конь под ним не шелохнётся. Вот уж совсем налетает бричка — вдруг лошади опомнились и стали. Чуть-чуть до командира не доехали.

А командир толкнул коня ногой и поехал дальше.

ЦВЕТОК

Жила девочка Настя со своей мамой. Раз Насте подарили в горшочке цветок. Настя принесла домой и поставила на окно.

— Фу, какой гадкий цветок! — сказала мама. — Листья у него точно языки, да ещё с колючками. Наверное, ядовитый. Я его и поливать не стану.

Настя сказала:

— Я сама буду поливать. Может быть, у него цветки будут красивые.

Цветок вырос большой-большой, а цвести и не думал.

— Его надо выбросить, — сказала мама, — от него ни красы, ни радости.

Когда Настя заболела, она очень боялась, что мама выбросит цветок или не будет поливать и он засохнет.

Мама позвала к Насте доктора и сказала:

— Посмотрите, доктор, у меня девочка всё хворает и вот совсем слегла.

Доктор осмотрел Настю и сказал:

— Если б вы достали листья одного растения. Они как надутые и с шипами.

— Мамочка! — закричала Настя. — Это мой цветок. Вот он!

Доктор взглянул и сказал:

— Он самый. От него листья варите, и пусть Настя пьёт. И она поправится.

— А я его выбросить хотела, — сказала мама.

Мама стала Насте давать эти листья, и скоро Настя встала с постели.

— Вот, — сказала Настя, — я его берегла, мой цветочек, и он меня зато сберёг.

И с тех пор мама развела много таких цветов и всегда давала Насте пить из них лекарство.

МЫЛО

Один мальчик всё хотел узнать, плавает ли мыло. Вот раз пришёл он на кухню. А на кухне стояло ведро, полное воды, а рядом новый кусок мыла. Оглянулся мальчик, видит: никого нет. Взял мыло, положил в воду и пустил. Мыло — юрк! И под воду. Испугался мальчик, что мыло утопил. Убежал из кухни и никому не сказал.

Все спать легли, и нового мыла никто не хватился.

Наутро мать стала самовар ставить. Видит: воды уж мало в ведре. Выплеснула всё в самовар да скорей по воду, чтоб самовар долить.

Вот сели все за стол, чтобы чай пить. Принесла мать самовар на стол. Кипит самовар. Все глядят — что за чудо! Из-под крышки пузыри пузырятся, и всё больше и больше. Глядь — и весь самовар в пене.

Вдруг мальчик заплакал и закричал:

— Я думал — оно плавает! — И рассказал, как всё было.

— Ах, — сказала мама, — это, значит, я с мылом воду в самовар выплеснула да свежей потом долила.

Отец сказал мальчику:

— Ты бы лучше в тарелке попробовал, чем в ведре его топить. А плакать нечего. Мне вот теперь без чаю на работу идти, а видишь — я не плачу.

Отец потрепал сынишку по плечу и пошёл на работу.

В ГОРАХ

Три брата шли в горах по дороге. Они шли вниз. Был вечер, и внизу они уже видели, как засветилось окно в их доме.

Вдруг собрались тучи, стало сразу темно, грянул гром, и полил дождь. Дождь был такой сильный, что по дороге вниз потекла вода, как в речке. Старший сказал:

— Стойте, вот тут скала, она нас немного прикроет от дождя.

Все трое присели под скалой и стали ждать.

Младшему, Ахмету, надоело сидеть, он сказал:

— Я пойду. Чего трусить? До дому недалеко. Не хочу я здесь с вами мокнуть. Поужинаю и в сухой постели переночую.

— Не ходи — пропадёшь, — сказал старший.

— Я не трус, — сказал Ахмет и вышел из-под скалы.

Он смело зашагал по дороге — вода ему нипочём.

А вода уж ворочала камни и катила их вниз за собой. Камни догоняли и с разгону били Ахмета по ногам. Он пустился бежать.

Он хотел разглядеть впереди огонёк в доме, но дождь так лил, что ничего впереди не было видно.

«Не вернуться ли?» — подумал Ахмет. Но стыдно стало: похвастал — теперь засмеют его братья.

Тут сверкнула молния, и ударил такой гром, будто все горы треснули и повалились. Когда молния осветила, Ахмет не узнал, где он.

«Ой, кажется, я заблудился», — подумал Ахмет и испугался.

Ноги ему избило камнями, и он пошёл тише.

Он совсем тихонько ступал и боялся оступиться. Вдруг снова ударила молния, и Ахмет увидал, что прямо перед ним обрыв и чёрная пропасть.

Ахмет так и сел на землю от страха.

«Вот, — подумал Ахмет, — если б я ступил ещё шаг, я сорвался бы вниз и разбился б насмерть».

Теперь ему страшно стало и назад идти. А вдруг опять там обрыв и пропасть.

Он сидел на мокрой земле, и сверху лил на него холодный дождь.

Ахмет только думал:

«Хорошо, что я ещё один шаг не ступил: пропал бы я совсем».

А когда настало утро и прошла гроза, братья нашли Ахмета. Он сидел на краю пропасти и весь закоченел от холода.

Братья ему ничего не сказали, а подняли и повели домой.

КАК САША МАМУ НАПУГАЛ

Мама пошла на рынок, а мне сказала:

— Запрись на крючок и никого не пускай, а то, гляди, воры-разбойники придут.

Я не заперся, а как мама ушла, я взял мочалку, натрепал и подвязался — вышло, как борода.

Потом из печки уголь достал и себе усы под носом намазал. На голову я папину майку надел. Посмотрел в зеркало и вижу, что я стал очень страшный.

Тогда я поставил в сенях табурет. Перед табуретом поставил валенки, сам я надел папин тулуп, в руку я взял топор и влез на табурет.

Долго я ждал, вдруг слышу: мама идёт. Подёргала дверь, дверь и открылась. Как увидала, что такой большой да с топором, так и стала в дверях.

Я поднял руку с топором и сказал:

— Я разбойник.

Вдруг мама засмеялась и говорит:

— Не разбойник ты вовсе, а Сашка. — И столкнула меня с табуретки. — Фу, как перепугал!

А это она потому узнала, что у меня голос тонкий. Потом сказала, чтоб не смел больше, — всё-таки, значит, испугалась.

БОРОДА

Один старик шёл ночью через лёд. И уж совсем подходил к берегу, как вдруг лёд подломился, и старик упал в воду. А у берега стоял пароход, и с парохода шла железная цепь в воду к якорю.

Старик добрался до цепи и стал по ней лезть. Вылез немного, устал и стал кричать: «Спасите!»

Матрос на пароходе услыхал, поглядел, — а на якорной цепи кто-то прицепился и кричит.

Матрос не стал долго думать, нашёл верёвку, схватил конец в зубы и полез по цепи вниз спасать старика.

— На, — говорит матрос, — верёвку, обвяжись, дедушка, я тебя вытяну.

А дедушка говорит:

— Нельзя меня тянуть: у меня борода к железу примёрзла.

Матрос достал нож.

— Отрежь, — говорит, — дед, бороду.

— Нет, — говорит дед. — Как же мне без бороды?

— Не до весны же ты на бороде висеть будешь, — сказал матрос, отхватил ножом бороду, обвязал старика и вытянул его на верёвке.

Потом матрос привёл его в тёплую каюту и говорит:

— Раздевайся, дедушка, да ложись в постель, а я тебе чаю согрею.

— Какой чай, — говорит дед, — коли без бороды я теперь. — И заплакал.

— Смешной ты, дед, — сказал матрос. — Чуть было совсем ты не пропал, а чего бороды жалеть, коли она вырастет.

Стащил с себя старик мокрую одёжу и лёг в тёплую постель.

А наутро сказал матросу:

— Твоя правда: вырастет борода, а без тебя бы я пропал.

КАК МАЛЬЧИК ТОНУЛ

Я шёл по берегу и смотрел, как плотники строят пристань. Большущие брёвна плавали в воде плотно одно к одному. Их доставали из воды и забивали в дно, так что из воды торчал целый забор из брёвен.

Вдруг мне показалось, что там, где плавали сваи, что-то мелькнуло. Я не знал что, а побежал туда. Я не спускал глаз с этого места и бежал со всей силы.

А сбоку я увидал краем глаза: как раз туда бежит телеграфист. Бежит со всех ног и рукой держится за живот. У него на поясе была сумка с телеграммами, и он боялся, что они выпадут.

Телеграфист тоже смотрел в то место, куда глядел и я. Земля там осыпью спускалась к воде, а на воде плавали сваи — плотно, как плот. Телеграфист мне ни слова не сказал, а только ткнул пальцем, укрепился ногами на осыпи и протянул руку. Я тоже ни слова не сказал, а взял крепко телеграфиста за руку, а сам лёг на сваи и просунул руку между ними — в том самом месте, куда мы оба глядели, не сводя глаз.

Я стал шарить рукой в воде. И вдруг маленькие пальчики попались мне и крепко вцепились в мою руку. Я ухватился тоже. И тут же телеграфист потянул меня на берег. Сваи разошлись, и вслед за моей рукой вылезла маленькая рука, а за ней голова, и мы вытащили мальчика. Он был рыжий, лет семи. Он мигал глазами и ничего не говорил. Подошли плотники. Один взял мальчика, поднял и потряс над землёй. У мальчика вылилась вода из рта. Его поставили на ноги и спросили: как он утонул? Мальчик сказал, что хотел по сваям пройти, а они под ногами разошлись, и он провалился с головой между ними. А потом сошлись над ним, как потолок. И сейчас же заплакал:

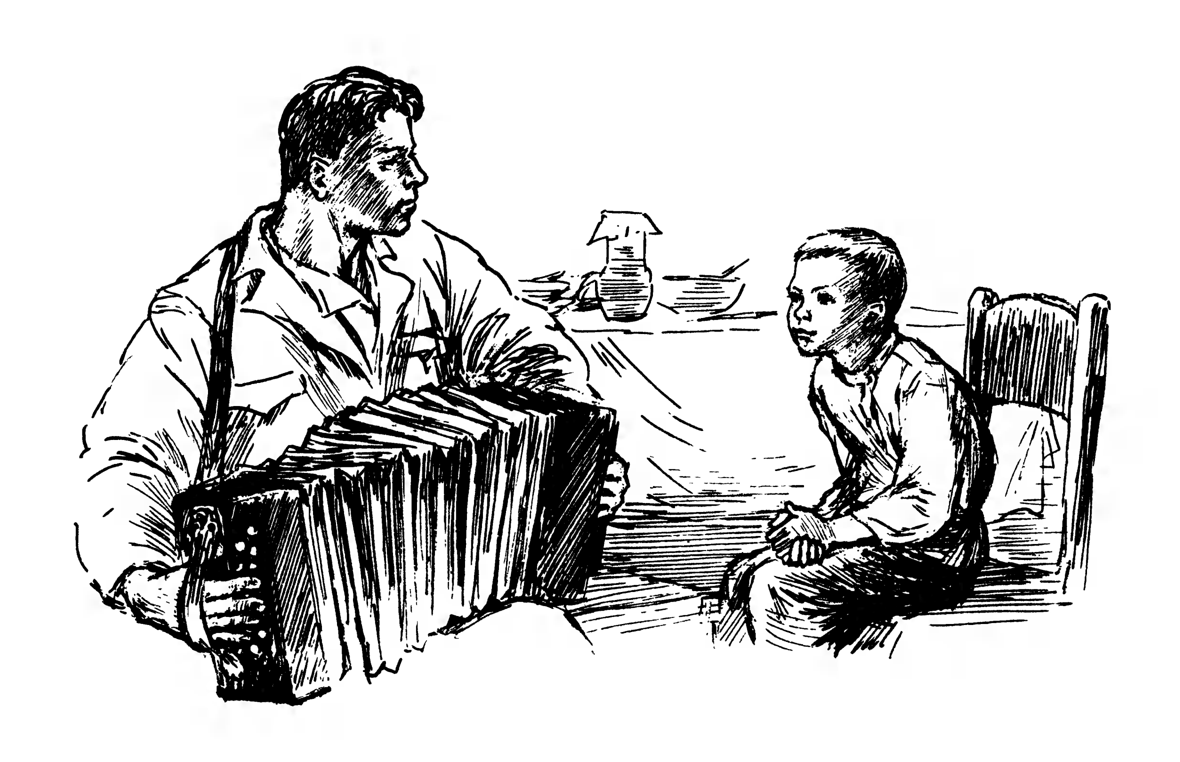
— А где моя шапка? Где удочка! Я без шапки домой не пойду.

Все стали смеяться: скажи спасибо, что жив остался, а ты о шапке плачешь.

Я нашёл его удочку и стал в воде искать его шапку. Зацепил и вытащил. Но это был старый лапоть. Потом ещё раз зацепил, и это была мокрая фуражка. Мальчик стал её жалеть, что она мокрая. Я пошёл. А когда оглянулся, мальчик всё держал фуражку и плакал.

Телеграфист махнул рукой, посмотрел, тут ли телеграммы, и поспешил прочь.

ГАРМОНЬ

У одного дяденьки была гармонь. Он на ней очень хорошо играл, и я приходил слушать. Он её прятал и никому не давал. Гармонь была очень хорошая, и он боялся, чтобы не сломали. А мне очень хотелось попробовать.

Вот раз пришёл я, когда дяденька обедал. Он кончил есть, а я стал просить, чтоб сыграл. А он сказал:

— Какая игра! Мне спать охота.

Я стал просить и даже заплакал. Тогда дяденька сказал:

— Ну ладно, разве немножко.

И достал из сундука гармонь. Немножко поиграл, положил гармонь на стол, а сам тут на лавке и заснул.

Я подумал: «Вот когда мне счастье пришло. Тихонько возьму гармонь и на дворе попробую».

Я приловчился, ухватил гармонь за ручку и потянул. А она как рявкнет на все голоса, как живая. Я с испугу и руку отдёрнул. Тут дяденька вскочил.

— Ты, — говорит, — это что же!

И ко мне, да меня за руку.

Тут я заплакал и сказал всю правду.

— Ну, — сказал дяденька, — не реви: коли у тебя такая охота, приходи, я тебя учить буду.

Я приходил, а дяденька мне показывал, как играть. Я научился и теперь очень хорошо играю.

ПОЖАР

Петя с мамой и с сёстрами жил на верхнем этаже, а в нижнем этаже жил учитель. Вот раз мама пошла с девочками купаться. А Петя остался один стеречь квартиру.

Когда все ушли, Петя стал пробовать свою самодельную пушку. Она была из железной трубки. В середину Петя набил пороху, а сзади была дырочка, чтоб зажигать порох. Но сколько Петя ни старался, он не мог никак поджечь. Петя очень рассердился. Он пошёл в кухню. Наложил в плиту щепок, полил их керосином, положил сверху пушку и зажёг. «Теперь небось выстрелит!»

Огонь разгорелся, загудел в плите — и вдруг как бахнет выстрел! Да такой, что весь огонь из плиты выкинуло.

Петя испугался, выбежал из дому. Никого не было дома, никто ничего не слыхал. Петя убежал подальше. Он думал, что, может быть, всё само потухнет. А ничего не потухло. И ещё больше разгорелось.

Учитель шёл домой и увидал, что из верхних окон идёт дым. Он побежал к столбику, где за стеклом была сделана кнопка. Это звонок к пожарным. Учитель разбил стекло и надавил кнопку.

У пожарных зазвонило. Они скорей бросились к своим пожарным автомобилям и помчались во весь дух. Они подъехали к столбику, а там учитель показал им, где горит. У пожарных на автомобилях был насос. Насос начал качать воду, а пожарные стали заливать огонь водой из резиновых труб. Пожарные приставили лестницы к окнам и полезли в дом, чтобы узнать, не осталось ли в доме людей. В доме никого не было. Пожарные стали выносить вещи.

Петина мама прибежала, когда вся квартира была уже в огне. Милиционер никого не пускал близко, чтоб не мешали пожарным.

Самые нужные вещи не успели сгореть, и пожарные принесли их Петиной маме.

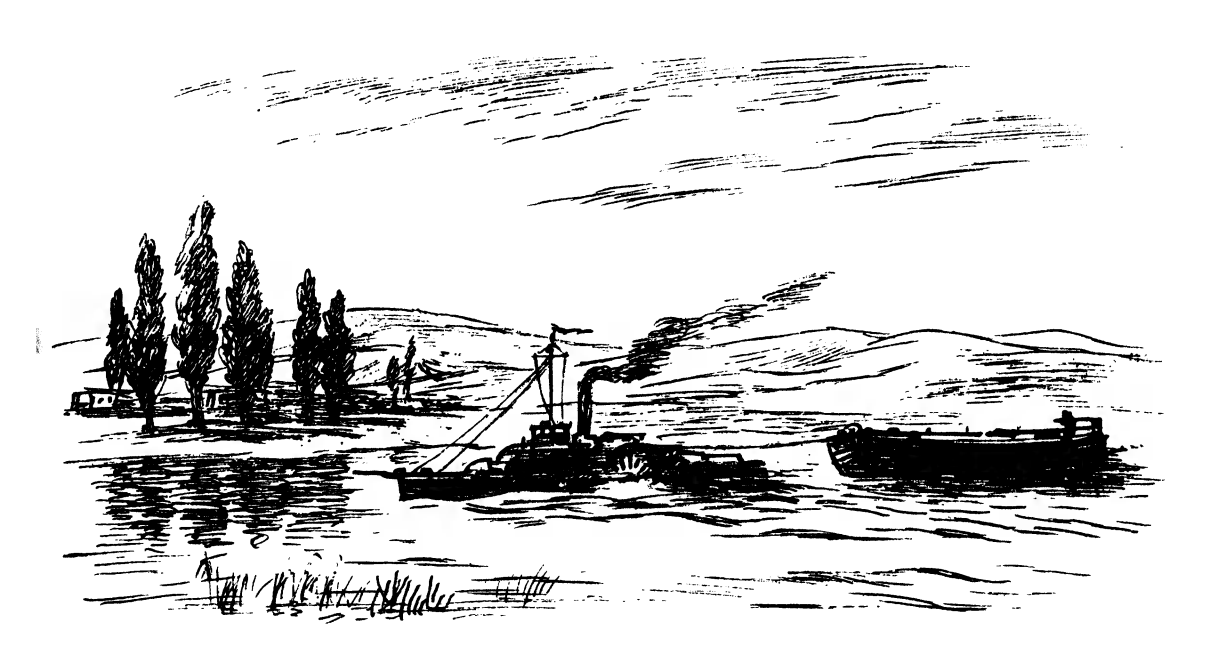
А Петина мама всё плакала и говорила, что, наверное, Петя сгорел, потому что его нигде не видно.

А Пете было стыдно, и он боялся подойти к маме. Мальчики его увидали и насильно привели.

Пожарные так хорошо потушили, что в нижнем этаже ничего не сгорело.Пожарные сели в свои автомобили и уехали назад. А учитель пустил Петину маму жить к себе, пока не починят дом.

НАВОДНЕНИЕ

В нашей стране есть такие реки, что не текут всё время по одному месту. Такая река то бросится вправо, потечёт правее, то через некоторое время, будто ей надоело здесь течь, вдруг переползёт влево и зальёт свой левый берег. А если берег высокий, вода подмоет его. Крутой берег обва-

лится в реку, и если на обрыве стоял домик, то полетит в воду и домик.

Вот по такой реке шёл буксирный пароход и тащил две баржи. Пароход остановился у пристани, чтобы там оставить одну баржу, и тут к нему с берега приехал начальник и говорит:

— Капитан, вы пойдёте дальше. Будьте осторожны, не сядьте на мель: река ушла сильно вправо и теперь течёт совсем по другому дну. И сейчас она идёт всё правее и правее и затопляет и подмывает берег.

— Ох, — сказал капитан, — мой дом на правом берегу, почти у самой воды. Там остались жена и сын. Вдруг они не успели убежать?!

Капитан приказал пустить машину самым полным ходом. Он спешил скорей к своему дому и очень сердился, что тяжёлая баржа задерживает ход.

Пароход немного проплыл, как вдруг его сигналом потребовали к берегу. Капитан поставил баржу на якорь, а пароход направил к берегу.

Он увидал, что на берегу тысячи людей с лопатами, с тачками спешат — возят землю, насыпают стенку, чтобы не пустить реку залить берег. Возят на верблюдах деревянные брёвна, чтоб их забивать в берег и укреплять стенку.

А машина с высокой железной рукой ходит по стенке и ковшом нагребает на неё землю.

К капитану прибежали люди и спросили:

— Что в барже?

— Камень, — сказал капитан.

Все закричали:

— Ах, как хорошо! Давайте сюда! А то вон смотрите, сейчас река прорвёт стенку и размоет всю нашу работу. Река бросится на поля и смоет все посевы. Будет голод. Скорей, скорей давайте камень!

Тут капитан забыл и про жену и про сына. Он пустил пароход что есть духу и привёл баржу под самый берег.

Люди стали таскать камень и укрепили стенку. Река остановилась и дальше не пошла. Тогда капитан спросил:

— Не знаете ли, как у меня дома?

Начальник послал телеграмму, и скоро пришёл ответ. Там тоже работали все люди, какие были, и спасли домик, где жила жена капитана с сыном.

— Вот, — сказал начальник, — здесь вы помогали нашим, а там товарищи спасли ваших.

КАК УТОНУЛ ПАРОХОД

Была война. Люди боялись, чтобы враги не приплыли к их земле на военных кораблях. Военные корабли из пушек могут всё на берегу разбить. А потом могут привезти с собой солдат и высадить их на берег.

Так вот, чтоб военные корабли боялись подходить к берегу, в море пускали большие круглые железные коробки. Эта коробка так устроена, что если за неё заденет пароход, то она сейчас же взорвётся. Да с такой силой, что непременно сделает дырку в пароходе. И в пароход начнёт набираться вода, и тогда он может потонуть.

Эти коробки называют минами. Чтобы мины никуда не уносило и чтобы они стояли около берега в воде, их привязывают проволочной верёвкой к тяжёлым якорям. Якоря крепко лежат на дне и держат мины. Чтобы их сверху не было видно, проволочную верёвку делают покороче, так что мина сидит под водой, но не очень глубоко. Пароход

над ней не пройдёт, непременно дном зацепит. Когда воевали, много военных кораблей наскакивало на мины. Мины взрывались и топили корабли.

Но вот кончилась война. Вынули из воды мины. А когда подсчитали, то вышло, что вынули не все. Немного мин ещё осталось в море. Их не могли найти.

По морю стали ходить простые пароходы, а не военные. Простые пароходы перевозили людей и товары из порта в порт, из страны в страну.

Один пароход шёл с грузом. Дело было летом, и была спокойная погода. Пароход проходил мимо рыбаков, и с парохода все смотрели, как рыбаки поднимают сети и много ли попалось рыбы.

Вдруг раздался такой удар, будто гром. Пароход тряхнуло, и из-под борта взлетел в воздух сноп воды выше мачты. Это пароход толкнул мину, и она взорвалась. Пароход стал быстро тонуть.

Рыбаки оставили сети, подплыли на лодках к пароходу и взяли всех людей. Капитан долго не хотел уходить. Ему было жалко парохода. Он думал, что, может быть, пароход можно как-нибудь спасти и он не утонет. Но все видели, что пароход всё равно утонет. И капитана силой взяли в лодку.

Пароход пошёл на дно вместе с грузом.

КАК ПОДНЯЛИ ПАРОХОД СО ДНА

Пароход опустился на дно и лёг, наклонившись набок. У него была большая пробоина, и он весь был наполнен водой.

Вода была там, где стоит машина; вода была в каютах, где жили люди; вода была в трюмах, где лежал товар. Маленькие рыбки заходили заглянуть, нет ли чем поживиться.

Капитан очень хорошо знал место, где утонул его пароход. Там было не очень глубоко: туда могли спуститься водолазы. Пароход решили поднять!

Пришёл спасательный пароход и стал спускать под воду водолазов. Водолазы все одеты в резиновые костюмы: через них вода не проходит. Грудь и воротник у этого костюма — медные. Голову водолаза закрывают медным

колпаком. Этот колпак привинчивают к воротнику. А в медном колпаке есть стеклянное окошечко — чтобы водолазу смотреть. И ещё в этот колпак идёт резиновая труба, в неё сверху качают воздух, чтобы водолаз под водой мог дышать.

Водолазы привязали к пароходу большущие бидоны — понтоны. В эти понтоны напустили по трубам воздух. Понтоны поплыли вверх, потянули с собой пароход.

Когда пароход всплыл, все обрадовались, и больше всех капитан. Пароход на буксире повели в починку. На нём был только один человек. Это капитан скорей захотел пойти на свой пароход. Двадцать дней чинили пароход — и заделали пробоину.

ПОЖАР В МОРЕ

Один пароход шёл в море с грузом угля. Ещё дня три надо было пароходу идти до места. Вдруг к капитану прибежал механик из машинного отделения и сказал:

— Нам попался очень плохой уголь, он сам загорелся у нас в трюме.

— Так заливайте его водой! — сказал капитан.

— Поздно! — ответил помощник капитана. — Очень разгорелось. Это всё равно что лить воду на горячую плиту. Будет столько пару, как в паровом котле.

Капитан сказал:

— Тогда закупорьте помещение, где горит уголь, так плотно, чтобы было как в закупоренной бутылке. И огонь потухнет.

— Постараюсь! — сказал помощник капитана и побежал распорядиться.

А капитан повернул пароход прямо к берегу — в ближайший порт. Он дал в этот порт телеграмму по радио: «У меня загорелся уголь. Полным ходом иду к вам». А оттуда ответили: «Держитесь, сколько можете. Помощь идёт».

Все на пароходе знали, что у них загорелся уголь, и старались, кто как мог, закупорить этот уголь так, чтоб к нему не прошёл воздух. Но уже нагрелась стенка, которая отделяла уголь. Все уже знали, что вот сейчас огонь вырвется наружу и будет страшный пожар.

А с моря пришли по радио телеграммы с трёх спасательных пароходов, что они спешат на помощь полным ходом.

Помощник капитана влез на мачту, чтобы с высоты скорей увидеть, где пароходы. Пароходов долго не было видно, и матросы уже думали, что придётся спустить шлюпки и уехать с парохода.

Вдруг вырвалось из трюма пламя и поднялся такой пожар, что к шлюпкам нельзя было пройти. Все в ужасе закричали. Не испугался только помощник капитана, который стоял на мачте.

Он показывал вдаль рукой. И все увидали, что там, вдали, к ним спешат три парохода. Люди обрадовались, бросились тушить пожар сами, как могли. А спасательные пароходы как подошли, так столько пожарных машин пустили в ход, что скоро потушили весь пожар.

Потом увели пароход в порт, а в порту его починили, и через месяц он пошёл дальше.

НА ЛЬДИНЕ

Зимой море замёрзло. Рыбаки всем колхозом собрались на лёд ловить рыбу. Взяли сети и поехали на санях по льду. Поехал и рыбак Андрей, а с ним его сынишка Володя. Выехали далеко-далеко. И куда кругом ни глянь, всё лёд и лёд: это так замёрзло море. Андрей с товарищами заехал дальше всех. Наделали во льду дырок и сквозь них стали запускать сети. День был солнечный, всем было весело. Володя помогал выпутывать рыбу из сетей и очень радовался, что много ловилось. Уже большие кучи мороженой рыбы лежали на льду. Володин папа сказал:

— Довольно, пора по домам.

Но все стали просить, чтоб остаться ночевать и с утра снова ловить. Вечером поели, завернулись поплотней в тулупы и легли спать в санях. Володя прижался к отцу, чтоб было теплей, и крепко заснул.

Вдруг ночью отец вскочил и закричал:

— Товарищи, вставайте! Смотрите, ветер какой! Не было бы беды!

Все вскочили, забегали.

— Почему нас качает? — закричал Володя.
А отец крикнул:
— Беда! Нас оторвало и несёт на льдине в море.
Все рыбаки бегали по льдине и кричали:
— Оторвало, оторвало!
А кто-то крикнул:
— Пропали!
Володя заплакал. Днём ветер стал ещё сильней, волны заплёскивали на льдину, а кругом было только море. Володин папа связал из двух шестов мачту, привязал на конце красную рубаху и поставил, как флаг. Все глядели, не видать ли где парохода. От страха никто не хотел ни есть ни пить. А Володя лежал в санях и смотрел в небо: не глянет ли солнышко. И вдруг в прогалине между туч Володя увидел самолёт и закричал:
— Самолёт! Самолёт!
Все стали кричать и махать шапками. С самолёта упал мешок. В нём была еда и записка: «Держитесь! Помощь идёт!» Через час пришёл пароход и перегрузил к себе людей, сани, лошадей и рыбу. Это начальник порта узнал, что на льдине унесло восьмерых рыбаков. Он послал им на помощь пароход и самолёт. Лётчик нашёл рыбаков и по радио сказал капитану парохода, куда идти.

ПОЧТА

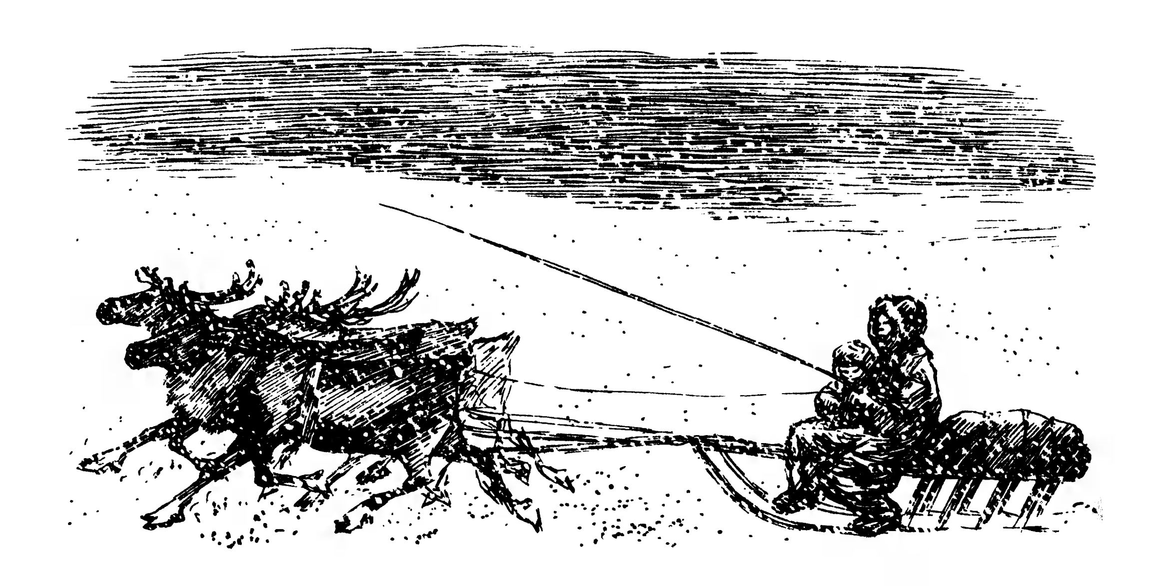
На севере, где живут ненцы, даже весной, когда уже всюду стаял снег, всё ещё стоят морозы и бывают сильные метели.

Вот раз весной ненецкий почтальон должен был везти почту из одного ненецкого села в другое. Недалеко — всего тридцать километров.

У ненцев очень лёгкие санки — нарты. В них они запрягают оленей. Олени мчат вихрем, быстрей всяких лошадей.

Почтальон вышел утром, посмотрел на небо, помял рукой снег и подумал: «Будет метель с полдня. А я сейчас запрягу и успею проскочить раньше метели».

Он запряг четырёх лучших своих оленей, надел на себя малицу — меховой халат с капюшоном, меховые сапоги и

взял в руки длинную палку. Этой палкой он будет погонять оленей, чтоб они шибче бежали.

Почтальон привязал почту покрепче к нартам, вскочил на сани, сел бочком и пустил оленей во весь дух.

Он уже выезжал из села, как вдруг навстречу — его сестра. Она замахала руками и крикнула:

— Стой!

Почтальон рассердился, а всё-таки остановил. Сестра стала просить почтальона, чтоб он захватил с собой её дочку к бабушке. Почтальон крикнул:

— Скорей! А то метель будет.

Но сестра долго провозилась, пока кормила и собирала девочку. Почтальон посадил девочку перед собой, и олени помчались. А почтальон ещё подгонял их, чтобы успеть проехать до метели.

С полпути начал дуть ветер — прямо навстречу. Было солнце, и снег блестел, а тут вдруг стемнело, снег закружился, и не стало даже видно передних оленей.

Олени начали вязнуть в снегу и остановились.

Почтальон отпряг оленей, сани поставил стоймя, привязал к ним свою длинную палку, а к концу палки привязал девочкин пионерский галстук. А сам обтопал место около саней, положил туда почту, уложил оленей, лёг и прижался к ним с девочкой. Их скоро занесло снегом, а почтальон

раскопал под снегом пещеру, и вышло как снежный дом. Там было тихо и тепло.

А в том селе, куда ехал почтальон, увидали, что метель, а его нет, и спросили по телефону, выехал ли он. И все поняли, что почтальона захватила метель. Ждали, когда метель пройдёт.

На другой день метель всё не утихала, но снег летал ниже. На оленях нельзя было ехать искать почтальона, проехать могли только аэросани. Они — как домик на полозьях, а бегут вперёд потому, что у них есть мотор. Мотор вертит воздушный винт, такой, как у самолёта.

В аэросани сели доктор, шофёр и два человека с лопатами. И аэросани побежали по той дороге, где ехал почтальон.

Вдруг над низкой метелью, как будто флаг из воды, увидали палку с пионерским галстуком.

Аэросани подъехали и остановились. Сейчас же раскопали почтальона, девочку и оленей. Почтальон сразу спросил:

— А еду привезли? Девочка плачет.

— Даже горячую, — сказал доктор и отнёс девочку в аэросани.

Пока почтальон и девочка обогревались, прошла метель.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ «ПАРТИЗАНА»

На заводе сделали пароход. Его строили на берегу и вот теперь спускают в воду.

Назвали пароход — «Партизан».

«Партизан», совсем готовый, стоит у пристани, и в него кладут груз. Ему назначили идти в Ледовитый океан. Там никогда не тает лёд. Там на далёком острове люди ждут не дождутся парохода. Им нужны доски для постройки дома, нужны мука, сахар, овощи, молоко. «Партизан» везёт им даже живую корову.

«Партизан» очень торопится. Если его застанет зима, ему не выбраться изо льда без помощи ледокола и не вернуться назад.

Машина работает полным ходом. «Партизан» идёт днём и ночью. По ночам зажигаются огни: белые на мачтах, а по

бокам красный и зелёный, чтобы встречные пароходы не натолкнулись на него.

Вдруг поднялась страшная буря. Идти вперёд стало трудно. Огромные волны рвались на пароход. Но «Партизан» был крепкий и сильный пароход: он шёл сквозь ветер и волны всё вперёд и вперёд. Капитан знал: на далёком острове ждут люди. Если он запоздает и его захватит в пути зима, они останутся без хлеба.

Но вот капитан увидел: гибнет в море парусный корабль. Нужно спасать людей! С «Партизана» перекинули верёвку, а на паруснике прикрепили её к мачте. К верёвке привязали корзину, и в ней перетаскивали людей на «Партизан». Всех спасли и отправились дальше. Всё скорей, скорей!..

Уже полпути прошёл «Партизан» благополучно. Но тут поднялся на море туман. Ничего кругом не видно, как будто в молоке плывёшь. «Партизан» идёт медленно и гудит в гудок, чтоб не столкнуться. Как вдруг совсем близко показался другой пароход. Капитан хотел повернуть, но было уже поздно. Встречный пароход ударил «Партизана» в бок и пробил большую дыру.

Но «Партизан» не потонул. Пробоина была в борту над водой. Пришлось идти в порт, чтобы зачинить пробоину. Капитан просил, чтобы чинили скорее. Надо было до зимы успеть на далёкий остров. На месте пробоины поставили новый железный лист, и «Партизан» опять стал как новый.

Теперь «Партизан» спешил больше прежнего и всё-таки не успел: льды окружили его со всех сторон.

Не пробить «Партизану» льда.

Но тут помог ему пароход-ледокол. Ледоколу лёд нипочём. Он его разбивает и делает среди льда канал, похожий на речку с ледяными берегами. По этой речке за ледоколом и пошёл «Партизан».

Так за ледоколом прошёл «Партизан» к острову, где его давно ждали люди. Капитан всё рассказал, что с ним было в пути. И все радовались, что пароход всё-таки пришёл до зимы. Стали скорее выгружать сахар, муку, доски, а корову свели по сходням. Потом на пароход нагрузили звериные шкуры, моржовые клыки — всё, что наловили и настреляли за целый год.

На севере был уже мороз, когда «Партизан» пошёл домой.

В море налетела на корабль морозная буря, волны захлёстывали палубу, и вода замерзала. От тяжести льда пароход мог перевернуться. Люди скалывали лёд три дня и три ночи без отдыха и спасли «Партизан».

Чем ближе к дому, тем становилось теплей. А когда пришли домой, было уже совсем тепло и светило солнышко. Пароход украсили флагами. На пристани его встречали люди; они махали шапками и кричали «ура». Все были рады, что «Партизан» не замёрз во льдах.

Он доставил всё необходимое людям на острове. А оттуда привёз много мехов и шкур, и тюленьего жира, и солёной рыбы, и моржовых клыков, и даже живого белого мишку для зоосада.

ОБВАЛ

Девочка Валя ела рыбу и вдруг подавилась косточкой. Мама закричала:

— Съешь скорее корку!

Но ничего не помогало. У Вали текли из глаз слёзы. Она не могла говорить, а только хрипела, махала руками. Мама испугалась и побежала звать доктора. А доктор жил за сорок километров. Мама сказала ему по телефону, чтоб он скорей-скорей приезжал. Доктор сейчас же собрал свои щипчики, сел в автомобиль и поехал к Вале. Дорога шла по берегу. С одной стороны было море, а с другой стороны крутые скалы. Автомобиль мчался во весь дух. Доктор очень боялся за Валю. Вдруг впереди загремело, и шофёр остановил автомобиль. Это одна скала рассыпалась на камни и засыпала дорогу. Ехать стало нельзя, и доктор чуть не заплакал. Оставалось ещё далеко. Но доктор всё равно хотел идти пешком. Вдруг сзади затрубил гудок. Шофёр посмотрел назад и сказал:

— Погодите, доктор, помощь идёт!

А это спешил грузовик. Он подъехал к завалу. Из грузовика выскочили люди. Они сняли с грузовика машину-насос и резиновые трубы. И провели трубу в море. Насос заработал. По трубе он сосал из моря воду, а потом гнал её в другую трубу. Из этой трубы вода вылетала со страшной силой. Она с такой силой вылетала, что конец трубы людям

нельзя было удержать: так он трясся и бился. Его привинтили к железной подставке и направили воду прямо на обвал. Получилось, как будто стреляют водой из пушки. Вода так сильно била по обвалу, что сбивала глину и камни и уносила их в море. Весь обвал вода смыла с дороги.

— Скорей едем! — крикнул доктор шофёру.

Шофёр пустил машину. Доктор приехал к Вале, достал свои щипчики и вынул из горла косточку. А потом сел и рассказал Вале, как завалило дорогу и как насос-гидротаран размыл обвал.

ДЫМ

Никто этому не верит. А пожарные говорят:

— Дым страшнее огня. От огня человек убегает, а дыму не боится и лезет в него. И там задыхается. И ещё — в дыму ничего не видно. Не видно, куда бежать, где двери, где окна. Дым ест глаза, кусает в горле, щиплет в носу.

И пожарные надевают на лицо маски, а в маску по труб-

ке идёт воздух. В такой маске можно долго быть в дыму, но только всё равно ничего не видно.

И вот один раз тушили пожарные дом. Жильцы выбежали на улицу. Старший пожарный крикнул:

— А ну, посчитайте, все ли?

Одного жильца не хватало.

И мужчина закричал:

— Петька-то наш в комнате остался!

Старший пожарный послал человека в маске найти Петьку. Человек вошёл в комнату.

В комнате огня ещё не было, но было полно дыму. Человек в маске обшарил всю комнату, все стены и кричал со всей силы через маску:

— Петька, Петька! Выходи, сгоришь! Подай голос!

Но никто не отвечал. Человек услышал, что валится крыша, испугался и ушёл.

Тогда старший пожарный рассердился:

— А где Петька?

— Я все стены обшарил, — сказал человек.

— Давай маску! — крикнул старший.

Человек начал снимать маску. Старший видит: потолок уже горит. Ждать некогда.

И старший не стал ждать; окунул рукавицу в ведро, заткнул её в рот и бросился в дым.

Он сразу бросился на пол и стал шарить. Наткнулся на диван и подумал: «Наверное, он туда забился, там меньше дыму».

Он сунул руку под диван и нащупал ноги. Старший пожарный схватил их и потянул вон из комнаты.

Он вытянул человека на крыльцо. Это и был Петька. А пожарный стоял и шатался. Так его заел дым.

А тут как раз рухнул потолок, и вся комната загорелась.

Петьку отнесли в сторону и привели в чувство. Он рассказал, что со страху забился под диван, заткнул уши и закрыл глаза. А потом не помнит, что было.

А старший пожарный для того взял рукавицу в рот, что через мокрую тряпку в дыму дышать легче.

После пожара старший сказал пожарному:

— Чего по стенам шарил? Он не у стенки тебя ждать будет. Коли молчит, так, значит, задохнулся и на полу валяется. Обшарил бы пол да койки, сразу бы и нашёл.

СКАТ

Один старик пошёл утром на море удить рыбу. Он пошёл по берегу поискать, где б получше. Вдруг видит: недалеко от берега торчат из воды камни, а на камнях сидят двое с удочками и то и дело рыбу вытягивают.

«Ну-ка и я с ними», — подумал старик. Разделся, взял одёжу в охапку, пошёл вброд к камням, где сидели рыболовы.

Он вошёл уж по грудь в воду, как вдруг вскрикнул, выпустил удочку и одёжу, опрокинулся назад и пошёл под воду.

Рыболовы оглянулись, бросили удочки и кинулись спасать старика.

Когда они вытащили его на берег, то увидели, что у старика живот разрезан, как ножом, и кровь течёт ручьём.

Младший испугался и говорит:

— Дядя Вася, я боюсь, старик сейчас помрёт, вон и глаза закрыл.

А дядя Вася сказал:

— Это его скат ударил, рыба такая. Ты, Федька, здесь стой, а я побегу, тут доктор живёт, приведу.

И дядя Вася побежал бегом что было мочи.

Федя отвернулся, боялся на старика глядеть и думал, что умер уже старик, потому что он не охал и ничего не говорил.

Вдруг видит Федя: бежит дядя Вася, а за ним доктор. Тогда Федя оглянулся на старика, а он глазами моргает.

Федя вскочил и побежал навстречу доктору и стал кричать во весь голос:

— Моргает, моргает!

А доктор расстелил на песке простыню и говорит:

— Осторожно берём, кладём его на простыню.

Тут старик застонал и говорит:

— Ой, не трожьте меня, дайте помереть спокойно.

— Помереть успеешь, — сказал доктор и велел нести старика в дом, да скорей.

Федя с дядей Васей понесли старика на простыне, как могли скорей, а доктор вперёд бегом побежал.

У доктора положили старика на стол, и доктор сказал, что пусть все уйдут.

Пошли дядя Вася с Федей к своим удочкам, а дядя Вася и говорит:

— Это рыба такая есть — скат, у ней хвост, а на хвосте тонкая пилочка. Как махнёт скат хвостом, так этой пилочкой может и лошади ноги подрезать. Он спал, должно быть, на дне, а старик не видал и наступил на него. Он взвился да и резанул старика по животу. Ну, — говорит дядя Вася, — пришли! Идём на каменья.

— Нет, — говорит Федя, — я уж не пойду. Иди сам.

— Ну, — сказал дядя Вася, — ската уж спугнули, он уж куда теперь уплыл! А боишься, так я вперёд пойду, ты за мной.

И пошёл. Феде стыдно стало, и он пошёл следом.

А вечером они зашли к доктору спросить, как старик, жив ли.

Доктор вышел, говорит:

— Вот хорошо, что меня скоро позвали. Жив старик. Я ему живот зашил, авось выздоровеет.

Через неделю пустил доктор Федю с дядей Васей старика посмотреть.

— А я уж думал, что помру, — сказал старик, — да вот доктору спасибо, не дал помереть.

А доктор сказал:

— Ты вот им спасибо скажи, что вытащили.

А Федя сказал:

— Это дядя Вася доктора позвал; полетел, что пуля.

— Эх, — сказал старик, — чем же я вас благодарить буду? Нет у меня ничего. Только вот разве рыбы наловлю да вас всех позову уху хлебать.

РАЗИНЯ

Девочку Сашу мама послала в кооператив. Саша взяла корзинку и пошла. Мама ей вслед крикнула:

— Смотри, сдачу-то не забудь взять. Да гляди, чтоб кошелёк у тебя не вытащили!

Вот Саша заплатила в кассе, кошелёк положила в корзинку на самое дно, а сверху ей насыпали в корзинку картошки. Положили капусты, луку — полна корзинка. А ну-ка, вытащи оттуда кошелёк! Саша-то вон как хитро придумала от воров!

Вышла из кооператива и тут вдруг забоялась: ой, кажется, сдачу-то опять забыла взять, а корзинка тяжелющая! Ну, на одну минутку Саша поставила корзинку у дверей, подскочила к кассе:

— Тётенька, вы мне, кажется, сдачи не дали.

А кассирша ей из окошка:

— Не могу я всех помнить.

А в очереди кричат:

— Не задерживай!

Саша хотела взять корзинку и уж так, без сдачи, идти домой. Глядь, а корзинки нет. Вот перепугалась Саша! Заплакала да как закричит во весь голос:

— Ой, украли, украли! Корзинку мою украли! Картошку, капусту!

Люди обступили Сашу, ахают и бранят её:

— Кто ж вещи свои так бросает! Так тебе и надо!

А заведующий выскочил на улицу, вынул свисток и начал свистеть: милицию звать. Саша думала, что сейчас её в милицию заберут за то, что она разиня, и ещё громче заревела. Пришёл милиционер.

— В чём тут дело? Чего девочка кричит?

Тут милиционеру рассказали, как обокрали Сашу.

Милиционер говорит:

— Сейчас устроим, не плачь.

И стал говорить по телефону.

Саша боялась домой идти без кошелька и корзинки. И тут стоять ей тоже страшно было. А ну как милиционер в милицию сведёт?

А милиционер пришёл и говорит:

— Ты никуда не уходи, стой здесь!

И вот приходит в магазин человек с собакой на цепочке. Милиционер на Сашу показал:

— Вот у неё украли, вот у этой девочки.

Все расступились, человек подвёл собаку к Саше. Саша думала, что собака её сейчас начнёт кусать. Но собака только её нюхала и фыркала. А милиционер в это время спрашивал Сашу, где она живёт.

Саша просила милиционера, чтобы он ничего маме не говорил. А он смеялся, и все кругом тоже смеялись. А тот человек с собакой уже ушёл.

Милиционер тоже ушёл. А Саша боялась домой идти. Села в угол прямо на пол. Сидит — ждёт, что будет.

Она долго там сидела. Вдруг слышит — мама кричит:

— Саша, Сашенька, ты здесь, что ли?

Саша как крикнет:

— Тута! — и вскочила на ноги.

Мама схватила её за руку и привела домой.

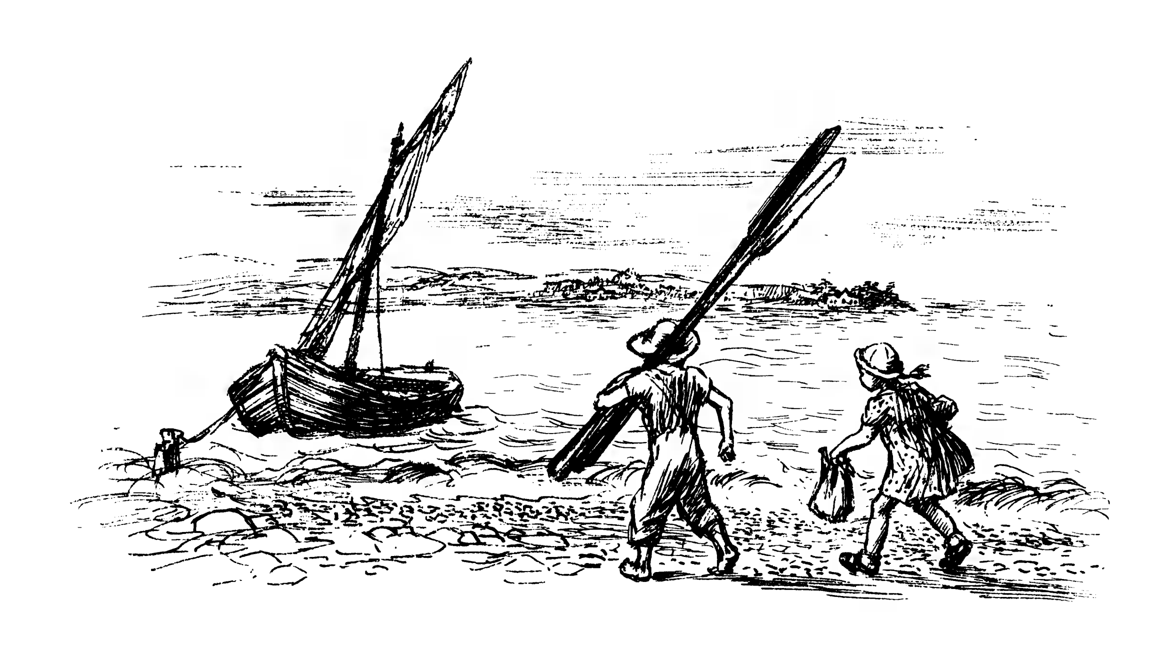
А дома в кухне стоит корзина с картошкой, капустой и луком. Мама рассказала, что собака повела того человека по нюху следом за вором, нагнала вора и схватила зубами за руку. Вора отвели в милицию, корзинку у него отобрали и принесли маме. А вот кошелька не нашли, так он и пропал с деньгами вместе.

— И вовсе не пропал! — сказала Саша и перевернула корзинку. Картошка высыпалась, и кошелёк со дна выпал.

— Вот какая я умная! — говорит Саша.

А мама ей:

— Умная, да разиня.

БЕЛЫЙ ДОМИК

Мы жили на море, и у моего папы была хорошая лодка с парусами. Я отлично умел на ней ходить — и на вёслах и под парусами. И всё равно одного меня папа никогда в море не пускал. А мне было двенадцать лет.

Вот раз мы с сестрой Ниной узнали, что отец на два дня уезжает из дому, и мы затеяли уйти на шлюпке на ту сторону; а на той стороне залива стоял очень хорошенький домик: беленький, с красной крышей. А кругом домика росла рощица. Мы там никогда не были и думали, что там очень хорошо. Наверно, живут добрые старик со старушкой. А Нина говорит, что непременно у них собачка и тоже добрая. А старики, наверное, простоквашу едят и нам обрадуются и простокваши дадут.

И вот мы стали копить хлеб и бутылки для воды. В море-то ведь вода солёная, а вдруг в пути пить захочется?

Вот отец вечером уехал, а мы сейчас же налили в бутылки воды потихоньку от мамы. А то спросит: зачем? — и тогда всё пропало.

Чуть только рассвело, мы с Ниной тихонько вылезли из окошка, взяли с собой наш хлеб и бутылки в шлюпку. Я по-

ставил паруса, и мы вышли в море. Я сидел как капитан, а Нина меня слушалась как матрос.

Ветер был лёгонький, и волны были маленькие, и у нас с Ниной выходило, будто мы на большом корабле, у нас есть запасы воды и пищи, и мы идём в другую страну. Я правил прямо на домик с красной крышей. Потом я велел сестре готовить завтрак. Она наломала меленько хлеба и откупорила бутылку с водой. Она всё сидела на дне шлюпки, а тут, как встала, чтобы мне подать, да как глянула назад, на наш берег, она так закричала, что я даже вздрогнул:

— Ой, наш дом еле видно! — и хотела реветь.

Я сказал:

— Рёва, зато старичков домик близко.

Она поглядела вперёд и ещё хуже закричала:

— И старичков домик далеко: нисколько мы не подъехали. А от нашего дома уехали!

Она стала реветь, а я назло стал есть хлеб как ни в чём не бывало. Она ревела, а я приговаривал:

— Хочешь назад, прыгай за борт и плыви домой, а я иду к старичкам.

Потом она попила из бутылки и заснула. А я всё сижу у руля, и ветер не меняется и дует ровно. Шлюпка идёт гладко,и за кормой вода журчит.Солнце уже высоко стояло.

И вот я вижу, что мы совсем близко уж подходим к тому берегу и домик хорошо виден. Вот пусть теперь Нинка проснётся да глянет — вот обрадуется! Я глядел, где там собачка. Но ни собачки, ни старичков видно не было.

Вдруг шлюпка споткнулась, стала и наклонилась набок. Я скорей опустил парус, чтобы совсем не опрокинуться. Нина вскочила. Спросонья она не знала, где она, и глядела, вытаращив глаза. Я сказал:

— В песок ткнулись. Сели на мель. Сейчас я спихну. А вон домик.

Но она и домику не обрадовалась, а ещё больше испугалась. Я разделся, прыгнул в воду и стал спихивать.

Я выбился из сил, но шлюпка ни с места. Я её клонил то на один, то на другой борт. Я спустил паруса, но ничто не помогло.

Нина стала кричать, чтобы старичок нам помог. Но было далеко, и никто не выходил. Я велел Нинке выпрыгнуть, но и это не облегчило шлюпку: шлюпка прочно вкопа-

лась в песок. Я пробовал пойти вброд к берегу. Но во все стороны было глубоко, куда ни сунься. И никуда нельзя было уйти. И так далеко, что и доплыть нельзя.

А из домика никто не выходил. Я поел хлеба, запил водой и с Ниной не говорил. А она плакала и приговаривала:

— Вот завёз, теперь нас здесь никто не найдёт. Посадил на мель среди моря. Капитан! Мама с ума сойдёт. Вот увидишь. Мама мне так и говорила: «Если с вами что, я с ума сойду».

А я молчал. Ветер совсем затих. Я взял и заснул.

Когда я проснулся, было совсем темно. Нинка хныкала, забившись в самый нос, под скамейку. Я встал на ноги, и шлюпка под ногами качнулась легко и свободно. Я нарочно качнул её сильней. Шлюпка на свободе. Вот я обрадовался-то! Ура! Мы снялись с мели. Это ветер переменился, нагнал воды, шлюпку подняло, и она сошла с мели.

Я огляделся. Вдали блестели огоньки — много-много. Это на нашем берегу: крохотные, как искорки. Я бросился поднимать паруса. Нина вскочила и думала сначала, что я с ума сошёл. Но я ничего не сказал. А когда уже направил шлюпку на огоньки, сказал ей:

— Что, рёва? Вот и домой идём. А реветь нечего.

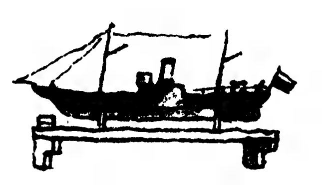
Мы всю ночь шли. Под утро ветер перестал. Но мы

были уже под берегом. Мы на вёслах догреблись до дому. Мама и сердилась и радовалась сразу. Но мы выпросили, чтобы отцу ничего не говорила.

А потом мы узнали, что в том домике уж целый год никто не живёт.

КАК Я ЛОВИЛ ЧЕЛОВЕЧКОВ

Когда я был маленький, меня отвезли жить к бабушке. У бабушки над столом была полка. А на полке пароходик. Я такого никогда не видал. Он был совсем настоящий, только маленький. У него была труба: жёлтая и на ней два чёрных пояса. И две мачты. А от мачт шли к бортам верёвочные лесенки. На корме стояла будочка, как домик. Полированная, с окошечками и дверкой. А уж совсем на корме — медное рулевое колесо. Снизу под кормой — руль. И блестел перед рулём винт, как медная розочка. На носу два якоря. Ах, какие замечательные! Если б хоть один у меня такой был!

Я сразу запросил у бабушки, чтоб поиграть пароходиком. Бабушка мне всё позволяла. А тут вдруг нахмурилась:

— Вот это уж не проси. Не то играть — трогать не смей. Никогда! Это для меня дорогая память.

Я видел, что, если и заплакать, — не поможет.

А пароходик важно стоял на полке на лакированных подставках. Я глаз от него не мог оторвать.

А бабушка:

— Дай честное слово, что не прикоснёшься. А то лучше спрячука от греха.

И пошла к полке.

Я чуть не заплакал и крикнул всем голосом:

— Честное-расчестное, бабушка. — И схватил бабушку за юбку.

Бабушка не убрала пароходика.

Я всё смотрел на пароходик. Влезал на стул, чтоб лучше видеть. И всё больше и больше он мне казался настоящим. И непременно должна дверца в будочке отворяться. И наверно, в нём живут человечки. Маленькие, как раз по росту пароходика. Выходило, что они должны быть чуть ниже спички. Я стал ждать, не поглядит ли кто из них в окошечко. Наверно, подглядывают. А когда дома никого нет, выходят на палубу. Лазят, наверно, по лестничкам на мачты.

А чуть шум — как мыши: юрк в каюту. Вниз — и притаятся. Я долго глядел, когда был в комнате один. Никто не выглянул. Я спрятался за дверь и глядел в щёлку. А они хитрые, человечки проклятые, знают, что я подглядываю. Ага! Они ночью работают, когда никто их спугнуть не может. Хитрые.

Я стал быстро-быстро глотать чай. И запросился спать.

Бабушка говорит:

— Что это? То тебя силком в кровать не загонишь, а тут этакую рань и спать просишься.

И вот, когда улеглись, бабушка погасила свет. И не видно пароходика. Я ворочался нарочно, так что кровать скрипела.

Бабушка:

— Чего ты всё ворочаешься?

— А я без света спать боюсь. Дома всегда ночник зажигают. — Это я наврал: дома ночью темно наглухо.

Бабушка ругалась, однако встала. Долго ковырялась и устроила ночник. Он плохо горел. Но всё же было видно, как блестел пароходик на полке.

Я закрылся одеялом с головой, сделал себе домик и маленькую дырочку. И из дырочки глядел не шевелясь. Скоро я так присмотрелся, что на пароходике мне всё стало отлично видно. Я долго глядел. В комнате было совсем тихо. Только часы тикали. Вдруг что-то тихонько зашуршало. Я насторожился — шорох этот на пароходике. И вот будто дверка приоткрылась. У меня дыхание спёрло. Я чуть двинулся вперёд. Проклятая кровать скрипнула. Я спугнул человечка!

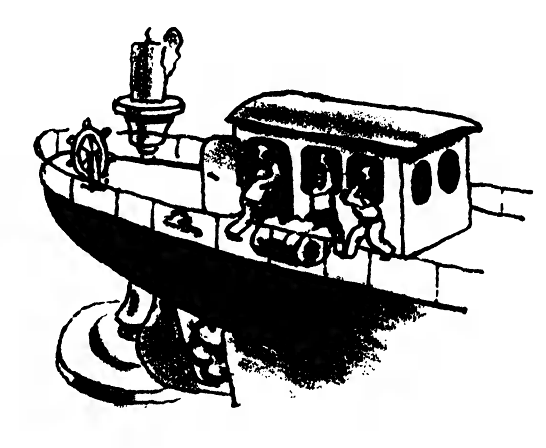
Теперь уж нечего было ждать, и я заснул. Я с горя заснул.

На другой день я вот что придумал. Человечки, наверно же, едят что-нибудь. Если дать им конфету, так это для них целый воз. Надо отломить от леденца кусок и положить на пароходик, около будочки. Около самых дверей. Но такой кусок, чтоб сразу в ихние дверцы не пролез. Вот они ночью двери откроют, выглянут в щёлочку. Ух ты! Конфетища! Для них это — как ящик целый. Сейчас выскочат, скорей конфетину к себе тащить. Они её в двери, а она не лезет! Сейчас сбегают, принесут топорики — маленькие-маленькие, но совсем всамделишные — и начнут этими топориками тюкать: тюк-тюк! тюк-тюк! И скорей пропирать конфетину в дверь. Они хитрые, им лишь бы всё вёртко. Чтоб не поймали. Вот они завозятся с конфетиной. Тут, если я и скрипну, всё равно им не поспеть: конфетина в дверях застрянет — ни туда, ни сюда. Пусть убегут, а всё равно видно будет, как они конфетину тащили. А может быть, кто-нибудь с перепугу топорик упустит. Где уж им будет подбирать! И я найду на пароходике на палубе малюсенький настоящий топорик, остренький-преостренький.

И вот я тайком от бабушки отрубил от леденца кусок, как раз какой хотел. Выждал минуту, пока бабушка в кухне возилась, раз-два — на стол ногами, и положил леденец у самой дверки на пароходике. Ихних полшага от двери до леденца. Слез со стола, рукавом затёр, что ногами наследил. Бабушка ничего не заметила.

Днём я тайком взглядывал на пароходик. Повела бабушка меня гулять. Я боялся, что за это время человечки утянут леденец и я их не поймаю. Я дорогой нюнил нарочно, что мне холодно, и вернулись мы скоро. Я глянул первым делом на пароходик! Леденец как был — на месте. Ну да! Дураки они днём браться за такое дело!

Ночью, когда бабушка заснула, я устроился в домике из одеяла и стал глядеть. На этот раз ночник горел замечательно, и леденец блестел, как льдинка на солнце, острым огоньком. Я глядел, глядел на этот огонёк и заснул, как назло! Человечки меня перехитрили. Я утром глянул — леденца не было, а встал я раньше всех, в одной рубашке бегал глядеть. Потом со стула глядел — топорика, конечно, не было. Да чего же им было бросать: работали не спеша,

без помехи, и даже крошечки ни одной нигде не валялось — всё подобрали.

Другой раз я положил хлеб. Я ночью даже слышал какую-то возню. Проклятый ночник еле коптел, я ничего не мог рассмотреть. Но наутро хлеба не было. Чуть только крошек осталось. Ну, понятно, им хлеба-то не особенно жалко, не конфеты: там каждая крошка для них леденец.

Я решил, что у них в пароходике с обеих сторон идут лавки. Во всю длину. И они днём там сидят рядком и тихонько шепчутся. Про свои дела. А ночью, когда все-все заснут, тут у них работа.

Я всё время думал о человечках. Я хотел взять тряпочку, вроде маленького коврика, и положить около дверей. Намочить тряпочку чернилами. Они выбегут, не заметят сразу, ножки запачкают и наследят по всему пароходику. Я хоть увижу, какие у них ножки. Может быть, некоторые босиком, чтобы тише ступать. Да нет, они страшно хитрые и только смеяться будут над всеми моими штуками.

Я не мог больше терпеть.

И вот — я решил непременно взять пароходик и посмотреть и поймать человечков. Хоть одного. Надо только устроить так, чтобы остаться одному дома. Бабушка всюду меня с собой таскала, во все гости. Всё к каким-то старухам. Сиди — и ничего нельзя трогать. Можно только кошку гладить. И шушукает бабушка с ними полдня.

Вот я вижу — бабушка собирается: стала собирать печенье в коробочку для этих старух — чай там пить. Я побежал в сени, достал мои варежки вязаные и натёр себе и лоб и щёки — всю морду, одним словом. Не жалея. И тихонько прилёг на кровать.

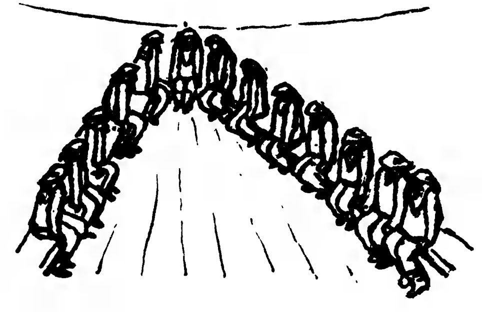
Бабушка вдруг хватилась:

— Боря, Борюшка, где ж ты? — Я молчу и глаза закрыл. Бабушка ко мне:

— Что это ты лёг?

— Голова болит.

Она тронула лоб.

— Погляди-ка на меня! Сиди дома. Назад пойду, малины возьму в аптеке. Скоро вернусь. Долго сидеть не буду. А ты раздевайся-ка и ложись. Ложись, ложись без разговору.

Стала помогать мне, уложила, увернула одеялом и всё приговаривала: «Я сейчас вернусь, живым духом».

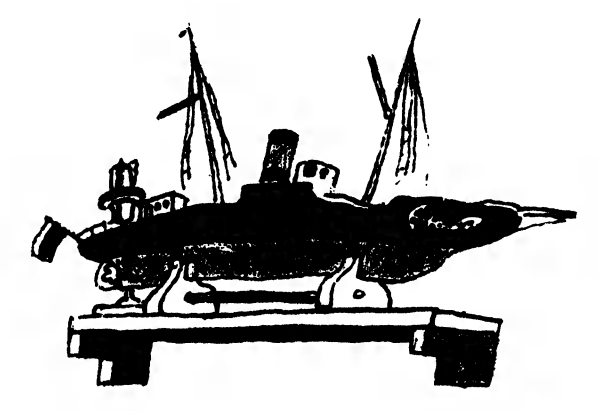
Бабушка заперла меня на ключ. Я выждал пять минут: а вдруг вернётся? Вдруг забыла там что-нибудь?

А потом я вскочил с постели как был, в рубахе. Я вскочил на стол, взял с полки пароходик. Сразу руками понял, что он железный, совсем настоящий. Я прижал его к уху и стал слушать: не шевелятся ли? Но они, конечно, примолкли. Поняли, что я схватил ихний пароход. Ага! Сидите там на лавочке и примолкли, как мыши. Я слез со стола и стал трясти пароходик. Они стряхнутся, не усидят на лавках, и я услышу, как они там болтаются.

Но внутри было тихо.

Я понял: они сидят на лавках, ноги поджали и руками что есть сил уцепились в сиденья. Сидят как приклеенные.

Ага! Так погодите же. Я подковырну и приподниму палубу. И вас всех там накрою. Я стал доставать из буфета столовый нож, но глаз не спускал с пароходика, чтоб не выскочили человечки. Я стал подковыривать палубу. Ух, как плотно всё заделано. Наконец удалось немножко подсунуть нож. Но мачты поднимались вместе с палубой. А мачтам не давали подниматься эти верёвочные лесенки, что шли от мачт к бортам. Их надо было отрезать — иначе никак. Я на миг остановился. Всего только на миг.

Но сейчас же торопливой рукой стал резать эти лесенки. Пилил их тупым ножом. Готово, все они повисли, мачты свободны. Я стал ножом приподнимать палубу. Я боялся сразу дать большую щель. Они бросятся все сразу и разбегутся. Я оставил щёлку, чтобы пролезть одному. Он полезет, а я его — хлоп! — и захлопну, как жука в ладони. Я ждал и держал руку наготове — схватить.

Не лезет ни один! Я тогда решил сразу отвернуть палубу и туда в серёдку рукой — прихлопнуть. Хоть один да попадётся. Только надо сразу: они уж там небось приготовились — откроешь, а человечки прыск все в стороны.

Я быстро откинул палубу и прихлопнул внутрь рукой. Ничего. Совсем, совсем ничего! Даже скамеек этих не было. Голые борта. Как в кастрюльке. Я поднял руку. И под рукой, конечно, ничего. У меня руки дрожали, когда я прилаживал назад палубу. Всё криво становилась. И лесенки никак не приделать. Они болтались как попало. Я кой-как приткнул палубу на место и поставил пароходик на полку. Теперь всё пропало!

Я скорей бросился в кровать, завернулся с головой.

Слышу ключ в дверях.

— Бабушка! — под одеялом шептал я. — Бабушка, миленькая, родненькая, чего я наделал-то!

А бабушка стояла уж надо мной и по голове гладила:

— Да чего ты ревёшь, да плачешь-то чего? Родной ты мой, Борюшка! Видишь, как я скоро?

Она ещё не видала пароходика.

ПУТЕШЕСТВИЕ ХРАБРОГО ВАН-ГУГЕНА

Шесть недель перелистывал книги голландский воин Фома Ван-дер-Гуген. Это было четыреста лет тому назад, в старое время, и воин был старинный. Чего ж он книги перелистывал? В книгах он вычитывал, что ждёт его в пути, когда он на корабле поедет в Персию и повезёт золото, чтобы выкупить из плена своего брата Иоганна Ван-дер-Гугена. Корабли у голландцев на славу — ни ветру, ни бури не боятся — не беда.

А вот на первой же странице толстой книги написано: есть в океане морской человек. Лицом он похож на человека, только руки коротки и хвост рыбий. Однажды влез он на борт купеческого корабля, и корабль накренился на борт и вовсе перевернулся бы, не соскочи человек обратно в море.

«Ничего, — подумал Ван-дер-Гуген, — на корабле можно к берегу пристать, выскочить на землю и удрать от морского человека». Перевернул страницу — ещё картинка.

Рассмотрел: рыба на ножках. Подписано: морская собака. В море плавает, как рыба, по земле бегает, как зверь.

От такой и на берегу не спасёшься.

— Ну, а шпага моя на что? — сказал Ван-Гуген и погладил шпагу по боку. Но через две страницы он увидал картинку, как чешуйчатый морской змей на выбор глотает с корабля людей — какого захочет. И если даже всё время ходить в латах, то змей съест вместе с латами, ему и железо нипочём.

«Ну, должно быть, только отчаянных грешников хватает змей, меня не тронет», — решил Ван-Гуген. Но дальше прочёл в книге, что змей ухватил как-то даже монаха самой праведной жизни.

— А вдруг всё это не так? — уж вслух сказал Ван-Гуген и хотел выпить вина, чтоб согнать страх, но внизу страницы увидал семиголовое чудище, и достоверный учёный писал: «Эту семиголовую гидру и сейчас ещё можно видеть в городе Венеции, где её показывают за небольшие деньги».

Уж если сам архиепископ Магнус пишет, значит, правда, и Ван-Гуген уж не читал больше, а дрожащими пальцами листал книгу. Вон чудище прямо с берега ухватило человека и ест, как кильку. Захлопнул книгу. Открыл другую. Вот тут радость.

Босые, голые люди простым бревном губят чудище — крокодила. Главное — дружно налечь. Ван-Гуген приосанился, подбоченился. Эх, так его! Луком разят. Топором! Так его, голубчика. А-а-а, задрал ножки. Долго радовался Ван-Гуген. Ходил по комнате, ногой притоптывал — есть на чудище управа. Главное — дружно и не трусь.

Но вот он после обеда поспал, снова сел за книги: и вот на картине море, за морем огненные волны, с огнём уж тихая, мирная вода. А из тихой воды с края света подымается рука — пальцы до небес. Распялилась рука и вот-вот

сгребёт когтями корабль. Тут уж трусь не трусь, дружно не дружно, всем одна жестокая судьба.

Ван-Гуген прищурил глаза и поднёс книгу к самому окну. Он сразу даже не понял, что нарисовано. Нет, верно. И подпись говорит ясно: вылез из моря огромный спрут, опутал своими щупальцами мачты корабля... ну, дальше понятно, чем всё кончилось.

Он хотел уж захлопнуть книгу. Но потом опять стал разглядывать ту картинку, на которой была нарисована рука. Вон море взмахнуло волной выше мачт корабля, сейчас грохнет на палубу и разобьёт, как гнилое корыто. Но вон-вон дальше тихое море, ещё шаг, два... А это что ж вверху?

Гигантская птица Рок ухватила, подняла ввысь корабль и рвёт, дерёт по клочьям, а люди валятся вниз, как семечки из дырявого мешка. Ну, а если и птице Рок недосуг будет рвать корабль, — то вон из-за горизонта вздымается до небес рука. Она закрыла собой огненный закат, распялилась и ждёт, как судьба.

Ван-дер-Гуген захлопнул учёную книгу и спрятал в шкаф.

«Нет, не поеду, ни за что не поеду, — в душе решил Ван-Гуген. — Скажу всем, что я занемог. Может, сын мой поедет... когда подрастёт».

И когда вошла жена, Ван-Гуген сделал кислую мину и, закатив глаза, спросил:

— Берта, ты не забыла, где живёт медикус Мунц?

Вот какие книги печатались в старину. Конечно, на самом деле никаких таких зверей не было и никто их не мог видеть. Но тогда, в школах, на уроках географии всерьёз учили, в каких странах живут все эти чудища...

Рассказы о животных

ГАЛКА

У брата с сестрой была ручная галка. Она ела из рук, давалась гладить, улетала на волю и назад прилетала.

Вот раз сестра стала умываться. Она сняла с руки колечко, положила на умывальник и намылила лицо мылом. А когда она мыло сполоснула, — поглядела: где колечко? А колечка нет.

Она крикнула брату:

— Отдай колечко, не дразни! Зачем взял?

— Ничего я не брал, — ответил брат.

Сестра поссорилась с ним и заплакала.

Бабушка услыхала.

— Что у вас тут? — говорит. — Давайте мне очки, сейчас я это кольцо найду.

Бросились искать очки — нет очков.

— Только что на стол их положила, — плачет бабушка. — Куда им деться? Как я теперь в иголку вдену?

И закричала на мальчика:

— Твои это дела! Зачем бабушку дразнишь?

Обиделся мальчик, выбежал из дому. Глядит, — а над

крышей галка летает, и что-то у ней под клювом блестит. Пригляделся — да это очки! Спрятался мальчик за дерево и стал глядеть. А галка села на крышу, огляделась, не видит ли кто, и стала очки на крыше клювом в щель запихивать.

Вышла бабушка на крыльцо, говорит мальчику:

— Говори, где мои очки?

— На крыше! — сказал мальчик.

Удивилась бабушка. А мальчик полез на крышу и вытащил из щели бабушкины очки. Потом вытащил оттуда и колечко. А потом достал стёклышек, а потом разных денежек много штук.

Обрадовалась бабушка очкам, а сестра колечку и сказала брату:

— Ты меня прости, я ведь на тебя подумала, а это галка-воровка.

И помирились с братом.

Бабушка сказала:

— Это всё они, галки да сороки. Что блестит, всё тащат.

ВЕЧЕР

Идёт корова Маша искать сына своего, телёнка Алёшку. Не видать его нигде. Куда он запропастился? Домой уж пора.

А телёнок Алёшка набегался, устал, лёг в траву. Трава высокая — Алёшку и не видать.

Испугалась корова Маша, что пропал её сын Алёшка, да как замычит что есть силы:

— Му-у!

Услыхал Алёшка мамин голос, вскочил на ноги и во весь дух домой.

Дома Машу подоили, надоили целое ведро парного молока. Налили Алёшке в плошку:

— На, пей, Алёшка.

Обрадовался Алёшка — давно молока хотел, — всё до дна выпил и плошку языком вылизал.

Напился Алёшка, захотелось ему по двору пробежаться. Только он побежал, вдруг из будки выскочил щенок — и ну

лаять на Алёшку. Испугался Алёшка: это, верно, страшный зверь, коли так лает громко. И бросился бежать.

Убежал Алёшка, и щенок больше лаять не стал. Тихо стало кругом. Посмотрел Алёшка — никого нет, все спать пошли. И самому спать захотелось. Лёг и заснул во дворе.

Заснула и корова Маша на мягкой траве.

Заснул и щенок у своей будки — устал, весь день лаял.

Заснул и мальчик Петя в своей кроватке — устал, весь день бегал.

А птичка давно уж заснула.

Заснула на ветке и головку под крыло спрятала, чтоб теплей было спать. Тоже устала. Весь день летала, мошек ловила.

Все заснули, все спят.

Не спит только ветер ночной.

Он в траве шуршит и в кустах шелестит.

ОХОТНИК И СОБАКИ

Рано утром встал охотник, взял ружьё, патроны, сумку, позвал своих двух собак и пошёл стрелять зайцев.

Был сильный мороз, но ветра совсем не было. Охотник шёл на лыжах и разогрелся от ходьбы. Ему было тепло.

Собаки забегали вперёд и выгоняли на охотника зайцев. Охотник ловко стрелял и набил пять штук. Тут он заметил, что зашёл далеко.

«Пора и домой,— подумал охотник. — От моих лыж видны следы, и, пока не стемнело, я по следам дойду домой. Перейду овраг, а там уже недалеко».

Он спустился вниз и увидел, что в овраге черным-черно от галок. Они сидели прямо на снегу. Охотник понял, что дело неладно.

И верно: он только вышел из оврага, как задул ветер, пошёл снег, и началась метель. Впереди ничего не было видно, следы запорошило снегом.

Охотник свистнул собак.

«Если собаки не выведут меня на дорогу, — подумал он, — я пропал. Куда идти, я не знаю, заблужусь, занесёт меня снегом, и я замёрзну».

Пустил он собак вперёд, а собаки отбегут пять шагов, и охотнику не видно, куда за ними идти. Тогда он снял пояс, отвязал все ремешки и верёвки, какие на нём были, привязал собак за ошейник и пустил вперёд. Собаки его потащили, и он на лыжах, как на санях, приехал к себе в деревню.

Он дал каждой собаке по целому зайцу, потом разулся и лёг на печь. А сам всё думал:

«Кабы не собаки, пропал бы я сегодня».

ВОЛК

Один колхозник проснулся рано утром, посмотрел в окно на двор, а на дворе у него волк. Волк стоял около хлева и скрёб лапой дверь. А в хлеву стояли овцы.

Колхозник схватил лопату — и во двор. Он хотел сзади ударить волка по голове. Но волк вмиг повернулся и поймал лопату зубами за ручку.

Колхозник стал вырывать у волка лопату. Не тут-то было! Волк так крепко уцепился зубами, что не вырвать. Колхозник стал звать на помощь, а дома спят, не слышат.

«Ну, — думает колхозник, — не век же волк лопату держать будет; а как выпустит, я ему лопатой голову проломаю».

А волк стал зубами ручку перебирать и всё ближе и ближе к колхознику...

«Пустить лопату? — думает колхозник. — Волк тоже лопату бросит да на меня. Я и убежать не успею».

А волк всё ближе и ближе. Видит колхозник: дело плохо — этак волк скоро за руку схватит. Собрался колхозник со всею силой да как швырнёт волка вместе с лопатой через забор, да скорей в избу.

Убежал волк. А колхозник дома всех разбудил.

— Ведь меня, — говорит, — у вас под окном чуть волк не заел. Эко спите!

— Как же, — спрашивает жена, — ты управился?

— А я, — говорит колхозник, — его за забор выкинул.

Посмотрела жена, а за забором лопата; вся волчьими зубами изгрызена.

КАК СЛОН СПАС ХОЗЯИНА ОТ ТИГРА

У индусов есть ручные слоны. Один индус пошёл со слоном в лес по дрова.

Лес был глухой и дикий. Слон протаптывал хозяину дорогу и помогал валить деревья, а хозяин грузил их на слона.

Вдруг слон перестал слушаться хозяина, стал оглядываться, трясти ушами, а потом поднял хобот и заревел.

Хозяин тоже оглянулся, но ничего не заметил.

Он стал сердиться на слона и бить его по ушам веткой.

А слон загнул хобот крючком, чтоб поднять хозяина на спину. Хозяин подумал: «Сяду ему на шею — так мне ещё удобней будет им править».

Он уселся на слоне и стал веткой хлестать слона по ушам. А слон пятился, топтался и вертел хоботом. Потом замер и насторожился.

Хозяин поднял ветку, чтоб со всей силы ударить слона, но вдруг из кустов выскочил огромный тигр. Он хотел напасть на слона сзади и вскочить на спину.

Но он попал лапами на дрова, дрова посыпались. Тигр хотел прыгнуть другой раз, но слон уже повернулся, схватил хоботом тигра поперёк живота, сдавил как толстым канатом. Тигр раскрыл рот, высунул язык и мотал лапами.

А слон уж поднял его вверх, потом шмякнул оземь и стал топтать ногами.

А ноги у слона — как столбы. И слон растоптал тигра в лепёшку. Когда хозяин опомнился от страха, он сказал:

— Какой я дурак, что бил слона! А он мне жизнь спас.

Хозяин достал из сумки хлеб, что приготовил для себя, и весь отдал слону.

МЕДВЕДЬ

В Сибири, в дремучем лесу, в тайге, жил охотник-тунгус со своей семьёй в кожаной палатке. Вот раз вышел он из дому дров наломать, видит: на земле следы лося-соха-

того. Обрадовался охотник, побежал домой, взял своё ружьё да нож и сказал жене:

— Скоро назад не жди — за сохатым пойду.

Вот пошёл он по следам, вдруг видит ещё следы — медвежьи. И куда ведут сохатого следы, туда и медвежьи ведут.

«Эге, — подумал охотник, — я не один за сохатым иду, впереди меня медведь сохатого гонит. Мне их не догнать. Медведь раньше меня сохатого поймает».

Всё-таки охотник пошёл по следам. Долго шёл, уж весь запас съел, что с собой из дому захватил, а всё идёт да идёт. Следы стали подыматься в гору, а лес не редеет, всё такой же густой.

Изголодался, измучился охотник, а всё идёт и под ноги себе смотрит, как бы следы не потерять. А по пути сосны лежат, бурей наваленные, камни, травой заросшие. Устал охотник, спотыкается, еле ноги тянет. А всё глядит: где трава примята, где оленьим копытом земля продавлена?

«Высоко я уж забрался, — думает охотник, — где конец этой горы».

Вдруг слышит: кто-то чавкает. Притаился охотник и пополз тихонько. И забыл, что устал, откуда силы взялись. Полз, полз охотник и вот видит: совсем редко стоят деревья, и тут конец горы — она углом сходится — и справа обрыв, и слева обрыв. А в самом углу лежит большущий медведь, гложет сохатого, ворчит, чавкает и не чует охотника.

«Ага, — подумал охотник, — ты сюда сохатого загнал, в самый угол, и тут его заел. Стой же!»

Поднялся охотник, присел на колено и стал целиться в медведя.

Тут медведь его увидел, испугался, хотел бежать, добежал до края, а там обрыв. Заревел медведь. Тут охотник выпалил в него из ружья и убил.

Охотник содрал с медведя шкуру,а мясо разрезал и повесил на дерево, чтоб волки не достали. Поел охотник медвежьего мяса и скорей домой.

Сложил палатку и со всей семьей пошёл, где оставил медвежье мясо.

— Вот, — сказал охотник жене, — ешьте, а я отдохну.

ПРО СЛОНА

Мы подходили на пароходе к Индии. Утром должны были прийти. Я сменился с вахты, устал и никак не мог заснуть: всё думал, как там будет. Вот как если б мне в детстве целый ящик игрушек принесли и только завтра можно его распаковать. Всё думал: вот утром сразу открою глаза, и индусы, чёрные, заходят вокруг, забормочут непонятно, не то что на картинке. Бананы прямо на кусте, город новый — всё зашевелится, заиграет. И слоны! Главное, слонов мне хотелось посмотреть. Всё не верилось, что они там не так, как в зоологическом, а запросто ходят, возят: по улице вдруг такая громада прёт!

Заснуть не мог, прямо ноги от нетерпения чесались. Ведь это, знаете, когда сушей едешь, совсем не то: видишь, как всё постепенно меняется. А тут две недели океан —

вода и вода — и сразу новая страна. Как занавес в театре подняли.

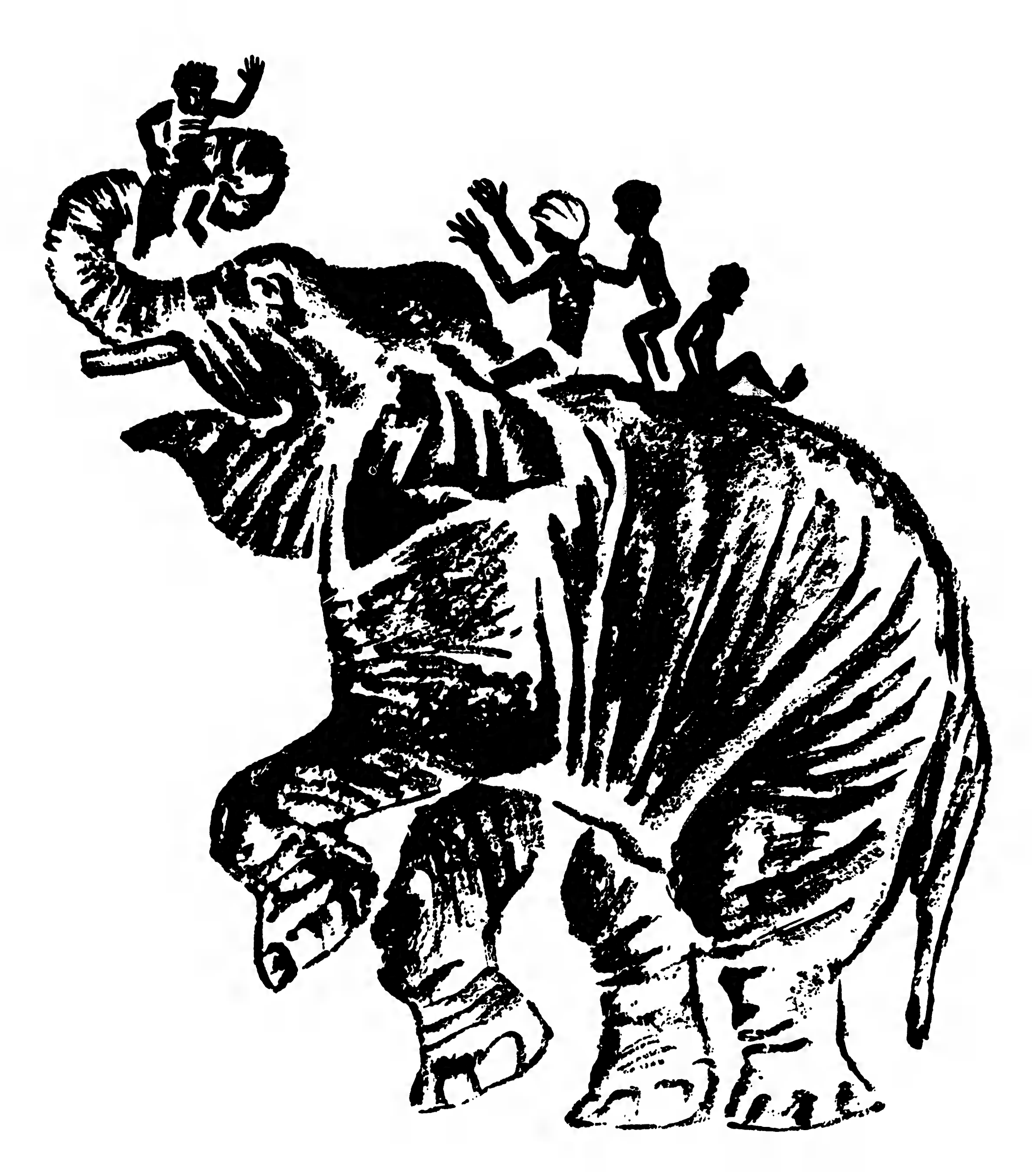
Наутро затопали на палубе, загудели. Я бросился к иллюминатору, к окну, — готово: город белый на берегу стоит; порт, суда, около борта шлюпки; в них чёрные люди в белых чалмах — зубы блестят, кричат что-то; солнце светит со всей силы, жмёт, кажется, светом давит . Тут я как с ума сошёл, задохнулся прямо: как будто я — не я, и всё это сказка. Есть ничего с утра не хотел. Товарищи дорогие, я за вас по две вахты в море стоять буду — на берег отпустите скорей!

Выскочили вдвоём на берег. В порту, в городе всё бурлит, кипит, народ толчётся, а мы — как оголтелые и не знаем, что смотреть, и не идём, а будто нас что несёт (да и после моря по берегу всегда странно ходить). Смотрим — трамвай. Сели в трамвай, сами толком не знаем, зачем едем, лишь бы дальше — очумели прямо. Трамвай нас мчит, мы глазеем по сторонам и не заметили, как выехали на окраину. Дальше не идёт. Вылезли. Дорога. Пошли по дороге. Придём куда-нибудь!

Тут мы немного успокоились и заметили, что здорово жарко. Солнце над самой маковкой стоит; тень от тебя не ложится, а вся тень под тобой: идёшь и тень свою топчешь.

Порядочно уже прошли, уж людей не стало встречаться, смотрим — навстречу слон. С ним четверо ребят — бегут рядом по дороге. Я прямо глазам не поверил: в городе ни одного не видали, а тут запросто идёт по дороге. Мне казалось, что из зоологического вырвался. Слон нас увидел и остановился. Нам жутковато стало: больших при нём никого нет, ребята одни. А кто его знает, что у него на уме? Мотанёт раз хоботом — и готово.

А слон, наверно, про нас так думал: идут какие-то необыкновенные, неизвестные, — кто их знает? И стал. Сейчас хобот загнул крючком, мальчишка старший стал на крюк на этот, как на подножку, рукой за хобот придерживается, и слон его осторожно отправил себе на голову. Тот там уселся между ушами, как на столе. Потом слон тем же порядком отправил ещё двоих сразу, а четвёртый был маленький, лет четырёх, должно быть, — на нём только рубашонка была коротенькая, вроде лифчика. Слон ему подставляет хобот—иди, мол, садись. А он выкрутасы разные делает, хохочет, убегает.Старший кричит ему сверху,а он скачет

и дразнит — не возьмёшь, мол. Слон не стал ждать, опустил хобот и пошёл — сделал вид, что он на его фокусы и смотреть не хочет. Идёт, хоботом мерно покачивает, а мальчишка вьётся около ног, кривляется. И как раз когда он ничего не ждал, слон вдруг хоботом — цап! Да так ловко! Поймал его за рубашонку сзади и подымает наверх осторожно. Тот руками, ногами, как жучок. Нет уж, никаких тебе! Поднял слон, осторожно отпустил

себе на голову, а там ребята его приняли. Он там, на слоне, всё ещё воевать пробовал.

Мы поравнялись, идём стороной дороги, а слон — с другого боку и на нас внимательно и осторожно глядит. А ребята тоже на нас пялятся и шепчутся меж собой. Сидят, как на дому, на крыше.

«Вот, — думаю, — здорово: им нечего там бояться. Если б и тигр попался навстречу, слон тигра поймает, схватит хоботищем поперёк живота, сдавит, швырнёт выше дерева и, если на клыки не подцепит, всё равно будет ногами топтать, пока в лепёшку не растопчет».

А тут мальчишку взял, как козявку, двумя пальчиками: осторожно и бережно.

Слон прошёл мимо нас; смотрим, сворачивает с дороги и попёр в кусты. Кусты плотные, колючие, стеной растут. А он через них, как через бурьян — только ветки похрустывают, — перелез и пошёл к лесу. Остановился около дерева, взял хоботом ветку и пригнул ребятам. Те сейчас же повскакали на ноги, схватились за ветку и что-то с неё обирают. А маленький подскакивает, старается тоже себе ухватить, возится, будто он не на слоне, а на земле стоит. Слон пустил ветку и другую пригнул. Опять та же история. Тут уж маленький совсем, видно, в роль вошёл: совсем залез на эту ветку, чтоб ему тоже досталось, и работает. Все кончили, слон пустил ветку, а маленький-то, смотрим, так и полетел с веткой. Ну, думаем, пропал — полетел теперь, как пуля, в лес. Бросились мы туда. Да нет, куда там! Не пролезть через кусты: колючие, и густые, и путаные. Смотрим, слон в листьях хоботом шарит. Нащупал этого маленького — он там, видно, обезьянкой уцепился, — достал его и посадил на место. Потом слон вышел на дорогу впереди нас и пошёл обратно. Мы — за ним. Он идёт и по временам оглядывается, на нас косится: чего, мол, сзади идут какие-то?

Так мы за слоном пришли к дому. Вокруг плетень. Слон отворил хоботом калиточку и осторожно просунулся во двор; там ребят спустил на землю. Во дворе индуска на него начала кричать чего-то. Нас она сразу не заметила. А мы стоим, через плетень смотрим.

Индуска орёт на слона — слон нехотя повернулся и пошёл к колодцу. У колодца вырыты два столба, и между ними вьюшка: на ней верёвка намотана и ручка сбоку. Смот-

рим, слон взялся хоботом за ручку и стал вертеть; вертит, как будто пустую, вытащил — целая бадья там на верёвке, вёдер десять. Слон упёрся корнем хобота в ручку, чтобы не вертелась, изогнул хобот, подцепил бадью и, как кружку с водой, поставил на борт колодца. Баба набрала воды, ребят тоже заставила таскать — она как раз стирала. Слон

опять бадью спустил и полную выкрутил наверх. Хозяйка опять его начала ругать. Слон пустил бадью в колодец, тряхнул ушами и пошёл прочь — не стал воду больше доставать, пошёл под навес. А там в углу двора на хлипких столбиках навес был устроен — слону под него только-только подлезть. Сверху камыш накидан и какие-то листья длинные.

Тут как раз индус, сам хозяин. Увидал нас. Мы говорим — слона пришли смотреть. Хозяин немного знал по-английски. Спросил, кто мы; всё на мою русскую фуражку показывает. Я говорю — русские. А он и не знал, что такое русские.

— Не англичане?

— Нет, — говорю, — не англичане.

Он обрадовался, засмеялся, сразу другой стал; позвал к себе.

Я спрашиваю:

— Чего это слон не выходит?

— А это он, — говорит, — обиделся, и, значит, не зря. Теперь нипочём работать не станет, пока не отойдёт.

Смотрим, слон вышел из-под навеса, в калитку и прочь со двора. Думаем, теперь совсем уйдёт. А индус смеётся. Слон пошёл к дереву, оперся боком и ну тереться. Дерево здоровое — прямо всё ходуном ходит. Это он чешется так вот, как свинья об забор.

Почесался, набрал пыли в хобот и туда, где чесал, пылью, землёй как дунет! Раз, и ещё, и ещё... Это он прочищает, чтобы не заводилось ничего в складках: вся кожа у него твёрдая, как подошва, а в складках — потоньше, а в южных странах всяких насекомых кусачих масса.

Ведь смотрите, какой: об столбики в сарае не чешется, чтобы не развалить, осторожно даже пробирается туда, а чесаться ходит к дереву. Я говорю индусу:

— Какой он у тебя умный!

А он хохочет.

— Ну, — говорит, — если бы я полтораста лет прожил, не тому ещё выучился бы. А он, — показывает на слона, — моего деда нянчил.

Я глянул на слона — мне показалось, что не индус тут хозяин, а слон, слон тут самый главный.

Я спрашиваю:

— Старый он у тебя?

— Нет, — говорит, — ему полтораста лет, он в самой поре! Вон у меня слонёнок есть, его сын, — двадцать лет ему, совсем ребёнок. К сорока годам в силу только входить начинает. Вот погодите, придёт слониха, увидите: он маленький.

Пришла слониха, и с ней слонёнок — с лошадь величиной, без клыков; он за матерью, как жеребёнок, шёл.

Ребята индусовы бросились матери помогать, стали прыгать, куда-то собираться. Слон тоже пошёл; слониха и слонёнок — с ними. Индус объясняет, что на речку. Мы тоже с ребятами.

Они нас не дичились. Все пробовали говорить — они по-своему, мы по-русски — и хохотали всю дорогу. Маленький больше всех к нам приставал — всё мою фуражку надевал и что-то кричал смешное — может быть, про нас.

Воздух в лесу пахучий, пряный, густой.

Шли лесом. Пришли к реке.

Не река, а поток — быстрый, так и мчит, так берег и гложет. К воде обрывчик в аршин. Слоны вошли в воду, взяли с собой слонёнка. Поставили, где ему по грудь вода, и стали его вдвоём мыть. Наберут со дна песку с водой в хобот и, как из кишки, его поливают. Здорово так — только брызги летят.

А ребята боятся в воду лезть — больно уж быстрое течение, унесёт. Скачут на берегу и давай в слона камешками кидать. Ему нипочём, он даже внимания не обращает — всё своего слонёнка моет. Потом, смотрю, набрал в хобот воды и вдруг как повернёт на мальчишек и одному прямо в пузо как дунет струёй — тот так и сел. Хохочет — заливается.

Слон опять своего мыть. А ребята ещё пуще камешками его донимать. Слон только ушами трясёт: не приставайте, мол, видите, некогда баловаться! И как раз когда мальчишки не ждали, думали — он водой на слонёнка дунет, он сразу хобот повернул да в них. Те рады, кувыркаются.

Слон вышел на берег; слонёнок ему хобот протянул, как руку. Слон заплёл свой хобот об его и помог ему на обрывчик вылезть.

Пошли все домой: трое слонов и четверо ребят.

На другой день я уж расспросил, где можно слонов поглядеть на работе.

На опушке леса, у речки, нагорожен целый город тёсаных брёвен: штабеля стоят, каждый вышиной с избу. Тут

же стоял один слон. И сразу видно было, что он уж совсем старик: кожа на нём совсем обвисла и заскорузла, и хобот, как тряпка, болтается. Уши обгрызенные какие-то. Смотрю, из лесу идёт другой слон. В хоботе качается бревно — громадный брус обтёсанный. Пудов, должно быть, во сто. Носильщик грузно переваливается, подходит к старому

слону. Старый подхватывает бревно с одного конца, а носильщик опускает бревно и перебирается хоботом в другой конец. Я смотрю: что же это они будут делать? А слоны вместе, как по команде, подняли бревно на хоботах вверх и аккуратно положили на штабель. Да так ровно и правильно, как плотник на постройке.

И ни одного человека около них.

Я потом узнал, что этот старый слон и есть главный артельщик: он уже состарился на этой работе.

Носильщик ушёл не спеша в лес, а старик повесил хобот, повернулся задом к штабелю и стал смотреть на реку, как будто хотел сказать: «Надоело мне это, и не глядел бы».

А из лесу идёт уже третий слон с бревном.

Мы туда, откуда выходили слоны.

Прямо стыдно рассказывать, что мы тут увидели. Слоны с лесных разработок таскали эти брёвна к речке. В одном месте у дороги — два дерева по бокам, да так, что слону с бревном не пройти. Слон дойдёт до этого места, опустит бревно на землю, подвернёт колени, подвернёт хобот и самым носом, самым корнем хобота толкает бревно вперёд. Земля, каменья летят, трёт и пашет бревно землю, а слон ползёт и пихает. Видно, как трудно ему на коленях ползти. Потом встанет, отдышится и не сразу за бревно берётся. Опять повернёт его поперёк дороги, опять на коленки. Положит хобот на землю и коленками накатывает бревно на хобот. Как хобот не раздавит! Глядь, снова уже встал и несёт. Качается, как грузный маятник, бревнище на хоботе.

Их было восемь — всех слонов-носильщиков и каждому приходилось пихать бревно носом: люди не хотели спилить те два дерева, что стояли на дороге.

Нам неприятно стало смотреть, как тужится старик у штабеля, и жаль было слонов, что ползли на коленках. Мы недолго постояли и ушли.

ПРО ОБЕЗЬЯНКУ

Мне было двенадцать лет, и я учился в школе. Раз на перемене подходит ко мне товарищ мой Юхименко и говорит:

— Хочешь, я тебе обезьянку дам?

Я не поверил — думал, он мне сейчас штуку какую-нибудь устроит, так что искры из глаз посыплются, и скажет: вот это и есть «обезьянка». Не таковский я.

— Ладно, — говорю, — знаем.

— Нет, — говорит, — в самом деле. Живую обезьянку. Она хорошая. Её Яшкой зовут. А папа сердится.

— На кого?

— Да на нас с Яшкой. Убирай, говорит, куда знаешь. Я думаю, что к тебе всего лучше.

После уроков пошли мы к нему. Я всё ещё не верил. Неужели, думал, живая обезьянка у меня будет? И всё спрашивал, какая она. А Юхименко говорит:

— Вот увидишь, не бойся, она маленькая.

Действительно, оказалась маленькая. Если на лапки встанет, то не больше полуаршина. Мордочка сморщенная, старушечья, а глазки живые, блестящие. Шерсть на ней рыжая, а лапки чёрные. Как будто человечьи руки в перчатках чёрных. На ней был надет синий жилет.

Юхименко закричал:

— Яшка, Яшка, иди, что я дам!

И засунул руку в карман. Обезьянка закричала: «Ай! ай!» — и в два прыжка вскочила Юхименке на руки. Он сейчас же сунул её в шинель, за пазуху.

— Идём, — говорит.

Я глазам своим не верил. Идём по улице, несём такое чудо, и никто не знает, что у нас за пазухой.

Дорогой Юхименко мне говорил, чем кормить.

— Всё ест, всё давай. Сладкое любит. Конфеты — беда! Дорвётся — непременно обожрётся. Чай любит жидкий и чтоб сладкий был. Ты ей внакладку. Два куска. Вприкуску не давай: сахар сожрёт, а чай пить не станет.

Я всё слушал и думал: я ей и трёх кусков не пожалею, миленькая такая, как игрушечный человек. Тут я вспомнил, что и хвоста у ней нет.

— Ты, — говорю, — хвост ей отрезал под самый корень?

— Она макака, — говорит Юхименко, — у них хвостов не растёт.

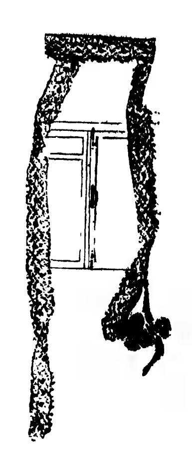
Пришли мы к нам домой. Мама и девочки сидели за обедом. Мы с Юхименкой вошли прямо в шинелях.

Я говорю:

— А кто у нас есть!

Все обернулись. Юхименко распахнул шинель. Никто ещё ничего разобрать не успел, а Яшка как прыгнет с Юхименки маме на голову; толкнулся ножками — и на буфет. Всю причёску маме осадил.

Все вскочили, закричали:

— Ой, кто, кто это?

А Яшка уселся на буфет и строит морды, чавкает, зубки скалит.

Юхименко боялся, что сейчас ругать его будут, и скорей к двери. На него и не смотрели — все глядели на обезьянку. И вдруг девочки все в один голос затянули:

— Какая хорошенькая!

А мама всё прическу прилаживала.

— Откуда это?

Я оглянулся. Юхименки уже нет. Значит, я остался хозяином. И я захотел показать, что знаю, как с обезьянкой надо. Я засунул руку в карман и крикнул, как давеча Юхименко:

— Яшка, Яшка! Иди, я тебе что дам!

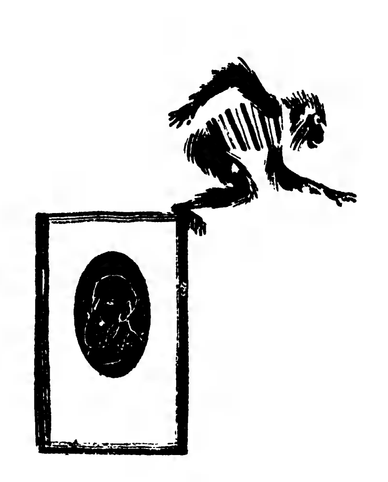
Все ждали. А Яшка и не глянул — стал чесаться меленько и часто чёрной лапочкой.

До самого вечера Яшка не спускался вниз, а прыгал по верхам: с буфета на дверь, с двери на шкаф, оттуда на печку.

Вечером отец сказал:

— Нельзя её на ночь так оставлять, она квартиру вверх дном переворотит.

И я начал ловить Яшку. Я к буфету — он на печь. Я его оттуда щёткой — он прыг на часы. Качнулись часы и стали. А Яшка уже на занавесках качается. Оттуда — на картину — картина покосилась, — я боялся, что Яшка кинется на висячую лампу.

Но тут уже все собрались и стали гоняться за Яшкой. В него кидали мячиком, катушками, спичками и наконец загнали в угол.

Яшка прижался к стене, оскалился и защёлкал языком — пугать начал. Но его накрыли шерстяным платком и завернули, запутали.

Яшка барахтался, кричал, но его скоро укрутили так, что осталась торчать одна голова. Он вертел головой, хлопал глазами, и казалось, сейчас заплачет от обиды.

Не пеленать же обезьяну каждый раз на ночь! Отец сказал:

— Привязать. За жилет и к ножке, к столу.

Я принёс верёвку, нащупал у Яшки на спине пуговицу, продел верёвку в петлю и крепко завязал. Жилет у Яшки на спине застёгивался на три пуговки. Потом я поднёс Яшку, как он был, закутанного, к столу, привязал верёвку к ножке и только тогда размотал платок.

Ух, как он начал скакать! Но где ему порвать верёвку! Он покричал, позлился и сел печально на полу.

Я достал из буфета сахару и дал Яшке. Он схватил чёрной лапочкой кусок, заткнул за щёку. От этого вся мордочка у него скривилась.

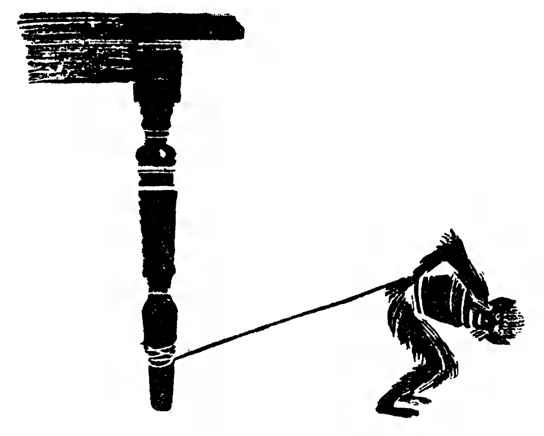
Я попросил у Яшки лапу. Он протянул мне свою ручку.

Тут я рассмотрел, какие на ней хорошенькие чёрные ноготки. Игрушечная живая ручка! Я стал гладить лапку и думаю: совсем как ребёночек. И пощекотал ему ладошку. А ребёночек-то как дёрнет лапку — раз — и меня по щеке. Я и мигнуть не успел, а он надавал мне оплеух и прыг под стол. Сел и скалится. Вот и ребёночек!

Но тут меня погнали спать.

Я хотел Яшку привязать к своей кровати, но мне не позволили. Я всё прислушивался, что Яшка делает, и думал, что непременно ему надо устроить кроватку, чтоб он спал, как люди, и укрывался одеяльцем. Голову бы клал на подушечку. Думал, думал и заснул.

Утром вскочил — и, не одеваясь, к Яшке. Нет Яшки на верёвке. Верёвка есть, на верёвке жилет привязан, а обезьянки нет. Смотрю, все три пуговицы сзади расстёгнуты. Это он расстегнул жилет, оставил его на верёвке, а сам драла. Я искать по комнате. Шлёпаю босыми ногами. Нигде нет. Я перепугался. А ну как убежал? Дня не пробыл, и вот на тебе! Я на шкафы заглядывал, в печку — нигде. Убежал, значит, на улицу. А на улице мороз — замёрзнет, бедный! И самому стало холодно. Побежал одеваться. Вдруг вижу, в моей же кровати что-то возится. Одеяло шевелится. Я даже вздрогнул.

Вот он где! Это ему холодно на полу стало, он удрал и ко мне на кровать. Забился под одеяло. А я спал и не знал. Яшка спросонья не дичился, дался в руки, и я напялил на него снова синий жилет.

Когда сели пить чай, Яшка вскочил на стол, огляделся, сейчас же нашёл сахарницу, запустил лапу и прыг на дверь. Он прыгал так легко, что, казалось, летает, не прыгает. На ногах у обезьяны пальцы, как на руках, и Яшка мог хватать ногами. Он так и делал. Сидит, как ребёнок, на руках у кого-нибудь и ручки сложил, а сам ногой со стола тянет что-нибудь.

Стащит ножик и ну с ножом скакать. Это чтобы у него отнимали, а он будет удирать. Чай Яшке дали в стакане. Он обнял стакан, как ведро, пил и чмокал. Я уж не пожалел сахару.

Когда я ушёл в школу, я привязал Яшку к дверям, к ручке. На этот раз обвязал его вокруг пояса верёвкой, чтобы уж не мог сорваться. Когда я пришёл домой, то из прихожей увидал, чем Яшка занимается. Он висел на дверной ручке и катался на дверях, как на карусели. Оттолкнётся от косяка и едет до стены. Пихнёт ножкой в стену и едет назад.

Когда я сел готовить уроки, я посадил Яшку на стол. Ему очень нравилось греться около лампы. Он дремал, как старичок на солнышке, покачивался и, прищурясь, глядел, как я тыкаю пером в чернила. Учитель у нас был строгий, и я чистенько написал страницу. Промокать не хотелось, чтобы не испортить. Оставил сохнуть. Прихожу и вижу: сидит Яков на тетради, макает пальчик в чернильницу, ворчит и выводит чернильные вавилоны по моему писанию. Ах ты, дрянь! Я чуть не заплакал с горя. Бросился на Яшку. Да куда! Он на занавески — все занавески чернилами перепачкал. Вот оно почему Юхименкин папа на них с Яшкой сердился...

Но раз и мой папа рассердился на Яшку. Яшка обрывал цветы, что стояли у нас на окнах. Сорвёт лист и дразнит. Отец поймал и отдул Яшку. А потом привязал его в наказанье на лестнице, что вела на чердак. Узенькая лесенка. А широкая шла из квартиры вниз.

Вот отец идёт утром на службу. Почистился, надел шляпу, спускается по лестнице. Хлоп! Штукатурка падает. Отец

остановился, стряхнул со шляпы. Глянул вверх — никого. Только пошёл — хлоп, опять кусок извёстки прямо на голову. Что такое?

А мне сбоку было видно, как орудовал Яшка. Он наломал от стенки извёстки, разложил по краям ступенек, а сам прилёг, притаился на лестнице, как раз у отца над головой. Только отец пошёл, а Яшка тихонечко толк ножкой штукатурку со ступеньки и так ловко примерил, что прямо отцу на шляпу, — это он ему мстил за то, что отец вздул его накануне.

Но когда началась настоящая зима, завыл ветер в трубах, завалило окна снегом, Яшка стал грустным. Я его всё грел, прижимал к себе. Мордочка у Яшки стала печальная, обвисшая, он подвизгивал и жался ко мне. Я попробовал сунуть его за пазуху, под куртку. Яшка сейчас же там устроился: он схватился всеми четырьмя лапками за рубаху и так повис, как приклеился. Он так и спал там, не разжимая лап. Забудешь другой раз, что у тебя живой набрюшник под курткой, и обопрёшься о стол. Яшка сейчас лапкой заскребёт мне бок: даёт мне знать, чтоб осторожней.

Вот раз в воскресенье пришли в гости девочки. Сели завтракать. Яшка смирно сидел у меня за пазухой, и его совсем не было заметно. Под конец раздали конфеты. Только я стал первую разворачивать, вдруг из-за пазухи, прямо из моего живота, вытянулась мохнатая ручка, ухватила конфету и назад. Девочки взвизгнули от страха. А это Яшка услышал, что бумагой шелестят, и догадался, что едят конфеты. А я девочкам говорю: «Это у меня третья рука; я этой рукой прямо в живот конфеты сую, чтоб долго не возиться». Но уж все догадались, что это обезьянка, и из-под куртки слышно было, как хрустит конфета: это Яшка грыз и чавкал, как будто я животом жую.

Яшка долго злился на отца. Примирился Яшка с ним изза конфет. Отец мой как раз бросил курить и вместо папирос носил в портсигаре маленькие конфетки. И каждый раз после обеда отец открывал тугую крышку портсигара большим пальцем, ногтем, и доставал конфетки. Яшка тут как тут: сидит на коленях и ждёт — ёрзает, тянется. Вот отец раз и отдал весь портсигар Яшке; Яшка взял его в руку, а другой рукой, совершенно как мой отец, стал подковыривать большим пальцем крышку. Пальчик у него маленький, а крышка тугая и плотная, и ничего не выходит у Яшень-

ки. Он завыл с досады. А конфеты брякают. Тогда Яшка схватил отца за большой палец и его ногтем, как стамеской, стал отковыривать крышку. Отца это рассмешило, он открыл крышку и поднёс портсигар Яшке. Яшка сразу запустил лапу, награбастал полную горсть, скорей в рот и бегом прочь. Не каждый же день такое счастье!

Был у нас знакомый доктор. Болтать любил — беда. Особенно за обедом. Все уж кончили, у него на тарелке всё простыло, тогда он только хватится — поковыряет, наспех глотнёт два куска:

— Благодарю вас, я сыт.

Вот раз обедает он у нас, ткнул вилку в картошку и вилкой этой размахивает — говорит. Разошёлся — не унять. А Яша, вижу, по спинке стула поднимается, тихонько подкрался и сел у доктора за плечом. Доктор говорит:

— И понимаете, тут как раз... — И остановил вилку с картошкой возле уха — на один момент всего. Яшенька лапочкой тихонько за картошку и снял её с вилки — осторожно, как вор.

А доктор дальше:

— И представьте себе... — И тык пустой вилкой себе в рот. Сконфузился — думал, стряхнул картошку, когда руками махал, оглядывается. А Яшки уж нет — сидит в углу и прожевать картошку не может, всю глотку забил.

Доктор сам смеялся, а всё-таки обиделся на Яшку.

Яшке устроили в корзинке постель: с простынёй, одеяльцем, подушкой. Но Яшка не хотел спать по-человечьи: всё наматывал на себя клубком и таким чучелом сидел всю ночь. Ему сшили платьице, зелёненькое, с пелеринкой, и стал он похож на стриженую девочку из приюта.

Вот раз я слышу звон в соседней комнате. Что такое? Пробираюсь тихонько и вижу: стоит на подоконнике Яшка в зелёном платьице, в одной руке у него ламповое стекло, а в другой — ёжик, и он ёжиком с остервенением чистит стекло. В такую ярость пришёл, что не слыхал, как я вошёл. Это он видел, как стёкла чистили, и давай сам пробовать.

А то оставишь его вечером с лампой, он отвернёт огонь полным пламенем — лампа коптит, сажа летает по комнате, а он сидит и рычит на лампу.

Беда стало с Яшкой, хоть в клетку сажай! Я его и ругал и бил, но долго не мог на него сердиться. Когда Яшка хотел понравиться, он становился очень ласковым,

залезал на плечо и начинал в голове искать. Это значит, он вас уже очень любит.

Надо ему выпросить что-нибудь — конфет там или яблоко,— сейчас залезет на плечо и заботливо начинает лапками перебирать в волосах: ищет и ноготком поскрёбывает. Ничего не находит, а делает вид, что поймал зверя: выкусывает с пальчиков чего-то.

Вот раз пришла к нам в гости дама. Она считала, что она раскрасавица. Разряженная. Вся так шёлком и шуршит. На голове не причёска, а прямо целая беседка из волос накручена — в завитках, в локончиках. А на шее, на длинной цепочке, зеркальце в серебряной оправе.

Яшка осторожно к ней по полу подскочил.

— Ах, какая обезьянка миловидная! — говорит дама. И давай зеркальцем с Яшкой играть.

Яшка поймал зеркальце, повертел — прыг на колени к даме и стал зеркальце на зуб пробовать.

Дама отняла зеркальце, зажала в руке. А Яшке хочется зеркало получить. Дама погладила небрежно Яшку перчаткой и потихоньку спихивает с колен. Вот Яшка и решил понравиться, подольститься к даме. Прыг ей на плечо. Крепко ухватился за кружева задними лапками и взялся за причёску. Раскопал все завитки и стал искать. Дама покраснела.

— Пошёл, пошёл! — говорит.

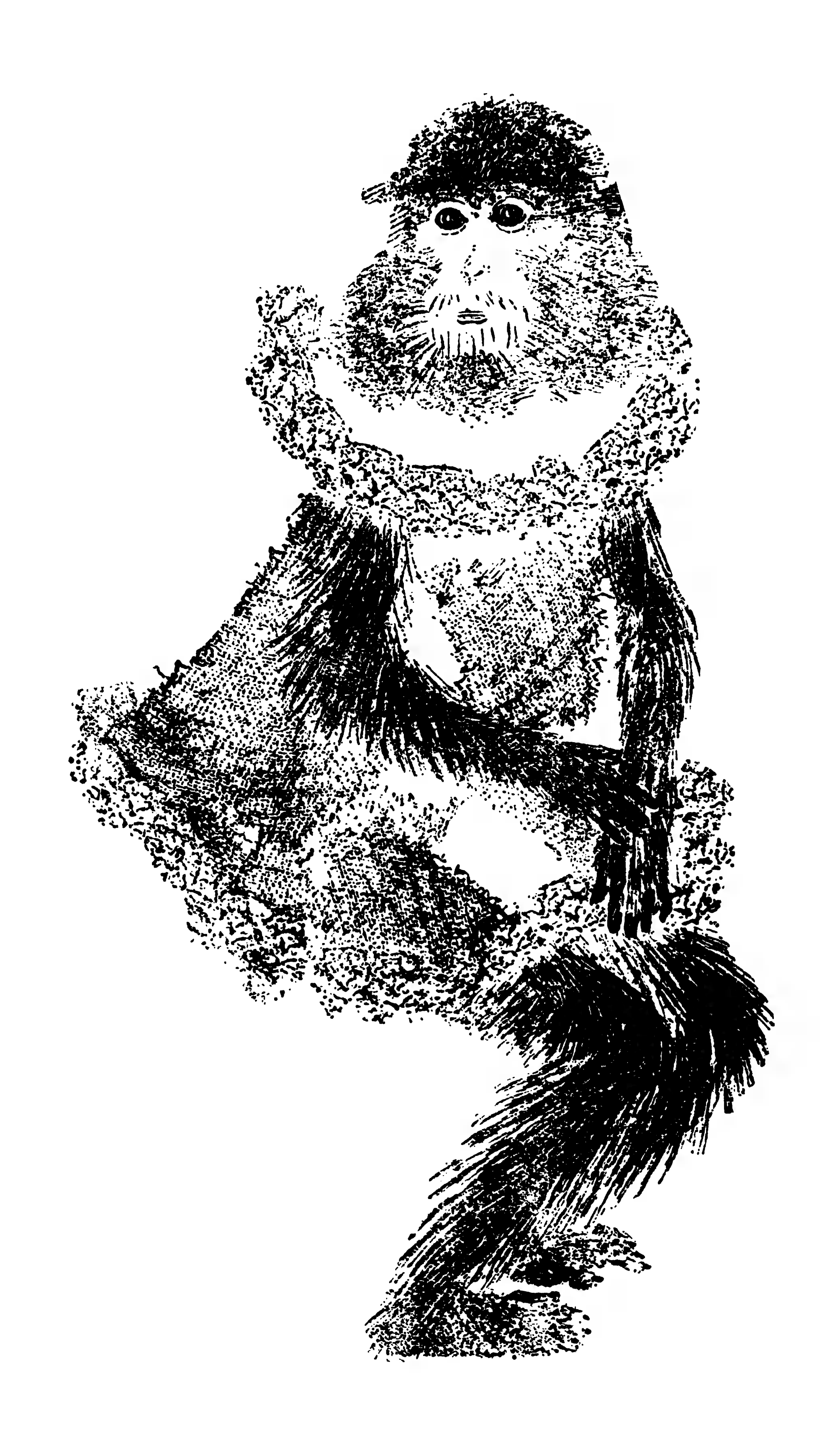
Не тут-то было! Яшка ещё больше старается: скребёт ноготками, зубками щёлкает.

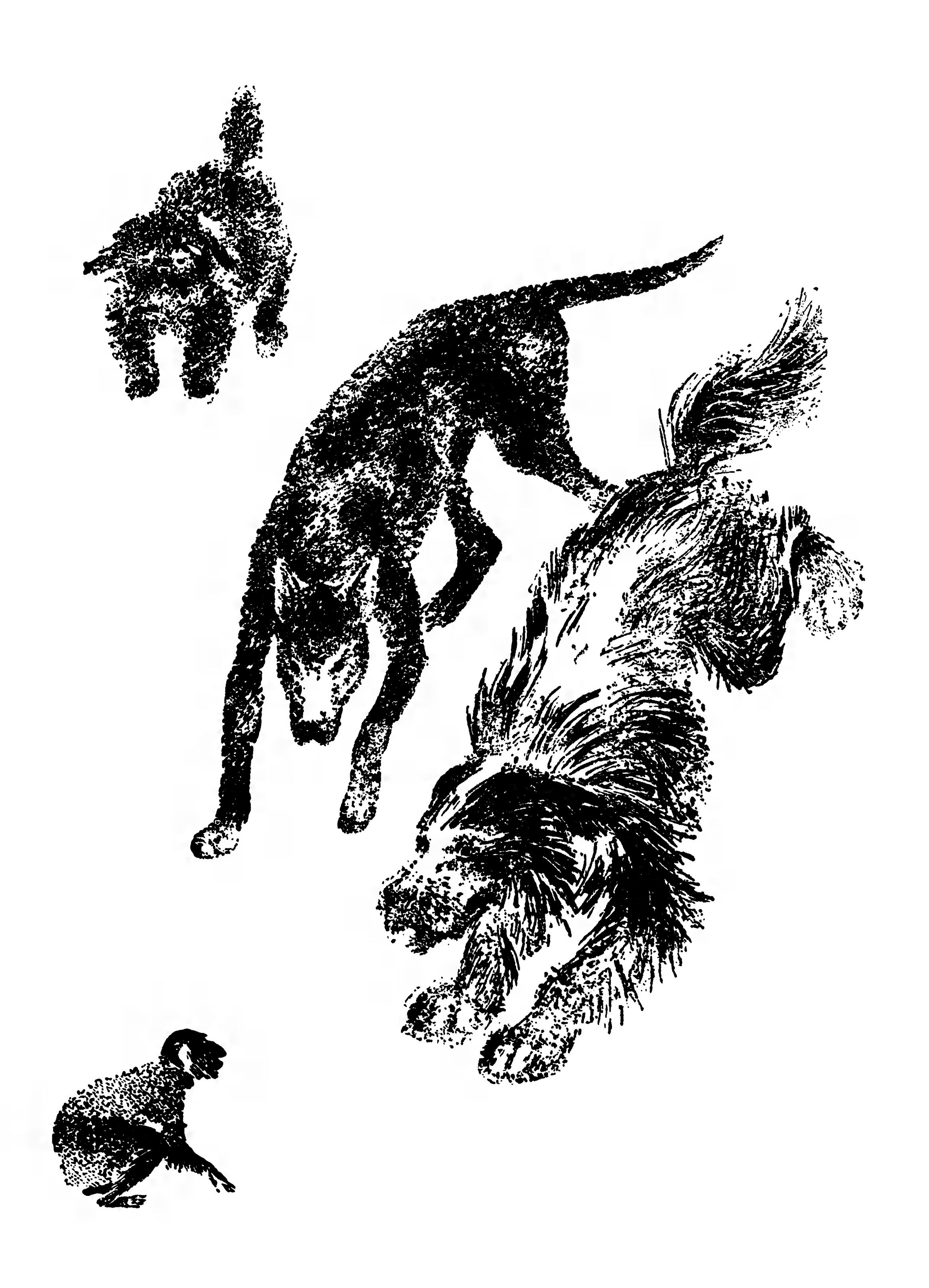
Дама эта всегда против зеркала садилась, чтоб на себя полюбоваться, и видит в зеркале, что взлохматил её Яшка, — чуть не плачет. Я двинулся на выручку. Куда там! Яшка вцепился что было силы в волосы и на меня глядит дико. Дама дёрнула его за шиворот, и своротил ей Яшка причёску. Глянула на себя в зеркало — чучело чучелом. Я замахнулся, спугнул Яшку, а гостья наша схватилась за голову и — в дверь.

— Безобразие, — говорит, — безобразие! — И не попрощалась ни с кем.

«Ну, — думаю, — держу до весны и отдам кому-нибудь, если Юхименко не возьмёт. Уж столько мне попадало за эту обезьянку!»

И вот настала весна. Потеплело. Яшка ожил и ещё больше проказил. Очень ему хотелось на двор, на волю. А двор

у нас был огромный, с десятину. Посреди двора был сложен горой казённый уголь, а вокруг склады с товаром. И от воров сторожа держали на дворе целую свору собак. Собаки большие, злые. А всеми собаками командовал рыжий пёс. Каштан. На кого Каштан зарычит, на того все собаки бросаются. Кого Каштан пропустит, и собаки не тронут. А чужую собаку бил Каштан с разбегу грудью. Ударит, с ног собьёт и стоит над ней, рычит, а та уж и шелохнуться боится.

Я посмотрел в окно — вижу, нет собак во дворе. Дай, думаю, пойду, выведу Яшеньку погулять первый раз. Я надел на него зелёненькое платьице, чтобы он не простудился, посадил Яшку к себе на плечо и пошёл. Только я двери раскрыл, Яшка — прыг наземь и побежал по двору. И вдруг, откуда ни возьмись, вся стая собачья, и Каштан впереди, прямо на Яшку. А он, как зелёненькая куколка, стоит маленький. Я уж решил, что пропал Яшка, — сейчас разорвут. Каштан сунулся к Яшке, но Яшка повернулся к нему, присел, прицелился. Каштан стал за шаг от обезьянки, оскалился и ворчал, но не решался броситься на такое чудо. Собаки все ощетинились и ждали, что Каштан.

Я хотел броситься выручать. Но вдруг Яшка прыгнул и в один момент уселся Каштану на шею. И тут шерсть клочьями полетела с Каштана. По морде и глазам бил Яшка, так что лап не видно было. Взвыл Каштан, и таким ужасным голосом, что все собаки врассыпную бросились. Каштан сломя голову пустился бежать, а Яшка сидит, вцепился ногами в шерсть, крепко держится, а руками рвёт Каштана за уши, щиплет шерсть клочьями. Каштан с ума сошёл: носится вокруг угольной горы с диким воем. Раза три обежал Яшка верхом вокруг двора и на ходу спрыгнул на уголь. Взобрался не торопясь на самый верх. Там была деревянная будка; он влез на будку, уселся и стал чесать себе бок как ни в чём не бывало. Вот, мол, я — мне нипочём!

А Каштан — в ворота от страшного зверя.

С тех пор я смело стал выпускать Яшку во двор: только Яшка с крыльца — все собаки в ворота. Яшка никого не боялся.

Приедут во двор подводы, весь двор забьют, пройти негде. А Яшка с воза на воз перелетает. Вскочит лошади на спину — лошадь топчется, гривой трясёт, фыркает, а Яшка не спеша на другую перепрыгивает. Извозчики только смеются и удивляются:

— Смотри, какая сатана прыгает. Ишь ты! У-ух!

А Яшка — на мешки. Ищет щёлочки. Просунет лапку и щупает, что там. Нащупает, где подсолнухи, сидит и тут же на возу щёлкает. Бывало, что и орехи нащупает Яшка. Набьёт за щёки и во все четыре руки старается нагрести.

Но вот нашёлся у Якова враг. Да какой! Во дворе был кот. Ничей. Он жил при конторе, и все его кормили объедками. Он разжирел, стал большой, как собака. Злой был и царапучий.

И вот раз под вечер гулял Яшка по двору. Я его никак не мог дозваться домой. Вижу, вышел на двор котище и прыг на скамью, что стояла под деревом. Яшка, как увидел кота, — прямо к нему. Присел и идёт не спеша на четырёх лапах. Прямо к скамье и глаз с кота не спускает. Кот подобрал лапы, спину нагорбил, приготовился. А Яшка всё ближе ползёт. Кот глаза вытаращил, пятится. Яшка на скамью. Кот всё задом на другой край, к дереву. У меня сердце замерло. А Яков по скамье ползёт на кота. Кот уж в комок сжался, подобрался весь. И вдруг — прыг, да не на Яшку, а на дерево. Уцепился за ствол и глядит сверху на обезьянку. А Яшка всё тем же ходом к дереву. Кот поцарапался выше — привык на деревьях спасаться. А Яшка на дерево, и всё не спеша, целится на кота чёрными глазками. Кот выше, выше, влез на ветку и сел с самого краю. Смотрит, что Яшка будет делать. А Яков по той же ветке ползёт, и так уверенно, будто он сроду ничего другого не делал, а только котов ловил. Кот уж на самом краю, на тоненькой веточке еле держится, качается. А Яков ползёт и ползёт, цепко перебирая всеми четырьмя ручками. Вдруг кот прыг с самого верху на мостовую, встряхнулся и во весь дух прочь без оглядки. А Яшка с дерева ему вдогонку: «Йау, йау», — каким-то страшным, звериным голосом — я у него никогда такого не слышал.

Теперь уж Яков стал совсем царём во дворе. Дома он

уж есть ничего не хотел, только пил чай с сахаром. И раз так на дворе изюму наелся, что еле-еле его отходили. Яшка стонал, на глазах слёзы, и на всех капризно смотрел. Всем было сначала очень жалко Яшку, но когда он увидел, что с ним возятся, стал ломаться и разбрасывать руки, закидывать голову и подвывать на разные голоса. Решили его укутать и дать касторки. Пусть знает!

А касторка ему так понравилась, что он стал орать, чтобы ему ещё дали. Его запеленали и три дня не пускали на двор.

Яшка скоро поправился и стал рваться на двор. Я за него не боялся: поймать его никто не мог, и Яшка целыми днями прыгал по двору. Дома стало спокойнее, и мне меньше влетало за Яшку. А как настала осень, все в доме в один голос:

— Куда хочешь убирай свою обезьянку или сажай в клетку, а чтоб по всей квартире эта сатана не носилась.

То говорили, какая хорошенькая, а теперь, думаю, сатана стала. И как только началось ученье, я стал искать в классе, кому бы сплавить Яшку. Подыскал наконец товарища, отозвал в сторону и сказал:

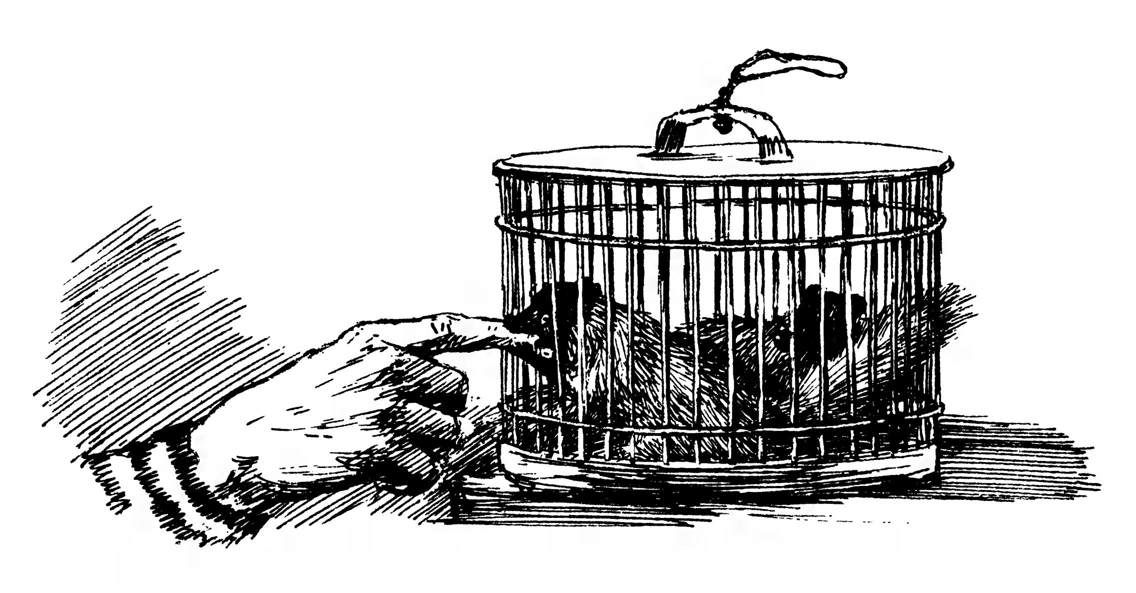
— Хочешь, я тебе обезьянку подарю? Живую.

Не знаю уж, кому он потом Яшку сплавил. Но первое время, как не стало Яшки в доме, я видел, что все немного скучали, хоть признаваться и не хотели.

МАНГУСТА

Я очень хотел, чтобы у меня была настоящая, живая мангуста. Своя собственная. И я решил: когда наш пароход придёт на остров Цейлон, я куплю себе мангусту и отдам все деньги, сколько ни спросят.

И вот наш пароход у острова Цейлона. Я хотел скорей бежать на берег, скорей найти, где они продаются, эти зверьки. И вдруг к нам на пароход приходит чёрный человек (тамошние люди все чёрные), и все товарищи обступили его, толпятся, смеются, шумят. И кто-то крикнул: «Мангусты!» Я бросился, всех растолкал и вижу: у чёрного человека в руках клетка, а в ней серые зверьки. Я так

боялся, чтобы кто-нибудь не перехватил, что закричал прямо в лицо этому человеку:

— Сколько?

Он даже испугался сначала, так я крикнул. Потом понял, показал три пальца и сунул мне в руки клетку. Значит, всего три рубля, с клеткой вместе, и не одна, а две мангусты! Я сейчас же расплатился и перевёл дух: я совсем запыхался от радости. Так обрадовался, что забыл спросить этого чёрного человека, чем кормить мангуст, ручные они или дикие. А вдруг они кусаются? Я спохватился, побежал за человеком, но его уже и след простыл.

Я решил сам узнать, кусаются мангусты или нет. Я просунул палец через прутья клетки. И просунуть-то не успел, как уж слышу — готово: мой палец схватили. Схватили маленькие лапки, цепкие, с коготками. Быстро-быстро кусает меня мангуста за палец. Но совсем не больно — это она нарочно, так — играет. А другая забилась в угол клетки и глядит искоса чёрным блестящим глазом.

Мне скорей захотелось взять на руки, погладить эту, что кусает для шутки. И только я приоткрыл клетку, эта самая мангуста — юрк! — и уж побежала по каюте. Она суетилась, бегала по полу, всё нюхала и крякала: кррык! кррык! — как будто ворона. Я хотел её поймать, нагнулся, протянул руку, и вмиг мангуста мелькнула мимо моей руки, и уже в рукаве. Я поднял руку — и готово: мангуста уж за пазухой. Она выглянула из-за пазухи, крякнула весело и снова спряталась. И вот слышу — она уже под мышкой, пробирается в другой рукав и выскочила из другого рукава на волю. Я хотел её погладить, и только поднёс ру-

ку, как вдруг мангуста подскочила вверх сразу на всех четырёх лапах, как будто под каждой лапой пружинка. Я даже руку отдёрнул, будто от выстрела. А мангуста снизу глянула на меня весёлыми глазками и снова: кррык! И смотрю — уж сама на колени ко мне взобралась и тут свои фокусы показывает: то свернётся, то вмиг расправится, то хвост трубой, то вдруг голову просунет меж задних ног. Она так ласково, так весело со мной играла, а тут вдруг постучали в каюту и вызвали меня на работу.

Надо было погрузить на палубу штук пятнадцать огромных стволов каких-то индийских деревьев. Они были корявые, с обломанными сучьями, дуплистые, толщенные, в коре, — как были из лесу. Но с отпиленного конца видно было, какие они внутри красивые — розовые, красные, совсем чёрные! Мы клали их горкой на палубу и накрепко укручивали цепями, чтобы в море не разболтало. Я работал и всё думал: «Что там мои мангусты? Ведь я им ничего поесть не оставил». Я спрашивал чёрных грузчиков, тамошних людей, что пришли с берега, не знают ли они, чем кормить мангусту, но они ничего не понимали и только улыбались. А наши говорили:

— Давай что попало, она сама разберёт, что ей надо.

Я выпросил у повара мяса, накупил бананов, притащил хлеба, блюдце молока. Всё это поставил посреди каюты и открыл клетку. Сам залез на койку и стал глядеть. Из клетки выскочила дикая мангуста, и они вместе с ручной прямо бросились на мясо. Они рвали его зубами, крякали и урчали, лакали молоко, потом ручная ухватила банан и потащила его в угол. Дикая — прыг! — и уж рядом с ней. Я хотел поглядеть, что будет, вскочил с койки, но уж поздно: мангусты бежали назад. Они облизывали мордочки, а от банана остались на полу одни шкурки, как тряпочки.

Наутро мы были уже в море. Я всю свою каюту увесил гирляндами бананов. Они на верёвочках качались под потолком. Это для мангуст. Я буду давать понемногу — надолго хватит. Я выпустил ручную мангусту, и она теперь бегала по мне, а я лежал, полузакрыв глаза и недвижно.

Гляжу — мангуста прыгнула на полку, где были книги. Вот она перелезла на раму круглого пароходного окна. Рама слегка вихлялась, пароход качало. Мангуста покрепче примостилась, глянула вниз, на меня. Я притаился. Мангуста толкнула лапкой в стенку, и рама поехала вбок. И в тот

самый миг, когда рама была против банана, мангуста рванулась, прыгнула и обеими лапками ухватила банан. Она повисла на момент в воздухе, под самым потолком. Но банан оторвался, и мангуста шлёпнулась об пол. Нет! Шлёпнулся-то банан. Мангуста прыгнула на все четыре лапки. Я привскочил поглядеть, но мангуста уже возилась под койкой. Через минуту она вышла с замазанной мордой. Она покрякивала от удовольствия.

Эге! Пришлось перевесить бананы к самой середине каюты: мангуста уже пробовала по полотенцу вскарабкаться повыше. Лазала она, как обезьяна; у неё лапки, как ручки. Цепкие, ловкие, проворные. Она совсем меня не боялась. Я выпустил её на палубу погулять, на солнце. Она сразу по-хозяйски всё обнюхала и бегала по палубе так, будто она и сроду нигде больше не была и тут её дом.

Но на пароходе у нас был свой давнишний хозяин на палубе. Нет, не капитан, а кот. Громадный, откормленный, в медном ошейнике. Он важно ходил по палубе, когда было сухо. Сухо было и в этот день. И солнце поднялось над самой мачтой. Кот вышел из кухни поглядеть, всё ли в порядке. Он увидел мангусту и быстро пошёл, а потом начал осторожно красться. Он шёл по железной трубе. Она тянулась по палубе. Как раз у этой трубы суетилась мангуста. Она как будто и не видела кота. А кот был уж совсем над нею. Ему оставалось только протянуть лапу, чтобы вцепиться когтя-

ми ей в спину. Он выжидал, чтобы поудобней. Я сразу сообразил, что сейчас будет. Мангуста не видит, она спиной к коту, она разнюхивает палубу как ни в чём не бывало; кот уже прицелился.

Я бросился бегом. Но я не добежал. Кот протянул лапу. И в тот же миг мангуста просунула голову меж задних лап, разинула пасть, громко каркнула, а хвост — громадный пушистый хвост — поставила вверх столбом, и он стал как ламповый ёжик, что стёкла чистят. В одно мгновение она обратилась в непонятное, невиданное чудище. Кота отбросило назад, как от калёного железа. Он сразу повернул и, задрав хвост палкой, понёсся прочь без оглядки. А мангуста как ни в чём не бывало снова суетилась и что-то разнюхивала на палубе. Но с тех пор красавца кота редко кто видел. Мангуста на палубе — кота и не сыщешь. Его звали и «кис-кис» и «Васенька». Повар его мясом приманивал, но кота найти нельзя было, хоть обыщи весь пароход. Зато у кухни теперь вертелись мангусты; они крякали, требовали от повара мяса. Бедный Васенька только по ночам пробирался к повару в каюту, и повар его прикармливал мясом. Ночью, когда мангусты были в клетке, наступало Васькино время.

Но вот раз ночью я проснулся от крика на палубе. Тревожно, испуганно кричали люди. Я быстро оделся и выбежал. Кочегар Фёдор кричал, что сейчас идёт он с вахты и вот из этих самых индийских деревьев, вот из этой груды, выползла змея и сейчас же назад спряталась. Что змея — во! — в руку толщиной, чуть ли не две сажени длиной. И вот даже на него сунулась. Никто не верил Фёдору, но всё же на индийские деревья поглядывали с опаской. А вдруг и вправду змея? Ну, не в руку толщиной, а ядовитая? Вот и ходи тут ночью! Кто-то сказал: «Они тепло любят, они к людям в койки заползают». Все примолкли. Вдруг все повернулись ко мне:

— А ну, зверюшек сюда, мангустов ваших! А ну, пусть они...

Я боялся, чтобы ночью не убежала дикая. Но думать было некогда: уже кто-то сбегал ко мне в каюту и уже нёс сюда клетку. Я открыл её около самой груды, где кончались деревья и видны были чёрные ходы между стволами. Кто-то зажёг электрическую люстру. Я видел, как первой юркнула в чёрный проход ручная. И следом за ней дикая.

Я боялся, что им прищемит лапки или хвост среди этих тяжёлых брёвен. Но уже было поздно: обе мангусты ушли туда.

— Неси лом! — крикнул кто-то.

А Фёдор уж стоял с топором. Потом все примолкли и стали слушать. Но ничего не слышно было, кроме скрипа колод. Вдруг кто-то крикнул:

— Гляди, гляди! Хвост!

Фёдор замахнулся топором, другие отсунулись дальше. Я схватил Фёдора за руку. Он с перепугу чуть не хватил топором по хвосту; хвост был не змеи, а мангусты — он то высовывался, то снова втягивался. Потом показались задние лапки. Лапки цеплялись за дерево. Видно, что-то тянуло мангусту назад.

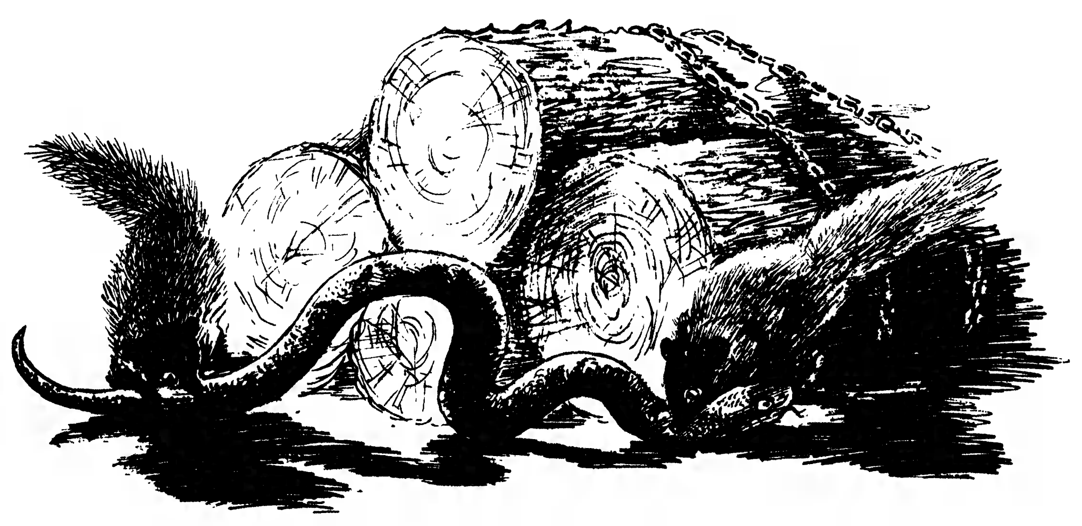
— Помоги кто-нибудь! Видишь, ей не по силам! — крикнул Фёдор.

— А сам-то чего? Командир какой! — ответили из толпы.

Никто не помогал, а все пятились назад, даже Фёдор с топором. Вдруг мангуста изловчилась; видно было, как она вся извилась, цепляясь за колоды. Она рванулась и вытянула за собой змеиный хвост. Хвост мотнулся, он вскинул вверх мангусту и брякнул её о палубу.

— Убил, убил! — закричали кругом.

Но моя мангуста — это была дикая — мигом вскочила

на лапы. Она держала змею за хвост, она впилась в неё своими острыми зубками. Змея сжималась, тянула дикую снова в чёрный проход. Но дикая упиралась всеми лапками и вытаскивала змею всё больше и больше. Змея была толщиной в два пальца, и она била хвостом о палубу, как плетью, а на конце держалась мангуста, и её бросало из стороны в сторону. Я хотел обрубить этот хвост, но Фёдор куда-то скрылся вместе с топором. Его звали, но он не откликался. Все в страхе ждали, когда появится змеиная голова. Сейчас уже конец, и вырвется наружу вся змея. Это что? Это не змеиная голова — это мангуста! Вот и ручная прыгнула на палубу: она впилась в шею змеи сбоку. Змея извивалась, рвалась, она стучала мангустами по палубе, а они держались, как пиявки.

Вдруг кто-то крикнул:

— Бей! — и ударил ломом по змее.

Все бросились и, кто чем, стали молотить. Я боялся, что в переполохе убьют мангуст. Я оторвал от хвоста дикую.

Она была в такой злобе, что укусила меня за руку; она рвалась и царапалась. Я сорвал с себя шапку и завернул ей морду. Ручную оторвал мой товарищ. Мы усадили их в клетку. Они кричали и рвались, хватали зубами решётку. Я кинул им кусочек мяса, но они и внимания не обратили. Я потушил в каюте свет и пошёл прижечь йодом покусанные руки.

А там, на палубе, все ещё молотили змею. Потом выкинули за борт.

С этих пор все стали очень любить моих мангуст и таскали им поесть, что у кого было. Ручная перезнакомилась со всеми, и её под вечер трудно было дозваться: вечно гостит у кого-нибудь. Она бойко лазала по снастям. И раз под вечер, когда уже зажгли электричество, мангуста полезла на мачту по канатам, что шли от борта. Все любовались на её ловкость, глядели, задрав головы. Но вот канат дошёл до мачты. Дальше шло голое, скользкое дерево. Но мангуста извернулась всем телом и ухватилась за медные трубки. Они шли вдоль мачты. В них — электрические провода к фонарю наверху. Мангуста быстро полезла ещё выше. Все внизу захлопали в ладоши. Вдруг электротехник крикнул:

— Там провода голые! — и побежал тушить электричество.

Но мангуста уже схватилась лапкой за голые провода. Её ударило электрическим током, и она упала с высоты вниз. Её подхватили, но она была недвижна.

Она была ещё теплая. Я скорей понес её в каюту доктора. Но каюта его была заперта. Я бросился к себе, осторожно уложил мангусту на подушку и побежал искать нашего доктора. «Может быть, он спасёт моего зверька?» — думал я. Я бегал по всему пароходу, но кто-то уже сказал доктору, и он быстро шёл мне навстречу. Я хотел, чтоб скорей, и тянул доктора за руку. Вошли ко мне.

— Ну, где же она? — сказал доктор.

Действительно, где же? На подушке её не было. Я посмотрел под койку. Стал шарить там рукой. И вдруг: кррык-кррык! — и мангуста выскочила из-под койки как ни в чём не бывало — здоровёхонька.

Доктор сказал, что электрический ток, наверно, только на время оглушил её, а пока я бегал за доктором , мангуста оправилась. Как я радовался! Я всё её к лицу прижимал и гладил. И тут все стали приходить ко мне, все радовались и гладили мангусту — так её любили.

А дикая потом совсем приручилась, и я привёз мангуст к себе домой.

ДВЕ ЖИЗНИ БОРИСА ЖИТКОВА

МЕЧТЫ И СОМНЕНИЯ

Морозным январским днём 1924 года в редакции ленинградского журнала «Воробей» появился невысокий худощавый человек в летнем пальто и кепке. Он принёс рассказ. Отдал его редактору, сам устроился на вытертом диване в гулком редакционном коридоре, закурил...

Неожиданно скоро вся редакция в полном составе вошла в коридор, чтобы поздравить нового автора с отличным рассказом.

Больше всех радовался редактор «Воробья» Самуил Яковлевич Маршак. Он понял, что в детскую литературу пришёл талантливый писатель — Борис Степанович Житков.

Житков стал писателем поздно, прожив большую часть своей жизни. Он успел объехать полмира, много повидать и пережить. Моряк, учитель, рыбак, инженер. Интересы его менялись, и очень долго Житков «не находил себя», не мог понять, в чём же состоит его главное призвание. Писательский талант раскрылся в нём как-то сразу и разгорелся быстро и ярко.

Борис Житков считал себя новгородцем, потому что родился недалеко от Новгорода. Несколько крестьянских избушек и большой дом стояли на высоком берегу Волхова. В этом доме Житковы проводили лето, а осенью возвращались в Новгород.

Отец Бориса Степан Васильевич Житков был учителем математики. Очень хорошим учителем. По учебникам, написанным им, учились арифметике и геометрии несколько поколений.

«Отец отличался общительностью, его любили, и он умел объединить вокруг себя людей, — вспоминала сестра писателя. — Он не терпел никакой небрежности ни в чём». Однако у губернского начальства Степан Васильевич доверием не пользовался. Были известны его давние связи с революционерами, «подозрительное» знакомство со ссыльными, которых в Новгороде жило немало.

Житковы решили уехать из Новгорода. Борису в то время исполнилось шесть лет. Почти всю зиму он прожил у бабушки, на окраине

Петербурга, на речке Карповке. Через много лет Житков писал: «Вспоминается Карповка, бабушка, сад в снегу. Снег выше моего роста, тропинки — коридоры. С ветки снег за ворот упадёт и долго холодит спину струйками. Совсем тихо, и слышно Ново-Деревенскую конку. Я тоже начинаю конкой бегать по тропинкам. Вот совсем становится темно, и уже страшно бежать туда, откуда только что прибежал. «Конка» начинает курсировать ближе к дому, к Мопке, что сидит на цепи и уже не лает от старости».

Это у бабушки Борис сломал пароходик, чудесную модель, чтобы поймать маленьких человечков, прятавшихся, как ему казалось, внутри пароходика. Он описал потом этот случай в рассказе «Как я ловил человечков».

Перебрались в Одессу. Новый, сверкающий мир открылся перед Борисом Житковым: море, порт, пароходы, белоснежные парусники. Они и жили прямо в гавани, на Военном молу. Мимо окон их квартиры проходили корабли.

Среди матросов, грузчиков и прочего портового люда Борис быстро стал своим человеком. С гаванскими мальчишками ловил рыбу и крабов. И со взрослыми легко находил общий язык, и те относились к нему с уважением, как к равному.

Ему была дана полная свобода. «Бегал Борис по всем пароходам, — вспоминала его сестра, — лазил по вантам, опускался в машину. Играл с ребятишками — детьми матросов, береговой команды и портовой охраны. По вечерам катался с отцом на казённой шлюпке. Шлюпка большая, висит на талях высоко над водой. Её надо спускать вдвоём, и вдвоём надо грести — враспашную. Отец на руле, а Борис с сёстрами на вёслах — две пары вёсел. Грести надо по-военному строго: раз — два».

Он слушал весёлый шум порта, рассказы моряков, вернувшихся из дальних стран, греческую, турецкую, английскую, французскую речь.

Мать Бориса Татьяна Павловна была отличной пианисткой. Музыка наполняла их дом, неслась из открытых окон на улицу. «Под звуки музыки, — вспоминала сестра Житкова, — мы привыкли засыпать».

Бориса отдали во вторую одесскую гимназию. И надо же было так случиться: в том же классе, что и Житков, сидел высокий, худой, очень вертлявый гимназист, будущий писатель Корней Чуковский.

Одноклассникам Борис Житков казался важным, гордым, даже надменным. «Случалось, — вспоминал Чуковский, — что в течение целого дня он не произносил ни единого слова, и я помню, как мучительно завидовал тем, кого он изредка удостаивал разговором».

В классе знали, что Житков играет на скрипке, что у него есть собственная лодка с парусом, и лохматый дрессированный пёс, и маленький телескоп, в который можно рассмотреть кратеры Луны и кольца Сатурна.

Казалось, что худенький, узкоплечий гимназист абсолютно уверен в себе и твёрдо идёт к какой-то своей, хорошо известной ему цели.

Никто из его товарищей не знал, что и ему знакомы сомнения. Да ещё какие! И неуверенность и мучительные размышления.

Сохранились письма Бориса Житкова, написанные в то далёкое время.

«Живу сегодняшним днём, — пишет он, — ни к какой будущей деятельности не готовлюсь и создаю разные мировоззрения, может, для оправдания собственной лени. В гимназии ломаюсь и рисуюсь, в гостях тоже».

«Ведь, кажется, всё, что ни делаю, — признаётся он в другом письме, — всё для показу. И это меня мучает».

Он много знал и многое умел. Знал все созвездия на небе, хорошо говорил по-французски, увлекался фотографией. А в гимназии перебивался с тройки на тройку, случалось, и двойки получал.

Отчасти мешала скрипка. «У меня музыкального таланта нет, — писал Борис, — но скрипку я очень люблю. Занимаюсь музыкой столько, что знакомые говорят папе: «Смотрите, как бы он у вас в консерваторию не удрал бы!» Да напрасно они глаголят суетное. Не удеру я в консерваторию, хотя хотел бы. Не решил я ещё одного вопроса: куда меня больше тянет — в науку или в искусство?

Живут во мне два человека — один желает быть артистом, другой — работать в какой-нибудь лаборатории, и оба для своего счастья».

Он обращался за советом даже к самому Льву Толстому, великому русскому писателю.

Выбрал Житков науку. Окончив гимназию, он поступил в Одесский (или, как тогда говорили, Новороссийский) университет.

«НЕБЛАГОНАДЕЖНЫЙ» СТУДЕНТ

Житков отрастил бороду. Надел чёрную куртку с голубыми петлицами и голубым кантом на воротнике. На куртке два ряда золотых пуговиц с гербом.

Это было время, когда почти во всех высших учебных заведениях России вспыхивали студенческие волнения. Непокорных студентов отдавали в солдаты, сажали в тюрьмы.

Зимой 1901 года в университете, где учился Житков, тоже появились листовки. Собирается студенческая сходка. Громко читается письмо о том, как в Харькове казаки зверски избили рабочих и студентов, осмелившихся выйти на демонстрацию.

— Господа, прошу прекратить безобразие, прошу разойтись, — обращается к собравшимся ректор.

Куда там! Его слова тонут в гуле возмущённых голосов. Лекции сорваны. Борис Житков — среди бастующих.

За участие в «беспорядках» его исключили из университета. Немало сил стоило ему разрешение посещать лекции. Но в университете Житков остался на положении «неблагонадёжного». Он

попытался перевестись в Петербургский университет и, конечно, получил решительный отказ. В столице своих «бунтовщиков» хватало.

Полиция не спускала с него глаз. «Студент Житков уехал туда-то, вернулся оттуда-то, сменил адрес», — доносили тайные агенты.

Снял Житков отдельную комнату и поселился там со своими четвероногими друзьями: собакой Плишкой, кошкой и маленьким волчонком, которого решил во что бы то ни стало приручить. Для заработка давал уроки, репетировал «богатых балбесов».

Он был заядлым спортсменом. Участвовал в парусных гонках. Сам, своими руками построил яхту «Секрет» — лёгкую, стройную, с тонкими, как струны, снастями.

Сдал экзамен на штурмана. Летом нанимался на парусники, «дубки», ходил по Чёрному морю к дальним берегам: в Турцию, Болгарию. Плавал и по Средиземному морю, и Красному. Бывало, попадал в суровые переделки, часто окружали его люди недобрые, контрабандисты. Случалось, оставался без гроша в кармане в чужих краях.

«Попал я в Болгарию, — рассказывал Житков, — в город Варну. Деньги у меня все вышли и стал я голодать. Продал часы — проел. Осталась цепочка. А из костюма я выбиваться не хотел—будет у меня босяцкий вид, кто меня возьмёт?

На базар хоть не ходи — не мог я этих жареных пирогов видеть. Однако на третий день и есть перестало хотеться. Хожу и всё воду пью. Напивался так, что нагнуться страшно — назад выльется... как из кувшина. А голод замер. Только подошвы жечь стало: ступаю, как по горячей плите.

Там, в Варне, сад есть. «Морская градына» называется. Обрывом к морю спускается. И весь обрыв в кустах. Там я и ночевал. Забьюсь в кусты, устроюсь, кулак под голову и стараюсь про хорошее думать: что я дома, и кот в ногах спит. Гляди, и засну...»

Это было незадолго до июньских событий 1905 года. В Одессу приходит восставший броненосец «Потёмкин». Казаки стреляют в бастующих рабочих. На улицах перевёрнутые вагоны. Горит порт. В огне и под пулями солдат погибают тысячи людей.

«Огненным поясом охватила порт горящая эстакада, — писал много лет спустя Житков, — с треском и грохотом рвались гигантские дубовые балки. Затлели пароходы, стоявшие у пристани. Горели постройки и плотным удушливым дымом потянуло от штабелей угля.

И за треском пожара люди не слышали треска стрельбы: это из города пехотный полк обстреливал порт. На ярком фоне пламени чёрная толпа металась по молу. Её стегали залпами вперекрест».

Утром солдаты, словно играя в азартную игру, расстреливали прохожих: промахнулся — решка, попал — орёл!

Его самого могли не раз убить, расстрелять. По нескольку суток не бывал он дома: сражался с погромщиками, перевозил оружие для рабочих и матросов, доставлял нелегальную литературу. Он активно участвовал в революции.

Ни в какой партии Борис Житков не состоял, но всегда был на стороне большевиков, рабочих, матросов. Он вступает в запрещённый царскими властями профессиональный союз моряков, участвует в таких революционных делах, за которые легко можно было попасть в тюрьму, на каторгу. «В рассказе «Компас», — вспоминал Житков, — почти точно описано то, что было со мной и с моим товарищем Серёжей. Его потом за другое такое же дело сослали на каторгу. Революция его освободила».

Однажды потребовалось срочно переправить большую партию оружия. Подпольщики решили устроить «похороны». Купили гроб, сложили в него револьверы, патроны и на подводе вывезли куда следует. Возчиком был сам Житков, замаскированный под «дядьку» в свитке, с рыжей бородой.

А в другой раз, когда Борис Житков с товарищами на лодке вёз революционную литературу, их выследила полиция. Житкову с пакетом пришлось броситься в море.

В жестокой борьбе не на жизнь, а на смерть мужал, закалялся характер Бориса Житкова. Здесь будущий писатель накапливал материал для своих рассказов, для романа о революции.

Окончить университет Житкову так и не удалось. Придравшись к тому, что он вовремя не внёс плату за обучение, его исключили.

В 1909 году Житков отправился в экспедицию по Енисею. Его отец писал: «Борис доволен, что, наконец, на дело попадает. Мне кажется, это хорошо, что он не в канцелярию и даже не в лабораторию попадает, а в экспедицию, в подвижное, живое дело».

14 июня Бориса Житкова проводили в Красноярск.

ОТКРЫТИЕ МИРА

«Я не помню, писал ли я тебе, что плавать нам придётся и в Енисейском заливе и что положение может такое создаться, что придётся отступать и драть в океан, чтоб идти в Екатерининскую гавань на Мурманском берегу. Вообще, плаванье не настолько обеспеченное, чтобы быть уверенным, что все пойдёт, как по нотам», — писал Житков отцу из Красноярска.

Экспедиция должна была обследовать великую сибирскую реку. Житков вместе с ярославскими плотниками-переселенцами собрал крохотное судёнышко «Омуль», спустил его на воду и поплыл по Енисею. На судне он был и капитаном и учёным.

Научное путешествие завершилось успешно. Экспедиция благополучно возвратилась в Красноярск, и здесь Житков принял важное решение. Судостроение давно привлекало его. Он решил стать инженером-кораблестроителем, поступить в Петербургский политехнический институт.

В сентябре 1909 года Житков — в Петербурге. Он — снова студент. В белом здании, окружённом сосновым парком, слушает лекции знаменитых профессоров — К. П. Боклевского, Н. С. Курнакова,

И. В. Мещерского — учёных с мировым именем. «Я рад работать с утра до ночи, лишь бы из этого толк вышел», — пишет он отцу.

Минул год. Житков едет на практику в Данию. Он работает на машиностроительном заводе простым рабочим. Работает по десять часов в сутки. «Простучал я целый день, — пишет он отцу не без гордости за себя. — Изодрал руки, отмахал плечо, но не сдался».

Осенью опять за книги. Ходит на лекции, в лаборатории, чертит, рассчитывает. Учиться ему радостно. «Так, знаешь ли, интересно, что рад бы позаняться больше, да некогда, вот беда», — жалуется он племяннику.

А летом — в море. В 1912 году Житков отправляется штурманом в дальнее плавание из Одессы на Дальний Восток.

Индия, Цейлон, Сингапур, Япония. Житков готов был по две вахты в море стоять, лишь бы поскорее попасть на берег. «Заснуть не мог, прямо ноги от нетерпения чесались». Путешествие, похожее на сказку. Вокруг «рай земной»: кокосовые пальмы, целый пальмовый лес, бананы, цветы и птицы заморские.

Рай-то рай, да видит русский штурман, как неравноправны тут люди. На Цейлоне полисмен-англичанин бьёт ни в чём не повинного сингалеза. Просто так, чтоб боялся. В Сингапуре боже упаси жёлтому малайцу сесть в трамвай на скамейку для белых. Житков не знал, что станет писателем, однако он навсегда запомнил и умных индийских слонов, и аромат зноя, и чёрную худую спину сингалеза-рикши.

С Дальнего Востока в Петербург он проехал по железной дороге через всю Россию.

Не видел он только северные льды и незаходящее полярное солнце, не был на севере. Но скоро и это осуществилось. Житков едет в Архангельск. Работа у него ответственная: осмотр судов перед плаванием. Он и сам на ледоколе ходил во льды. Видел, как ослепительно сияет лёд солнечным днём и рдеет кровавым отливом, когда солнце опускается к горизонту. Холодное полярное море Житков полюбил не меньше, чем сказочные тропики.

Началась первая мировая война. Житкова забрали на военную службу и направили в Англию принимать моторы для русских самолётов и подводных лодок. Прожил он среди англичан восемь месяцев. Трудно ему приходилось. Честный, неподкупный, он требовал, чтобы моторы были отличного качества. Это не всем нравилось, особенно английским промышленникам.

Зависимое положение военного человека угнетало Житкова. Россия накануне революции. В дневнике и письмах он размышлял о будущем своей родины. Каково его место в этой будущей России?

ГЛАВНАЯ ПРОФЕССИЯ

Поздней осенью 1923 года в Петрограде к Чуковскому неожиданно пришёл Борис Житков. В истрёпанной одежде, с измождённым усталым лицом. Чуковский в то время был уже известным литератором.

Они не виделись лет пять. Для Житкова это были очень нелёгкие

годы. Сначала он работал инженером в одесском порту. Потом, когда Одессу заняли белые, ему, участнику революции 1905 года, пришлось скрываться. Он перебрался в одинокую хибарку на пустынном берегу за Фонтанами. Вместе с ним жили тринадцатилетний мальчик Володя да мохнатый, в чёрных пятнах пёс Рябка. В бородатом, в заплатанной одежде, босом рыбаке трудно было узнать инженера Житкова.

Так и жил он, словно Робинзон Крузо, пока Одесса не была освобождена.

С неясными планами и надеждами он приехал в Петроград. Ему хотелось работать в промышленности, на крупном заводе. Но заводы действовали тогда, после гражданской войны, не в полную силу. На бирже труда толпились безработные. Даже такому опытному и знающему человеку, как Житков, нелегко было найти работу инженера.

Неожиданная страсть к рисованию захватила его. «Не могу отстать от рисованья, будь оно трижды проклято! — писал он в одном из писем той поры. — Пришла в голову шальная мысль — портреты рисовать. Вода и портреты — это всегда меня соблазняло и отпугивало своей трудностью. Но вот чудо: сейчас с бумаги глядят на меня мои глаза и мрачно рассматривают. Так не верится и жутко: неужели это я нарисовал? Прямо каким-то чудом кажется».

В свободное время Житков стал писать необычный журнал-дневник. В нём было всё, как в настоящем журнале: стихи, рассказы, были даже цветные иллюстрации.

В одном из номеров журнала-дневника Житков записал: «Весь тон жизни — питерское исканье работы. Сегодня день, когда уже некуда идти». А две недели спустя произошло самое важное для него событие.

В этот день он пришёл к Чуковскому. Пообедали. Житков стал рассказывать детям разные истории. Дети слушали его, затаив дыхание.

— Борис, — спросил вдруг Чуковский, — а почему бы тебе не сделаться литератором? Попробуй, опиши приключения, о которых ты сейчас говорил.

Житков ответил как-то неопределённо.

— Ты напиши, что напишется, а я прочту и поправлю, — настаивал Чуковский.

Когда Житков принёс рассказ, стало ясно, что править там нечего. Рассказ был написан опытным литератором. Оказалось, что Житков, сам того не сознавая, давно готовился к главному делу своей жизни. Именно поэтому он любил писать длинные письма и щедро тратил время на дневники, изучал химию, кораблестроение, странствовал по белу свету.

Можно ли удивляться, что в редакции детского журнала «Воробей» Бориса Житкова встретили как долгожданного гостя. В феврале 1924 года в этом журнале был напечатан первый рассказ Житкова «Над морем».

Необыкновенный прилив энергии чувствовал в те дни Житков. В своей лёгкой не по сезону одежде он не замечал мороза. Какое-то новое, радостное чувство грело изнутри.

«Да, неожиданно и бесповоротно открылась калитка в этом заборе, вдоль которого я ходил и безуспешно стучал: кулаками, каблуками, головой, — записал Житков в дневнике. — Совсем не там, где я стучал, открылась дверь, и сказали: ради бога, входите, входите!»

Борис Житков стал писателем в очень важный момент, когда советская детская литература только зарождалась. До революции тоже писали для детей. Издавались детские журналы. Крупные русские писатели создали замечательные произведения для детей. Но таких произведений было немного. Чаще всего печатались сладенькие рассказики о ненастоящей, «комнатной» жизни, назидательные истории о хороших и плохих мальчиках.

Теперь нужны были другие книги, другие рассказы. О революционной борьбе, о великой социалистической стройке, о новой жизни, о храбрости и честности. Об этом могли написать только «люди бывалые», знающие и, конечно, обладавшие литературным даром. Именно таким бывалым человеком и талантливым писателем был Борис Степанович Житков. Он стал рассказывать о том, что сам пережил и перечувствовал, знал, видел. Рассказывать с большим мастерством, интересно, правдиво.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Скоро он не мог выполнить все предложения и заказы. Издательство «Время» просило написать роман «в духе Жюля Верна», ленинградский ТЮЗ — пьесу. Заманчивое предложение — писать «детскую энциклопедию» — пришло из Москвы.

«У меня гибель интереснейшей работы, — сообщал Житков племяннику. — Этот ход, который меня сейчас захлестнул, не даёт мне опомниться. И я пишу то передовицы, то авантюрные рассказы, то технику, то редактирую, а тут этот театр, который меня пленил».

Для Житкова началась новая жизнь, и он с жаром набросился на дело, о котором давно смутно мечтал и которое было его истинным призванием.

Писатель Евгений Шварц вспоминал, как до глубокой ночи засиживались в редакции Маршак и Житков, героически «сооружая» слово за словом очередной номер тоненького «Воробья». Напряжённо искали слово самое нужное, самое точное.

Увидели свет первые рассказы Бориса Житкова, а вот уже вышла и первая его книжка «Злое море» — сборник морских новелл. Книга имеет успех, но Житков недоволен: «гадко написано», «сделана наспех, впопыхах».

Он был беспощаден к себе, сколько бы ни писал. Требования его были беспредельны. Ему всё казалось, что не попадает он «в самую точку», «туда, где самая-то жизнь в каждом человеке бьётся». «Туда бы надо вжечь, — мечтал он, — а я — рядом».

Житков был писателем исключительной правдивости. Ещё в самом начале своего творческого пути он писал: «Главное моё дело тут —

правда, самая подлинная чтоб правда была». От этого правила Житков никогда не отступал.

В 1925 году выходит его вторая книга «Паровозы». Житков сотрудничает в ленинградских и московских журналах, работает над романом «Виктор Вавич».

Его друзья вспоминают, как в эту светлую для Житкова пору любил он принимать гостей у себя дома, в Ленинграде, на Матвеевской улице. У него и праздник был свой, особенный — день весеннего равноденствия. К «празднику» выпекался специальный пирог, а гости должны были непременно приходить в белом.

Нетерпеливо ожидая друзей, Житков встречал их прямо на улице. А когда собирались за просторным столом, начиналось весёлое безумие. Рыжий кот по приказу хозяина «Стань обезьяном!» послушно прыгал на стул и замирал на задних лапах, положив передние на спинку стула. «Але-гоп!» — командовал Житков, и кот прыгал в обруч, затянутый бумагой. Дрессированный пудель Кус умел «ходить сатаной» и понимал (так утверждал Житков) двести слов.

В кругу друзей Борис Степанович сразу становился центром разговора. Рассказчиком он был непревзойдённым.

Он любил почитать вслух свои новые, ещё не опубликованные произведения и при этом проследить за впечатлением, которое они производили. Мнением своих слушателей, маленьких и больших, он чрезвычайно дорожил.

Но вот редко кому удавалось слышать его игру на скрипке. Он играл для себя, играл самозабвенно. Когда не удавалось играть, он тяготился и мучился. «Музыкант я никакой, но я так влюблен в скрипичную игру и такой она мне кажется значительной и таинственной, что я не могу бросить, — писал Житков. — Порядочно играть я никогда, наверное, не выучусь. Поздно уже, я стар для этого. Но мне всё равно это необходимо, не могу, например, писать, когда не играю». В письмах его нередко можно встретить ноты. Однажды он подарил свою книгу и на титульном листе вместо дарственной надписи изобразил нотную строку.

Имя Бориса Житкова становится широко известным. Его рассказы, повести, книги нравятся юным читателям. С ребятами он говорил прямо и серьёзно, не скрывая суровой правды жизни, с верой, что они поймут его, с убеждением, что к самому сложному «можно в упор подвести ребят». Как же было не полюбить такого писателя?

Каждый его рассказ, каждая книга — это опыт, поиск. Один писатель назвал Бориса Житкова «вечным Колумбом», то есть вечным искателем. Он написал сказку о доверчивом, добром утёнке и романтическую легенду о каменном корабле Элчан-Кайя, фантастическую повесть и роман.

Писал о слонах, за работой которых наблюдал в Индии, и юрких мангустах, о шаловливой, надоедливой обезьянке Яшке и ручном волке, о том, как светит электрическая лампочка и как работает телеграф. А то начинал рассказывать, как сделать модель буера или теневой театр. И обязательно сам всё это смастерит, испытает. И даже на-

рисует картинки. Он считал, что писатель, тем более детский, должен уметь работать не только головой, но и руками. «Что же это за детский писатель, — как-то заметил Борис Степанович, — если он даже гвоздя в стену вбить не умеет?»

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В августе 1936 года Борис Житков начал удивительную книгу. Предназначалась она для малышей от трёх до шести лет, но по размерам, по толщине никак этому возрасту не соответствовала. Тринадцать печатных листов! Такой большой книги для дошкольников никто ещё не писал.

Житков решил рассказать в ней о железной дороге, пароходе, метро, зоосаде, о том, как ловят рыбу, выращивают пшеницу, как устроен танк, что такое Дворец пионеров и ещё о многом другом. Одним словом — написать энциклопедию для малышей.

Герой книги, четырёхлетний Алёша, как и все дети в его возрасте, то и дело задает вопрос «почему?». За это его прозвали Почемучкой. Он едет на поезде, потом плывёт на пароходе, летит на самолёте и сам обо всём, что видел, рассказывает.

Житков сделал рассказчиком самого Алёшу для того, чтобы пользоваться только понятными малышам словами (даже когда речь идёт об очень сложных вещах). Он мог проверять себя прямо на слух. «Всякое чуждое возрасту слово, — говорил он, — торчало и требовало замены».

Опираться Житкову было не на что. «Очень трудную форму я взял, — писал он, — от первого лица. И этому «я» четыре года. Объясни метро — мозги вывихнешь. Тропинок по этим джунглям не протоptено, и я рвусь целиной и уже ободрался достаточно».

Зимой 1937 года Борис Степанович заболел. «Я лежу, болен, — писал он сестре. — Не знаю, как дальше будет. Первый раз в зрелой жизни болею и с болезнями обращаться не умею».

Один литератор посоветовал Житкову лечиться голодом. И он начал голодать. Нетрудно представить, какой огромной воли требовал этот, по выражению Бориса Степановича, «факирский» метод лечения.

«Голодаю вот уже 21 день, — писал Житков знакомому художнику. — Вообразите, что голодовка нисколько не повлияла на мою работоспособность».

И в самом деле он не прекращал литературную работу. К нему приходили писатели, редакторы. До глубокой ночи диктовал он жене, Вере Михайловне Арнольд, книгу «Что я видел» о путешествии и приключениях Алёши Почемучки.

Первого августа Житков с удовлетворением записал в дневнике: «Этой ночью к пяти часам утра я кончил «Почемучку». Это год работы».

Увы, леченье голодом Житкову не помогло. Чувствовал он себя плохо, но мысль его была по-прежнему напряжена. Ещё работая над

книгой «Что я видел», Житков задумал другую книжку для малышей — сборник рассказов о том, как с помощью техники советские люди борются со стихийными силами: наводнением, пожаром, метелью. Самолёт вылетает на помощь рыбакам, унесённым на льдине в море. Пожарные суда тушат пожар на пароходе. В тундре занесло снегом почтальона и девочку. На поиски выезжают аэросани. Житков так и назвал эту книжку: «Помощь идёт».

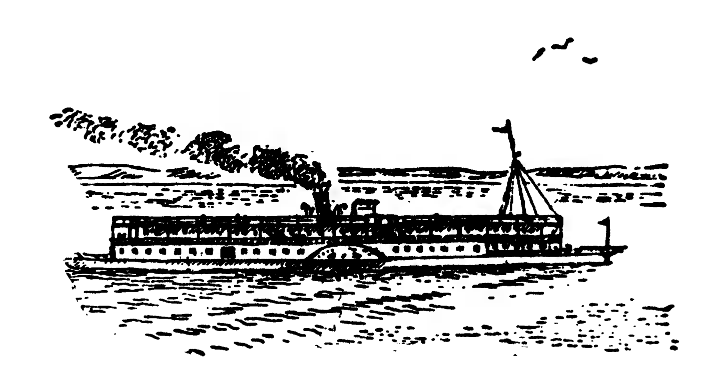
И ещё одну книжку для дошкольников написал он в это время — «Что бывало» — сборник коротких рассказов о разных случаях, смешных и серьёзных. «Вы не понимаете, — писал Житков писательнице Н. Л. Дилакторской, — какой исключительной трудности эта задача — писать эту хрестоматию».

Работал он и над давно задуманной книгой «История корабля». Работал до тех пор, пока болезнь не свалила его в постель. Рентгеновский снимок показал, что у Житкова рак лёгких.

19 октября 1938 года Борис Степанович умер. Он прожил всего пятьдесят шесть лет, а писательская жизнь его была совсем короткой — около пятнадцати лет. Но успел написать он так много и так талантливо, как редко кому удавалось.

Геннадий Черненко

СОДЕРЖАНИЕ

ЧТО Я ВИДЕЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СКАЗКИ

ЧТО БЫВАЛО

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Д Л Я   М Л А Д Ш Е Г О   В О З Р А С Т А

Житков Борис Степанович

ЧТО Я ВИДЕЛ

Ответственный редактор
В. К. Зиборов.
Художественный редактор
А. В. Карпов.
Технический редактор
З. П. Коренюк.
Корректоры
А. Г. Земцова и К. Д. Немковская.

ИБ 5265

Подписано к печати 09.10.79. Формат $70 \times 100^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Печ. л. 24. Усл. печ. л. 31,2. Уч.-изд. л. 20,16. Тираж 200 000 экз. Заказ № 786. Цена 95 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Отпечатано с готовых диапозитивов на фабрике «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Книга Бориса Житкова «Что я видел» адресована детям младшего возраста. За первой книгой последуют ещё две, для среднего и старшего школьного возраста. Издательство обращается к вам с просьбой прислать свои отзывы об этой книге, чтобы учесть в дальнейшей работе ваши замечания и пожелания.

Наш адрес:
Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6.
Дом детской книги издательства
«Детская литература».

Житков Б. С.

Ж 74 Что я видел. Рассказы и сказки. Вступительная статья К. Федина. Рисунки коллектива художников. Оформление Г. Фильчакова. Составитель и автор биографического очерка Г. Черненко. Л., «Дет. лит.», 1979. — 382 с., ил.

В пер.: 95 коп.

В сборник произведений известного детского писателя Б. С. Житкова вошли рассказы из циклов «Что я видел», «Что бывало», сказки, рассказы о животных. Книга для читателей младшего школьного возраста.

Р2